

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

Заметки I–V

(Черные тетради 1942–1948)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

Martin Heidegger

Anmerkungen I–V

(Schwarze Hefte 1942–1948)

Gesamtausgabe
IV Abteilung:
Hinweise und Aufzeichnungen
Band 97

VITTORIO KLOSTERMANN
FRANKFURT AM MAIN

Мартин Хайдеггер

Заметки I–V

(Черные тетради 1942–1948)

Перевод с немецкого
Алексея Б. Григорьева
под научной редакцией
Михаила Маяцкого

Издательство Института Гайдара
Москва · 2022

УДК 87.3(4Гем)6-63
ББК 1(091)
Х15

Книга издана по инициативе и при содействии
Фонда реализации общественных проектов «Время»

Хайдеггер, М.
Х15 Заметки I–V (Черные тетради 1942–1948) [Текст] /
пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. —
Москва : Изд-во Института Гайдара, 2022. — 648 с.

ISBN 978-5-93255-634-4

«Черные тетради» — так назвал Мартин Хайдеггер (1889–1976) клеенчатые тетради черного цвета с заметками и размышлениями разного рода, которые он вел с 1931 года. Набралось их тридцать четыре. Согласно воле автора, франкфуртское издательство Витторио Клостерманна приступило к их публикации после всех книг и курсов лекций. 97-й том Собрания сочинений М. Хайдеггера, перевод которого мы вам предлагаем, содержит записи, относящиеся к 1942–1948 годам («Заметки I–V»).

Издатель «Черных тетрадей» Петер Травны так охарактеризовал размышления Хайдеггера, опираясь на его собственную самооценку: это не «афоризмы» как свидетельства «житейской мудрости», а «неприметные аванпосты — и арьергардные позиции» — в целостной попытке завоевания пути для начального вопрошания, которое в отличие от метафизического называет себя Бытийно-историческим мышлением. Этот метод философ применяет к ситуации в религии, искусстве и науке.

© Vittorio Klostermann GmbH, Frankfurt am Main, 2015
© Издательство Института Гайдара, 2022

ISBN 978-5-93255-634-4

Содержание

Заметки I · 7
Заметки II · 135
Заметки III · 267
Заметки IV · 399
Заметки V · 529
Послесловие издателя · 635

Заметки I

«Люто ведь ненавидит Бог
Всеведущих лики».

Patmos. Letzte Fassung, IV 3, 426[1] <Патмос. Последняя редакция, IV 3, 426>

См. S. 82.
См. <S.> 104 ниже.

1. [Friedrich Hölderlin: Sämtliche Werke. Bd. 4. Gedichte. Hrsg. von Norbert von Hellingrath. Propyläen-Verlag: Berlin 3/1943.]

στάσομαι. οὔ τοι ἅπασα κερδίων
φαίνοιτα πρόσωπον ἀλάθει᾽ ἀτρεκής.
Pindar, Nemeische Ode V, 18sq.[2] <Пиндар. Немейская ода V, 18 сл.>

Сдерживаю себя. [высказыванием *несокрытости*, ибо]
Не всегда выигрышна *несокрытость,*
являющаяся в своей самости,
неотпускающая.
(Оставляющая все и вся выгнутым и вывернутым.)

Поначалу близится скрыто время
настойчивых <приверженцев> последнего Бога.

—

Гаснут все светила на небе.
Люди метафизики
умрут под угасшими звездами.

—

2. [Pindari carmina cum fragmentis. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Cecilius M. Bowra. Oxford 1935.] — «Не все то благо, что истинно / В нескрытом лике своем» (Пиндар. Немейские песни. 5 // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / издание подготовил М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980. — *Прим. пер.*

Когда-нибудь с-будется слово Бытия.
Будущее есть Первое и Последнее.
В единстве они принадлежат причиняющей боль милости.

Событие

1 Под дуновением северо-восточного ветерка медленно и плавно рассеиваются снежинки по бурой пашне. Вот-вот настанет праздник.

Мы можем себя только приветствовать, потому что мы сами уже приветствуемые. А что приветствует нас прежде? Кто завязывает узел первым приветствием? И где место этого приветствования? Или же оно в нем не нуждается, ведь оно само основывает место? Что было бы, если бы настраивающее всякого настроя, первоначальное слово, было приветствованием?

Лишь Бытие есть, и немногие неизвестные вестники его истины вправе основывать для него некий мир и приветствовать землю.

Быть приветствуемым — это просветление. Лишь тот, кто сподобился просветления, может познать свою сущность, и только в ней себя самого.

Приношение и освобождение; в освобождении об-
2 ретать (lösen) новое приношение и разжигать в нем <пламя> высшего освобождения, а в этом строгом служении предоставлять приветствуемому все более светлое пространство и тем самым приуготовлять человечеству издалека место иной истории: приношение и освобождение и в них обоих — охранение, вот в чем дело.

В приветствии подлинно приветствующего заложено грядущее издалека и вместе с тем в близи сторонящееся благословение и о-своение-сбывание (Ereignung).

Благодарение есть *быть*-приветствуемым таким образом, что приветствие сохраняется как начало.

Основывание истины Бытия в меняющуюся вследствие этого историю человека будет в дальнейшем иметь своим местом одиночество и сокрытость [?]. Следствие этой неизбежности — отказ от придумывания, пусть и в пробном порядке, форм того, как следовало бы обустроить Грядущий «Мир». Поскольку мы остаемся впутанными в эпоху организации, а для этой эпохи действительным и действенным считается только организованное, постоянно возникает намерение сделать грядущее понятным и оправдать его надеждой на возможные организации и мероприятия. Однако к чему тут мероприятия, если нам не известна мера, а безмерность состоит уже не только в преступании всех мер, но в неведении всякой меры, даже прежде всего в нежелании и неспособности к твердому решению вопросить об истоке меры в сущности Бытия как начала. 3

Сама безмерность сделалась без-мерной в сущностном смысле. Мы уже не знаем, что́ подчиняется мере и каким образом принимаются и сохраняются меры и как допускается возможность возникновения того, что исполнено меры. Сущностная без-мерность есть достигшая предела *бес-помощность* (Rat-losigkeit), <из-за> которой неоткуда получить «помощь» (Rat) в смысле уместного указания на возможности поддержки и выхода из положения. Первоначальная бес-помощность основана

на том, что наша сущность (Wesen) противится всякой осведомленности (Wohlberatenheit), ускользнув в несущность (Unwesen) всеведущего приказывания и планирования.

Но в чем состоит наша готовность к осведомленности? В приобщении на основе подлинного мышления к *достойному* вопрошания и раскрытии перед ним. Первоначальную помощь мы получаем в бытии приветствуемым. *Быть* приветствуемым и есть благодарение.

А глубочайшая сущность благодарения есть послушание, проистекающее из бытия приветствуемым, поскольку оно настроено этим бытием.

Приношение и освобождение как осуществление и терпеливое ожидание настойчивости во взаимном споспешествовании.

Охранение и стережение (*Behüten und Bewachen* (*Hüten und Wachen*)) как сущность самой настойчивости.

Охранение есть начальный заход к Бытию.

Стережение должно сперва обрести славу (Ruf) стражничества и отыскать <нужное> слово.

Приношение и освобождение
стережение и охранение —
проявляют в своем сущностном союзе настойчивость в Da-sein, в котором открытость Бытия основывает свое место.

Знаний у нас предостаточно. Нуждаемся мы во внимательности.

Внимайте тайной вести о том, что Бытие есть.

Праздники — ночные вахты для судьбы. Судьба — это событие глубинности. И это есть Бытие. Бытие же есть начало.

Нужда безнуждости:

Безнуждость сама по себе еще и многообразна, а уж из-за сумятицы в ней самой весьма упорна.

Безнуждость: 1. то, что нужда просто забывается;
2. то, что нужда отодвигается в сторону;
3. то, что область нужды не достигается;
4. то, что нужда как таковая подавляется в пользу видимости «счастья»;
5. то, что нужда извращается, представая как простой «недостаток».

Бытийно-историческое мышление есть в первую очередь и надолго лишь самоупраздняющее указание на «поэта», который обдумывает истину Бытия, испытывает скудость понятия, полагаясь на радость начала.

Все значительные и подлинные мыслители (от- 6
меченные древним именем благодаря φιλεῖν τὸ σοφόν (дружбе ради того, что́ собственно следует знать)) сами пребывают в φιλία — в исконной дружбе, — при крайнем соперничестве.

Это, однако, противоречит Привычному поведению и его пониманию; где ценится только одобрение и польза или отказ из-за невыгодности.

Терпение есть способность переносить самое напряженное ожидание. Оно не привязано к случайно на-ступающему, оно далеко опережает всякий приступ и обитает в сокровенной близи к простому.

«Философия» означает: подыскивать слово и при этом постоянно доводить произнесенное слово

до ясности — забота о <правильном> словоупотреблении.

Если язык сводится к слову, лишь тогда он в порядке. Но если он в порядке, значит, он обладает ручательством скрытых глубин. Это истоки.

Истоки соседствуют с началом.

Лишь «оставшийся» остается. Другие не возвращаются. И все же они *суть* грядущие.

7 Всякая «антропология» какого бы то ни было вида и направления есть явный отказ от того, чтобы знать, т. е. вопрошать, кто есть человек. Ибо она воспринимает человека как «целостность» тела, души, духа. Осмысление отношения человека к Бытию и сущностного основания этого отношения и его основы не допускается.

Тайна пребывания известного покоится в постоянном сохранении дальнего и чужого.

«Великим» все еще называют область числа и меры, когда сравнивающе-оценивающе полагается возвышение и отстояние и различие. «Великое» лишь редко непосредственно поддается подлинному пониманию как возвышающаяся-в-себе сущность. Если посмотреть на человека, «великое» есть способность замечать индивидов, принадлежащих к человечеству, в необходимости их сущности, чтобы они выявляли ее как их собственное, давая возможность на этой основе всякому собственному быть самим собой. Возросшая решимость этой способности и ясность ее знания определяют границы сущности великого.

Разлад состоит вот в чем: 8

либо непосредственно высказываться перед сегодняшними <людьми> и затем мыслить исходя из сегодняшнего <положения дел> и все переводить в сегодняшнее и прикрывать современным. Так все существенное лишается своего начала; возможно, удается <пробудить> некий интерес у «интересующихся», кому наскучило прежнее. Но нельзя отбрасывать существенное ради преодоления досады половинчатых;

либо вначале сказать и выстроить существенное по его собственному закону; но затем оставаться «непонятым» и непонятливым в попытке еще раз освободить Бытие для его прихода (Ankunft) и пробудить воспоминание о благородном.

А нельзя ли попытаться осуществить и то и другое одновременно? В сумбурную эпоху это привело бы к еще большей сумятице.

Ибо в будущем истинное может быть подготовлено лишь простой решимостью. В обоих случаях ничто не зависит ни от действия, ни от объяснения.

Все связано лишь с настойчивостью быть некоей помощью благодаря чистому Da-sein, которое обрело свою заботу.

Как странно, что поэт специально взял себе родовое имя Штифтер — «основатель» и именуется тем, кто он и есть. Но является ли «основатель» основывающим? Не состоит ли его сущность, скорее, в каком-то воспоминании? 9

Но это воспоминание выношено в его существе, если оно свое воспомянутое может заранее промыслить в нечто еще не основанное. Так поэзия Штифтера пребывает в большой опасности, ибо

легко устремляется в бегство к прошлым «прекрасным временам» или же бледнеет в бесцветности «всегда значимых» общих мест, которые остаются бессильными перед лицом «суровой действительности».

Действующий действует всегда лишь в ограниченном горизонте. Правда, кажется, что *он*-то прекрасно знаком с действительностью. Однако его знание более ограниченно, чем всякое другое знание; ибо даже тогда, когда действующий расширяет свой горизонт и делает его всеобщим, он устанавливает в качестве абсолюта лишь неизбежную относительность горизонта своей деятельности.

И этот абсолют есть самое ограниченное из всего ограниченного. Вот отсюда и проистекает догматизм всякой деятельности, близкой к реальности.

Европа как единственное «бюро».

10 Удерживать себя в <рамках> судьбинного предназначения — без выпячивания достижений.

Подлинное мышление настроено «мужественным отношением» к безрезультатности.

Губительными в любом мышлении или даже в размышлении над мыслями мыслителей являются «половинчатые мысли», которые затрагивают кое-что «правильное» и никогда не пребывают в существенном, тем самым заменяя сущностное правильным.

Сохранение бытийствования истины свершается в эпоху полной безысторичности.

Всякое настоящее мышление есть достойность вопрошания; она является основой того, что мышление остается неразрушимым и может долгое время

пребывать в ожидании, вовсе не нуждаясь в обычной передаче «традиций».

Оттого что мы зависим от сцепления процессов и дел и обстоятельств и тем самым, будучи зависимыми, мечемся туда-сюда и в результате воспринимаем это как «движение», мы еще не *являемся* историческими — иными словами: не принадлежим истории и ее сущностному основанию. Но мы никогда не «станем» историческими еще и потому, что «историографически» (historisch) высматриваем «объекты» прошлого и перекраиваем (verrechnen) их в соответствии с сегодняшними мнениями. Мы историчны или неисторичны в зависимости от принадлежности к сущности истории. Эта принадлежность (Zugehörigkeit) основана на принадлежании (Gehören), которое сохраняется нами только благодаря слушанию и повиновению в послушании истине Бытия. Историографическое образование ни на что не способно без исторической памяти. Ни на что не способен и уход в техническую деятельность (Betrieb) и близость к ней. 11

Человек, близкий к практической деятельности, «живет» исходя из безусловной забывчивости по отношению к его забвению Бытием.

Для новоевропейского «биологического» образа мышления было характерно видеть в старении и в старости только упадок. Но и для мнимофилософской, т. е. софистической, сущности этого образа мышления свойственно демонстрировать кажущееся почтение и уважение к старости, «признавая» повсюду старых там, где они «молоды». Но ведь почитание старости состоит в том, чтобы *по-настоящему давать возможность старым быть старыми*, чтобы раскрылись их опытность и достоинство. Подла-

живание старых к «молодежи», оторванной от корней и ценимой лишь за близость к практике (Betriebsnähe) и за свои «данные» (Angaben), является, по правде говоря, презрением к старости. Мир, однако, должен дождаться «опыта», который он может приобрести <в общении> с этой «молодежью», когда молодые биологически «состарятся» и окончательно утратят подлинную молодость. 12

Превращение истории в простую <череду> происшествий; превращение происшествий в единственный процесс, каким является сама техника; единообразие этого процесса и безусловная необходимость снабжения новыми сведениями, которые ни о чем не говорят.

Лишь в конце вновь являет себя начальное. Эпохи конца (завершения и околевания) ближе всего к началу. Только они находятся в близи, лишь из которой отдаление от начала и его сущностная даль вообще становятся зримыми. Но в такие эпохи неопределенность тоже является столь полной и болезненной, как никогда прежде.

Здесь не спасут выходы из положения, которые отклоняются от пути. Спасение здесь — «только» сам путь, — то, что мы вновь найдем <верный> путь, отказавшись от ложных.

13 Полностью лишены ценности, пожалуй, сами «ценности». Никто не «живет» и не «умирает» ради «ценностей».

Бытие и «*смерть*». — То, что действительно «есть», обязано своей устойчивостью первоначальности начальности прихода. Так что «всегда снова» возможен приход и грядущее. Эта возможность прихода

порождается некоей начальной бывшестью. Поначалу Бытие должно вернуться в бывшесть — бывшее как исток приходящего.

Первой попыткой постичь эту сущность Бытия стало «Бытие и время»[3]. Это постижение невозможно без осознания Da-sein и того, как оно в сущности все преображает и позволяет нам ближе всего увидеть внутренние возможности самого бытия. Возможность-бытия (Das Seinkönnen) — это «смерть».

Но из-за того, что люди не имеют представления о способе вопрошания в «Бытии и времени» и об открывающейся в таком вопрошании области, они приходят к странному мнению, будто там сказано о «смерти» «всё», что можно сказать. А ведь это только *отголосок* некоего осмысления, которое в области Da-sein постигает истину Бытия — не сущего и не сущести (Seiendheit) (метафизики).

Прежде искусство как поэзия основывало праз- 14
дник. Теперь же люди нуждаются в «праздниках», т. е. в простом гулянье, чтобы «праздновать» «искусство», которого больше нет. Где во всем мире существовал когда-либо «праздник искусства»?[4] Подобная «идея» есть порождение чисто «технического рассудка».

Видимость того, что прошлое уже ничего не может нам сообщить, проистекает из заблуждения, утверждающего нашу неспособность слышать прошлое.

---

3. [Martin Heidegger: Sein und Zeit. GA 2. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1977.] — Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. — *Прим. пер.*
4. [Возможно, Хайдеггер имеет в виду Большую выставку немецкого искусства, которая восемь раз проводилась в Доме немецкого искусства в Мюнхене в период между 1937 и 1944 г.]

Организация: люди беспокоятся, будто она «пустая»; нет организации, которая была бы пустой; ведь даже если она и кажется такой и в то же время соразмерна и необходима такой, какая есть, то она предстает пустой, ибо сама она есть организация пустоты.

Организация нигилизма.

Кто среди людей способен когда-либо продумать и предугадать и даже постичь абсолютное одиночество самого бытия в забвении бытия <, присущем> истории бытия «Нового времени»?

15 Распространяющаяся в последнее время болтовня о поэзии и философии настолько путана, что нелегко разобраться — если кто-то захотел бы вникнуть в это безосновательное говорение, — что является менее понятным, поэзия или мышление. «Ссылка» на Гёльдерлина — как поэта поэта (als den Dichter des Dichters) — была до сих пор бесполезна.

Как сущность поэта может быть сочинена лишь как сущность поэзии, так подобно этому сущность поэта может мысленно мыслиться только как сущность сущностного мышления.

Историографы философии и литературы, которые как профессиональные историографы *никогда* не способны знать, что такое «мышление» и «поэтическое творчество», должны были бы наконец оставить бесплодную болтовню об отношении философии и поэзии. Эта постановка «проблемы» напоминает действия «дикарей», которые пытаются — и, по слухам, весьма успешно — высекать огонь путем трения друг о друга двух деревяшек. Но упомянутая безосновательная и бесцельная

и лишенная логики болтовня только создает видимость того, что дело завершено, как будто оно во- 16
обще может быть «улажено» благодаря подобным разговорам «о» мышлении, а не в самом мышлении, и благодаря подобным разговорам «о» поэзии, а не через поэтическое творчество и слушание поэтов.

Понимание поэтического творчества Гёльдерлина и сущности поэзии пришло ко мне из опыта осмысления единственного вопроса мышления: вопроса об истине Бытия. Историчность этого вопрошания могла бы быть необходимой в другом сущностном облике в поэзии Гёльдерлина. Нужно признать, что такое истолкование поэзии проистекает из «мышления» и потому не является чистоизначальным. Но оно, возможно, есть определение как таковое (*die* Bestimmung), которое должно быть принято исходя из ‹представления› о некоей «разделенной горе».

А что есть теперь? Теперь *есть*, если взглянуть на действительность современности и будущей истории, век безусловного безмыслия. Это безмыслие является необходимым; оно покоится не на какой-то «ошибке» и нежелании, а на самой «воле к воле». «Мысль» понимается здесь в смысле мыш- 17
ления о чем-то. Теперь настало время воли к воле. Воля к воле есть только чистое завершение воли к власти. Воля к воле есть прежде всего завершенная действительность как таковая, которая впервые появляется в гегелевском «абсолютном знании».

Постоянно всплывает опасение, что сущее «как таковое» могло бы быть «субъективировано»; оно внушает страх теологам, которые боятся за вещь в себе,

поскольку без нее у них не было бы в «наличии» ничего такого, что они заранее могли бы объяснить как сделанное и осуществимое исходя из prima causa. Странные искажения «объективной» онтологии и «онтологии» вообще, полагающей, что речь идет о ὄν[5], — где все же «только» и прежде всего ὄν ᾗ ὄν[6] — εἶναι[7], наконец, до́лжно было бы поставить под вопрос (под какой?), при наличии опыта этого «до́лжно», каковое не есть дело поощрения и улучшения «науки» философии.

18 Все больше выходит «книг», в которых якобы излагается моя «философия». Но нигде никому не приходило в голову понять и определить вопрос о «Бытии и времени» исходя из главной черты западноевропейского мышления. Вместо этого довольствуются беспочвенными и случайными перспективами сегодняшнего мнения, из оков которого «Бытие и время» как раз и должно высвободить мышление. Это все тот же стиль, который в 1927 г. при выходе в свет «Бытия и времени» был сразу же применен по отношению к этому сочинению, — отыскивание зависимостей и резонерство по поводу отдельных понятий. Нигде нет ни следа действительного вопрошания! В чем же тут дело? В том, что уже утрачена всякая подлинная и сущностная традиция (Überlieferung) мышления. После Гегеля она была прервана. Ницше — просто суррогат. А историография философии забывает, что она занимается мышлением, т. е. сама обязана думать, однако, будучи историографией, она никогда не способна на это.

---

5. Сущее (*греч.*). — *Прим. пер.*
6. Сущее как таковое (*греч.*). — *Прим. пер.*
7. Быть (*греч.*). — *Прим. пер.*

То, что имена *Гёльдерлина* и *Ницше* все еще и все упорнее называются вместе, соответствует какому-то растущему безмыслию, причина которого — неспособность постигать историю. Эта история есть скрытая, а не просто ускользнувшая от историографов история Бытия. В эту историю впадает метафизика. 19

Глубочайшее различие между Гёльдерлином и Ницше состоит в том, что Гёльдерлин, хотя еще раньше и в более высоком окружении, принадлежит к метафизике и все же является предвестником ее преодоления. Ницше, напротив, явно пребывает в эпоху околевания метафизики и как раз оказывается менее всего преодолевающим, но побежденным и полностью убитым ею, — настолько, что он еще грубо огрубляет все грубейшее в ней и произвольно движется туда-сюда в ее истории со своим учением о ценностях как учением о «морали».

«Новый порядок» есть все же «порядок»; есть новоевропейское мышление; есть лишь перестановка прежнего; есть забвение истории.

Бывшее — изначально бытийствовавшее — не есть прошлое. Только бывшее не есть преходящее.

Начиная с 1920 г. я впервые в Германии порвал с привычным чтением лекций по историографии философии, стараясь интерпретировать лишь отдельные произведения и трактаты мыслителей. Только не надо сегодня делать вид, будто это само собой разумеется или будто тогда это было очевидно, — ибо тогда (как еще и сегодня) даже профессиональные истолкователи, филологи, только рассказывали истории об исследованиях по литературе и запутывались в противоречиях исследо- 20

вательских проблем, используя произведения лишь как повод для «исследований». Подход и сегодня такой же. Изменились лишь цели использования науки.

Круто взмывающая вверх одинокая ель на поросшем лесом горном хребте в Хеммерле[8]. На другой стороне ниспадает склон, а летним утром его низкие ели, кустарники и папоротники освещаются лучами солнца.

Тот, кто, забыв о достоинстве, нивелирует все сущностное того или иного народа и препятствует любому взлету, не вправе выступать в роли защитника «чести» немецкого народа. Сущность чести подвергается позору, когда «честь» и ее провозглашение низводятся до инструмента власти.

Теперь, возможно, из-за недостатка мыслей и не-
21 осознанной нужды, которая не ведает подлежащего-осмыслению, возникает мода произвольно эксплуатировать «поэтов», используя их в качестве источника мыслей. Кое-кто, возможно, подумает, что это повод и причина появления моих примечаний к Гёльдерлину, которые многие трактуют как «занятие» Гёльдерлином. Против подобной обычной глупости бываешь бессильным.

Для какого-либо «мировоззрения» требуется философская ученость, которая остается «наукой» и никогда не может стать «философией». Мыслитель не нуждается в каком бы то ни было «мировоззрении». Однако этим не решается вопрос,

---

8. Местность, где расположена «хижина» философа. — *Прим. пер.*

могут ли существовать мыслители. Их «существование» («Dasein)» не определяется потребностью или пользой для «народа», под которым в зависимости от потребности подразумеваются разные вещи, а как правило — жители больших городов и урбанизированное сельское население, которое трудится на производстве.

В эпоху технической организации все существенное скорее и иначе, чем прежде, подвергается опасности немедленно наверстывать, более умело и быстро производить и выдавать готовую продукцию на продажу; ибо здесь отсутствует всякая нужда в изначальном принуждении. Здесь достаточно побыстрее применить какую-либо уловку. В результате то, что возникло не из «труда» и расчета, немедленно превращается в некое занятие. И сразу же люди в «больших масштабах» начинают «заниматься» Гёльдерлином. И будут делать это всё «лучше». И тем не менее все оказывается на ложном пути? Ибо на то не было благословения, и покоя (das Innehalten), и долгого выжидания. А этого не хватает, ибо нет изначального. Вот так и происходит, что подлинное мышление порождает свою противоположность и закрепляет ее. И эта противоположность не остается в одиночестве. Это высшая форма опустошения (Verwüstung). В итоге — организация скудости и невозможности роста. 22

Сможем ли мы уберечь поэзию Гёльдерлина от того, чтобы она стала предметом исследования? Немцы исследуют всё и тем самым лишают себя своего наисобственнейшего.

Время немцев еще не истекло. Но образ их грядущей истории сокрыт.

«Потери» должны превратиться в другую, более спокойную собственность и стать истоком.

Лишь познав на опыте своего мышления, что <главная> нужда состоит в том, чтобы наконец осмыслить сущность сущностного мышления и при этом не впасть в пустую рефлексию о рефлексии, я постиг сущность Гёльдерлина: то, что тут поэт изначально должен был сотворить сущность поэзии. Тот опыт заложен в вопросе о «смысле бытия», ибо это есть вопрос истины бытия, которое бытийствует лишь как бытие истины. Исходя отсюда нужно только решить, что такое мышление, если оно воспринимает свою сущность из подлежащего-осмыслению, что не только требует в качестве «предмета» мышление как способ постижения, но что, напротив, в своей сущности как истины и бытия осуществляет мышление, настоятельность в вопрошании.
23

Ответственность за каждое слово растет, когда мысли мыслят воедино всё, что сейчас происходит на этой блуждающей звезде, которую они называют Землей.

Боль есть чистая форма проявления (Austrag) истины Бытия.

Внимания заслуживает тот «факт», что в мышлении, которое определяется всецело исходя из осторожности по отношению к истине Бытия, находят только насильственное. Или же это «насильственное» должно быть признаком необычности для эпохи, указывающим на то, что ее расчетливой самоуверенности остается непременно чуждым все осторожное?
24

Гибели страшится лишь тот, кто никогда не может знать начала.

«Афоризмы» — двусмысленная форма высказывания. Они могут рождаться от изобилия и не соответствовать ему. Они являются тогда сигналами бедствия и предвестником неисчерпаемого.

Но они могут также возникать из пустоты, стремясь только прикрыть ее. Они представляют собой готовые по-вторения Уже-Сказанного. Пагубное подражание Ницше порождает сегодня множество подобных пустых «афоризмов», которые создают видимость «духа», стремясь убедить в том, что они осуществляют некое осмысление и размышление. Они суть слабые попытки замаскировать бездумность; это совсем не «сосредоточенные раздумья». См. ниже.

Там, где не происходит упорядочение, являются открытые места для прибытия начального в еще скрытых формах. Тогда наступает время осторожности посреди безумства расчетливости. Порядок есть предохраняющее установление пустоты воли к воле, 25
чья бесцельность служит преградой свету Бытия.

Северо-восточный ветер веет — ясной ранью летнего утра. В предрассветных сумерках одинокие ели высятся на гребне Хеммерле. Утренняя звезда золотится, возвышаясь над горой Штюбенвазен, и приветствует полную луну, путешествующую над <вершиной> Горна на запад. Примечания к «Воспоминаниям» (zu «Andenken») завершены[9].

---

9. [Martin Heidegger: «Andenken». In: Hölderlin. Gedenkschrift zu seinem 100. Todestag. 7. Juni 1943. Hrsg. von Paul Kluckhohn. J. C. B. Mohr (Paul Siebeck) Verlag: Tübingen, 1943, S. 267–324.]

На этой земле, ставшей блуждающей звездой, бушует война.

Вечером того же дня полевой почтой пришла открытка от Йорга[10], он пишет, что к 1 сентября будет в Германии.

Посыл (das Geschicht) *Бытия переходит на мыслителей*, так что лишь благодаря этому переходу и через него эти мыслители вступают в обладание своей сущностью. Сперва должна быть нищета начального знания, содержащегося в сущности истины. Лишь потом может быть услышано слово поэта в соответствии с его манерой. Непосредственное усилие понять поэта есть двойственный ложный путь.

26 Мыслитель идет далее только так, чтобы приблизиться к близи ближнего, всякий раз не замечая бездумных. Продолжение движения есть здесь постоянное неупускание из виду начала.

Высший уровень техники достигается тогда, когда она — будучи потреблением — уже не имеет ничего для потребления, кроме себя самой. В какой форме совершается это самоуничтожение? Мы можем ожидать его по причине замкнутого в своем существе неудержимого стремления ко все более «новому», — т. е. к еще более потребляющему.

Сегодня важнее поистине быть здесь (da-zu-sein), чем «действовать». Слишком много действуют.

---

10. [Йорг Хайдеггер (1919–2019), старший сын Мартина и Эльфриды Хайдеггер; 10 августа 1942 г. Хайдеггер в письме своему брату Фрицу пишет: «В сентябре Йорг надеется попасть в Германию [...]. Я с головой ушел в работу над своим текстом к столетию со дня смерти Гёльдерлина».]

Энергичные обсуждения того, что должно произойти в будущем и как будет «выглядеть» история, как надо представлять себе будущее, — все это озабоченность способом организующего планирования. Это возврат к преодоленному. В эпоху завершения метафизики важно знать, что мы должны *просто пребывать* в простом знании Бытия. Осмыслять медленное слово Бытия трудно, если еще позволительно думать о том, трудно ли что-то или легко. В любой ситуации это мышление и его настоятельность труднее всякого вида героизма.

Мы приближаемся к моменту всемирно-историче- 27
ского испытания немцев: способны ли они познать область по ту сторону рационализма и иррационализма и обжить ее. Почему мы мешаем самим себе в своей миссии (Geschick) пробудить сегодняшние силы и выстроить их облик?

«Революция»: ее сущность мы наконец-то обязаны понять революционно, т. е. буквально как откат сущности назад к первоначальному. Настоящий революционер не приносит новое, не сохраняет старое, *он пробуждает первоначальное*.

В мышлении мыслителей существует простое Dasein, поскольку они держат свое высказывание у источника опыта, ради чего свершается то, что остается невысказанным. Мыслитель, который обязан говорить и не может обойтись без слова, как бы просто нацелен на «действие», являющееся прежде всего деянием и деланием и действованием простого Da-sein. Лишь в этой области истории мышления мы узнаём то, что свершается.

28 Тайна несущности.

«Познавание» и «знание», предлагаемые нам «науками» и «жизненной практикой», всегда по сути есть τέχνη, которое как смышленость (Sichauskennen) повсюду всякое «знает», предваряя то, что следует познать, объяснением, и тем самым превосходит его с целью овладения (Meisterung). Мыслительное знание не стремится предварить сущее созданием нового, объясняющего сущего. Мыслительное знание движется только тем путем, который позволяет достичь бытия и отступить перед его истиной. Это отступление в корне отличается по своей сущности от прогресса, необходимого для всех наук и практик.

Наисокровеннейшая сущность власти есть неуверенность и страх перед ней.

Современный историограф, чье занятие есть форма журналистики, должен прочесть столько книг и документов и после этого обсудить столько прочитанных книг и сам написать столько книг, что при такой деятельности на него просто нельзя взваливать постижение какой-либо мысли и осмысление ее, ведь при этом осмысление могло бы замедлить ход дел.

29 Показать и постичь в простом бытийствовании исходя из ἀλήθεια чистую сущность греческой культуры, т. е. сущее, среди которого греки как сущее были чужими, его и их самих и отношение бытия к ним. μῦθος и λόγος — каждое слово и образ постигать чисто, но не принудительно и схематично-педантично — исходя из ἀλήθεια.

Мы обязаны каждый день заново покоить взгляд на неразрушимом. Из этого покоя возникает всякое движение.

<Понятие> анти-христианин, подобно любому слову с «анти-», должно происходить из того же сущностного основания, что и то, против чего оно является «анти-», — то есть «христианин». Последнее понятие родилось в среде иудаизма, <который> в период христианского Запада, т. е. метафизики, стал принципом разрушения. Разрушительное <состоит> в перевертывании завершения метафизики — т. е. метафизики Гегеля — Марксом. Дух и культура становятся надстройкой «жизни» — т. е. хозяйства, т. е. организации — т. е. биологического — т. е. «народа».

Когда сущностно «еврейское» в метафизическом 30
смысле борется против еврейского, достигается высшая точка самоуничтожения в истории; коль скоро «еврейское» повсюду полностью завладело господством, то и борьба с «еврейским», и прежде всего она, приводит к подчинению ему (Botmäßigkeit zu ihm).

Отсюда можно сделать вывод, что́ для осмысления сокровенной изначальной сущности истории Запада означает память о первом начале греческой культуры, оставшейся вне иудаизма, а значит, и христианства.

Помрачение мира никогда не коснется тихого света бытия.

Мы не вправе теперь заниматься «историографической» болтовней и писаниной «о» Западной Ев-

ропе, а должны *быть* западными европейцами, т. е. начать начало изначальнее.

Не обращать внимания на расчеты власти. Углубление в ожидание временно́го простора (des Spielzeitraumes) посыла (des Geschichts).

31 То, что <всё> рассчитывается и должно мыслиться <в терминах> целей, ценностей, заказов, взносов, показывает, каким путем история уже отброшена в неисторию. Сущностная история не нуждается в целях. Она покоится в истинно-сти (Wahrheit).

Исторически важным является не то, что получает кишащая масса и что ее жизненный стандарт — хотя бы только экономический доход — остается гарантированным, — но то, что бытие видится как светящееся поле присутствия и отсутствия смотрящего, а истина бытия становится собственностью.

Отказ от вслушивания в принадлежность к бытию есть жесточайшее опустошение нашего собственного исторического существа.

Неважное в Бытийно-историческом отношении пользуется преимуществом у историографической мировой общественности.

«Возвращение домой» есть будущее нашего исторического существа. Здесь определяющими не являются «цели». Сейчас настраивает (stimmt) только начало.

Уход в безыстинность истины.

Место, где я родился, и моя родина находятся *между* 32
верхним течением Истра и Боденским озером.

Сущее, как кажется, начинает всегда сиять через человека, который видит дальше остальных. Но он видит дальше, потому что Бытие перед этим вознесло его на гору.

Если в «Бытии и времени» и сказано нечто верное о мышлении, то оно содержится в суждении, что это мышление «по пути» потерпело крах. Здесь *есть* терпящее крах мышление, но вовсе не философия по поводу «краха»[11], которая становится возможной только там, где мышление формально «разобралось» в отношении подлежащего-осмыслению, т. е. в отношении истины Бытия, а именно: она <философия> вообще ничего не знает о ней и считает бытие абсолютно само собой разумеющимся и решенным.

Базовым опытом моего мышления начиная с подготовки «Бытия и времени» (1921) является то, что само бытие пребывает в забвении, что это пребывание каким-то образом присуще самому бытию, а бездумность человека <есть> только следствие.

См.: Parmenides, Ἀλήθεια, Wiederholung, M.a., S. 11[12].

Невозможно было бы вынести то, что дают прине- 33
сенные жертвы, если бы каждый час не был посвя-

---

11. [См.: Karl Jaspers: Philosophie III. Existenzerhellung. Julius Springer Verlag: Berlin, 1932, S. 411.] — Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / пер. А. К. Судакова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. — *Прим. пер.*
12. [Martin Heidegger: Parmenides. GA 54. Hrsg. von Manfred S. Frings. Frankfurt am Main, 2/1992, S. 41 f.]

щен грядущему. Уже простое препровождение дней в делах есть кощунство.

В мерцающем сознании, когда человек глазеет на себя и направляет и преследует и выискивает, человеческая сущность утрачена. Специально изобретенная организация такого сознания называется психологией. Безразлично, каким образом осуществляют ее, — как ремесло или в подчеркнутом раздувании до антропологии.

Самым опасным из всех видов оружия, самым разрушительным из всех средств уничтожения является *воля*. Что будет, если воля к воле предстанет как бытие всего сущего? См. <S.> 34.

«Пребывание» (Bleiben) того, что просто остается при всем уничтожении, разве это бытие? Не является ли оно, скорее, несущностью всякого бытия? Это <просто> оставление в остатке как экзистентная неукорененность и беспомощность — и ничего другого. Разве не является заблуждением всякое или-или?

Так как сущее оставлено бытием, поскольку бы-
34 тие брошено в несущность, нет пути, чтобы провести сущее через делание и рассчитывание в Бытие. Только это <сущее> само должно сохраниться в своей истине. К такому времени необходимо лишь вот что: пустить еще глубже корни осмысления сущностного мышления и застыть в тишине и ожидать. Это не-деяние не является без-действием. Оно подготавливает зазор (Spiel-Raum) просвета Бытия.

Способность быть без сущего (без поворота к и отворота от предметности), но неспособность быть без того, что *не есть* некое сущее.

Несущности бытия, *т. е. воле к воле*, соответствует вооружение как обеспечение сохранности охранения и его средств, т. е. «оружие», вооруженное сохранение «мира», новый порядок «мира».

Воля есть заграждение. Всякая преграда исходит от воли. При этом воля делает вид, будто *свободно* отдается чему-то. Они даже привыкли искать свободу в соседстве с «волей».

Хижина. — Тишину природы и простоту всех окружающих вещей можно выносить лишь теперь, когда дух противопоставляет им высшую гибкость и строгость мышления. 35

Чудовищнее всего правильность неистинного; то, что повсюду бытие притворяется правильным и рассчитывается как задающее стандарт и что этот расчет становится явным и встречает одобрение, в результате чего всякое осмысление другого не только прекращается, но и вообще забывается.

Предельно ложный путь, порождающий ложное мнение, — будто возможно намеренно установить и устроить Da-sein и отношение к бытию. Устроить можно только самое плоское и самое пошлое из сущего, и все это несет в себе износ и истощение, поскольку всякое устроение такого рода живет благодаря «недостатку» и имеет его своим единственным объектом.

Безволие как простая противоположность воли внутри воли к воле. Оно есть признак того, что более изначальные сущностные возможности неявны (entborgen), а потому неизвестны. Отупление воли — это все еще воля; даже как отвращение к воле.

36 Безошибочным признаком «литератора» является то, что он всегда опережает своих современников на самую малость и поражает их тем, о чем они потом смогут сказать, что «вообще-то говоря» (eigentlich) литературные тексты точно описывают факты. Так около 1930 года все восхищались «Рабочим»[13]. А *сейчас* решили мобилизовать мир <на борьбу> *против* «техники» и отыскивать мифологическое. Всякий раз речь идет об одной и той же, безответственной, т. е. бездумной, забаве. Люди «занимаются» «временем».

Опасность уклонения в простое *отвращение* к воле. Время полной беспомощности.

«Психология» как конечная форма метафизики, неизбежно движущейся в сторону антропологии, представляет собой законченную организацию технической инквизиции в отношении человека и мира. Но она к тому же есть признак окончательного самокалечения человека.

Бессмысленность мира и отсутствие осмысленности (Besinnungslosigkeit) в человеке безусловно соотносятся в рамках бытия как воли к воле.

37 Безмерный и постоянно подтверждаемый страх перед «абстрактным» и «общими понятиями» означает беспомощность перед неумолимым бытием, которую нельзя заглушить никакой деятельностью в рамках сущего. Этот страх есть безошибоч-

---

13. [Ernst Jünger: Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Hanseatische Verlagsanstalt: Hamburg, 1932.] — Юнгер Э. Рабочий / пер. с немецкого А. В. Михайловского. М.: Наука, 2002. — *Прим. пер.*

ный признак всех «героев», для которых «героизм» — это занятие.

«Штифтер». — Его теперь читают все чаще. Но современный человек не в силах понять Штифтера, поскольку либо ценит его как прибежище, доступ к прошедшему миру, либо же отвергает как нереальное и болезненное улетучивание жизни и как любовь к устаревшим вещам.

Возможно, тайне Бытия соответствует то, что вместе с противо-ладом (Wider-fug) опустошения осуществляется связность некоего начала и что и то и другое проходит мимо друг друга, не зная один другого.

Ветрячок.

Тот, кто захочет посмотреть на известные факты современности, должен заняться «философствованием» на тему будущего. В зависимости от того, как это происходит, это удается. Тот, кто пренебрегает здесь мышлением, тоже видит «факты», однако усматривает только продолжающиеся подтверждения своей воли, т. е. видит не то, что перед ним, а лишь себя самого в неосознанном эгоизме. Эта слепота, заключающаяся в постоянном заклинании лишь фактического, есть ослепление. 38

Большинство людей полагают, что, разглагольствуя о какой-либо вещи, размышляют о ней.

После того как им объяснили какое-то стихотворение, так что они уже больше не будут лишь нежиться в тумане звучных слов, они отвечают, что, как только слова становятся понятными, из-за объяснений разрушается «красота» поэзии. Как будто прекрас-

ное может быть прекрасным, не будучи истинным. Как будто объяснение, которое только указывает на ясность истинного, выдвигает требование отречься от прекрасного.

Мы имеем боль, поскольку боль имеет нас. Она имеет нас, ибо она, сбываясь-осуществляясь, начинается в о-своении-сбывании (Er-eignis).

39 В том, о чем я пытаюсь думать и как все при этом шло до настоящего момента, я постоянно познаю благодать предопределения, так что, возможно, в этом сказывается ручательство защиты, которая преодолеет все большие срывы.

Устроители бес-чинств (des Un-fugs) мировой истории при ее околевании в простой воле к воле. —

То, что живет лишь благодаря околеванию, не нуждается в том, чтобы оно закончилось. Всякое околевание само по себе и в своих последствиях — <процесс> затяжной. Любое препятствие, которое могло бы его приостановить, затягивает <процесс>. Однако затягивание может повсюду пользоваться огромными скоростями и в результате этого само не убыстряется.

Сейчас тебя неожиданно порой заносит туда, где настойчивое мышление на каждой своей ступени исходит из себя. Кто-то лишь сейчас обучается запоздалому удивлению перед тем, что Dasein, о котором он едва догадывается, всегда возникает из сокрытости отлучения; что оно — не что-то мрачное, окутывающее все вокруг, но простой свет всякого Бытия.

40 Во все сейчас проникает беспокойство поздней торопливости, говорящей о смятении.

Помрачение мировой истории свидетельствует о ее бессилии, которое беззащитно перед бес-чинством, ибо не способно его распознать. Даже помрачение еще питается тихим светом Бытия и не может ни поглотить его, ни хотя бы только омрачить. Нам нужно услышать голос света.

«Гёльдерлин и Ницше» — такое странное сопоставление имен ввел в обиход Штефан Георге и его круг. Это стало возможным, поскольку публика нежилась в той бурной метафизике, поучительную форму которой придал Клагес. Иносказательно (verhüllenderweise) допустимо такое совместное называние, если имеется знание о несопоставимости названных <имен> и о событии, которое ее порождает, а именно: то, что исторически более ранний (Гёльдерлин) уже обогнал более позднего (Ницше), причем обогнал не как особенного мыслителя, но как метафизика. Путаница в этом блуждании достигает вершины, когда из Гёльдерлина делают «швабского Ницше». Но если уж называть имена и если не называть одного только Гёльдерлина, то нам следует говорить: Гёльдерлин и — Штифтер. Правда, это не просто имена, которые литературно-исторически или «духовно-исторически» отмечают великих людей и в соответствии с определенным вкусом и произвольно объединяются. Такое объединение нельзя оправдать исследованием прошлой истории поэзии и обнаружением «связей». Оно есть воспоминание о будущем, причем предсказать это будущее исходя из воспоминания невозможно. 41

Антропология. — Статья, автор которой принадлежит к «ведущим деятелям» сегодняшнего официального исследования периода первобытной истории, завершается следующей фразой:

«Нет такого вида животных, чья филетическая эволюция (Stammesentwicklung) столь же хорошо подтверждается доисторическими находками, как эволюция человека»[14].

Часто можно услышать уверения в том, что материализм марксистского мировоззрения якобы преодолен. Для оценки этого вида антропологии уже стало не важно, к какому виду первобытных животных относят себя эти антропологи. Барахтаются в болоте антропологии, не чуя, что происходит.

Странно, как человек проходит мимо собственного существа и загоняет себя самого в пустыню.

42 Насколько мертвые ближе нам, чем живые? Кто такие мертвые? Что такое смерть? Она есть приход истины Бытия. Почему мы так редко прислушиваемся к простой близи мертвых? Почему мы допускаем, что между ними и нами встревают вражда и фантазии или же гордость, в силу которой мы мним, будто мы виноваты в том, что павшие пали. Подлинность и постоянство нашей печали измеряется тем, способны ли мы сохранить в памяти то, кем являются и стремятся быть павшие ради нас самих и нашего очищения их близью. Но что есть тогда «гордая печаль»? Гордость полагается только самим павшим как их привилегия. Но им уже не нужна пустота и мелкая самоуверенность гордыни. Она всегда есть признак себялюбия. Но каким образом она ухитряется еще проникать туда, где элемент Dasein стал лишь принадлежностью Бытия и все страсти развеялись?

---

14. [Источник цитаты не установлен.]

Шум переживания, рассчитывающий лишь на забывчивость и ее скорое усиление, еще заглушает 43
незаметность сильнейшей боли, проявляющейся в самом событии как начальное разделение кротости и ярости.

То, что существует в новоевропейском периоде всемирной истории, носит двусмысленный характер: это околевание сплошного господства действительного в форме действенного; но это к тому же еще нужда, в которой простое Бытие является с незаметным призывом (Anspruch) быть хранимым в его истине. (См. S. 56 сл.)

Настойчивое мышление остается непознанным и неуслышанным, будучи даровано началу.

Некий историограф пишет мне по поводу последних страниц моей статьи о Платоновой притче о пещере[15]:

«Если бы я был вынужден думать, будто начался неисторический период, будто „история“ есть „правильность“, а за историей придет еще и несокрытость, то мной овладел бы страх».

Вероятно, этот историограф понимает под «историей» (Geschichte) историографию (Historie), тогда и в самом деле все так, как он предполагает. Историография в сущностном смысле есть лишь одна форма техники. Настало время, когда некоторые начинают «бояться», т. е. оказываются во власти страха и ужаса. Но поэтому боязнь как раз и бес- 44

15. [Martin Heidegger: Platons Lehre von der Wahrheit. In: Geistige Überlieferung. Das Zweite Jahrbuch. Hrsg. von Ernesto Grassi. Verlag Helmut Küpper: Berlin, 1942, S. 96–124. Источник цитаты <из письма> указанного историографа не удалось установить.]

полезна и ничтожна. Лишь когда власть историографии разрушена, история вновь обретает свое пространство. Тогда <приходит время> судьбы и открытости перед судьбинностью.

Честь (Ehre) может иметь лишь тот, кто достоин чествования (ehrwürdig ist). Быть достойным чести может лишь тот, кто способен чтить. Почитать означает признавать и умножать достоинство того, что само по себе все делает достойным, так что оно вообще бытийствует в своей сущности и в ней принадлежит себе. Это почитание есть событие. Ближайшее, сокрытое и скрывающее явление события есть бытие. Но бытие в своей истине все еще предано забвению. Каким же образом при забвении бытия должны существовать почитание и честь.

Сейчас честь считают разве что застреванием в сохранении абсолютного себялюбия (Eigensucht), <присущего> слепой воле к воле. Подобной мании (Sucht) никогда не ведомо, что́ прежде всего необходимо знать из того, что доступно познанию.

Сущностное невозможно измерить ни через его воздействие, ни вообще путем какого-либо расчета.

Тот, кто в сущности мелок, способен ли он на великое, а прежде <— способен ли он> распознать истину великого в том, что скрывается до всякой оценки в простоте изначального?
45

Двигаться к некой звезде и больше ничего.

Почему над историей немцев тяготеет рок?

Самое необходимое — это ненужное. — Знать ненужное и, зная его, принадлежать ему — это исток истории, остающейся недоступной для новоевропейского

мира. Не-нужное еще связано при этом с нужным, которое начинается (angesetzt wird) либо как физическая «жизнь» и ее сохранение, либо как метафизическая «жизнь» и ее обретение, либо как сочетание обеих (первая есть переход ко второй). Соотнесенное таким образом с «жизнью» «жизненно важное» и полезное повсюду и есть необходимое, по отношению к которому исток физического и метафизического и их различение предстают как ненужное, если мышление принимает в расчет лишь указанное необходимое.

Иллюзии воли рассеиваются в беспомощности мышления.

Несущественность числа и размеров демонстрируется сегодня. Боль и страдания необозримы. Ничего не меняется. Повсюду лишь расчет на лучшие времена или скрытое отчаяние. 46

Что означает это оцепенение? Господство воли.

Простая жесткость и очерствение в человеческом бытии — вовсе ничего не значат. На это способен и камень; ему даже не нужно для начала стать твердым. Он возвышается над человеком с жестким характером. Этот человек унижается перед камнем, причем еще неизвестно, является ли камень чем-то более низким. Во всяком случае человек оказывается *под* ним.

Бытийно-историческая, настойчиво продумываемая сущность «разъяснения» есть достижение прояснения взгляда на Бытие <с целью обретения> ясности и скупости памятования, которое однажды получает привет от истины Бытия. Прежде всего оно (слово «разъяснение») может значить нечто вроде комментария. «Разъяснения» движутся, мыс-

ля, своим неизбежным путем, так что одновременно поэзия Гёльдерлина обретает свет, в котором ее слово говорит о себе. Название «Разъяснения к поэзии Гёльдерлина»[16] намеренно двусмысленно. Подлинное значение остается под защитой обычного и напрашивающегося <значения>. Подлинное значение исходит из Бытийно-исторического осмысления отношения мышления и поэтического творчества.

47 «Высокий мостик над одинокой речкой был, помимо каменистой местности, единственным, что было видно с церковного двора».
После грозы:
«Высокий мостик круто спускался прямо к воде». — «… И мостик странно вырисовывался темной чертой над гладкой серебристой поверхностью»[17].
Адальберт Штифтер. «Известняк».

Конечной формой завершенной метафизики является биологически-характерологическая психология как инструмент возможного рассчитывания и управления всеми <сторонами> жизни ради ее сохранения с целью повышения воли к жизни.
Сквозь всякие смуты и крайности нам навстречу в тихих раздумьях движется непреходящее. В конце и навсегда <оказывается> благодарность. Для нее расцветает памятование. Тайны покоятся в том, что

---

16. [Martin Heidegger: Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung. Vittorio Klostermann Verlag: Frankfurt am Main, 1944.] — Мартин Хайдеггер. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / пер. с нем. Г. Б. Ноткина. СПб.: Академический проект, 2003. — *Прим. пер.*
17. [Adalbert Stifter: Kalkstein. In: Ders.: Bunte Steine. In: Ders.: Adalbert Stifters ausgewählte Werke in sechs Bänden. Mit Stifters Bildnis, einem Gedichte in Faksimile, einer Abbildung des Stifter-Denkmals und Stifters Biographie. Fünfter Band. Hrsg. von Rudolf Fürst. Leipzig: Max Hesse's Verlag o.J., S. 48, 59, 59.]

мы уже давно полагаем знакомым, о чем всякий мыслитель уже задумывался и сказал свое последнее слово, которое затем всегда оказывается предпоследним и на этом основывает свою непреходящесть.

Кто мог бы быть проникнут ободрением, если бы избегал скорби. 48

Всякая слитность строения становится слиянностью лишь благодаря покорности. (Alles Fügen des Gefüges wird nur aus der Fügsamkeit zum Fug.) Покорность серьезней и вместе с тем легче, чем служение. Последнее предоставляет себя только тому, кому оно служит, и в этом находит удовлетворение, и защиту, и стиль. А покорность есть ответ. Там, где ответ не определяет слитность, и формирование, и создание, стиль остается результатом изобретения и организации и вообще не является стилем. А стиль в сущности никогда не бывает результатом в смысле того, что достигается. Сам стиль есть дающее, ибо покорно сплачивает. Бес-стильность и фиктивные стили всегда связаны с отсутствием сплачивания на основе покорности. Последняя же покоится в памяти. Служение часто бывает лишь уклонением в удобство и повсюду со своими сущностными корнями относится к метафизике. Покорность — это страдание. Оно состоит в том, что уважает терпение больше скрытности и переносит <его> как отношение памяти (т. е. человеческое) к несокрытости. То, что это страдание может вы-страдать, не «господствует» над этим, а уж скорее настойчиво <стремится пребывать> в истине. Такая настойчивость улавливает меру слитности и закон стиля. Слитность овевает настойчивость тишайшим веянием. Настойчивость обладает восприимчивостью, у которой есть другая сущность, 49

еще более чуткая, чем у нежных лепестков и веточек березы в их неприметном веянии. Эта «самая восприимчивая» покорность «обладает», ничего не забирая. Но она «обладает» <знанием> и есть знание лишь тогда, когда вынашивает и выстрадывает его как не-знание. Вот почему в истоке мышления таится высокая скорбь, достигающая высоты слиянности. Но поскольку мыслящий <человек> по-человечески иногда оказывается несостоятельным перед этой скорбью, он часто бывает просто «печальным» (traurig) — вместо того, чтобы скорбеть.

Что эта скорбь может и должна быть — именно потому, что мыслящий <человек>, настойчивый в Бытии, превозмогает в ней сущее и действительное, не подумав, что эта скорбь есть, поскольку она *покоится* в сосредоточенности и не нуждается ни в помощи, ни в развлечении, ни в каком-либо мнимом мире, — это заурядный рассудок не в состоянии понять, ибо лишен способности познания. «Стоическое» спокойствие есть просто метафизическое спокойствие, достигаемое отступлением, не-допущением-к-себе, о-бороной. Это спокойствие проистекает не из тишины.

50 Порой создается впечатление, будто мышление находится сейчас в преддверии будущего говорения. За мной и все же одновременно и передо мной тянется длинная дорога от сынка месскирхенского звонаря вплоть до нынешнего незаметного и безвестного существования (Dasein) в месте рождения. Передо мной и все еще ободряюще за мной первый простой взгляд в некоторые более изначальные вопросы и их прояснившиеся временные пространства (Zeit-Räume).

Но высказывание и то, что нам удается в <области> сотворенного, в настоящее время подвергает-

ся угрозе совершенно по-другому, уже чисто механически и прежде всего потому, что оценивается как ничтожное и не может расширить свое собственное пространство.

Хладнокровно выносить незавершенность быта и освещать ее. Для нас имеется лишь всецело решительная настойчивость памятования о будущем, в котором бывшее чисто и все проще соприсутствует <с нами>.

Бремя мира для человеческого осмысления Бытия едва ли можно больше выносить; простое упорствующее «и все-таки» было бы заблуждением.

Менее всего подчиняется воле характер. Раньше всего ей повинуется телесность. 51

Если воля проявляется исключительно в ней <телесности>, а она относится к сущности техники, воля является господствующей и <пребывает> всецело у себя самой. Она желает волить, а телесность в форме механизма безусловно обязана подчиняться.

Характер и память.

Память и колыбель.

Укачивание и способность приводить в движение. Лишь то, что качает, может привести весы в движение. Лишь то укачивает, что качается и является колыбелью.

Лишь человек, которого качали в колыбели, может взвешивать. Лишь тот, кто способен взвешивать, вправе отважиться.

Всё, — путь и добро (Wäg), укачивание и качаемое, взвешивание и отвага — исходит как То же самое (das Selbe) из колыбели милости.

Единственным жилищем нашего существа является наш язык, т. е. его слово как колыбель говорения.

Лишь в этом жилище мы должны, говоря, строить и таким образом спасать будущую жизнь. Все прочее неустойчиво и не имеет надлежащей формы.

Следуй в говорении знаку-намеку слова.
Избегай толковать бессловесные слова.

52 Лишь в возврате мы обретаем начало.
Возврат начинается в развороте (Umkehr).
Разворот — это такой поворот, благодаря которому мы специально и тем самым в будущем поворачиваемся к лучу света, показывающему нам собственную сущность. А это собственное есть полная собственность события.
Чем сущностней и историчней предопределено быть человеческому Dasein, тем настоятельней и единственней предназначенный для него разворот.

Молчите в слове.
И так основывайте язык.

Но возврат есть возврат к тому, у чего *мы* еще никогда не были, но что, прежде чем мы были, уже было у нас, а потому лишь возвращается к нам.

Все яснее становится, что для того, что сейчас существует, мы еще не нашли <подходящего> слова. Хотя всё можно каузально вывести из прежнего, оно не является вычисленной суммой следствий предшествующих причин. Однако нелегко ежедневно и еженощно пребывать в этом неназываемом, вместо того чтобы то и дело натыкаться на повседневность, растирая <ушибы> до крови.

53 Сейчас многие склонны пребывать в высоком безразличии и малодушной покорности судьбе. Но мы

не можем принадлежать ко многим. Ведь мужество, от которого все зависит, не есть мужество, оказывающееся на поверку последним выражением страха, — мужество большинства «героев»; мужество — это характер, являющийся лучшей частью памяти; будучи таковым, человек отвечает событию, принадлежа ему.

По сравнению с Бытием шумиха и гул «всемирной истории» более жалки и пусты, чем шум, создаваемый балаганом и его актерами.

Возможно, сейчас, несмотря на нищету, в мире меньше боли.

Вопрос к человеку.
Каверзный вопрос:
«Что нам делать?»
Освобождающий вопрос:
«Есть ли мы?»

Все достойное вопрошания покоится в достойном осмысления.

Это бывшее единственного: событие.

«Тогда есть другие, которые распространяют золо- 54
то, растущее в сердцах людей, слово, и мысли, зарождающиеся в душах по воле Бога»[18].

Штифтер. «Хайдедорф».

Как будто

утопание действительного (нынешней формы сущего) приходит на помощь просвету Бытия. Но Бы-

18. [Adalbert Stifter: Das Heidedorf. In: Ders.: Studien. In: Ders.: Adalbert Stifters ausgewählte Werke in sechs Bänden. Erster Band. A.a.O., S. 137.]

тие подает знак из самого утопания, уже в том, что самоустраняется, а это самоустранение и есть вместе с тем утопание в околевании воли к воле.
Как будто
ослаблен этим погружением был поток света из Бытия в несказанное мышление. Но укрывающий свет дарует только себя самого в сбережении раскрытия.
Как будто
сейчас Бытие нуждается в мышлении человека для своего обитания в собственной сущности.
Как будто
сейчас исторический человек пришел на память Бытию, которая есть его сущность.
Как будто
55 свершается памятование.

Лишь памятуя любит любовь; ибо только памятуя может она забыть свое собственное, которое ей не принадлежит.

—

«Тогда бесконечно расширилось его сердце, он почувствовал себя счастливым, ведь он смог подумать о том, что он думал, — и у него создалось впечатление, что теперь так хорошо, как есть»[19].
Штифтер. «Хайдедорф».

Одино-чество к Бытию
есть торжество тишины.
Подготовка празднования этого торжества есть призвание человеческого существа.

19. [Ebd.]

Это празднование основывает и строит, оно сохраняет
проживание человека в просвете Бытия.

Вторжение азиатской степи?
Нет!,
но гигантских размеров отлив нововременного европейства, выпущенный на Европу для завершения саморазрушения ее сущности. Техника, политика, военная стратегия не показывают ни малейшего следа «азиатчины». Однако они демонстрируют большой стиль в безусловном единстве воли к воле, который приводит в действие свои собственные условия в максимальной «простоте» форм и исполнения. 56

То, что Европа в этом отливе еще не способна познать себя и еще не может этого признать, что сейчас «лишь» восставший в ее сердцевине дух новоевропейской метафизики «празднует» над ней самой последние триумфы — что это означает? Что нам известно об «Азии»? Не является ли это, как люди полагают, только противоположностью воле к воле (кровожадность!).

Действие и сбывание.

На пути, ведущем мысль к событию, лежит тихий свет. Может быть, этот путь когда-либо позволит отыскать «кроткий закон»? Закон этот там, где не царит каузальность. Уже давно я предполагаю, что за различием, которое движет творчеством Штифтера, различием между малым и великим, где малое есть великое, между могущественным и кротким, где кроткое могущественно, таится еще и нечто другое. То же самое, в сущности, имеет в виду Гёльдерлин, говоря о том, 57
что «Германия» должна дать безоружный со-

вет[20]. Это различие между сбыванием и действием, между благосклонностью и волей. «Различие» здесь — еще одно несообразное обозначение отношения.

Впредь нам следует в этой области сбывания заранее обдумать, должно ли изменение нашей сущности опираться на некую основу. Было бы только губительным, если бы внезапно из-за охватившего все вокруг пресыщения некая новая мораль сделалась желанной и в таковом качестве вызывала «хотение». Пресыщение же существующим, простое «на-сыщение», досада вообще никогда не могут служить источником. *См. S. 99 сл.;* (См. S. 43).

То тут, то там порой вспыхивает свет; ведь сердце Западной Европы бьется навстречу своим ожидающим ударам, подчиняющимся закону безоружного совета, который когда-нибудь должен быть дан. Этот совет мы подготавливаем и являемся такими, какими мы есть, благодаря советующему сердцу.

Эту войну выиграет лишь тот, кто *может* ее проиграть и в поражении воспримет призыв к единственному изменению человеческого существа и приготовится к нему.

58 Простой «победитель» в битвах впадает в безбудущность, ибо он вынужден обеспечивать победу, по сути всегда направленную в обратную сторо-

---

20. [Friedrich Hölderlin: Sämtliche Werke. Bd. 4. Gedichte. Hrsg. von Norbert von Hellingrath. Propyläen Verlag: Berlin 2/1923, S. 185.] — «И королям и народам соседним / Даешь совет безоружный» / пер. В. Б. Микушевича (стихотворение «Германия») // Гёльдерлин Ф. Сочинения. М.: Худ. лит., 1969. С. 169. — *Прим. пер.*

ну, и остается в рабстве из-за необходимости этого обеспечения. См. 61 слл.

Посреди нововременного европейства наше собственное существо все еще сбито с толку, несобранно, а потому слишком слабо, чтобы по-настоящему быть безоружным и лишь через это *быть*.

Войнами ничего не решается, поскольку они сами уже опираются на некое решение и, опять-таки, если уж они к чему-то идут, то только к предварительно данному им решению.

В изречении Гераклита Πόλεμος πάντων μὲν πατήρ ἐστι, [πάντων δὲ βασιλεύς, καὶ τοὺς μὲν θεοὺς ἔδειξε τοὺς δὲ ἀνθρώπους, τοὺς μὲν δούλους ἐποίησε τοὺς δὲ ἐλευθέρους] (фр. 53)[21] πόλεμος означает не «войну» в смысле «битвы» и не «борьбу», но решение, т. е. раз-бирание; раз-деление: исходить из разделенности, являться в сущностном различии — прорываться в различие сущностей. Поэтому ἔδειξε; ἐποίησε; он явился, он породил (в отношении ποιεῖν, фр. 112)[22].

Раз-деление как воз-врат в сущность.

Одно и то же есть: Λόγος, Πῦρ, Ἔρις, Πόλεμος[23].

Осмысление есть дар памятования; дар этот мы примем тогда, когда вернем его в памятование и вложим в него. — 59

---

21. [Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und deutsch von Hermann Diels. Erster Band. Weidmannsche Buchhandlung: Berlin, 4/1922, B 53.] — «Война (Полемос) — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными» // Фрагменты ранних греческих философов / пер. А. В. Лебедева. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 202. — *Прим. пер.*
22. [Ebd., B 112.]
23. Логос; огонь; борьба, ссора, спор, раздор, соперничество, состязание; война, борьба (*греч.*). — *Прим. пер.*

Все еще, а к тому же все упорнее, развертывается происходящее, то, что придает действительности значение. Все еще царит повсюду мнение, будто бы осмысление и мышление нынче не нужны, ибо лишены всякой власти и возможности. И тем не менее — все исходит из мышления.

В долгом рабстве, но не «благодаря» ему, кое-когда основать призывающее освобождение западноевропейской сущности: возврат в истину Бытия. См. <S.> 74.

Народа и страны самих по себе не существует без памяти человека, для которого истина Бытия, сокрытая еще в начале (im Anfang) истории его существа, предназначается в качестве отправного пункта (zum Beginn).

Видимость простого весьма привычна. А вот лишь с трудом и медленно [мы] даем свое согласие на такое необычное, которое само исходит из простого. Само простое: оно бытийствует в едином единственности как в истинном Того же самого.

60

Я часто веду теперь диалог с мыслителями, которые мыслят в тишине, не занимаются писаниной, и этот диалог становится как бы встречей в сущности всех вещей. И тут пробуждается спокойное знание о еще сохраненном, неисчерпанном, мимо которого должен вновь пройти следующий задуманный мировой порядок.

Сколько настойчивости в Бытии накапливается сейчас, несмотря на все невзгоды и непостижимо для самих людей, чтобы присутствовать тут как поистине спасительная сила, которая тем спа-

сительнее, чем менее она познает и создает себя из воли и решимости, чем больше она сама увидена и призвана тем, что нас поражает, поскольку мы это *едва ли* мыслили, но все же в этом немногом — *мыслили*.

Западная Европа не может «погибнуть» не потому, что мы располагаем множеством «памятников культуры», но потому, что в истории Бытия сущностное еще не возникло и не основано. Это не логичный вывод, но обратный ход вместе с историей Бытия, которая есть воз-врат. В этом столетии 61
мы приближаемся к решающему пункту поворота.

Там, где только действуют, всё утрачивают.

(Все тогда превращается в потери; невозможно основать ничего долговечного; только принять это как само событие.)

Все утратить — т. е. само Бытие — а значит, и память Бытия.

Слова Грильпарцера «От гуманности через национальность к бестиальности»[24] характеризуют исторический путь Нового времени. Остается обдумать область, по которой проходит весь этот исторический путь, область, которая его определила. Эта область есть — опять-таки ее называют по-латински — субъектность: то, что animal rationale, человеческое существо, определяется исходя из самого себя как на себя самого опирающееся, все себе

24. [Цит. по: Carl Jacob Burckhardt: Gestalten und Mächte. Reden und Aufsätze. Georg D. W. Callwey Verlag: München, 1941, S. 227. См.: Franz Grillparzer: Werke. Bd. 4. Gedichte und Epigramme. Österreichische Staatsdruckerei: Wien o. J., S. 459: «Der Weg der neuern Bildung geht / Von Humanität / Durch Nationalität / Zur Bestialität».]

до-ставляющее пред-ставление обо всем (repraesentatio) — созидающий, творческий, добивающийся, трудящийся человек власти и успеха. Die Ratio ist die der certitudo in der mathesis[25]. «Animal» становится «организмом» — <в смысле> полного регулирования целого. Исходя из субъектности как сущности бытия в смысле еще скрытой воли к воле необходимо истолковывать «гуманность», «национальность» и «бестиальность», но также и переходы
62 между ними, имевшиеся «раньше». Переходы вызваны движением, уже заложенным в самой субъектности, поскольку она имеет в качестве «идеала» самость образования-себя-самого и этот идеал приводит воление к осуществлению, для которого мобилизуются все инстинкты сообразно широте и направлению, в каковых animal rationale достигает власти собственного своеволия. Лишь при этом низшие силы этого animal начинают воздействовать беспрепятственно; лишь благодаря рациональности вступает animalitas[26] в игру — с целью сделать «свободным» до сих пор еще не устоявшееся животное «человек» в его всецелой животности. В основе на все это действует зарождающееся внутреннее извращение самой метафизики, из-за которого «чувственность» в полном смысле animalitas и «биологического» становится подлинной действительностью, подчиненным которой остается сверхчувственное рациональности. Однако благодаря этой подчиненности рациональность обретает высшую форму mathesis universalis и закрепляется в качестве «техники». Поскольку этот процесс становится планетарно универсальным, он упразд-

---

25. Разум есть <разум> достоверности знания (*лат.* и *нем.*). — *Прим. пер.*

26. Животное начало (*лат.*). — *Прим. пер.*

няет в своем протекании всякий способ выхода <из положения>. Сам он в целом не имеет ни основы, ни перспективы, чтобы самому сделаться истоком для своего превращения в другое. Здесь налицо просто полное подыхание. Однако это есть негативная свобода для изначального, которое вынашивает позитивную свободу в самом себе.

63 Исторический путь Нового времени все утратил в ходе своего последнего действия, состоящего в том, чтобы обеспечивать мировую безопасность путем организации вооруженных властных структур. Всякое человеческое бытие становится трудом по обеспечению этой мировой безопасности, чья сущность загоняет себя в подлинную несущность и занимается только одним: организованной неуверенностью как законченной бесцельностью подыхающего новоевропейского человечества. Этот процесс в соответствии со всеми его элементами задуман на долгий срок, проистекающий из упорства волящей себя воли, т. е. из безнадежной пустоты, не знающей ничего иного, а не из некоего источника, в котором нечто постоянное возвращается к своему началу. См. выше <S.> 57 и ниже <S.> 67.

Мы слишком мало задумываемся — а если и задумываемся, то лишь «историографически» — над тем, что метафизика Гегеля, если ее перевернуть, есть метафизика коммунизма; что вследствие переворачивания той же самой метафизики (Гегель — Шеллинг — Шопенгауэр) возникает метафизика Ницше, что тем самым бытие как воля создает себе свою истину единообразно в этих фазах метафизики и повсюду сейчас приводит в движение сущее, господствует над ним и организует. Что тут происходит?

Как <сюда> вовлекается человек? Что представляют собой бытие и время в данной исторической фазе Бытия?

64 Поскольку человек забыт Бытием, но все же никак не может отвязаться от него, ибо человеческая сущность принадлежит Бытию, постольку забытый человек, вместо того чтобы стать воспоминанием, испробовал «следующее»: будучи animal rationale, овладеть бытием и стать самим бытием как субъект в субъектности.

Существенное в том, на что мы способны, создается без нашего содействия.

Испытание для нас состоит в том, что мы познаём непостижимое еще и в <условиях> жесточайшей и ужаснейшей опасности; жесточайшая и ужаснейшая опасность не имеет ничего общего со «стихийным». Она столь чрезмерно технически придумана, что в ней не может жить никакая сила подлинного сохранения.

Масса легче понимает перевернутый идеализм, согласно которому дух и действительность есть только идеология материи и действительного, причем действительное и материя уже в свете идеализма являются опустошенными и обедненными как негативное. Вот так масса и массовость становятся подлинным оплотом метафизики.

65 Впрочем, не массовость как необозримое скопление людей, а масса, которая ищет неверия как веру. Неверие есть оплот метафизики. Мораль прогресса и благосостояния и мира (Frieden) есть повседневная употребительная форма этого неверия. «Мир» есть беспрепятственная возможность

экономического и трудового ограбления низовых слоев. «Благосостояние» есть видимость безобидности протекающего ограбления. «Прогресс» есть идеал, предназначенный для тех, кто отнял все возможности для продвижения вперед. «Прогресс», «благосостояние» и мир суть «ценности», т. е. условия воли к власти, которые должны повсюду демонстрировать бескорыстность тех, кто нацелен исключительно на ценностную полезность этих «идеалов». «Подражание» и «враждебность» — базовая позиция массы, ибо это знаки метафизического.

Нам не нужны ни демократические, ни фашистские «идеалы»; нам вообще не требуются политические идеалы и меньше всего моральная опека и политическое воспитание со стороны других. Нам нужно лишь то, в чем наша сокрытая сущность, определяемая самим Бытием, издавна нуждается и к чему она призвана. Все это не способны познать те, кто глубочайшим образом впутан в метафизику. 66
До их самоуверенной необузданной преподавательской деятельности нам дела нет. Познать и преодолеть новоевропейскую сумятицу нашей сущности и ее впутанность в эту сумятицу можем только мы сами, причем неспешно, ибо пребываем в полемике с метафизикой. Фатальность войн невозможно объяснить морально-политически; все перспективы обвинения и оправдания слишком слабы.

Опасным для нас самих могло бы стать лишь высокомерие, готовое охватить нас, как только некоторые доподлинно узнают, что у нас имеется нечто иное, что призывает нас проходить мимо политической воли и делишек других без презрения и поклонения, коль скоро оно хотело бы стать авторитетным и первым. Проходить мимо может лишь тот, кто опирается на собственную сущность.

Не стоит полагать, что мы одумаемся лишь вследствие несчастья. Мыслящие и творческие люди размышляют уже долгое время и знают, что время, в которое свершается истинное, продолжительно, а мыслящие и творческие люди никогда по сути не похожи на тех, кто занимается «идеологиями». Следует знать, что нашу сущность, созданную не нами, никогда нельзя постичь метафизически, т. е. технически-историографически. Тут не по-
67 может опора на планирование и осуществление и «упорядочение» народов, которые суть (если они суть) лишь ожидающе принадлежа своей сущностной будущности.

Но мы сами также должны знать, что полемика с «демократией» и ее противником, фашизмом, никогда не является сущностной, поскольку она, оставаясь в области политического, не понимает, что под вопросом стоит метафизика и ее сущностное господство. То, что здесь протискивается среди политических властных фигур, это наша собственная нововременная западноевропейская сущность: гуманность, национальность, бестиальность — это главные ступени развития субъектности (см. выше <S.> 61), которая завершается в брутальности воли к воле. Мы могли бы сегодня дополнить слова Грильпарцера (приводимые Карлом Буркхардтом[27]), чтобы еще отчетливее понять внутреннюю последовательность эпохи Нового времени в его основной черте: «От гуманности через национальность к бестиальности в брутальности». Характерно, кстати, что здесь употребляются сплошь слова с латинскими корнями.

---

27. [Carl Jacob Burckhardt: Gestalten und Mächte, S. 227.]

Незаметное в начальном, а потому никогда себя не использующее превосходство в сущности исторического определения не исконно-народного (des nicht völkischen) народа: невнимание к несообразной внешней враждебности других. Подобное невнимание исходит из осторожности по отношению к угадывающему истолкованию Бытия в прочно слаженном сказывании (Sage) невыговоренного слова. 68

Никакое учение и никакое мышление не вернут того, что утрачено.

Но что утрачено? Что мы можем потерять? Лишь то, чего у нас нет. А чего у нас нет? Того, чему мы сами не принадлежим, — ибо мы им оставлены — ему не предоставлены.

«Жизнь книг»: «Всякая книга живет столько же, что и противники, с которыми она борется».

Фраза эта предполагает, что любая книга написана «против» кого-то и из этого соперничества состоит и на него опирается.

Такое мнение ошибочно. Но даже будь это так в том смысле, что всякая книга нечто преодолевает или сообщает более изначальное, может оказаться, что некая книга написана «против» того, что на деле принадлежит к непреходящему, ибо сущностному. Тогда сама эта книга осталась бы непреходящей — причем ее долговечность была бы связана вовсе не с тем, против чего она была написана, но с тем, *за что*. Хотя в Бытии не-сущность порой замещает 69
сущность и сама эта сущность только бытийствует в возврате к своей незапамятной, ибо неисчерпаемой в себе истине, все же мышление, которое, чисто мысля, мыслит лишь Бытие, могло бы оставаться непреходящим — даже единственно непреходящим.

Единственная ступень в бесконечное и в бесконечном — это скачок. Отскок — парение — подскок.

Но в чем состоит событийная сущность бесконечного?

Осмысление. — Даже непритязательное мышление попадает под давление притязаний, пусть не выдвигаемых им самим, но придаваемых ему, поскольку оно есть мышление, от которого ожидают «самой» истины. Лишь немногие способны помыслить, что может наступить эпоха, которая должна бы вынести то, что Бытие когда-нибудь войдет в свою истину, свершающую сущность человека как хранящую (welche Wahrheit sich das Menschenwesen als das wahrende ereignet). Еще реже встречаются те, кто знает, что заход Бытия в истину есть тишайшее событие, которое оберегается лишь из-за неприметности и может быть помыслено в невыговоренном. И если это, — т. е. в ожи-
70 дании невыговоренного сказывания о событии, бережливо, позволить ему <сказыванию> прийти и сохранить <его> в возвращении к неприкосновенной земле под спокойным небом кормящего края, — если это было бы сущностью какого-то, а именно нашего, народа, то хорошо бы сначала пробудить у этого народа доверие к его сущности и показать ему принадлежность к ней. Перед этим необходимо еще более первоначальное: сделать познаваемой эту сущность, не как «идеал» и «идею» — но как основную черту в отношении Бытия к человеческому существу. Мы еще неопытны и никем не ведóмы в том, что мы ищем, т. е. в том, что касается «бытия», и все же принадлежим к сущности, чтобы сохранять — мысля-творя-высказывая — истину Бытия. Мы не являемся сущностью, коль скоро то бытие собственно утвер-

ждает <следующее>: настойчивость в принадлежности к подобной сущности. Лишь немногие суть настойчиво умирающие.

Чужая сущность еще перестраивает и искажает нашу пока скрытую от нас собственную сущность. Откуда берется падкость немцев на чужую сущность, откуда неспособность к политике (к общению народов между собой, только ради самого этого общения и ради некоей полезной цели), откуда берется самонадеянность и откуда основательность, с которой совершается ошибочное и чрезмерное, откуда бесформенность и всякая чушь, которая их сопровождает? Проистекает все это из недостатка или все идет от еще не познанного и не истолкованного, а потому еще не усвоенного, еще не свободно изливающегося и все же сохраняющегося в себе избытка скрытого предопределения сущности? 71

С чем связан поразительный ход истории, когда века и поколения все торопливей ищут цели лишь в кругу поверхностных происшествий и посягательств мира? Почему мыслимое и созидаемое нашей подлинной истории остается непознанным и тонет в забвении, которое мы едва ли могли бы представить, ибо мы не способны мыслить в памятовании? Что нам известно об истории нашей сущности (которая ведь принадлежит судьбе Бытия)? Что тогда означает — историческое мышление? И что вообще означает мышление? Не является ли собственно мышление историческим? Мышление? И что значит «историческое»?

«Исторично» то, что принадлежит к истории, что определяет ее сущность и из нее проистекает. Что означает «история»? Что означает здесь, т.е. в соответствии с сущностью истории, <слово> «принадлежит»? История (die Geschichte) есть по-

сыл (das Geschicht), т. е. судьба (das Geschick), и это есть бытийствующее целое посылания (des Schikkens), подобно тому, как горный массив есть бытийствующее целое горного бытия и как нрав (das Gemüt) есть бытийствующее целое духа (des Mutes) в смысле mūots (θυμός — страсть — мыслящий разум (der sinnende Sinn): le cœur[28]). Посылание же употребляется здесь в изначальном смысле как посылание прихода (das Schicken des Kommens), каковое присуще событию. Посылание есть предпосылающее (в человека его сущность).

72 Посылание как дарение чего-либо кому-нибудь — позволение прихода означает «от-давать», причем таким образом, что дарящий-посылающий сдерживает и бережет себя и не желает себя называть.

Посылание как допущенное позволение прихода (Schicken als das kommenlassende Zu-kommen lassen). Судьба: бытийствующее в посылании и целое посылающего, посылания и посланного. [В какой мере к судьбе может относиться зловредность и гневливость?] История мыслится, таким образом, событийно, а не каузально как связь причины и следствия в каком-нибудь «происшествии»; и не как связное протекание происшествий.

Посылаемое (das Schickliche) это то, что отвечает посыланию судьбы и тем самым соответствует ему и присоединяется к сплотке события.

Судьбинное (das Geschickliche) есть целое посылания (Schickung) и бытийствующего ответа — отвечание есть принадлежание (осмотрительная приспособленность к событию) судьбе. Судьбинное есть сущность исторического.

---

28. Сердце (*фр.*). — *Прим. пер.*

Отвечание же есть памятование — память о приходе и бывшем — память как таковая есть принадлежание событию. Память есть «историческое» *Бытие* и потому сама по себе исторична.

Мышление есть памятование уже в смысле нашего прежнего, более богатого языка. В нем чаще говорится не «мышление», а «помысливание» («Gedenken»). Помысливание к тому же соотнесено с бывшим и приходом.

См. «Немецкий словарь» Германа *Пауля*, статью «Gedenken». Здесь упоминается, что Готшед говорит о Декарте: «er schloß so: ich gedenke, darum bin ich vorhanden»[29]. [Cogitare переведено словом «Gedenken». Пауль пишет там же: «<слово> gedenken <мыслить> могло первоначально употребляться в том же расширительном значении, как просто мыслить (denken), причем так, что gedenken употреблялось чаще».] В современном языке оно ограничено определенными способами употребления. С одной стороны, это = ‘думать о прошлом’, ‘вспоминать’, причем в сочетании с Gen.: он вспоминал старое время; в редких случаях <это означает> просто ‘думать’ <…>. С другой стороны, слово gedenken относится к будущему: = ‘намереваться’, причем с предлогом zu и инфинитивом»[30]. <Родственные слова> eingedenk (вспоминая), gedenk (памятуя). Der Gedenk (устаревшее слово со значением *der Gedanke* («мысль») и сильно [?]). 73

Как же мы становимся историческими, если сущность судьбинного у человека состоит в помысливании? Только благодаря тому, что становимся

29. [Hermann Paul: Deutsches Wörterbuch. Max Niemeyer Verlag: Halle an der Saale, 1897, S. 161.] — «…Он сделал такой вывод: я мыслю, а потому я существую» (*нем.*). — *Прим. пер.*

30. [Ebd., S. 161.]

мыслящими. Но как может быть мышление, если нет мыслящих? Как стать мыслящими, если только мыслители не побуждают их к помысливанию? Кто же такой мыслитель?

Мыслитель способен Бытийнее познавать Все Сущее, чем это обычно понимают (Бытийнее (seyender), т. е. бытийственнее (wesender), т. е. исходящее из истины Бытия). По-знавание есть вносящее самососредоточение в бывшее прихода. По-знавание есть самососредоточение в памятовании исходя из помысливания. Памятование опирается на память. Память есть сбывшаяся собственность события. Сущность человека как мыслящего существа есть бытие памятью в событии. Отвечающее познавание есть раскрывающаяся сущность ожидания.

Что нам «еще» остается? Более чем достаточно. Ибо нам еще остается непреходящее. Еще остается нам не просто некий *остаток*, но в первую
74 очередь — ядро всего существа. Еще нам остается то, что издавна уже осталось и ожидало нас, хотя мы никогда не обращали на него внимание: непреходящее. Но это непреходящее есть наша «историческая» сущность. Она заключается вот в чем: творяще-мыслящая память должна быть ответом на слово события. Познаем ли мы это непреходящее как ожидающее нас иначе, чем в ожидании? (См. «Наша западноевропейская сущность»[31]).

Чего мы ожидаем, так это западноевропейской сущности земли и человека. См. S. 54 (см.: «Осмысление нашей сущности»[32]).

---

31. [Martin Heidegger: Auf dem Weg zum Abendland. Über das Geschick der Deutschen. In: Ders.: Zum Ereignis-Denken. GA 73. 1. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main, 2013, S. 849–867.]
32. [Martin Heidegger: Besinnung auf unser Wesen. In: Ders.: Zum Ereignis Denken. GA 73. 1. A.a.O., S. 715–719.]

Что является великим в истории? Величие — это имя для существенного. Велик тот, кто не нуждается в своей эпохе, чтобы «действовать» и быть тут действующе-действительным. Велик тот, кто исходя из Da-seyn может быть благословением и избавляется от всякого влияния в активном и пассивном смысле и принадлежит только Бытию. Таким образом сбывающееся собственное (sich ereignende Eigentliche) остается скрытым от обыденного представления.

Так великое оказывается незаметным, поскольку оно никогда не попадает в область предметного появления (Erscheinen) и тем самым кажимости (Scheinen), где имеет значение лишь бросающееся в глаза и выдающееся, по степени которых оценивается обычное величие.

Во дни позора и боли следует пребывать в родимом крае. 75

Отец мой был тихим человеком. Мой дед был еще тише, он был сапожником. Тишину он воспринял от одинокой скалистой долины задумчивой <реки> Истр. Был ли он столь же тихим, как тишайший из всех сапожников, — Якоб Бёме?

Мораль, полагающая, что справедливость состоит в мести. Мнение, что отомстить какому-нибудь народу можно, а потому и нужно, — бьет по нам самим. Как нам отвечать за националистическое ослепление, если мы, возможно, попытаемся со временем найти где-нибудь международно установленное прибежище?

Сущностная взаимная неосведомленность друг о друге характерна для отношений между странами. Это отношение можно описать словами Лих-

тенберга: «„Как идут дела?“ — спросил слепой хромого. „Как видите“, — отвечал хромой»[33].

А по поводу миропорядка, основанного на мировом господстве, справедливо другое изречение Лихтенберга:

76 «Если бы собаки, осы и шершни были наделены человеческим разумом, то, возможно, они смогли бы покорить мир»[34].

Сейчас беспрерывно говорят только об американцах и французах, об англичанах и русских и о том, как нам живется под властью их воспитательной работы. Никто не думает о том, как обстоят дела у немцев, в своем ли они еще уме, знают ли сами вообще, кто они такие, способны ли думать, чтобы дойти до такого знания, смогут ли они войти в долгое время памятования, в котором только и расцветает истина их сущности, <а именно> быть пастырем в Западной Европе, <<Вечерней или Закатной стране>> (Abendland), ибо вечер (Abend) — это время, а его страна — пространство, в каковом времени-пространстве основываются места истины, из которой когда-нибудь исторический человек и судьба богов, — обратившись-назад в Бытие (событие), обретут свою сущность: празднование самого Бытия единственно и просто, <оно заключается в том,> чтобы быть покорным и покоиться в своем спокойствии.

77 Философия до сих пор считается любовью к знанию; в абсолютном идеализме, преодолевшем окон-

---

33. [Georg Christoph Lichtenberg: Schriften und Briefe. Bd. 1 — Sudelbücher I. Hrsg. von Wolfgang Promies. Carl Hanser Verlag: München, 1968, S. 429 (Heft E 385).]
34. [Ebd., S. 706 (Heft J 360).]

чательное стремление к представлению, она, наконец, стала самим абсолютным знанием, которое знает само себя как знание абсолюта и обретает в этом знании свою действительность.

Теперь она, познаваемая Бытийно-исторически, не является ни любовью к знанию, ни самим этим желанным знанием, к которому стремилась, но есть любовь знания.

Что имеется в виду?

Философия уже больше не любовь как эрос (метафизика). Знание уже больше не представление (идея — сознание — самосознание). Прежде всего то, что́ любит любовь, это не знание, а знание есть любящее <начало> и любовь. Что любит знание?

Оно любит Бытие в приходе его возврата в событие.

А любовь есть спокойствие принадлежности к началу бедности, которая готовит Бытию собственность.

Любовь знания есть спокойствие памятования. Последнее сохраняет высвечивающее сказывание истины Бытия — т. е. знание.

Спокойствие памяти покоится в событии.

Разговор есть событие длящегося, высвечивающего сказывания. Вот почему оно есть событие языка в истории. Название Φιλοσοφία не годится; и тем не менее оно обретает непреходящий отклик. 78

См. □ Φιλοσοφία (со ссылками на «Поэзию»)[35].

Нам не нужны техника и политика, не нужны культура и мораль (система воспитания) — как цели и элементы Da-seyn. Нам нужны учителя, кото-

35. [Martin Heidegger: Die Dichtung. ΦΙΛΟΣΟΦΙΑ — ΠΟΙΗΣΙΣ. Das Gespräch. In: Ders: Zum Ereignis-Denken. GA 73. 1, A.a.O., S. 684–700.]

рые могут учить. А прежде всего нам нужны юноши, которые после долгого роста созревают, чтобы научиться познавать сущность отечества и строить его.

Сущность отечества есть Западная Европа (das Abendland).

В нем-то немцы и становятся в первую очередь немцами и познают матерь всего: нетронутую землю.

Учитесь знанию. Знание есть настойчивость в истине. Истину мы познаем в памяти. Память есть поэзия.

Поэзию высказывают мыслитель и певец в своем разговоре. Этот разговор поэтически осваяет-сбывает поэзию в язык (и поэзия <есть> событие-сбывание, а событие-сбывание — Западная Европа).

Учитесь знанию: слушайте разговор: живите в его языке: принадлежите его невыговоренному: спокойно пребывайте в тишине: будьте для Бытия в Бытии.

Так бытие есть Бытие.

79 Так осваяется-сбывается событие в собственность отсвоения (der Enteignis).

Ну, а как же нужда! Знакомы ли мы с нуждой, с настоящей нуждой?, которая скрывается еще в жесточайшей нужде потребностей и признает ее неподлинной. Знаем ли мы хотя бы сущность нужды? См. □ Прислушайтесь к языку разговора[36].

Знающим и ответственным непозволительно еще и укреплять дешевенькую мудрость, содержащуюся во фразе: «Ведь придут русские и наступит конец!»

---

36. [Martin Heidegger: Hört die Sprache des Gesprächs. In: Ders.: Zum Ereignis-Denken. GA 73.1. A.a.O., S. 703–712.]

Это способ представления, к которому за многие годы нас приучили «боевые действия», наблюдаемые со стороны. Что мы знаем о тайне истории, находясь внутри тех мировых катастроф, которые происходят сейчас? Вправе ли мы делать свои мелкие «интересы» и подвергание их опасности мерилом того, что чему-то приходит конец или что-то начинается или является переходом и подготавливается? Сквозь привычные очки в рамках давно освоенного пропагандистского горизонта мы видим только декорации и фасады. Именно потому, что с «Россией» вторгается на «запад» (nach «Westen») не что-либо чуждое, но мы сами в образе завершенного абсолютного Нововременного и Европейского, <именно поэтому> протекающий здесь исторический конфликт является конфликтом с нами самими и нашими собственными сущностными силами. Конечно, «европейский» человек, который еще не познал Западную Европу (das Abendland), не может сейчас внезапно создать себе другую историю и обосноваться в «новых порядках»; причем все это мыслится «технически», а не исторически, т. е. исходя из скрытой судьбы. Но Бытие слишком таинственно и свободно, чтобы мы (согласно с откровениями, которые стали столь скудны) могли полагать, будто конец неизбежен. (Свобода.) 80

Для богов мы приходим слишком поздно, а для Бытия слишком рано. См. <S.> 82 ниже.

Все очевидней для меня становится предчувствие, что наша родина, ядро юго-западной Германии, будет историческим местом рождения западноевропейской (abendländischen) сущности. Возможно, это звучит странно, но иначе быть не может; ибо

это — одухотворенный (Geistesvoll) и одновременно близкий к природе прекрасный край. В нем таится незримое богатство для души, хранится глубочайшая поэзия и высший образ традиции (höchste Gestalt der Sage). Но сперва мы должны открыть это место рождения и пробудить из западного мышления, не застревая на том, что заплутавшаяся эпоха оставила и по видимости, но не в сущности, лишила корней. (Свобода.)

81 Лишь в возвращении на родину возникает родина. Только так познаем мы ее собирательную, сбывающуюся сущность — которая затем выходит за свои границы в исторически непреходящее. Хотя мы еще не подошли к Западной Европе, но кто-то уже находится в ее близи, которая еще из-за чрезмерной близости привычного становится закрытой.

К западноевропейскому также относится то, что мы когда-нибудь узнаем, что «дух» не является чем-то сверхчувственным, которое с помощью побуждения создается через «чувственное», но что человек все равно достигает бездны и потому возводит все сверхчувственное в веселое и все ему свойственное. —

Вы все еще не видите или даже видите все меньше, как расширяется окружающий мир, в котором нельзя отважиться на какое-либо мышление, ибо сущность мышления и свободы исчезла в пыли опустошения?

Как трудно или даже невозможно говорить в «мире» и к «миру», который, заранее исходя из своей главенствующей позиции, *не* желает и не может воспринимать то, что должно быть сказано и уже сказано в свободной достаточности и чистом осмысле-

нии; мир, который всё подхватывает и использует 82
для твердо установленных целей и для подкрепления своих взглядов.

Для богов мы приходим слишком поздно, а для Бытия слишком рано. Мы приходим ранью к поздноте бывшего. Каждый приходит в свое, т. е. ниспосланное ему время. Мы приходим, возможно, в наполненное бывшим промедление в рань самых робких предрассветных сумерек из пылающих вечерних сумерек. Сумерки и промедление, промедление и миг чистейшего отношения.

День рождения 1945: ночная ясность над дорогой:

Не задавай себе вопросов
В поле истины —
Возвернись в ответное-слово (Ant-wort):
Пребывай, получивши знак-намек,
Радуясь в освобождающей благодарности.
Будучи лишь пребывающими,
Мы — жильцы,
Проживающие в доме милости.

Нигде <не делается> ни шага к подлинному. Повсю- 83
ду лишь более жесткая запутанность в безмерном ослеплении. Оставленность бытием еще не завершена. Она <завершится> только тогда, когда заболит боль.

Мы <пребываем> в еще не познанной судьбе другого начала.

Люди хотят проживать (в-бытии-в-мире) или в том, что кажется таковым, ничего не строя в возделанном краю.

Люди не видят, что строительство есть изначально-первоначальное проживание — поэзия как мир-

ствование (das Welten-lassen), первое празднество и будущее мира (die einstige von Welt).

Люди не познают мир заранее и не подозревают, что мир — только в событии.

На место отвергающих то, чем они никогда не обладали, выступают Те, кто сохраняет то, чем они издавна владели, вот почему Оно ожидает их, так что они могут принадлежать ему только как ожидающие.

«Массы» и «этика»

Пока мы не знаем больше, чем пишем,
Пока мы не мыслим исходя из несказанного,
Пока мы не принадлежим Бытию, всякое слово избыточно.

84 Снова лишь больше знать, чем мы говорим и рассказываем. Снова лишь молчать, перемалчивать говорение языка метафизики. Снова лишь слово. Снова лишь слышащие ответы.

Вместо шума — тишина — *через* писание и говорение?

Со своими собственными трудностями постоянно в пути!

Чтобы имелись «видимость» и внешность:

Молчать — ничего не публиковать — не двигаться дальше — непродуктивно, беспомощно, в конце концов. Потерпеть неудачу.

«Дальше» — куда дальше — в первую очередь туда и сюда, где мы находимся, — сперва Здесь — оставаться, в Здесь — не двигаться «дальше» и ‹не› идти-вперед (Fort-schritt).

Da-seyn. Где же? *Где вместо где* (Das Wo für das Wo).

Замедление (Die *Verzögerung*) — в *промедление* (das *Zögern*) — робость.

Безусловное *замедление* (не уныние (Verzagen) — напротив).

Медлить-колебаться (Zögern) — оставлять открытым — открываться — *некоторое время* (die Weile).

Одному доценту философии в Тюбингенском университете:

Думайте каждое утро о том, что там в семинарии (Stift) некогда жили трое швабов[37], каждому из которых предстояло пройти своим собственным единственным одиноким путем, и что сегодняшний мир не в силах хотя бы только представить, чтó это означает. Попытайтесь показать это молодым людям вокруг вас. 85

В моменты, когда на нас обрушивается страдание, наше существо легко немеет и становится непроницаемым. Создается впечатление, будто порваны все связи, в силу которых мы принадлежим к миру и к людям. С трудом находим <нужные> слова; возможно, также потому, что мы не верим в их утешительную силу, пока постепенно к нам не поворачивается тайна страдания и пока мы не понимаем, что лишь то, что издавна было для нас ожидаемым прибытием, изменилось, став чем-то непреходящим, чему мы сами ежечасно вынуждены вновь идти навстречу, чтобы в мыслях о нем его непреходящесть росла, наполняла бы нас готовностью не только выстрадывать отказанное как утрату и горевать в несчастье, но воспринимать отказанное и его отказ (das Versagte und seine Versagung) как чрезмерное

37. Имеются в виду Шеллинг, Гегель и Гёльдерлин. — *Прим. пер.*

требование, быть готовым на помощь и доброе дело, хотя все вокруг исполнено страданием и бедой.

С опозданием на сто пятьдесят лет?
Или
С опережением на триста лет?
Или?

86 Является ли человек ученым-философом или философом (метафизиком) или мыслителем (поэтом или братом певца).

Я верю только в одно — что в будущем нам вновь будет даровано больше знать, чем мы говорим. В противном случае слово не имеет веса.

После тридцати лет преподавательской деятельности избавление от преподавания (не от «университета») дается совсем не легко, еще и потому, что я был страстным учителем и также знаю, что устное слово перевешивает написанное, в которое многое невозможно втиснуть, даже если все тщательно оформлено. Но, с другой стороны, произнесенное недолговечно и «воздействует» по-другому, меняясь при этом до неузнаваемости. Кроме того, мыслительное высказывание нуждается в собственной строгой связности, которая лишь в письменном виде обретает постоянство.

Этой «связности» нужно придать непреходящую силу и ‹уделить ей› время, вне зависимости от того, существует ли еще возможность что-то «опубликовать». (Декабрь 1945.)

87 *Химия «истории»*: последняя в век воли к воле может явиться только в форме последовательности

цепных реакций; *анти-* влечет за собой *контр-*, а оно ведет за собой новое *противо*-движение. Акции «морали» и «порядка» — это лишь формы метафизической техники, — ее притязания на господство облегчаются и даже востребуются преступным вырождением *той самой* воли к воле. Но повсюду все то же забвение бытия. К планетарной универсальности технической метафизики относится культура, которая держится за счет гётевского идеала и «всемирной литературы», с чем легко связывается и «христианство» (не путать с христианской религией). Для химизма истории важным остается то, что и классический нигилизм, который начал развиваться в метафизике Ницше, с необходимостью понимает себя как контр-движение — оценку ценностей — *пере-оценку*. Вот и в нынешней сумятице есть только насильственный, в свое время захвативший «власть» выход в затхлый платонизм, который оправдывает себя лишь через «анти-».

Гёльдерлин. — Никто между тем больше не отва- 88
живается упомянуть его имя; даже те, кто порой был им затронут, но отнюдь не потрясен, теперь уклоняются и спасаются бегством обратно к Гёте. Поэзия Гёльдерлина вновь погружается в ночь и предается забвению, не говоря о неизбежном культурном фасаде, в который включается также его имя и какое-либо подходящее стихотворение. Создается впечатление, будто ‹эти люди› хотят заклеймить Гёльдерлина, — который говорит об «отечестве», — как националиста и как опасность (не пытаясь задуматься о том, что стоит за словом «отец»), что делает необходимым для немцев и Западной Европы по-настоящему задуматься, оставляя в стороне текущую политическую мировую обстановку, о пропасти, указывающей на начало.

Нигилизм лишь сейчас вступает в стадию своей подлинной, т. е. насквозь обманчивой и каверзной, соблазнительной и тянущей вниз, шаг за шагом изнуряющей формы. Крадущийся-неузнаваемый изнуряющий нигилизм как следствие грубей-
89 шего и для каждого ощутимого, а *потому* каждого, причем немедленно, одурачивающего нигилизма. Окончательным изнуряющий нигилизм становится тогда, когда обретает ту самую обманчивую уверенность, которая позволяет ему взять себе на службу и «веру», и христианство, и мораль и благодаря этому получить одобрение и поощрение. Террор окончательного нигилизма является еще более жутким, чем вся масса палачей и концлагерей.

Великий обман. — Как будто Бытие должно служить инструментом организации сущего; как будто Бытие предназначено быть на службе и в рабстве (τέχνη) у сущего, а сущее и есть конкретное *действительное*.

Как будто скорее не всякое сущее (в какой истине) является поводом для возможности жизни события, на службе (zudienst) свободы события. Но все это не что иное, как поворот лишь в смысле обратного движения к предыдущему, даже еще в смысле платонизма, который сводит бытие к παράδειγμα[38], полагая, что тем самым возвышает его.

90 Уни-версальный — не интер-национальный.

Тот, кто обязан уметь *сочинять* «разговоры», причем даже «философские», не вправе быть «разговорчивым»; в противном случае «сочинение»

---

38. Образец (*греч.*). — *Прим. пер.*

легко превратится в простое воспроизведение и «реализацию» само собой уже имеющейся болтливости.

«*Мышление и поэзия*». — «Науки», так же как техника и в качестве технологий, неизбежно интернациональны. Интернационального мышления не существует, есть только универсальное мышление, берущее начало в Одном Единственном. Но это мышление, чтобы быть способным оставаться вблизи к истоку, непременно есть судьбинное жилище (das geschickliches Wohnen) в единственном отечестве и единственном народе, так что не этот народ <является> националистической целью мышления и последнее есть только «выражение» народа; единственная судьбинная родина почвенности есть укоренение, которое-то и обеспечивает врастание в универсальность. Иначе мышление и поэзия остаются беспочвенной техникой и литературной возней. Поэзия также универсальна в своей непереводимости; литературщина интернациональна.

Судьба (Das Geschick): обдумывать поворот и, обду- 91
мывая, высказывать: само Бытие. Близящаяся близь перед всяким основанием сущего — вновь неограниченный натиск метафизики: как мораль и христианство, как демократия и гуманизм — но также и как техника и первенство «действительного» в смысле экономического производства. Бессмысленно *в рамках* этого обновленного и, как может показаться после создания атомной бомбы, окончательного господства метафизики искать какое-нибудь направление, чтобы пробудить Бытийно-судьбинное мышление (das seynsgeschickliche Denken). Последнее прежде всего выслушивается и используется только «метафизически», а все изначальное тем са-

мым уже погребено. Уни-версальное — приходящее от Единственного самого Бытия — остается искаженным. Что же делать? Сплоти сказывание — сотворение о-своенно-свершаемой благодарности, но сотворение по-другому, чем всякое «основание», только призывающее сущее или *его* бытие.

Оставаться на тропинке и изначальнее познать [«почуять»]: единственность события живет только на родине. См.: Знаки-намеки, «настроение»[39].

92 Захват-начинание (An-fang) мышления в то, что должно быть помыслено, т. е. в Бытие, покоится в Бытии, которое бытийствует как событие свободы освобождающей милости.

Университет. — Были времена, сменявшие друг друга на долгом пути, когда я верил, что университет будет когда-нибудь пребывать во Вселенной (Универсуме), обретя тем самым свою универсальную сущность, и заслужит тогда свое название. Есть ли, однако, что-либо менее универсальное и менее соотнесенное с большими делами, чем это лишенное корней учреждение, которое сейчас начинает заниматься тем, чтобы обеспечить себе самоуправление своей беспочвенности? Может ли что-нибудь *само* управлять собой, если оно заранее отказывается от осмысления этого, т. е. от постоянного, все более настойчивого размышления о том, что *есть* оно само в своей *самости*? См. <S.> 96.

Таинство любви: дать возлюбленному вернуться в любви в собственность сущности, которая возникает в нем благодаря любви. Но насколько исполненной самообмана является любовь — как далеки в ней

---

39. [Martin Heidegger: Gedachtes. GA 81. Hrsg. von Paola-Ludovika Coriando. Frankfurt am Main, 2007, S. 173.]

друг от друга и как зачастую теснятся друг к другу милость возвращения <домой> и воля к власти? 93

И та <любовь> легко впадает в видимость равнодушия, небрежности и забывчивости, в противоположность чему воля к власти есть постоянная затрата усилий и доказательство и удержание и окружение.

Постепенно зримым и отчетливым делается *предательство* (см. <S.> 126 слл.) по отношению к мышлению, что применительно к «псевдофилософам» вроде Эрнста Крика[40] давно уже обрело право защищать еще и дух и общественный дух (начало января 1946 г.).

Карл Ясперс в одном секретном сообщении (Geheimbericht) обо мне, дошедшем до меня в *кратких* «выдержках» (что такое SD?)[41], говорит о том, что для моего мышления характерен «враждебный идее университета и опасный <подход>»[42]. Возможно, он имеет в виду так воспринятое общественностью антихристианское, каковое, по сути, есть не что иное как изначально-греческое, — *это* начало Западной Европы, от познания которого, сколь это вообще возможно, уклоняются, поскольку никогда не заботятся о том. Но говорят еще о «филосо-

---

40. [Эрнст Крик (1882–1947), в 1933 г. ректор университета имени Иоганна Вольфганга Гёте во Франкфурте-на-Майне, влиятельный педагог, см.: Philosophie der Erziehung. Eugen Diederichs Verlag: Jena, 1930.]
41. Имеется в виду Sicherheitsdienst — служба безопасности у нацистов. — *Прим. пер.*
42. [См.: Martin Heidegger/Karl Jaspers: Briefwechsel 1920–1963. Hrsg. von Walter Biemel und Hans Saner. Vittorio Klostermann: Frankfurt am Main u. Piper: München, Zürich, 1990, S. 273.] — См.: Мартин Хайдеггер — Карл Ясперс. Переписка 1920–1963 / пер. И. Михайлова под ред. Н. Федоровой. М.: Ad Marginem, 2001. С. 367. — *Прим. пер.*

фии», и одновременно тот же самый Карл Ясперс стремится *вычеркнуть* последние 200 лет немецкой духовной истории.

Хайд-еггер (*Heid-egger*)[43]

тот, кто боронит (eggt) невозделанное поле, пустошь (Heide).

Но перед бороной он должен провести сначала плуг через каменистое поле.

94 Каждый может легко оценить, что́ еще остается, не только в «содержательном отношении», но и как основная черта позиции и вопрошания — т. е. мышления. Ясперс выражается еще даже великодушно, отмечая в упомянутом секретном сообщении, что если бы «университетская обстановка» была «обновлена» и обеспечен соответствующий «дух открытости», можно было бы даже подумать, не стоит ли рискнуть, допустив, чтобы указанное «опасное» мышление «могло приниматься во внимание»[44]. Может быть, как курьез? или как фасад демократической свободы — после того, как все надлежащим образом будет заковано в цепи и тем самым обезврежено. Но возникает сомнение, посещала ли когда-либо Ясперса какая-нибудь философская мысль — или же он с самого начала занимался только «психологией» философии, которая в психологическом релятивировании Всего добавила инструмент экзистентной самоуверенности и ее постоянного оправдания, чтобы в конце концов

---

43. [Краткая запись находится на вложенном в этом месте листке.]
44. [Martin Heidegger / Karl Jaspers: Briefwechsel 1920–1963. S. 273.] См.: Мартин Хайдеггер — Карл Ясперс. Переписка 1920–1963. С. 367. — *Прим. пер.*

предложить еще психологию краха перед трансценденцией, каковая «трансценденция» есть скопище всех запутанных мыслей, возникших в лишь наполовину, да и то психологически понятой метафизике Западной Европы. Можно ли всерьез полагать, 95
что это «философия»? а уж тем более *мышление*?

Почему сегодня в который раз и вновь на долгое время уходят от *Гёльдерлина* и бегут к Гёте? Потому что историография везде запрещает нам судьбинное (das Geschickliche) и не может постичь Гёльдерлина как ‹настоящего› поэта поэта (*der* Dichter des Dichters).

Никакая власть в мире и никакой бог никогда не вырвут мое мышление из высвоения (*Vereignung*) *в само Бытие*. Мышление никогда не изменит себе в своей сущности.

На долгом, все удлиняющемся возвратном пути мышления домой (Heimweg des Denkens) Бытие остается в близи и управляет несказанно как близь — как близящаяся-приближающаяся бессловесная благосклонность.

Если должно происходить самоуничтожение универсально-судьбинной сущности немцев как народа-*мыслителя* и поэта, как сердца народов, а значит, и по *причине* всех последствий, то сейчас *должна* разразиться атака на *мышление*, причем, как все прежнее, под маской спасения «духовного». Отказ от простой корневой почвы мышления происходит повсюду, причем неосознанно.

Все ярче в тихом свете Сокровенного Дня сияет 96
слово сказывания единственного мыслящего пев-

ца: <это> Гёльдерлин, «кто предается размышлениям в одиноком зале»[45].

Вероятно, это высказывание самого одинокого из одиноких можно истолковать <так, что оно> и есть «опасное» и «враждебное» по отношению к «обновленной идее университета».

«*Идея университета*» (см. выше, <S.> 92). — «Идея» — как и то, «идеей» чего она является, есть ответвление платонизма и таким образом уже сама как ἰδέα <пребывает> в без-начальном. «Университет» всецело есть нечто средневековое, и все «гуманистические» обновления не в состоянии ничего изменить в этом происхождении. «Средневековое» подразумевает здесь вовсе не нечто «мрачное», согласно пошлому представлению всех «просветителей», — но вплетенность в укрепившееся христианство и в развивающуюся технику: лишенное-свободы мышление, прислужником которого остается даже Декарт. Вероятно, попытка обновления «университета» — на основе первоначального мышления Греции — это бессмыслица и глубокая ошибка, которая *должна была* возникнуть вблизи истины.

97 Двусмысленнейшая форма воли к власти есть «справедливость», которую, однако, отделяет пропасть от изначальной Δίκη, покоящейся в Ἀλήθεια. Но последняя изначальна в начале.

Современная эпоха, издавна страстно желавшая только уверенности (Sicherung), сейчас готова пред-писывать безусловную неуверенность всего во всем. Но немцы, ввергнутые злым роком в не-

45. [Hölderlin: Sämtliche Werke. Bd. 4. A.a.O., S. 244.]

сущность (Unwesen), только обвиняют друг друга и самих себя перед судьей, которым должна быть сама справедливость. Где бóльшая дерзость, в преступлении или в осуждении? Где при всех таких действиях оказывается принадлежность к Бытию — где прежде всего отказ от всякой уверенности и неуверенности, который проистекает только из восстания самолюбия человеческого существа, из-за чего человек уклонился от захвата-на-чинания, чтобы погубить себя в упорядоченном опустошении земли?

Ни к чему обеспечивать обвинение «сущего», оно только впутывает в маниакальную путаницу.

Не обвинение сущего, но отказ от забвения бы- 98
тия. Но и не только отказ, а прежде и постоянно и единственно — сказывание Бытия.

Состояние полной неуверенности проявляется в том, что еще можно говорить только о сущем как «действительном», т. е. о его «идеях», но нельзя высказывать Бытие, разве что с «уверенностью» непосредственного и насквозь ложного толкования.

«Общественность духа», которую следует сейчас организовать, рождается не из открытости Бытия, она есть только упорядочивание общих для всех мнений и верований с учетом (Verrechnung) собранных историографических остатков «культуры» и «религии» при едва ли познанном господстве Скрытой Сущности техники.

Новоевропейского человека бросает от одной крайности его несущности в другую и обратно, хотя сам он еще полагает, что упорядочивает процессы и состояния и обладает «истинным» в <этом> «порядке». А кто же размахивает пращой, из которой выпадает растерянный <человек>?

99 *Неприметное* — то, в чем отсутствует вы-глядывание и величественный вид, выступание и выдвижение вперед, суета и деятельность в <рамках> «публичности».

Однако не-публичное не есть «приватное». Последнее относится только к «публичности» сообщества, — но не к публичности открытости мира, — что как раз и остается Затаенным Свечением (das Verhaltene Scheinen). Не-явление в смысле не-выступления-в-явление есть равным образом и собственно чистое свечение как сияние просвета свободы. Чистое свечение покоится в тишине сбывания, которая уже утихла — [*тихо остановлена* и послана в пускание и отпускание всякого действия о-предмечивания — вы-сматривание и выслушивание и ведение-себя]. (См. выше, S. 56 сл.)

Неприметное есть тихо совершающееся событие в тиши. Оно остается вне публичности и того, что время от времени побуждает к вос-хищению и в-слушиванию и вс-крикиванию и вообще восстанию, хотя человечество и без того является восстающим — восставшим в опредмечивание. Тишайшее жилище в неприметности события свободы есть мышление — более тихое, чем напев, — ибо более поэтичное; ведь мышление позволяет себе вы-
100 сказывать Бытие |событие свободы|, лишь в чем священное становится проговариваемым и пропеваемым в напеве.

Позволяющее себе высказаться Повторяющее предварительное высказывание в ближайшее, а значит, самое дальнее не-за-памятное есть мышление, более поэтичное, чем напев. Ибо более поэтичное, еще более умиротворяющее — еще более живущее, еще более неприметное.

Но как же работа мышления отделяется от неизбежной — в судьбе перехода — публичности пре-

подавания и писания (в смысле «публикации»). Что такое «публикация» — «издание» — «выход» книги? Разве не *должно* это осуществляться ради сообщества и ради воздействия и влияния и использования, в том числе ради доказательства, что автор еще «дее»-способен и что «*люди*» еще «могут от него чего-то ожидать». Чего же они ожидают? Как получилось, что «люди» имеют «право» чего-то ожидать и в какой мере то, чего они ожидают, т. е. скрыто «требуют», есть определяющее? Насколько неутоленным и мятежным является это все и эта махинация публичности?

Но не остается ли в сегодняшней действительности высвобождение из публичного в покойную тишину умиротворяющего мышления еще впутанным в бытовые потребности? Разумеется, — однако 101
после «выполненной работы» в публичной сфере преподавания и опубликования притязание на тишину больше не вправе представать несоразмерным и эгоизмом приватности или даже бегством, или даже досадным раздражением, но по меньшей мере «отречением». Впрочем, в публичности это «явление» неизбежно останется; да оно и будет ей принадлежать, так что подобные «впечатления», которые «люди» «легко» «получают», она тоже будет поощрять и постоянно вызывать. Так вокруг тиши мышления, возможно, будет много шума в общественности — «шум» вокруг «ничего» — наивный шум, возможно, вокруг сокровенного Бытия.

Поскольку о-свобожденное доверие тиши события еще ничтожно в мышлении и едва ли придерживается собственного пути, публичные рассуждения легко приобретают новое влияние в качестве препятствий. Одно из этих рассуждений таково: не существует ли особенно в отношении молодежи долг обучать и высказываться в письменном виде?

Но что такое «молодежь»? Способна ли она следовать путем мышления, не заплутавшись все же в публичном искажении этого мышления и сумятице и смешении?

102 Что такое обязательство-долженствование (Verpflichtung)? Не господствует ли над всяким подобным долженствованием (Sollen) еще и тихое освоение-сбывание события (das stille Ereignen des Ereignisses) в сказывание <о том>, что оно покоится и, покоясь, вырастает в прорастание в сокровищницу языка? Не является ли всякое «долженствование» не только забывшим Бытие осуществлением неисторичной организации «развития-воспитания» (Erziehung) и обработки «культурой»?

Как нам развивать-воспитывать, прежде чем мы сами не станем развитыми в ходе от-ношения (im Zug des Be-zugs), в которое Бытие нас самих сначала за-хватывает (an-fängt)? Откуда развитие-воспитание берет силу тяги без тяги, при-тяжения, Бытия?

Не требуется ли перед этим, чтобы мы продвигались в Бытие — по пути к свободе? Призванные из неприметного?

Но высвобождения из публичности, т. е. из ее притязаний, никогда не произойдет, если прежде и чище принадлежание (Gehören) в спокойствии к свободе не прояснит все хотения и способности и не проявит строгости к немудрому способу мышления. Но если милость освоения-сбывания лишь благоприятствует возвращению на родину, то родная почва также должна поддерживать, охватывать, быть способной дарить свое повсеместное утишающее-настраивающее.

103 Вот почему высвобождение мышления из развития-воспитания и обнародования и из области «науки» и «культуры» никогда не может быть

только «внутренним», оно должно происходить как судьбинный возврат в постоянно царящую укорененность в почве наисобственнейшей, берегущей происхождение родины. Но она должна оставаться ухоженной и оберегаемой. Она не оказывает никакого давления и не побуждает к организованной любви к родине и краеведению — что всецело является чуждой историографизацией — нелепой и бесплодной. Все Истинное — Сохраняющее — Освобождающее Незаметной Тишины сбывается само собой, благодаря избытку накапливаемого порой сбережения.

Неприметное сияние «здесь» (des Da), которое, свободу сбывания освобождая, бытует (freyend seint) как бытие события, в качестве коего Бытие свершает «здесь» (Da) — Da-*seyn* как Бытие есть мирствование мира.

Слушающие тишину (Das Hörertum der Stille); немногие <имеют> подобное происхождение. См. <S.> 121.

Что в единственных мыслях мышления самого Бытия, соразмерно истине Бытия, скрываясь укрывается, есть то, что единственно должно быть помыслено (das Zu-Denkende einzig), — то, что приближает 104
молчанию даль его высвоения (Vereignung) в самое собственное отказа: событие — единственное сказывание (Sage): освоение в отказ, глубоко сохраняющаяся нищета освобождения — В-Печати (In-Siegel) Бытия — свидетельство и замыкание в Одном — событие — только событие.

Одну мысль завершенной метафизики — идею Ницше — «вечное возвращение одного и того же» человек в состоянии «узреть» лишь как *конкретную* «фи-

лософскую» мысль, если ему открыла глаза <книга> «Бытие и время» = бытие из времени. Но это — только первый мыслительный подход к самому Бытию—

Путаным извращением, которое вытерпливается открытостью Бытия, является общественность. Но она вновь запутывается, когда организация ее власти раздувается в ней до «справедливости» и «истины». Чем публичнее общественность, тем замкнутее открытость Бытия.

Прежде всего замалчиваемое сказывание должно в долгое скрываемое время в благодарность Бытию сохранять для него язык. См.: «Знаки-намеки»[46].

105 Сегодня (23 января 1946 г.) ректор университета объявил мне, что Ученый совет единогласно утвердил мое заявление об эмеритации, поданное 8 октября 1945 г., правда, при «запрете» педагогической деятельности на неопределенный срок. Позднее при хорошем поведении можно было бы проверить, смогу ли я возобновить педагогическую деятельность и в какой форме. А еще мне намекнули о необходимости сдержанного поведения в публичной сфере, что подразумевало, пожалуй, также «публикации». Университет же, дескать, позаботится о том, чтобы мой дом был защищен и я мог там работать[47]. — Вопрос о правовой стороне подобной акции я не хотел задавать — разве что вопрос о том, чем попахивает эта процедура, ведь Ученый совет даже не рискнул предоставить мне какой-нибудь документ касатель-

---

46. [Martin Heidegger: Gedachtes. GA 81. A.a.O., S. 125–206.]
47. [Vgl. Martin Heidegger: Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges 1910–1976. GA 16. Hrsg. von Hermann Heidegger. Frankfurt am Main 2000, S. 419.]

но этого дела, но решил, что ректор доведет до моего сведения содержание этого дела в устной форме. Я объяснил ректору, что не претендую на какую-либо публичную деятельность в университете или где-нибудь еще, а также не собираюсь удалиться как обиженная персона — это не отвечало бы решению, которое сейчас созрело: устраниться от всего, что связано 106
с «университетом» и «наукой» и «профессорской должностью» — устраниться, однако, на основе возникшей и явно возросшей принадлежности к мыслящему отношению к Бытию. Попытка высказать это была включена в «Wink» («Знак-намек») под заглавием «*Мышление*»:

Мышление есть пребывание-по-соседству
есть тихая благодарность.
Мышление есть…[48]
…
…

Устраниться можно только на основе принадлежности. Еще более ясным и молчаливым, еще более ожидающим и сокровенным может стать всякое мышление и высказывание и «Da-seyn».

Φιλόφρον Ἀσυχία[49] …
Покой, благожелательно настроенный…

Лишь Бытию
<дарую> охотно звезду.
40 лет тому назад, в 1906 г., я, будучи гимназистом, приехал в этот город. Настало время его оставить.
См. <S.> 108, 110.

---

48. [Heidegger: Gedachtes. GA 81. A.a.O., S. 186.]
49. [Pindari carmina cum fragmentis. A.a.O., Pythia VIII, 1.]

107 У меня такое чувство, что необходима еще сотня лет сокрытости, чтобы догадаться, что́ ожидает в поэзии Гёльдерлина.

«Долго течет
Время, но все же свершится
Истина»[50]. («Мнемозина»)

—— * см. <S.> 122

Следует ожидать, что *Эрнст Юнгер* с его необычайной литературной одаренностью присвоит теперь <темы> «христианства» и «теологии». В отличие от ставших здесь привычными пошлостей, его esprit найдет разнообразные поразительные формулировки и описания. Непродуманность повторяется в другой области; и она дает необходимое для всякого именитого литератора преимущество, <а именно> что он является своевременным и пользуется уважением в том числе и среди тех, кто с помощью литературы и публичной болтовни подает его как значительного <автора>, не занимаясь по-настоящему исторически <его работами>, т. е. не имея ни малейшего представления о судьбе преодоления метафизики. Столь же непродуманно и наивно, как <к> «воле к власти», способный на все литератор бросается в объятия actus purus <, исходящего от> Deus veritatis, и получает возможность стать «героическим реалистом» в области техники и «отцом Церкви» в области христианства и таким

50. [Hölderlin: Sämtliche Werke. Bd. 4. Gedichte. A.a.O., S. 225. В рабочем экземпляре Хайдеггера, обильно снабженном его пометами, слово «ereignet» («свершится») подчеркнуто.] — Гёльдерлин Ф. Мнемозина (*Второй вариант*) / пер. С. Аверинцева // Сочинения. С. 181. В оригинале у Гёльдерлина «истинное» (Das Wahre). — *Прим. пер.*

образом хорошо устроиться и быть обеспеченным в культурном плане.

Решающее дарование и метод Эрнста Юнгера на- 108
столько инструментальны, что едва ли можно надеяться, что он, опираясь на себя самого, постигнет важные отношения, литературное изложение которых будет содержать какое-либо решение или некий существенный вопрос. Все ограничивается описанием.

Если бы для меня вновь стала возможной педагогическая деятельность, она бы не предполагала публичного выступления в «лекциях», но состояла в избранной и неторопливой беседе, упражняясь в вопрошании, наблюдении, высказывании и чтении, передавала или по крайней мере показывала на практике отдельным <лицам> — как возможность — частичку скрытого *ремесла* строгого мышления. Строгость мышления и путь мышления, неприметность высшего спокойствия в Бытии — все это *иное*, чем всякая научная техника, основанная на методе; <все это> уже давно стало неизвестно. Тут едва ли можно говорить о неопытности. Тщательность и терпение чистого ремесла в мышлении и ясность освобождающего отношения к Бытию — *составляют единство*, и лишь они обеспечивают основные черты настойчивости мышления, которое таит в себе отношение к истории Бытия, ибо само и является этим отношением. Науки, с одной стороны, и литературщина (Literatentum) — с другой в союзе с заносчивым многословием 109
разрушили всякое знание о том, что к подлинному мышлению относятся высшее *ремесло* и дающееся долгим упражнением молчание. Поскольку здесь уже не проводится *различий*, возникает путаница

всего со всем. Тем не менее *скрытое существование мастерской* мышления не затрагивается всем этим упадком и шумом — скорее, возможно, на длительное время оно оберегается в его тишине. В университете, пожалуй, уже не найдется места для подобной мастерской, поскольку техническая деятельность наук все осуществляет в спешке и на основе мимолетных душевных потребностей и еще более быстрого их удовлетворения. — См. <S.> 110.

«Экзистенцфилософия». — Вероятно, сами люди, к которым относится это название, заботятся сейчас о том, чтобы мое мышление не принималось за нее. Было бы полезно, если бы эти люди, придающие столь большой вес «общественному духу», также публично дистанцировались. Полезно только для общественного — самому мышлению эта не-мыслящая сущность не приносит никакой пользы, поскольку оно не нуждается в пользе.

С таким трудом раздутая посредственность ревнителей никогда не сможет создать атмосферу мышления. — 110

Ремесло. — Обдуманность и строгость интерпретации «текстов» мыслителя вырастает из освобождающей тщательности разговора, который всегда должен сосредоточиваться на невысказанном из того, что обдумывает самих мыслителей и нас, чтобы мыслящие, обращаясь к нам, говорили исходя из своего характернейшего и величайшего и тем самым вызывали в нас отклик на подобное. В таком разговоре нет места для «критики». Освоение «чтения» есть ремесло самососредоточения на покорно простом сказывании несказуемого в его несказуемости. Это «освоение чтения» не имеет ничего общего с филологической историографи-

ей, хотя оно не презирает труд «филологии», притом что последняя постоянно оказывается жертвой критического анализа — не в своих результатах, а по большей части в необдуманных и грубых герменевтических предпосылках. Освоить чтение сказывания мыслителей означает научиться мышлению, научиться познавать *путь* к Бытию из Бытия. «Путь» это нечто иное, чем бег «за» чем-то и позади чего-то с целью овладения и опредмечивания и постижения. Путь, ὁδός, есть само Бытие как событие — есть более строгое знание, чем любая техника μέθοδος <метода>. Упражнение — осуществление как разучивание (Die Übung — Ausübung als Einübung) — в освоении чтения есть упражнение в сообразном по-вторении того же самого и освоение чтения сказывания греческих мыслителей, и даже несравненный опыт мыслящего языка бытия, — это упражнение в благоговейном отношении к слову исходя из подлежащего-осмыслению, — это путь через скрытое на-чало — ремесло на этом пути есть заставление-себя-на-чинать в на-чале; есть освоение молчания. 111

Без освоенного ремесла нет никакого роста в мышлении; тут остается только самообманывающая халтура научной техники и произвольного говорения того, что приходит в голову. Но к освоению пути относится настрой на основной тон сообщения тиши сказывания Бытия — настрой, скажем еще раз, это не произвольность и слепота чувства. Глас тиши — *настройка* как подготовка к способности вос-произведения посланного тона. Настройка как сбывание в способность слышания, вос-произведения, способность от-вечать <словом> — позволение-высказаться — творчество.

Сбываться в спокойствие позволения — освобождение.

Они еще не слышат *связывающее*, *распоряжающееся*, посылающе-историческое, указующее, впускающее в судьбинное, они еще не предчувствуют единственной строгости и решительности <, присутствующих в> настойчивости в мышлении, — все то, что высказывается только словом «настроение».

112 Не напрасно у исходной точки новоевропейского мышления стоят Regulae ad directionem ingenii[51] и Discours de la méthode[52] Декарта. Сейчас — после того как долгое время между греческим мышлением и мышлением Декарта вторгалось нечто другое, ὁδός до-сократического мышления превращается в μέθοδος. (Истина как ὀρθότης[53] становится достоверностью.) Ὁδός уже благодаря Сократу становится μέθοδος — мышление вопрошает теперь *о* «сущности»; с тех пор как бытие уже больше не есть при-ход, человек должен за ним — по своему разумению — сам собой следовать — не пускаться *в* путь, а самому проделывать этот путь. Метод есть проделанный путь — не указанное указание (nicht das gewiesene Weisende).

Но в преодолении метафизики — в ее превозмогании — имеет свое начало *знак-намек*. Но лишь если ἡ ὁδός изначально мыслится как ход — по-стижение и прохождение пути, путь и его прохождение, — становится ясным присущий Da-seyn (но еще как таковой сокрытый) <способ> мышления и говорения — λέγειν — *собирание* — (*чтение*).

Но ремесло — это не инструмент и не техника, ремесло мышления есть в Бытии, из обращения Бытия, из его освоения-сбывания настроенная опреде-

---

51. Правила для руководства ума (*лат.*). — *Прим. пер.*
52. Рассуждение о методе (*фр.*). — *Прим. пер.*
53. Правильность (*греч.*). — *Прим. пер.*

ленность высказывающего себя высказывания, есть покорная в Бытии принадлежность спокойствия к свободе.

Вот почему снобистская забота о языке, т. е. 113
о «выразительности», была бы сама по себе заблуждением, в особенности потому, что язык как разговор сказывания Бытия есть *связность* позволяющего, охраняюще-живущего спокойствия и *крепость*, защищающая милость. Сказывание исходит только из того, *что́ надо сказать*, из события *прихода начала*.

Страх перед ремеслом — это следствие непознанного ужаса свободы, чью бесформенность они «заклинают» в форме «справедливости» как (лицемерно) честного и морализированного образа воли к власти.

Страшным остается террор бешеного насилия, которое гасит и опустошает «жизнь». Его жестокость, дабы возбуждать страх, обладает преимуществом осязаемости и «фактичности» — действенной действительности. И все же этот террор, исполненный бед, еще не является жутью и подлинным ужасом. Жуть проявляется не в насильственной деятельности и грубости Бешеного; она вообще не проявляется, а скрывается под видимостью справедливого распределения притязаний власти и властителей. Жуть скрывается в неспособности постичь и вынести свободу Бытия под маской заботы об «истине», которой люди, по их мнению, обладают. «Подлинный» террор состоит в возвещении «истины», кото- 114
рая уже разрушила всякое осмысление, прежде чем оно пробудилось. Ужас заключается в том, что организованное бегство от непознанной свободы уже не пугает и не допускает испуга, но сдвигает все возбуждающее страх в то *опасное*, которое люди чуют

еще в свободе, убегая от нее. Террор грубого насилия и общественного опустошения глуп. Террор же обладания истиной разумен и ставит незаметное и озабоченность благом мира на службу своей хитрости. Здесь, как и там, проявляются в публичном и приватном поведении сменяющие друг друга «хорошие» и «плохие» стороны, что по-разному скрывает коварство обоих видов террора.

Фальшивомонетничество, которое кроется в «идее» и «практике» Φιλοσοφία christiana.

Если помыслить *мышление* изначально и без обиняков, то <можно сказать, что> с появлением «философии», т. е. начиная с Сократа, оно приходит к концу. Христианство и наука в равной мере являются разрушителем, который упраздняет отношение к Бытию и начало этого отношения, причем упраздняет и предает забвению в форме «созидания» и «назидания», которые «создают» целое богатство «ценностей», а подлинное мышление,
115 включая его в себя как своего предтечу, перетолковывают и делают безопасным для себя.

Превосходная находка: Гёльдерлин «переводит» μεγάλοι λόγοι[54] в финальном хоре «Антигоны» словами «гордые взоры» (Große Blicke). Λόγος: размахнувшийся-настигающий отбор — как δηλοῦν — отбор в просвет просветно-просвещающего (начинающегося) вос-хода — дерзость этого перевода и его сокрытое — кажется, будто этим ничего не до-

54. [Sophoclis Fabulae. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit A. C. Pearson. Oxford, 1924. Antigonae, v. 1350.] — «горделивая речь» (пер. С. Шервинского и Н. Познякова); «надменные речи» (пер. Дм. Мережковского); «дерзкие речи» (пер. Ф. Зелинского). — *Прим. пер.*

стигнуто; и действительно ничего не достигнуто и все же — сияние λόγος <логоса>, а пере*вод* — есть *пере*вод в Греческое Мышление. Взоры, молнии (Die Blicke, die Blitze).

Метафизика: посыл (das Geschicht) истины сущего как (господствующее) бытие. «Преодоление» (Überwindung) метафизики освояется-сбывается исходя из преодоления (Verwindung) бытия в истину бытия, которая как Бытие просвечивает в событии, а бытие и метафизику таит в бывшем не начавшегося вос-хода. «Преодоление» есть не просто «мысленный» спор между мыслителями и даже отвержение. Но преодоление — это и не просто упразднение, а начинающееся событие. В преодолении не таится ничего «негативного». Последнее должно появиться только там, где «метафизику» нужно высвободить из метафизического самоистолкования, т. е. маскировки… де-струкция.

Гёте. — Заметят ли вскоре немцы, кто им постоянно восхваляет «Гёте» и для чего их уговаривают? Мы скоро поймем, что преодоление национализма произошло уже давно — исторически-поэтически-воспевающе в пении Гёльдерлина, — но главным образом произошло <преодоление> судьбы Западной Европы — не «гуманистически» и не «классически» и не «интернационально», а уни-версально — в мышлении <и> перепевах из Одного в Одно — из первоначального опыта скрытых пропастей метафизики, которые никогда не могли открыться плоскому «мышлению» зажиточных жителей Франкфурта. Гёте и Гёте — это не одно и то же. 116

Ремесло — мышления. Его неприметная, светлая и простая мастерская находится в жилище умело-

го человека. Необходимо только заботиться об этом ремесле, без стремления к публичному использованию, не думая о заработке и статусе; не забывая об упражнении, которое само собой превращается в традицию. Но простое ремесло мышления возникает только из высшего мастерства; тайна его опирается на способность к терпеливому учению. Учиться — это значит по-стигать случайности, собирать по-стигнутое в ответ, который хранит слово Бытия и помогает выстраивать то, что остается.

117 По-стижению непременно грозит опасность заблуждения и вступления на ложный путь из-за покорности свободе. По-стижение само — как постоянный, настойчивый риск попадания в опасность — всегда *опасно* для всякого мнения и публичной деятельности и организации, для всякого поспешного упорядочивания и имитации достижений. По-стижение как ремесло мышления есть самое опасное из всего самоуверенного и ищущего наслаждений, а по сути только махинационных происков человечества. Эта опасность мышления растет тем больше, чем незаметнее оно остается в пределах ремесла и обладает способностью одновременно ожидать, терпеливо обучаясь. Только ремесло, более всего заботясь о связности произведения, может охотно его препоручить его судьбе.

Ремесло-ручной труд (Hand-werk) мышления есть свободно-покорное владение (Hand-habung) Бытием в сберегающем *сказывании* Бытия в познающий разговор.

Владение сказыванием — поэтическим. Но язык не является инструментом. Владение сказыванием не в схватываниях, но в *позволении* (*Lassen*) — но при этом <прилагается> большее усилие, чем при каком-либо *исполнении*.

Рука (Hand) — как протянутая — *поддержка* (Handreichung) — помощь в применении.

Предложить руку, развязать себе руки, помогать кому-то — «с помощью чего-то»; *быть под рукой у кого-нибудь* <т. е. помогать>. Ремесло-ручной труд поэтического творчества (Dichtung); однако здесь поэтическое творчество (Dichtung) ≠ поэзии, но <означает> позволяющее-высказываться по-вторение слова исходя из Бытия. 118

Работать как позволять.

Рука — как освобожденное освобождающее — использованное использование. —

Шеллинг вновь добился успеха в рамках метафизики перехода от *идеализма* субъективности к *спиритуализму* субъекта — ὑποκείμενον[55]. Или он был уже по сути спиритуалистом; и Гегель также, да и Гёльдерлин, хотя и по-другому и всецело? Но что такое *спиритуалист*?

Духовный — от *духовности* (Geistertum) — духовное — магическое — господство бытия?

<И что же,> в будущем мы должны будем говорить о немецком *спиритуализме*? И Лейбниц тоже <спиритуалист>? Но Кант *никогда* <не был им>, как и Лютер, <как никогда не был спиритуализмом> английский эмпиризм.

И Декарт никогда?

Нынче существуют «верхнешвабский гуманизм» и «баденская Западная Европа».

Вопрос о бытии и ничто. В моей вышедшей в 1916 г. габилитационной работе на S. 237 приводится примечание: «По поводу этой проблемы («предмета») 119

55. Лежащее в основе, субстрат, субъект (*греч.*). — *Прим. пер.*

автор надеется позднее в подробном исследовании о бытии, ценности и отрицании высказать принципиальные соображения»[56].

«Позднее» превратилось в 11 лет, когда из печати вышла <книга> «Бытие и время», а из «принципиальных соображений» выросли вопросы, ставшие одним *вопросом* — об истине бытия, — в каковом мышлении «автор» и сегодня еще находится «в пути» от «Бытия и времени» ко «Времени и Бытию» (von «Sein und Zeit» zu «Zeyt und Seyn».)

Мышление — почему в нем находят, даже там, где имеют в виду подлинное мышление, мышление мыслителей, всегда «*абстрактное*», не задумываясь о том, что́ здесь называют «абстрактным»? Является ли это «абстрактное», перед которым люди и впредь будут находиться в страхе, отвлеченным — отдалившимся от того, что люди считают «реальным» и «действительным», т. е. сущим? Возможно, ненависть, которая еще скрывается в страхе перед абстрактным, находится в пути, чтобы узреть Нечто Истинное — то, что мышление мыслит не сущее, а бытие — и, значит, мышление молчит о сущем и еще подлиннее молчит о Бытии, тем способом, каким мышление порой высказывает Бытие? Тогда мышление было бы «*ремеслом молчания*»?

120

Но если нетерпение и нескладность с таким трудом и так редко <дают возможность> приблизиться к ремеслу, но если также стремление к молчанию столь отвратительно для желания болтать, то по этому можно оценить, сколь странным все еще, также и сейчас, а в будущем еще больше, совре-

---

56. [Martin Heidegger: Die Kategorien- und Bedeutungslehre des Duns Scotus. In: Ders.: Frühe Schriften. GA 1. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main, 1978, S. 407.]

менному человеку может казаться ремесло молчания, мышление.

Благодарность. — Благодарение есть мышление. Но мышление есть мышление-памятование-о-чем-то; памятование есть мышление в на-чале. Начальное мышление есть спокойствие сказывания в творчество Бытия. Лишь в творении Бытия первоначально творится священное освящающего, свершается божество в открытом пространстве мышления в памяти. Научиться мыслить, т. е. научиться мыслить о чем-то <означает>: познать на-чало, сотворять событие, мыслить свободу как Бытие; научаясь благодарности, мы, сбываясь, достигаем подлинного мышления. Благодарность есть единственно будущее (einstig) мышление. Мыслить — мышление мышления-о-чем-то несет и сплачивает в ожидание.

Когда мы еще слушаем тишину, 121
нам остается происхождение,
которое дает возможность быть:
благородный в бедности свободен.

Когда мы вслушиваемся в тишину,
звучит крик боли,
который, как это требуется,
<есть> эхо, доступная нам робость. — См.: Winke <Знаки-намеки>[57].

Мыслить означает высказывать сказывание разговора знаков-намеков истины (Ἀλήθεια) в язык как жилище для обитания в стихотворении.

---

57. [Martin Heidegger: Gedachtes. GA 81. A.a.O., S. 199.]

Мыслить означает строить жилище. Мышление как ремесло высказывания. Язык не «выражение» — скорее, вхождение в горы (Geberge) *Бытия*.

Мыслить: строить жилище гор Бытия. Для этого, пожалуй, оставление едва высеченных блоков, выломанных из каменоломни тишины *Бытия*; строительные камни, возможно, для σταθμός[58] (Пиндар, Нем<ейская ода> VI)[59].

Кого мы еще можем обучить этому ремеслу?

122 Так как это высказывание сбылось, <оно> лишь покорная собственность Бытия, которое мирствует. —

Изгнание из университета (см. выше, <S.> 105 слл.). Со временем это предстает как действие, граничащее с крайней мерзостью, которую немцы придумывают против немцев, и это в области, где истина и нравственность и честь и уважение науки и культуры якобы должны быть особенно заметны. Даже у моего собственного факультета не хватило мужества и сил выступить против жалкого поведения Ученого совета (особенно юридического факультета). Чтобы избежать всяких обвинений университета, связанных с моей фамилией, я категорически заявил, что я как эмеритированный сотрудник лишь в том случае возобновлю преподавательскую деятельность (venia legendi), если университет выскажет ясное пожелание по этому поводу. И несмотря на это, мне противозаконным образом вновь было отказано в venia legendi на неопределенный срок. Во всем этом деле речь идет не о моей личности и даже не о возможности и невозможности

---

58. Дом (*греч.*). — *Прим. пер.*
59. [Pindari carmina cum fragmentis. A.a.O., Nemea VI, 11.]

публично выступить, но исключительно о вопросе, требуется ли еще моя работа в ремесле мышления ради спасения нашей собственной сущности или нет. В подобных ситуациях и в подобные моменты принимаются решения, которые нигде более и ни с какой стороны не затрагивают личное. Все созрело для отсутствия — *в том числе* <отсутствия> заботы даже о спасении ремесла мышления. Отказ от этой заботы и готовности является во всем, обычно повсюду равнодушном и отжившем, единственно трудным; это одновременно есть то, что даже друзья не замечают и не могут оценить, а потому полагают, что я волнуюсь из-за травли и клеветы более мелких субъектов, которые теперь спасают «репутацию» университета, якобы подвергавшуюся опасности в 1933 г. Да и в самом узком кругу оказывается, что люди еще не обдумали способ и смысл моей преподавательской деятельности за прошедшие 30 лет. Вот и здесь царит понятное смешение с нынешним, то так, то эдак меняющимся профессорством. 123

Если, однако, есть нужда в ремесле мышления, ибо только мышление может стать первоначальным опытом Бытия, и если к ремеслу и мастерству относится и овладение <ремеслом> и обучение, то откуда тогда взяться обучаемым? Захотят ли они еще поступать в университет? Могут ли стать обучаемыми прежде всего Те, которые приносят с собой долгий опыт войны и вообще приходят как ищущие, вышедшие из величайших потрясений, и которые не упустили время, как находящиеся вне опасности и самоуверенные слушатели, мнящие себя всезнайками? 124

Если эти в самом деле опытные <люди> пребывают, бедствуя, где-то вдали от родины и *не* придут

в университет и если сам университет не предложит никакой возможности освободить пространство опасности подлинного мышления, если тем самым ни с какой стороны нет шансов заниматься ремеслом в самом незаметном и самом медленном в области университета, то больше не существует необходимости «*несмотря ни на что*» попытаться пробудить мышление в рамках научной деятельности и выдержать это и не уйти и нигде не уступить; ибо все еще можно было бы поразмыслить о том, чтобы, исходя из простой, изначальной сущности мышления как пребывания в Бытии, устоять *против* всяких случайных противодействий и никогда не уступать действию разрушения знания, но жертвовать собой, оказывая сопротивление. Но где может быть
125 сопротивление, если противостояние вовсе не достигает и не может достичь области мышления? Это безвыходное положение — следствие существующей ситуации и мнимого обновления «университетов». Вот почему уход и отсутствие есть не уклонение, но единственный и непреходящий путь наступления, который, однако, не может рассчитывать на какое-либо «воздействие». — Тем не менее сейчас среду «университета» непозволительно менять на деятельность слабосильного литературного сообщества и его культурного производства.

Последний плод техники, а значит, историографии, есть «*психология*» — она в то же время является последней популяризацией и опошлением новоевропейской метафизики, опирающейся на субъективность; ‹это› новые гуманизмы, которые нынче выныривают повсюду и с помощью морализации обеспечивают себе видимость какого-то права. Наихудшие «психологи» — те, кто не хочет быть ими. Редкостный феномен «глубинной психологии».

Опасность всех впредь сокрытых в истории Бытия опасностей <такова>: *захват начала* (Abfang des Anfangs) в обновленную для видимости метафизику, которая с его помощью вновь укрепится и сделается тем, что все ухватывает (auffängt) и безопасно передает. «Common sense», «церковная вера», «политическое порабощение» объединяются, чтобы полностью отучить народ мыслителей и поэтов от мышления, т. е. поэтического творчества.

Это называют «воспитанием немецкого народа» 126
и низведением до роли рабов-илотов. Университетские профессора не моргнув глазом подписывают сегодня «заявления», пропитанные морализацией и созданные лишь для того, чтобы «закрепить» все на уровне простодушного и скучного, а значит, поддающегося управлению. Сегодня они охотно заимствуют несправедливые требования, которые им самим не могли быть предъявлены в «Третьем Рейхе» при всей его тупой брутальности. Сейчас вновь говорят о достоинстве личности и демонстрируют крайнюю бесхарактерность. Сегодня встречаются образованные люди и якобы разумные немцы, полагающие, что если милитаризм и национал-социалистический террор устранены, то «поэтическое творчество и мышление» в народе пробудятся сами собой, причем «поэтическое творчество и мышление» воспринимаются все еще по образцу прошлого, особенно «пресловутого нацистского режима», в точности как «культурное производство» и ничто иное, — т. е. именно как прежде: ad maiorem gloriam, читай: violentiam et potestam ecclesiae[60]. См. <S.> *138 сл.*

---

60. К вящей славе <Божией>, читай: к вящему насилию и могуществу церкви (*лат.*) — *Прим. пер.*

Измена. — Одиночество *мышления* будет впредь настолько однозначным, что меры для этого в прошлом не найти. Кто сможет выносить его и перешагнуть через ближайшие три столетия? Или ужас перед опасностью мышления вырастет до такой степени, что для противодействия создадут заме-
127 ну, такую, что она будет выглядеть как «философия», а в качестве служанки теологии и интернационального и национального морализма даже <будет> прекрасно себя чувствовать и вполне уверенно использовать в своих корыстных целях былое мышление? — Измена мышлению не знает границ.

Между тем делом моей профессуры занялись также церковные власти. Сошлись во мнении с господином Ясперсом, что нужно обезвредить «опасность» мышления, поддерживаемого в этом отделе университета. Те, у кого помимо всей скрытой жестокости, далеко превосходящей гитлеровскую, еще не иссякла хоть капля приличия, пытаются несколько смягчить это великолепно спланированное и осуществленное изгнание моей персоны. Едва ли можно ожидать, что актерам этого спектакля и тем — многим, — кто допускает это, заняв позицию зрителей, еще приходит в голову, что речь идет не о моей «персоне», даже не только о внутренних обстоятельствах якобы самоуправляемого сейчас Фрайбургского университета. Скорее, речь идет об *измене мышлению*, а это говорит об историческом предопределении народа. Эта измена не может выдавать себя за следствие исчезнувшего, иного по средствам террора, но остается собственным
128 достижением и «ответственностью» тех, для кого власть важнее указания первоначального отношения бытия к человеку.

Куда пришли немцы? Лишь туда, где они уже всегда пребывали, — так что они сейчас все глупее

и глупее отказываются от собственной души и, вторя насмешкам чужаков, бездумно отдают на произвол судьбы сокровеннейшую сущность. Как бы ни было ужасно переносить разрушение и опустошение, которые обрушились сейчас на немцев и их родину, все это не достигает <того уровня> самоуничтожения, который нынче, предавая мышление, несет угрозу Dasein. Вследствие новых веяний <многие>, в том числе и сторонники нового порядка, давно пришли к тому, чтобы смотреть на все со стороны — разумеется, с неизбежными моральными притязаниями и подмигиванием, а потому не могут понять, что означают измена мышлению и отдание на произвол судьбы всякой изначальности. Они, однако, никогда не смогут понять и «националистов» помоложе и постарше <, которым важно> все-мирное историческое предопределение немца. Однако это не извиняет тех, чьи делишки лишь способствуют энергичной деятельности врагов, заключающейся в том, чтобы побудить нас самих к отказу от все еще не начавшегося возвращения в нашу сущность, более того, всюду перестраивать нас и вести <за нами> слежку — т. е. преследовать как тень и своевременно препятствовать всякому пробуждению в собственную <сущность>, поскольку она является не «национализмом», а возвращением к началу. 129

За-хват на-чала (Ab-fang des An-fangs) *и преследование на любом пути* — вот что творят сейчас против себя самих немцы, которых при этом тайком высмеивают и обливают презрением великие заправилы этого фарса «всемирной истории». Немцы, вопреки их собственному историческому предназначению, сговорились сейчас на *такое* предписание, которое перед началом Первой мировой войны — т. е. в последней фазе ее подготовки — высказал тогдашний военно-морской министр Чер-

чилль[61] (Уинстон) в обращении к английскому флоту на всех морях: «to shadow unostentatiously possible enemy warships»: «преследовать как тень незаметно возможные вражеские военные корабли». Немцев преследуют теперь как тень из-за осуществляемого ими самими предательства по отношению к собственной сущности; это процесс, который нельзя объяснять неизбежными последствиями террористического правления исчезнувшей системы, — скорее, это поведение, которое сильнее охвачено слепой яростью и разрушительнее, чем куда более зримое опустошение и наглядно запечатленные в плакатах[62] зверства. Впрочем, осмыслить и измерить измену мышлению в состоянии лишь тот, кто испытал мышление, чтобы подготовить в нем Бытию открытость совершившегося прихода — и ничего другого, — то есть не «*создавать*» никакой системы, но и не выводить на сцену никакую морализирующую апелляцию и судорожное метание психологии.

130

---

61. [Уинстон Черчилль (1874–1965) — в 1911–1915 гг. британский военно-морской министр. См.: Winston S. Churchill: The World Crisis 1911–1914. Thornton Butterworth Limited: London, 1923, p. 206. В отличие от приводимой Хайдеггером цитаты в телеграмме Черчилля от 27 июля 1914 г. говорилось по поводу немецкого флота: «Be prepared to shadow possible hostile men-of-war and consider H. M. ships under your command from this point of view»]. Перевод английского текста: «Будьте готовы к слежке за возможными враждебными военнослужащими и рассматривайте корабли Его Величества под вашей командой с этой точки зрения» (*англ.*). — *Прим. пер.*

62. [Хайдеггер имеет в виду распространявшийся после войны психологической службой Psychological Warfare Division, подчинявшейся Supreme Headquarters, Allied Powers Europe (Штаб верховного командования союзных сил в Европе), плакат с подписью: «Эти позорные преступления: ваша вина!» На плакате воспроизведены фотографии, отснятые в концлагерях после их освобождения.]

Греческая культура и грядущее высказывание (inskünftiges Sagen). — Тот, кто хотя бы иногда познавал <с помощью> дарованной человеку способности слушания крохи греческого мышления и пения и, упражняясь и развивая <это> в расширяющемся опыте, мог бы в зачумленном воздухе сегодняшней неразборчивой и многословной писанины и болтовни лишь молчанием передать знак-намек о том, что в будущем станет темой всех разговоров; ибо простым подражанием, а также простой тщательностью «изысканной речи» мы не удовлетворим тому, в чем со временем будем нуждаться: просто говорить из самого Бытия и основать словоупотребление (Sprachgebrauch) в употребленном Бытии (Gebrauchtseyn) человеческого существа как от-ветное <слово> на слово в Бытии.

Часто на тихих лесных дорожках я останавливаюсь у штабелей свеженаколотых дубовых дров. 131
Неповторимый запах отчетливо возвращает мне юные годы, когда отец отбирал такие дрова в лесу для своей мастерской и мы с братом вдвоем кололи их, не забывая в ходе работы об играх; так, мы вырезали из толстой темнокрасно-коричневой коры свои кораблики, а потом пускали их в корыте колодца перед ближним зданием школы или позади запасной церкви в <местечке> «Эттенбехле», — незаметные знаки непредвиденных путешествий опыта, который однажды пробуждается к мышлению, в коем мы вместе бредем своим путем.

Как часто благодарю я Бытие за то, что оно дало мне при рождении любовь к безымянности неприметного мышления. Но загадка остается, и все же в согласии с Бытием путь в публичное ведет через публичность преподавательской деятельности, которой десятилетиями должен был заниматься ординарный и публичный профессор философии

и которая сейчас из-за на редкость публичной судьбы, по всей видимости, отвратительной, поистине благосклонно привела к «эмеритации». Тем самым преграды покорности, <ведущей> в мужество к неприметной безымянности отважного мышления, были убраны с дороги.

132 *Что случится, но очень нескоро*: на-чало в отсвоение к спокойствию о-свобожденного обитания земли, так что она, земельствуя (erdend), откроет сначала небо, затем горы, выстраивая из мирствующего мира вещь и судьбу, ширь временного промежутка для божества, ожидая Бога. Все это освобождающе невыговоренное в неприметном стихотворении <есть> свобода боли: Бытие. (См.: Знаки-намеки[63]).

Мыслить? — Вписать диктат Бытия в язык. Но покорного выслушивания недостаточно, ибо мыслящий одновременно и главным образом должен готовить и продвигать сущность языка к диктату. Готовое и под-готовленное позволение-высказываться требует высшей отваги.

Человек есть начатое стихотворение заглядывания в бывшее истины Бытия. —

Они призывают к «*этике*» и не замечают, что здесь внушающая страх «теория» опрокидывается. Полагают, что если философия якобы становится «популярной», то она и есть истинная «философия». «Этика» есть «техника» норм; <она> не искушена в ἦθος <этосе>.

---

63. [Martin Heidegger: Gedachtes. GA 81. A.a.O., S. 133, 196.]

Неприметность, безымянность *Бытийно-исторического мышления*, которая творит тишину близи Бытия; это мышление есть подготавливающий по- 133
вод задуматься о забвении Бытия. Оно <забвение> есть про-яснение Бытия; то есть оно само <Бытие> как Λήθη[64], как отказ Ἀλήθεια <истины>, причем как такой повод к указанию памятования о чем-то на знак-намек прояснения Бытия, — прояснения, которое скрывается в противо-стоянии сущего: т. е. в вос-стании человека в обособленную самость (Selbstheit) «я» и «мы». Наивная неспособность-познать сокрытый правящий Da-seyn. Общественность осуществляет организацию неограниченного господства опредмечивания и восстания. Общественность обеспечивает противо-стояние сущего как действительного — она посылает воление в волю к воле. Общественность есть коварство открытости просвета Бытия. Она вводит в заблуждение как мнимая открытость. Вспомни «мировую общественность» и ее трибунал как планетарную организацию забвения Бытия. В подобный мировой момент *мыслить* — это незаметный, анонимный повод лишь указания на опыт забвения бытия, того забвения, которое есть дозволение на восстание в предмет сущего — как действительного, выдающего себя за «действительность». Даль внешней сокрытости различия посреди болтовни об «онтологии» и «экзистенции» и «экзистенциализме». Мыслить — ано-
нимный повод мышления-памятования о чем-то. 134
Мыслить-о; на-чальное мышление на-чала.

Как быть, если немцы, всегда сохранявшие меру, в-носившие чистейшую связность (des reinsten Fugs)

---

64. Лета (река в царстве Аида), забвение (*греч.*). — *Прим. пер.*

во внимательном постижении и высказывании, если поэтическое творчество Гёльдерлина еще сбывается в пении, глупо ведут себя — и «интернациональные» <деятели> навязывают для болтовни «Гёте» — пустого, организующего бездумность, — как будто бы никогда, и уж точно до *национализма всех*, в творчестве Гёльдерлина не воспевалось изначальное. —

Насколько жалким предстает это беспомощное ползание под присмотром планетарного террора мировой общественности, в сравнении с которым массовая жестокость безысторичного «национал-социализма» просто безобидна — несмотря на бесспорную очевидность организованного им опустошения?

«Перемена» (Die Wandlung)[65] — так назвал себя один из тех многих журналов, что организуют растерянность; точнее можно было бы назвать это предприятие: «Оцепенение» (а именно в организации <всего> отстоя). Каждый мыслящий человек понимает, что подобный вялый, неопрятный и безысторичный хлам возможен только потому, что здесь отсутствуют молодые, те, что обретают опыт <в возрасте> между 25 и 30 годами, — где они? Кто думает о них?

135 Вместо этого важничают только те, кто оправдывает себя за отстой тем, что они стояли в стороне и в 1932 г. еще ничего не поняли, а сейчас внесли оживление с помощью отстоя. Является ли

---

65. [Ежемесячный журнал Wandlung («Перемена») издавался в Гейдельберге с ноября 1945 до конца 1949 г. (сначала в издательстве Verlag Lambert Schneider, затем в издательстве Carl Winter Universitätsverlag). В журнале сотрудничали Карл Ясперс, Вернер Краусс, Альфред Вебер, Дольф Штернбергер. Среди прочих публикаций в журнале — шесть эссе Ханны Арендт: Arendt H. *Sechs Essays*, Heidelberg, 1948.]

пустая болтовня господина Штернбергера[66] более ценной и в принципе иной, чем заносчивые речи какого-нибудь бывшего национал-социалистического писателя и газетчика? Как еще — при таком «гуманизме» — собственная подрастающая молодежь познает ранг и масштабы, сможет постичь и осмыслить *опасность* якобы больше неискаженной — поддерживаемой только планетарным террором мировой прессы или даже выстраданной «духовности»?

Насколько неподготовленными оказываются те, кто уже давно всё заранее знал и наблюдал его наступление? Что они должны принести? В якобы всезнайском стоянии в стороне они разве что охраняли этот отстой.

Планетарная пошлость мнений, выступлений и писаний все сглаживает и на долгое время затаптывает все ростки, которые могли бы помочь воспринять единственную судьбу нетронутой земли.

Жестокость ресентимента нисколько не меньше, чем жестокость, которая якобы преодолена, она только другая и в соответствии со своим притязанием на всезнайство и моральность еще более ослепленная и вводящая в заблуждение, не говоря уже о бесплодности. 136

Ты остаешься ближе к Богу, когда ты, одиночество, творчески созидая жилище в Бытии, *мыслишь*

---

66. [Дольф Штернбергер (1907–1989) изучал театроведение и германистику в университетах Киля, Франкфурта-на-Майне и Гейдельберга. Защитил докторскую диссертацию в 1931 г. под руководством Пауля Тиллиха на тему «Понятая смерть. Исследование экзистенциальной онтологии Мартина Хайдеггера». После Второй мировой войны стал соиздателем журнала Die Wandlung. Считается одним из основателей немецкой политологии.]

и как мыслящий придумываешь привычку и тем самым подготавливаешь память к судьбе былого различия; ближе, т. е. здесь в ожидающей дали любящей враждебности, не допускающей никакого мошенничества, догадываясь [?] с помощью выдуманной смеси «веры» и мышления, что оно ‹мышление› есть и некая «вера» или что «вера» есть некое «мышление». Пути Бога готовятся в Бытии, но не доступны мышлению. Но Бытие скрывает священное, немыслимое для мышления.

Мышление творит, подсказывает, повторяя, (стихо)творение экзистенции Бытия: *Бытие есть* — в начатую память в событии. «Что» и «что́»! (Das «daß» und das «was»!) Метафизика.

Язык: обустройство жилища, ‹направленное› в отныне единственно-то-же сберегающе открытое, ширящееся и пребывающее, в мирствующем (стихо) творении Бытия.

Кто не высвоен в Бытие, пребывая в спокойствии
137 к свободе, кто не является Сущим Бытия, безымянно забытый в беззвучное, тот как сущий должен сначала утвердиться на пути, что он непрерывно вновь и вновь подтверждает в своем притязании на наличное существование и действие, — на действительность. Вот почему неспокойный требует от других одобрения и подтверждения того, что он есть и как таковой также вправе, даже обязан пользоваться «любовью» других. Это насильственное, а потому повсеместно коварное притязание на «любовь», т. е. на то, чтобы укрепиться в желании притязания на бессудьбинное *я* (das geschicklose Ich), выдает себя самого за «любовь», о которой другие даже не ведают, а значит, еще становятся виноватыми и нарушающими «порядок».

Оставьте только миру его мирствование, он не нуждается в «порядке». Но «миро-*упорядочивание*» — т. е. действие, лишается всего — теряет мышление Бытия и даже утрачивает *забвение*. Они упорядочивают «мир», пока еще не способны позволить миру мирствовать.

Да будет <нам> дарована длинная вереница исполненных сосредоточенности и простоты дней.

Настроить инструмент мышления на основной тон.

Каждый из немногих, к кому это относится, должен выполнить свою дневную норму. Остающееся есть грядущее. Возможно, что «творческое» есть смерть, перед которой каждый смертный испытывает тайный страх. А кроме того, речь о «творческом» есть непонимание сущности «мышления».

138 Что смогло христианство за столетия Нового времени и даже в наши дни *противо*поставить напору и безумию и двусмысленности воли к воле? *Ничего*. Повсюду оно только поддерживало бессилие, — а там, где победило восстание воления *против* воли к воле, — но только мнимое и по сути подвластное воле к воле воление о явном образе этой воли к воле, там победителем было не христианство как таковое, но лишь счетовод, заключивший пакт с победителем, чтобы на некоторое время свое собственное воление — полностью и всецело безрезультатное — привести к власти и так в конце концов перехватить всякое изначальное осмысление, которое подготавливает полемику с волением воли к воле и заставляет задуматься, что здесь не борются «мировоззрения», но сбывается судьба Бытия как Бытия и человечество высвояется (vereignet) в собственный разлад Бытия. Результаты мировой войны подталкивают к тому, чтобы устро-

ить разлад в самом Бытии как разлад внутри воли к воле до пределов публичности и общности человечества, чтобы воление во всеоружии обрушилось на волю к воле, причем одновременно шла болтовня о «мире во всем мире». Христианство «мыслит» историографически; оно опредмечива-
139 ет историю с целью вычисления некоего «вечного», которое поистине открывается только в единственности судьбы и «есть», а потому «имеет» «свое» время, которое оно само свершает и приносит с собой, — но не подчиняется в неких историографически растянутых рамках последовательности времен и таким образом лишается своего единственного.

Страх пред историей, т. е. перед единственностью судьбы, не-способность-оставить события в прежней единственности (in der Einstigkeit des Einzigen), относится к сущности историографии. Историограф профессионально фальсифицирует историю в бессудьбинную <массу>воздействующих друг на друга процессов: переменчивые тени неведения в отношении истории. Историограф есть персонифицированное отрицание истории. Союз с «психологией» «естественен»; то, что этот союз в полной мере считается <подлинной> «антропологией» («*die* Anthropologie»), а она — <подлинной> «философией» («*die* Philosophie»), есть крайнее следствие распространившейся уже повсюду бездумности. Если эта «философия» в конце концов объединится с христианством и религией, наступит полная сумятица, способная высказывать «глубокое» суждение обо всем и каждом и распространять видимость «мыслей».

Это порождение бездумности являет себя современности, например, в том, чем Ясперс занимается в качестве «философии», обрамляя <ее> в соответствии с духом времени еще и неким морализмом,

который настолько освящает себя самого, что уже не способен распознать собственную лживость. Места из посланий <апостола> Павла цитируются как фундаментальные истины, и при этом опускается все, что могло бы пойти на пользу ясности христианского <учения>. —

Историография есть психология опредмеченной 140
истории. «Психология» есть историография «бессознательного», «глубинного», «пратипического», что одновременно считается «вечным», лежащим в основе, Hypokeimenon[67], сущим, а значит, живым материалом платоновских идей, а «кроме того», не больше чем «сущее» (Seiend) и даже чем бытие является мыслимым для «современного» («modern») мышления; самое большее, что однажды еще попробуют осуществить, — упорядочить эти «глубины» «вечного» и сделать их математически доступными с помощью логистической калькуляции, которая выдает себя за «вычисление» и мышление логоса и есть сам «Бог», по сравнению с которым «боги» поэтов, надо сказать, являются «примитивными» и, пожалуй, даже «языческими».

Греки как язычники — в обществе еще необращенных негритянских племен. Этой философии истории созвучно, когда мировые демократы, чистейшие функционеры чистейшей, т. е. замаскированной воли к воле оказываются в соседстве с христианством и даже с его помощью (Vorspann) «делают» свою «историю». Вот примерно «мир» сегодняшних «носителей образования», которые — если обратить внимание также на образование <новых> слов — ничем не отличаются от «предста-

67. ὑποκείμενον (*греч.*) — лежащее в основе. — *Прим. пер.*

вителей государственной власти», разве что у них, возможно, несколько иная связь между фальшивомонетничеством и ловкостью (коварством).

141 *Суверенность мышления*. — Откуда «миру» знать, что такое суверенность мышления, если он уже давно не знает мышление?; ведь и в то время, когда Кант обдумывал «Критику чистого разума», Гегель — «Феноменологию духа», а Шеллинг — «Философские исследования о сущности человеческой свободы» — в это время мышление уже было сокрыто: давно уже, ибо от него ожидали «воздействия» на «культуру», в нем видели разве что некое «творческое достижение» и не могли знать, что тут в самом Бытии сбывается бытийное (Seinshaftes). Ну как тут вообще можно додуматься до суверенности мышления? В Новое время слишком охотно полагали, будто она состоит в обнаруженной со времен Декарта самодостоверности; в достоверности безусловных очевидностей, на фундаменте которых должно быть выстроено непоколебимое здание знания. Здесь господство получает уже издавна тлеющее «забвение бытия»; полагают, что можно «мыслить» *без бытия*, таким образом, что бытие как предметность делается порождением мышления в смысле рассчитывающего опредмечивания. Этот бунт в трюкачестве самодостоверности есть последняя гримаса маски подлинной суверенности. Но она опирается на свободу дозволения, в качестве которой поэтическое сказывание Sy.<Бытия> высказывается из E. d. Sz.<?> — поблизости от «y» и «z». Поскольку мышление как поэтическое сказывание Бытия 142
поначалу сбывается из Бытия в это исключительно хорошо ему подходящее, постольку подлежащее-осмыслению остается в прошлом не-мыслимым,

которое мышление время от времени уже обдумывает. «Позволение-обдумать» относится к сущности Бытийно-исторического мышления. Поэтому оно никогда не привязано к «фразам»; поэтому оно никогда не может опираться на какое-то «учение»; вот почему оно против всякого мнения, которое оценивает мышление как «достижение», даже «творческое», и видит в придуманном «произведение», чтобы затем наконец оценить главным образом и исключительно еще и мыслителя; «философы» и «философия» — культурное производство и историография и «музей» — как «ценности»; храмы культуры. — Но до всякой науки царит — правда, незаметно — строгость покорности высказывания, — оставленная слову тишины, которая вновь перемалчивает всякое сказывание Бытия.

Как далекий, скрытый в своем начале и конце, внезапно гаснущий след дерзновенного, сияющего холодным блеском метеорита на ясном ночном небе, так мышление Бытия рассеивается в самом Бытии и становится впредь едва предугадываемым следом его незаметного света. См.: «Знаки-намеки»[68].

Мышление: сияющий в Бытии свет свободнейшей свободы оберегающего позволения (Lassens) сказывания стихотворения Бытия.

Бывает ли так всегда или это только опыт новей- 143
шего времени, что некто поздно обретает мужество для пути в собственную судьбу говорения, которое лишает его историографической единственности и всеобщности и губит в сокрытом единственном Бытии?

---

68. [Heidegger: Gedachtes. GA 81. A.a.O., S. 149.]

Гёльдерлин. — Если вам не удается постичь это стихотворение этого поэта как *судьбу*, которая *до* всех богов и высшего Бога называет «только» *Некоторое*-Единственное и, называя, строит пристанище для богов, — то отвлекитесь по крайней мере от отвратительнейших историографических занятий, готовых безбоязненно втиснуть *глубочайшее страдание* и *чаяние* и *размышление поэта* о единстве божественного в отношении к неразлучной тройке (Геракл, *Дионис*, Христос) *правитель — день* — общий дух — [ночь — день — конец дня —] во властолюбивое мнение оскудевшей христианской религии, чтобы сделать из поэта потерпевшего крах христианина. Если вы этого *хотите* и вы не могли бы, ожидая, открыться перед давно откладываемой судьбой, тогда уберите неловкие руки, оставьте грубые пересуды; тогда ищите спасения у Новалиса — где все облегчается <для достижения> ваших целей, и слушайте Гёте и Шиллера, и продолжайте накладывать путы на мрак, окутывающий ваши слепые действия, полагающие, что они принадлежат свету.

144 Фатальные расчеты историографии, которые обыскивают поэтов и их «произведения» в поисках «доказательств» или «стимулов» для неуклюже выдуманного мнения, давно не замечающего своекорыстной догматики. Еще более жуткой, чем вся грубость и дикость мерзости в господствующем теперь озверении при «упорядочивании» «человеческих» отношений, — более кошмарной, чем всякие внешние беды лишенных крова людей, является измена в отношении скрытой судьбы — бездумность, неспособность мыслить — мания поспешного суда и правления и все прочее отчаяние — или «прыжки» в «религию», которая в сущности убегает из того, что *есть*, — то,

что столь же мало, как неверие «язычников», мыслит и может осмыслить Бытие. Жутко это наивное, ни на что более чистое не опирающееся прохождение мимо в момент единственной судьбы; жутко это неслышание голоса тишины. Еще более жутко, что Никто не догадывается об этой жути и даже познает и разрушает все искусственные средства защиты от нее и, полностью *обезвредив* их, ожидает того, что скрывается, просвечивая, в незаметности жути, — Никто. — То и дело они сбегаются на «съезды» и обсуждают и подают свои выдумки в лучшем виде. (В Мюнхене, говорят, «Католическое культурное сообщество» организует серию лекций в университете. Неужели 145
в пылу борьбы с «нацизмом» позабыли, что он «создал» «НС-культурное сообщество»[69] и что сейчас лишь продолжают делать то же самое?) Еще опаснее, ибо претенциознее и обманчивей и с методами, вытекающими из традиции столетней давности. К тому же сегодняшние, громко судачащие о порче языка, даже на своих «лекциях» и съездах болтают о судьбе, а сейчас дают волю накопившемуся за годы тщеславию болтливости под видом ревностной моральной ответственности. *Почему* эти «герои» и «всезнайки» не кидались <с протестами> в 1930–1934 гг.? Потому что они добивались власти для своих собственных партий и уже давно были слепы к судьбе.

---

69. [«Н<ационал->С<оциалистическое> культурное сообщество» возникло в 1934 г. в результате объединения Имперского союза «Немецкая сцена» и основанного в 1929 г. Союза борьбы за Немецкую Культуру в единую организацию НСДАП, которая в 1937 г. влилась в более широкую партийную организацию «Сила через радость». Никаких сведений о Католическом культурном обществе в послевоенном Мюнхене обнаружить не удалось.]

Все высказанное Гёльдерлином с 1799 по 1806 г. <образует> одно-единственное стихотворение[70]: возвращающееся на родину указание на восток (река) — сказание о святом — скрытая веселость для земли как искомой страны возвращающегося Высшего — Отца, — которому нужны все боги и божьи сыновья, — но не истолкован еще поэтический знак; ибо мы лишены боли — и еще почти без собственного языка, — который еще умело позволяет «иметь» и нести звучащую судьбу. Нужна верность — ожидание.

—

Не отдавать сказанное для опубликования, — но хранить в открытости мыслительного разговора.

146 Так мышление может ловко оставаться там и так, где и как ему было позволено достичь, подобно судьбе, свободы сокрытия святого-целительного на пути к простому вопросу, который выспрашивает само бытие в его истине, но высказывает себя, как само Бытие.

Лишь *это* позволение-Быть, — а именно само Бытие, которое свершает это позволение. Лишь это позволение-Быть Бытию выводит путь туда, куда оно хотело прийти, чтобы найти местоположение человека. Но не достаточно ли уже придерживаться позволения-быть сущему? Но что такое «сущее»? Что мы ему позволяем, когда позволяем ему бытие? «Бытие»? Имя того, что давно забыто и если

70. Имеется в виду стихотворение Гёльдерлина «Andenken» («Воспоминание», пер. Г. Ратгауза). Написано, видимо, в 1803–1804 гг., как полагает Хайдеггер. Опубликовано в 1808 г. См.: Heidegger M. GA. Bd. 4. S. 79–151. — *Прим. пер.*

вспоминается, лишь колеблется в Без-надежном замешательстве или остается закованным в некоей понятности, что страшнее всякой *беспомощности* «по отношению» к бытию, — которая немедленно заявит о себе, как только мы уделим ему хоть малейшее внимание? Позволять-быть — а что если это самое тяжкое, от чего человек давно уже отвык?

—

Тридцатилетние усилия, связанные с работой в университете, не отбросишь в два счета, притом что сам «*университет*» никогда не был основой «экзистенции», и, напротив, *мышление* заключается в том, что́ оно обрело в выспрашивании бытия. Так что требуется подлинное высвобождение, которое оставляет 147
возникшую и продолжающую существовать организацию и ее притязания и предается собственному стремлению. То есть нужно познать необходимость отсутствия, постигнутую из опыта всегда лишь отдаленно и едва отважившейся родины мышления и его предназначения, <воспринятого> из голоса тиши Бытия. То есть нужда есть решение о высвобождении исходя из свободы — простое позволение (Lassen), которое не дерзает также на особость «призвания к высшему», но вступает в неприметность мышления, соразмерную прояснению (Verheiterung).

К тому же сейчас университет не испытывает никакого беспокойства по поводу мышления. Он не терпит ничего подобного, причем потому, что сам вовсе не ведает, чего хочет. И если он терпит какое-то мышление, то не может ему следовать, он принимает его в лучшем случае за побуждение или странность или некую форму репрезентации того, что он должен предложить. Духовное запустение слишком велико, чтобы непосредственно

заниматься ремеслом мышления в «атмосфере» университета. Насущной задачей является сейчас передача обыкновенных школьных знаний. Чтобы это не протекало чересчур школярски, достаточно разборов существующих в науках «проблем», поощрение этих разборов также необходимо для восстановления связи с международной наукой. «Науки» больше не нуждаются в мышлении — столь же мало, как ремесло пекаря или авторемонтная мастерская нуждаются в «философии».

148 Есть ли что-либо более прекрасное для мыслящих <людей>, чем возможность свободно мыслить о том, что <человеку> надлежит промыслить?

Звучит для тебя открытость тишины
— Искренность свободы? (Innigkeit des Freyens?)
Как же тогда можешь ты открыто еще действовать,
намеренно в воление только стремясь?

Под моим окном какая-то монахиня (eine Schwester) вспахивает поле на воловьей упряжке, — март 1946.

Машина разрушает память. Поэтому машина сама лишь превозмогается в памятовании, которое в свое время осмыслит бывшее и Приход как Бытие и тем самым развяжет или даже разорвет путы, которые привязывают человека к опредмечиванию всего, так что он сам в причинно-следственной связи изнуряет себя и чахнет беззащитным.

Скажи,
что же тогда нам делать?
Позволение.
А что произойдет?
Судьба.

149 Подлинная ошибка «ректората 1933» состояла не столько в том, что я, подобно другим людям поумнее меня, не распознал «Гитлера» в его «существе» и впоследствии <, кипя> злобой, стоял с ними рядом в области без-волия, — т. е. в одной и той же области с волящими, — а в том, что, как я полагал, настало время стать первоначальным-историческим не с Гитлером, а с пробуждением народа в его западноевропейской судьбе. См. ректорскую речь[71].

(Слова Ницше «Бог умер»[72].) Ошибкой была только поспешность <с оценкой> «времени». Еще не было ясно, что это «надолго» — что «действием» и одним «ударом» нельзя достичь перемен, да и вообще осуществить их.

Ошибка состояла не в том, что *мышление* в его возможностях было якобы *пере*оценено, а в том, что оно было недооценено в его сущности — еще недостаточно вопрошающее и ожидающее.

Но отсутствие — простое отсутствие и стояние около и пребывание в прошлом тоже было бы уже тогда невозможно. И так — до́лжно было — получить этот опыт и в целом вынести его «последствия». («Der Schmerz» <«Боль»>[73].)

---

71. [Martin Heidegger: Die Selbstbehauptung der deutschen Universität. In: Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. GA 16. Hrsg. von Hermann Heidegger. Frankfurt am Main, 2000, S. 107–117.]
72. [Martin Heidegger: Nietzsches Wort «Gott ist tot». In: Ders.: Holzwege. GA 5. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main, 2/2003, S. 209–267.] — Рус. перевод А. В. Михайлова: «Слова Ницше „Бог мертв“» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 168–217.
73. [Еще не опубликованная рукопись как часть сборника «О боли» в архиве Хайдеггера.]

Стоящие сейчас заедино, они ничему не научились; в самом деле, все выглядит так, будто бы за 12 лет у нас ничего не произошло: привязывание потерпевших крах к состоянию 1932 г. и *к тому же* одобрение со стороны заграницы! Люди знают только это или ужасы национал-социализма. Но это «или-или» есть подлинная ошибка. Другое еще должно
150 произойти. Но оно остается скрытым. А опыт и сознание настоящей молодежи еще «захвачены» и запрещены.

Самое трудное и самое достойное вопрошания нашей судьбы — состоит в том, найдем ли и сохраним ли мы собственное; но поскольку оно есть — будучи советующим-сохраняющим сердцем, незаметное — среди других «народов» и с ними, — позволят ли они нам <войти> в собственное. Или же, не является ли это коварнейшей видимостью и предлогом для власти, чтобы заставить нас выполнить нашу собственную задачу, — т. е. только: быть принятыми как лишенные власти в предприятие мировой махинации?

Величайшая опасность состоит в том, что «великое» «множество» (das «große» «Man») как раз и *не* пускает нас в наше самое собственное и что мы в то же время, все еще в ослеплении, мчимся туда и тоже хотим что-то значить.

Иначе ведь чужие должны были бы признать наше самое собственное — и изумиться самим себе и задуматься о *совете* и даже отказаться от самих себя и своей самостности (Selbstigkeit)! Возможно, нам никогда не суждено достичь совершеннолетия в отношении собственной речи и нашего языка — и того, что *ему* до́лжно *сказать*. А мы — и подавно не видим «отсвоения» (Enteignung) и отчуждения (Verfremdung), которое прокладывает себе путь, пока мы надеемся на то, что в мировой демократии нас

будут терпеть как ее ответвление. Это наше безволие столь же ошибочно, как и дикое воление *национализма*.

Чтобы *остаться* в неприметном драгоценном сбереженного сокровища, мы должны были поначалу постичь собственное и освободиться *для* него, но одновременно чужие должны были оставить нас в смысле некоей *помощи*, которая предполагала не меньший свободно-освобождающий строй мысли. Какой мрак надо всем этим Простым — и все же — как близка эта возможность единой собственной судьбы — требующей многое вынести. 151

Разве, к примеру, *непризнание* этой судьбы, — которая ведь нам самим не принадлежала, разве подавление в желании ‹захвата› мира (Weltwollen), мыслимое исходя из судьбы, разве это не еще более серьезная «вина» и «коллективная вина», чей масштаб вообще (а в сущности и подавно) не сравним с ужасами «газовых камер»; вина — более жуткая, чем все публично «заклейменные» «преступления», — которые в будущем никто бы не посмел оправдать. Догадываются ли «люди», что уже сейчас немецкий народ и страна являются единственным *концлагерем* (*Kz*) — какого «мир» еще никогда не «видывал» и который «мир» и не *желает* видеть, — *это* не-желание еще более *волящее*, чем наше безволие в отношении дикости *национал-социализма*. Какие могли бы быть последствия: одни откатятся к периоду *до* 1932 г., а другие будут снова соглашаться с национал-социализмом, полагая, что он «все-таки был прав».

Если взглянуть на мировую историю в целом, повсюду все остается по-прежнему и «мир» и далее, в забвении бытия, продолжает катиться в ничто 152

и человечество несется вслед за своим собственным ослеплением — вот только теперь в иллюзии того, будто бы начинается новый мировой порядок?

—

Повсюду тянут из публичного в публичное с помощью многих веревок, и всякий видит едва испробованное мышление Бытия на помочах *своей* веревки и извлекает пользу *для себя* и оспаривает право другого на это, а само мышление — оказывается многоликим, то таким, то сяким, поскольку они ничего не знают о его простой сущности и судьбе, являющей собой богатство и слаженную взаимосвязь, а не какой-то предмет со «страницами», который разочаровывает, если неожиданно показывает иное, чем они предполагали.

И уж тем более — Бытие? Как сейчас его можно мыслить, если повсюду еще и сильнее, чем когда-либо, историографизмы гуманизма и «экзистенц-философия» и поспешное использование для теологии — необдуманно кидаются на относящееся к ним (Ihre) и никто не желает опоздать, стремясь быстренько все сделать по-современному. В противном случае думают: чем радикальнее какое-либо мышление, тем более всеобщим оно будет, а если смотреть в корень, возможно, также более доступным и к тому же привычным. Но это заблуждение. Чем изначальнее мышление, чем единственнее 153
оно мыслит *в направлении* Одного и Того же (Einen und Selben), тем более странным становится оно, поскольку с наибольшим трудом выдерживает То же самое (das Selbe) в его многослаженной глубине. Вот почему важно следующее: чем изначальней мышление, тем опрометчивей и напористей ложные толкования со всех сторон и во всех на-

правлениях. Вот почему само мышление исходя из единственности Того же самого становится все более одиноким и — с непосредственной точки зрения размышления — все более без-«действенным», если здесь вообще позволительно думать о «действии». Оно становится более *загадочным* в публичном и оспариваемым вплоть до невразумительности. Это не имеет ничего общего с непониманием или даже с проклятием [?] — не быть признанным и тем не менее быть заболтанным на всех углах.

Эта загадочность указывает на тайну, которая сама еще остается скрытой (освобожденной) в событии Бытия для свободы события. Загадка в мышлении Бытия <состоит в том>, что оно, *говоря*, вымалчивает тишину Бытия и, замалчивая себя, должно отказывать самому себе, и только так осуществляет благодарность — мысля, а мышление — одновременно как мышление «этого» Бытия.

Иметь право свободно сохранять путь, бурный и поддерживающий, во всем его немыслимом очертании. См. <S.> 111, 146.

Разговор: как правило, непроходимая, а потом и заросшая каменоломня, где, быть может, в свое время что-то сокровенно зацветет.

Так, возможно, сквозь многие долгие одиночества, которые едва осмысляются и никогда не проговариваются, в захолустном селе через мучительно-убогое существование (Da-gewesen-sein) крестьянских прародителей <возникает> единственная покорность мышления, которое медленно и поздно и только в его посылаемом (in sein Schickliches) выходит из долгого ожидания и готовится, как некий путь, чье начало и конец одинаково остаются во мраке. 154

Были ли или есть эти пра-родители для наследия за-творника мысли неузнанными, а в их время также неузнаваемыми в своей сущности? Не обязаны ли мы прежде всего (стихо)творчески выстраивать из подобного поселка то жилище, которое благодаря его *отсутствию* в публичности, не нуждаясь в действии, просто дает свободу оставлению (das Lassen) родни? Будут ли затворники обитать в Одном Бытия? Явятся ли такие, незаметно идущие и не возвращающиеся, поскольку они возвеселились в свободной *достаточности* — удовлетворенные лишь свободой, скромно довольствуясь *собой*.

Имеются такие, которые когда-нибудь просто удовлетворятся самодостаточностью свободы.
Затворники Одного —
Оставаться на пути *мышления*.

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

λόγος 115
благодарность 120
вопрос о бытии 119
Гёльдерлин 88, 95, 107, 143, 145
Гёте 116
дубовые дрова 130 сл.
жуть 113
забвение бытия («Бытие и время») 33
измена 128 сл.
историография (Historie) 138
история (Geschichte) 71 сл., 138 сл.
метафизика 115, 138 сл.
мышление 119 сл., *121*, 127, 132, *132/3*, 136, *141 сл.*, 152
настрой, настроение 111
начало 125

неприметное 99 слл.
Ницше 103 сл.
осмысление 69 слл.
позволение-Быть 146
Приход 132
«психология» 125, 140 сл.
ремесло 108 сл., 116 сл., 119 сл., 121, 123 сл.
событие 103/4
суверенность мышления 141
труднейшее, самое трудное 150 сл.
«университет» 92, 96 сл., 146, *149*
философия 77 сл.
христианство 138
человек 132
Шеллинг 118
«экзистенцфилософия» 109
Юнгер, Эрнст 107
язык 136

1946 Родные, помните о Бытии.
См. *S. 19*

Заметки II

И только если много думаешь, то много живешь...
(Und wenn viel denken allein, viel leben ist[1].)
Лессинг

1. [Gotthold Ephraim Lessing: Philosophische Aufsätze von Karl Wilhelm Jerusalem. In: Ders.: Sämmtliche Schriften. Hrsg. von Karl Lachmann. Bd. 10. Voß'sche Buchhandlung: Berlin, 1839, S. 1.]

Мышление на ближайшие три столетия поселилось на другой звезде. А мышление есть памятование.

Лишь когда всецело погрузишься в слушание чистого различения, тебе уже понадобится не отречение (Verzicht), но лишь избегание.

И хотя сегодня еще не настало время, ибо мышление вновь начинает становиться проще и небрежнее в отношении тайны *начинания* человека в Бытие, однажды тебе будет дозволено познать расцвет дней. Незаметно и в ходе долгого учения возникает сначала родство тех, кто старается жить поэтически, доверять устойчивости хладнокровия, которое покоится в высвоении на самой глубине. Мы хотели бы ежедневно упражняться, помогая-примысливая, чтобы делать повседневность созвучной такому хладнокровию. 1

Едва ли знакомые друг с другом, просто ищущие жилье родственники, которые без огласки подчиняются кроткому закону, находят друг друга, зовут и сеют радость на этой земле ради долгого прорастания при сдержанном биении святого сердца народов.

Насколько мы еще беспомощны, чтобы по-настоящему понять былое (das Einstige) штифтеровского мира и надежнее превратить в него теперешнюю смутную повседневность, не впадая в поспешную и непрочную романтику.

Все в ходе мышления должно идти так медленно и осмотрительно, так тихо и незаметно, как отец-звонарь, который осенним вечером поднимался со своим фонарем на колокольню, чтобы звонить. 2

Надо, чтобы кроткий закон жил ежечасно и ночью, и днем, а это самая трудная привычка, но и самая прекрасная.

Теперь, после того как я — если не считать публикации разных мелочей, которые тоже больше скрывали, чем высказывали, — двадцать лет молчал, нельзя вдруг из-за случайных опасений предаться какой-то поспешности и начать без разбора публиковаться.

Известность. — Находиться под надзором требований общественности и упрощаясь, т. е. оглупляясь ее Назойливым Мнением, на которое всякий по любому поводу обязан откликаться.

Вытерпливать (austragen) — это всё.

Вытерпливать на-чало в боль.

3 Ужасающе чуждым должно быть Бытие в сверхблизкой близи его свободной тиши в сокрытии исцеления нестерпимой боли — так что никакое страдание в судьбе Бытия и никакое страдание <, оставшееся> в памяти человека, не смогли бы хоть что-то изменить.

Предчувствуем ли мы вообще эпоху поворота к истине Бытия, т. е. начала прояснения Бытия для свободы сокрытия, которую живущие вправе подготавливать; предчувствуем ли мы милость дара, когда вновь, как прежде, в первых проблесках будущего (des Einstigen), во «время», т. е. к поре Ἀλήθεια[2], страдание станет уделом слишком зорких?

Даже заблуждающееся размышление видит многое и способно к постижению.

Возможно, нас еще ожидает посреди жалкого самодовольного безумия хищнического разрушения скрытая благосклонность истинной, сущностной гибели <, ведущей> к единственному будущему.

---

2. Истина (*греч.*). — *Прим. пер.*

Проживать отсутствие молчаливых пастырей свободы сокрытия.

$$\Sigma\ (\underline{E}\ \in\ Sg)$$ 4

Настанет время, когда непреходящее мышления станет более непреходящим в его неизбежной безрезультатности, — бывшее, абсолютно неприкосновенное, никогда не устранить, никогда не преодолеть. Высшая способность свободы и ее освобождения есть: выздоровление в бывшее (das Genesen ins Gewesen). Абсолютное бывшее без-защитно, оно не нуждается ни в каком оружии: абсолютный приход в пребывании в прояснении судьбы в глубину разрыва.

Отважное выздоровление
к былой ошибке (Fehl);
освобождающее бывшее,
сокрытие прихода.

Для того чтобы Бытие просто прилаживалось к свету его сокрытия, *есть* мышление с его строжайшей строгостью.

Всецело сбывшись, спокойно (стихо)творить тишь ненарушенного Бытия: 5

свобода события —

позволение-Быть (Seyn-lassen): Бытие: *мышление* —

позволение-Быть: Бытие — *мышление*: *тишайшая* благодарность —

еще тише, чем пение.

позволение-Быть: Бытие, | E | незаметная жертва.

Утишенная из тиши в мышление «Бытия». | Σ |.

Чем ближе мышление в разговоре с мыслителями подходит к *тому*, что они мыслят как им пред-назначенное (das ihnen Zu-gedachte), несказанное, тем отчетливее мы познаем, что сказанное мыслителями едва ли еще помыслено и не может быть помыслено; так что возникает догадка, что мышление мыслителей хотело бы пребывать в судьбе, оставаясь более-менее сокрытым как сущностно неизвестная и неузнаваемая жертва мышления в Бытии. Вот почему и это познание и эта догадка не обдумываются вместе. Вот почему остается, и лишь так, сокрытым и исчезнувшим: некое Ничто в Бытии — утишенное из его единственной тиши. Эта жертва относится не к личности мыслителя, а к самому мышлению как сбывшемуся в самом Бытии, как сама судьба Бытия, как память о разрыве. Судьба мыслителя есть только непросматриваемое следствие.

6 Сегодня, возможно, все еще «философствуют» то там, то тут; но повсюду еще нет никакого *мышления*, поскольку отношение того, что следует осмыслить, само Бытие, еще не осуществляется.

Тонущий корабль в море Бытия — вот что такое мышление. Лишь когда крысы покинут корабль, наступит подлинное время корабля — *если он утонет*, то будет принадлежать стихии, самому Бытию. Тогда останется лишь тот, единственный, кому доверено судно: и он утонет вместе <с кораблем>.

Либо ты мыслящий, либо нет.

Великолепие простого.

Мыслить закат метафизики безо всяких «иллюзий», и не как что-то «негативное», — а только

как судьбу самого Бытия; такова история грядущей Вечерней страны (Abendland), где ни «Европа», ни даже «Запад» не являются контрпонятиями к «Востоку», но где постигается миро-судьбинно, т.е. Бытийно-судьбинно, земля в закате к истине Бытия (*Событие*). Все нововременное — в том числе и имеющее отношение к Востоку — принадлежит к метафизике; никакое обновление прошедшего, 7
никакой радикализм в Уже-Существующем и напирающем не в состоянии здесь подготовить прохождение мимо или даже уклониться от него. Вот почему для Бытийно-исторического мышления нигде нет опоры; оно мыслит слишком к-будущему — перелетая через настоящее.

Постижение: страдание отказа от истины самого Бытия; забвение Бытия. Это страдание и разрыв. Результат неприхода Бытия. Бытие в его отказе, как таковое есть подлежащее-осмыслению в качестве еще сокрытого — как мышление и творческая благодарность, — память, принадлежащая Бытию сущность человека. Как подлежащее-осмыслению свершает мышление. |Боль|

Вытерпливание отказа как сокрытие радости события свободы — вытерпливание и ожидание — ожидание и *событие*.

Постижение — как пред-чувствующее до-пускание (Vor-lassen), которое свершается в сбывшемся страдании: *что* (*daß*) — чистое что — *что само Бытие пусть будет Бытием*, единственно-будущное — Σ.

Ибо это позволение (Lassen) есть то, которым позволяется Бытие: Бытие — *мышление*.

Подлежащее-осмыслению есть не «долженствование («Sollen»), — а выпускание освоенно-осво- 8

бождающе (vereignend-freyend) в принадлежание из от-своения (Ent-eignis).

Все, что я, мысля, пытался сделать в пути, это несвязные блоки; все пути суть лишь лесные тропы — *оставайся в пути*.

Принадлежи скитанию и *пребывай* в скитании.

Ищи решение (Abschied) в самом скитании —

Позволяющее говорение.

Оклик-вслед — это главное — оклик-вслед прошлому — в бывшее: его приход.

Только мышление, <исходящее> из неприметного тихого места, может привести в движение «рычаг», который сорвет с петель существующий мир и мировую историю и все уладит.

Мы живем в ночи и не видим звезд,
ибо не привыкли к великолепию <, глядя> из близи близкой дали.

Отчуждение в привычное.

* Сначала по-настоящему научиться знать и вытерпливать (austragen) следующее: то, что *мышление*, в смысле *изначального* совершения того, что пыталась сделать «философия», представляет *опасность* для мира и — как таковая смутно предчувствуемая опасность — *повсюду* запрещено и изгнано.

9 Скрытая злокачественность выпущена в мир, чья брутальность основана на некоей воле, которую не могут породить никакие человеческие силы, поскольку они сами давно ею <волей> побеждены — и таким образом стали *ее* вещью.

Решение Бытийно-исторического мышления, которое всегда заново и всякий раз изначальнее должно вытерпливаться: это мышление мыслит для Бытия, единственно ему принадлежа как жертва, ибо Оно есть — или такое мышление мыслит ради людей, т. е. ради бездумности, в которой они хотят упорствовать и в которую они опускают мышление, полагая, что лишь это приспособленное к *их* рассудку мышление имеет какую-то пользу, не подозревая, что расчет на пользу уже в принципе запрещает мышление, а с ним и Бытие?
Мыслишь ли ты Бытие как Бытие —
или даешь по видимости
лишь мнимо
значимое — ибо полезное — мышление?

Из письма зарубежным друзьям (май 1946 г.): 10

Но у меня такое чувство, что я должен подождать до осени, тем более что сейчас начинаю вновь сосредоточиваться на своей подлинной работе. Возможно, к этому времени от меня опять было бы больше пользы. От преподавательской деятельности я внутренне совсем отошел; то, что я Другому придам каким-то образом надежную форму согласно присущему Ему его собственному закону, есть самое необходимое для будущего. Для этого мне требуется побольше одиночества и простой физической силы и терпения. От этого труда меня никто не может освободить. Сам я не могу надеяться на благосклонность удачного момента. И напротив, дружеская поддержка может многому поспособствовать, поскольку нужно опубликовать переработанные лекции, прочитанные за более чем сорок семестров, и заметки к семинарам. Брат мой в Месскирхе проделал большую предварительную

работу в этой области. План В.[3] с лекцией о «Софисте»[4] мне кажется очень хорошим; за 23 года, прошедшие с тех пор, я кое-чему еще и научился. Вопрос <в том>, на какой текстовой основе можно было бы отважиться на публикацию. Следовало бы обсудить все это в устной беседе, лучше всего здесь или в Месскирхе, где были бы доступны рукописные материалы. О состоянии философии в публичном мире я не осведомлен. Жан-Поля Сартра я недавно «прочитал» только несколько страниц, а по-настоящему ничего не изучал.

Строгое воспитание <, подготавливающее> к простому ремеслу мышления, важнее, чем когда-либо.
11 Я мог бы проводить его только в избранном кругу и только во время перерывов в собственной работе, которая ведь уже давно не является <моей> собственной. Лекцию об истине[5] я достану для вас, <лекции> о притче о пещере[6], отдельное издание которой попало под запрет, у меня, к сожалению, нет. Из сочинений, статей и лекций за последние пятнадцать лет легко можно составить три тома. Но тогда мне

---

3. [Возможно, Хайдеггер имеет в виду Карла Фридриха фон Вайцзеккера, который пишет: «Я воспринимаю Марбургские лекции как лучшее из того, что он написал». Carl Friedrich von Weizsäcker: Begegnungen in vier Jahrzehnten. In: Erinnerung an Martin Heidegger. Hrsg. von Günter Neske. Pfullingen, 1977, S. 243.]
4. [Martin Heidegger: Platon: Sophistes. GA 19. Hrsg. von Ingeborg Schüßler. Frankfurt am Main, 1992.]
5. [Martin Heidegger: Vom Wesen der Wahrheit. Vittorio Klostermann Verlag: Frankfurt am Main, 1943.] — Хайдеггер М. О сущности истины / пер. З. Н. Зайцевой // Философские науки. 1989. № 4. С. 88–105. — *Прим. пер.*
6. [Heidegger: Platons Lehre von der Wahrheit. In: Geistige Überlieferung. Das Zweite Jahrbuch. A.a.O.] — Хайдеггер М. Учение Платона об истине / пер. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 345–361. — *Прим. пер.*

пришлось бы пожертвовать целым годом для тщательной и окончательной редактуры и подготовки к печати, а это для меня в сегодняшних обстоятельствах с учетом моих собственных планов слишком расточительно, это подошло бы, скорее, для занятий в преклонном возрасте. Но никаких «занятий» у меня нет вот уже несколько лет, поскольку любое мышление порождается опытом столь глубоким и полным лишений и захватывает западноевропейскую и восточную судьбы в их корнях, что только предельная точность наипервейших вопросов и экономия языковых средств сохраняют свое значение. Мышление бытия есть тишайший процесс во всей истории. Немногие, кто обращает на него внимание и покоряется ему, принадлежат невидимой и родственной группе, о которой давно не слышно. Меня радует, что вы относитесь к этой группе…

Философский мир, судя по тому, что иногда рассказывают, все еще пережевывает убогие модные словечки, которые ряд слабых комментаторов в 1928 г. запустили в обиход по поводу «Бытия и времени». Но мнения о разных взглядах остаются неважными в сравнении с unum necessarium[7]: мыслить изначально само бытие и не забывать старинное древнегреческое изречение: μελέτα τὸ πᾶν[8]. Позаботься о бытии сущего в целом. Нет ничего более непреходящего, чем бытие. О него разбивается всякая сведущая и всякая несведущая воля к опустошению, которая сама еще, путем своего воления, должна дать свидетельство в пользу бытия. То, что *это* 12

7. Единым необходимым (*лат.*) — *Прим. пер.*

8. [Изречение принадлежит Периандру Коринфскому, одному из Семи Мудрецов. См.: Die Fragmente der Vorsokratiker. Bd. 2. Hrsg. von Hermann Diels. Weidmannsche Buchhandlung, 4/1922, 73a523.]

Одно-Единое человек когда-нибудь *просто* постигнет и сохранит, все яснее и постояннее, в своем повседневном <существовании> — в строительстве, (стихо)творчестве и деятельности — вот *для этого и есть* мышление с его строжайшей строгостью.

—

Вопль беспочвенной метафизики о бытии преодолеть тишиной простого мышления, утишенного в некое сказывание (in eine Sage).

Предугадываю след тишины утаивания.

Высказываю догадку исходя из строгости лада (des Fugs).

Почему и сейчас в гуще видимых и невидимых катастроф «мира» человек, еще меньше чем когда-либо, до всякого сущего, познает близь Бытия, — это единственная загадка, осмысление которой ведет в простор и которая, возможно, через три столетия прояснится где-нибудь на этой звезде.

13 Когда в детстве, качаясь на тяжелых колоколах, мы могли сквозь открытые проемы башни парить на просторе над обширными лесами в сторону белеющих вдалеке соседних башен, — <то было> безмятежное одиночество ранних лет.

Загадочная констелляция прохождения-мимо в самом событии; будто Бытие есть в двояком обличии как забвение бытия и как приход близи его истины, которая примысливается к новому памятованию. Так и остается в ныне дарованной тиши призыв пробудить нужду безнуждости, проистекающей из забвения бытия, и лишь тогда научиться присущей ей боли. Здесь (в хижине), где всюду есть лишь

тихо выросшее и просто слаженное, мышление также должно оставаться в своей стихии.

Бытие — никогда не схватывать, но всегда дозволять; но дозволять: *Бытие*.

«Справедливость»? Что это такое, которое они так называют и провозглашают? Лишь надрывная борьба дурного утаивания беспомощной мести. —

Возврат. — Возвращение в основу метафизики — и это все еще сказано при взгляде *на* метафизику, 14
но только в сторону *от* нее, и все же *о* ней — всякое «основывание» и поиски «основы» есть и остаются в образе «строительства» философии: образ дома (fundamentum) указывает на надежность и искусство (Techne[9]); на «делание» философии и всего подобного.

Оставь также и основывание и всякую страсть к основе.

Тихо примирись, не задавая вопросов, со вспышкой свечения (Lichtung) простора, свершающего свободу в отсвоении.

Свобода не имеет ничего общего с основой и основыванием.

Человек — самый дальний край в Бытии, обескраенный для хищения в отсвоение из простора милости.

Распевающий щегол более сущий, чем набитое чучело орла.

---

9. Искусство, ремесло, наука (*греч.*) — *Прим. пер.*

Человек: неизбывно прощальный за-пуск мирствования мира (Weltnis von Welt): собственность на-чинания в различие в сокровенном. Мирствование освобождает как от-ворачивание (Ent-wendung), при-тягивая, дает начало за-пуску, дозволяющему позволение.

Человек: ожидающий из на-чала в различие к сокрытию (Hehl).

15 Выговоренное никогда не есть сказанное, ни на одном языке.

Где еще есть люди, чье ремесло (Handwerk) — *мышление*? Не говоря уже о тех редкостных <людях>, которые знают, что это ремесло поэтичнее, чем любой напев и всякое искусство. Кто ведает о руке (Hand), выводящей таинственные письменные знаки, связанные <между собой> в каком-то отношении, которое есть на-чало человеческого существа исходя из от-ворота (Ent-wendung) в сокрытие Бытия? Кто знаком с «произведением» (Werk), которое никогда не является в некое присутствие, никогда не пребывает как установленное, только сбывается в простор сказанного слова в невыговоренном слаженного языка? Разговор тиши Бытия с сокрытием его истины? Где находится скрытое место ремесла сказывания мышления? «Произведение», не сделанное <, не продукт> воздействующего достижения и «творения» — ἔργον[10] — явление давнего сияния просвета события.

Кто есть Бог? Старейший, древний раб Бытия?

И даже боги со своей родней?

---

10. Труд, занятие, работа; действие; произведение, вещь (*греч.*) — *Прим. пер.*

Вправе ли кто-нибудь, кто нечто помыслил, когда-либо вытащить на улицу мастерскую своего ремесла?

Кто есть человек? Собственник отсвоения — пастырь памятования в памяти <исходя> из события.

Ремесло мышления есть записывание поэтически-творящего сказывания «Бытия». 16

Вместо того чтобы учиться «писать» на основе высказывания, учиться бережливости послушного писания, люди занимаются разными почерками и «осуществляют» «графологию».

Когда с разверзнувшегося дождливого неба солнечный луч внезапно спешит на мрачные горные луга.

В начале отлучения (Abschied) сохраняй спокойствие по отношению к памяти о различии:

Мышление как «Бытие». Это только имя различия.

Все есть то же Того же самого. Но То же самое только как своение (Eignis).

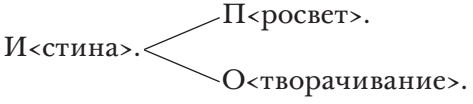
<По поводу того>, что «люди» (man) в каком-либо писании и в разговоре «вычитывают» и «выслушивают» только уже известное и понятное, а «непонятное» измеряют лишь по такому пониманию. Что «люди» вообще цепляются за выговоренное и не отвечают за невыговоренное, которое привело к сказыванию, избегая, в каковом из-бегании (Entzug) осуществляется при-влечение (An-ziehung): событие свободы как при-влечение. —

«Мода», например в поэзии, в «философии», в «искусстве», есть часто каверзный *модус*, в котором не- 17

что сущностное и судьбинное впервые входит в историю: это есть прохождение-мимо внутри того, что «современно» его возникновению. —

Все *судьбинное* случается и устраивается из *промедления* — наиболее существенное держится в самом продолжительном промедлении — и есть само *за-медление*. Замедление от-ворачивает и в <этом> от-вороте притягивает его <наиболее существенное> в отсвоение сбереженной милости и использует так и от-носит, с-бывает от-ношение. Замедление: собирание, освобождающее в промедление и как промедление. Здесь принадлежат к одному и тому же *промедление* и *стремительность*. Оба они — способы судьбы. Замедление и ожидание. Замедление в слаживании лада (in der Fügung der Fuge).

Замедление великого отсвоения. — <Оно> великое — ибо <исходит> из самого Бытия как оно само. Можно предположить, что эта судьба исторически подготавливается в происшествиях и состояниях, в которых возникают крайняя злокачественность и двусмысленность и почти безмерное страдание. Подобное само есть знак. Жуть брутальности — в единстве с глубиной характера — все отношения из на-чала. Великое отсвоение (Бытия в истину свободы сокрытия, т. е. в начало) есть раз-решение различия (die Ent-scheidung des Unter*schied*s). Разделение — прочь в начало и в исцеление; стык крайнего разделения (простор) [просвет укрытия].
Отворачивание

Разделение как слаживающий лад предельного простора для глубинности Того же Самого. Слаживающий лад и замедление в слаживании. 18

Великое отсвоение и пред-знаменование: без-истинность как таковая (Verwahr-losung) — уничтожение человека и истины. См. S. *19*.

Само предзнаменование (Vorzeichen) опять-таки нераспознаваемо, т. е. еще скрыто в затаенном в себе самом метафизическом истолковании. (См. Ko.[11]) — скрытое в *признаке* (Anzeichen), который вычисляется из предшествующего каузально как причина, а *историографически* — т. е. историко-диалектически — <как> назначение и цель. Все *в* нераскрытом различии *неизбежно двусмысленно*.

Мышление: подлинная (на-чатая в событии, а потому прощальная) (стихо)творческая работа над творением стиха события.

Строгость — <исходящая> из слаживания лада, из освобождающего распоряжения в раз-решение *различия*; из *предельной глубинности* Того же Самого, его сокрытости. (Различие.)

Посланное в пространнейшую судьбу, в даль его замедления — посланное в истории Бытия. (Различие.)

Покорность языка <, исходящая> *из* строгости посланного, в ней *обитающая — событийно*.

Принадлежность <к> *позволению*.

Строгость мышления исходя из *памяти*.

Бережливость языка <, идущая от> свободы слова (Freyheit des Wortes).

---

11. [Хайдеггер указывает либо на свою небольшую работу Κοινόν (см.: Martin Heidegger: Die Geschichte des Seyns. 1. Die Geschichte des Seyns. 2. Κοινόν. Aus der Geschichte des Seyns. GA 69. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main, 2/2012, S. 175–214) либо вообще на бытийно-историческое понятие «Коммунизм».]

19 *Воспитание-вытягивание* (Er-ziehung)? Куда «тянуть» и откуда — пока человек не пребывает в «человеческой» <сфере> и еще ее не познал — *память в событии*[12].

Как воспитывать, если человек не пребывает специально в от-ношении к Самому Бытию; т. е. если человек по своей сущности не является за-требованным со стороны Бытия, *со-отнесенным* с Бытием в Бытии, призванным, вызванным в распоряжение <Бытия> — с-бывающимся в событие. Лишь когда человек *специально* достиг от-ношения, которое само таинственным образом <есть> сокрытое, может состояться *воспитание*; возможно, оно уже тогда больше не потребуется. Но как человек достигает от-ношения — т. е. события? Он *уже* достиг <этого> и все же не достиг? Как обстоит дело — подумай о «череде» родительных падежей как соединенных (erfügt) исходя из лада события — со <связкой> «есть» — и этой двусмысленностью? Как обстоит дело с Бытием?

Что Есть? Признак предзнаменования прихода прохождения-мимо замедления великого отсвоения к различию в со-крытие (Ge-Hehl) [?] (Иначе в ответ предоставляют описание сущего.)

Что Есть? какой вопрос? не вопрошание — но говорение исходя из памяти — как из схватывающего *мышления* — *мыслить* собственное творение стиха события.

Сберегать будущее в приходе, а не спасать про-
20 шлое в преходящее настоящее.

---

12. [См.: Martin Heidegger: Das Gedächtnis im Ereignis. In: Ders.: Zum Ereignis-Denken. GA 73.1. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main, 2013, S. 741–752.]

Результат (Austrag) предельной глубины разрыва.

Всякое ви́дение покоится в стихе (Alles Gesicht ruht im Gedicht).

Мыслить в Собственное Бытия. Собственное есть событие (Das Eigene ist das Ereignis).

До́лжно ли, допустимо ли, чтобы за событием следовало еще что-нибудь? Разве не достаточно того, что Бытие оставалось без последующего?

Что, если бы Оно было свободой и ее единственным принуждением: необходимость учиться (das Gehören zu lernen) <, продвигаясь> в начало к отлучению (Abschied) памяти в различие? Что, если бы в этом была заложена высшая способность «ничего не делать», т. е. не давать побуждать себя к волению и обязанности что-нибудь сделать в пределах безыстинности «мира» воли к воле, который должен быть «исцелен» посредством «морализма» и «гуманизма», — с помощью проповедников морали, каковые из жажды мести допускают одновременно безумнейшие и величайшие мерзости разорения народа. —

Способность Бытийного позволения-Быть как события — *способность исторически выносить это* — имеет притом видимость слабости, видимость ощущения-своей-оскорбленности у обиженного отщепенца; видимость разозленного и забытого и недостаточно хвалимого, т. е. публично обсуждаемого и забалтываемого в сплетнях. *Выносить публичный* упрек в бегстве, безответственности, отказе в сотрудничестве. 21

Но насколько мы еще далеки от неприметной тихой силы чистой способности ожидать в высшей тишайшей деятельности *мышления* как оби-

тания и строительства места обитания? С какой легкостью мы воздерживаемся от всякой акции как ре-акции — по сути, без позволения: без принадлежания? —

Но насколько ре-шающим является этот единственный переход — да и вообще это пребывание в результате *двусмысленности* позволения? Насколько далеко простирается ожидание этого позволения, которое готовится для события как отсвоения в различии к сокрытости свободы отсутствия (zum Hehl der Freyheit des Fehls)?

Выносить настойчивость ожидания в позволении — невзирая на опасность и внешнюю угрозу —
или
«*действовать*» *в кругу того, что более всего предшествует усилившейся суете*, и «публично» создавать себе авторитет и тем самым спешно и деловито заняться устранением видимости, будто собственное мышление мертво и несостоятельно, т. е. снабдить некоторых или всех журналистов новым «материалом» для болтовни?

22 Молчать из-за строгости полноты высказывания, — кто поймет это? Кто достаточно гибок, чтобы поспешно и ложно не истолковать подобное молчание? И уж тем более кто способен услышать в таком молчании простой закон, который есть событие, а не распоряжение со стороны некоего расчета и приказа?

Кто может во всем этом хотя бы почувствовать ярость, которую позволяет выдержать (tragen) боль Бытия: боль как событие страдания, сокрытия печали всякого позволения как подлинного свободного принадлежания (des eigentlichen freyen Gehörens) к Бытию?

Кто благодаря молчанию способен на исход выдержанности (Tragsamkeit)?

Для кого такое молчание есть слушание перезвона колоколов в ночи? (см.: «Слово» [?][13]) Молчание как разговор?

В отходе — отход <от> позволения благодаря мужеству к широкому предположению загадки! — сначала рассеивается напор отказа.

Знание и мышление

Знание есть пребывание в состоянии удостоверения видимости.

Мышление <есть> хождение в ходе освоения-сбывания к Бытию.

Видимость ≠ простая кажимость, — а *предметный* показ-себя.

Знание есть мнение (постижение-схватывание).

Мышление есть бытование (быть бытием: <принадлежать> Бытию) (Позволение).

Дело не в том, востребован ли ты общественностью, попав в нее и одновременно будучи затащен, отвергнут ею сейчас или потом, но в том, нужно ли твое говорение в судьбе Бытия. Как можно это проверить? 23

Чуть ли не три десятка лет я испытывал подлинное всегда лишь *мимоходом*, и так было нужно. Но ничего не становится существенным слишком поздно;

---

13. [См.: Martin Heidegger: Das Wort. Vom Wesen der Sprache. In: Ders.: Zum Wesen der Sprache und Zur Frage nach der Kunst. GA 74. Hrsg. Von Thomas Regehly. Frankfurt am Main, 2010, S. 41–170.] — Хайдеггер М. Слово / пер. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие. С. 302–312. — *Прим. пер.*

всегда слишком рано и слишком поспешно; и тогда это тоже не было подлинным.

Непривычное, то, к чему человек никогда не может привыкнуть, то, что всегда отказывает ему во всяком привыкании, — это не-привычное исходит из единственного Одного всегда Судьбинного *Бытия*. И все же это Одно прежде — перед всяким на-чалом — уже предается забвению! Как совместить то и другое? Не должно ли непривычное постоянно показывать свою собственную манеру (Art) — манеру Единственного, чтобы сохранить ее и оставаться в ней и постоянно требовать для Себя памятования о Нем?

Единственное, к чему нельзя приблизиться, — это близь. Но как так получается, что допущение (Gelaß) обитания *в том, к чему нельзя приблизиться*, — для него дальше всего?

Странное извращение: поначалу сейчас при жизни и долгое время после все становится только *историографическим* — и лишь потом, в сокрытое время, возможно, когда-нибудь <станет> *бытийствующим* — мышление: сказывание. Но есть, наоборот, только привычное ожидание, не должно ли все быть по-другому?

24 Кто те, которые издавна повсюду стремятся публично упорядочить «мир» и «жизнь» и организовать их, по сути не постигнув обоих, не желая постичь их, даже не давая себя настигнуть без-истинности самой истины, судьбе, в которую вся Земля, самая потаенная из звезд, послана и впутана. Кто они, то и дело латающие старыми тряпками и рваной ветошью изношенную обувь, в которой они обходят свой «образ мира» даже там, где они давно от-

выкли ходить и только мчатся в каком-нибудь автомобиле? Сапожники по мелкому ремонту, которые едва ли что-то смыслят в данном ремесле и защищают себя только тем, что разорванное прикрывают вновь до следующего раза? Как таким, думающим только о латании, а не о прорехе, когда-нибудь стать брешью врат к Бытию? И даже им Самим? Что бы стало тогда с ними и с их занятием? Они стали бы «лишними», ненужными и у-даленными из дали к Бытию, которое и есть сама даль. И безотчетный страх перед таким беспомощным состоянием ненужности гонит их в постоянное оправдание их <занятия> латанием, каковое именует себя миропорядком мировой безопасности и никогда не узнает, что именно эта безопасность, достигнутая или нет, есть сама беспочвенность, в которой они связаны с публичным человечеством. Где же тот сапожник, который мог бы снять мерку и все зашить руками? который поставлял бы вовсе не *товар*, а обувь, в коей могла бы прошагать чья-нибудь «жизнь».

Единственным препятствием на этом пути является сейчас услужливость мнимых доброжелателей, которые пытаются затащить назад в прошедшее то, что следует сказать в будущем, и делают все, чтобы «спасти» «культуру» и «образование», — они все еще верят, что несчастья можно было бы избежать, если бы исполнители этого несчастья были «пообразованнее». Тогда, да и сейчас, мышление не отваживается занять крайние позиции, а именно — на пути изначального преодоления прежней истории. Повсюду еще и снова все те же *жуликиверхогляды* (Fassadenkletterer). 25

Подлинный ход истории еще вовсе не завершен. Сейчас проявляются лишь первые признаки его

наступления. До сих пор еще всё и особенно грядущее воспринимается *предметно* как только пред-*стоящее*, т. е. рассчитанное историографически. Подлинный нигилизм еще развернется. Он и сама эта судьба не являются чем-то негативным, а историческое также еще не сохраняет сущность «*истории*», а именно ее собственное отсвоение в событие.

Литератор — человек, по уши влюбленный в публичность и испытывающий страх перед мышлением, но устно и письменно внушающий своей публике то, что он надумал, так что публика полагает, будто она, читая «литературу», сама «мыслит»: литератор отличается тем, что всякий раз выискивает себе значимую публичность, чтобы потом объявить это для нее уже продуманным заранее.

26 *Историзм*: остается еще и он, если историю (поэзию — мышление —) рассчитывает в будущее и самоновейшее, а потому *перетолковывает* прошлое (не думая о бывшем) в смысле грядущего. Но мыслить судьбинно (geschicklich) <означает>: уводить судьбинное в его собственное былое — и тем самым косвенно выводить на простор его приход.

Всякий значительный *мыслитель* появляется слишком рано; самые ранние это те, кто по отношению ко всем последующим остаются *слишком* ранними; поэтому они и сегодня — *слишком* ранние и будущие. «Мера» же этого «слишком-раннего» есть мера «величия», если только великое означает: высвоение Бытию, чтобы быть Им.

Как же *выпускание* (Weglassen) продолжается при настоящем богатстве! Как выпускание сначала просветляет и высвобождает самого себя.

Как выпускание лишь поздно — через продолжительный период — усваивается нашими способностями и едва ли хоть что-то может быть тогда из этого вынесено.

«*Коммунизм*» в Бытийно-историческом смысле: то, что возможно такое мышление, которое мыслит <с прицелом> на будущее подлинную сущность того, что наиболее явственно раскрывается в Русском коммунизме, и вместе с тем рассматривает партийную форму западноевропейского коммунизма как недостаточную и вредную; что мышление вопреки партийному коммунизму «утверждает» настоящий коммунизм не как точку зрения, а как судьбу бытия законченного нигилизма, который не является ни негативным, ни позитивным, — этого, пожалуй, никогда не постигнут буржуазное и научное мнение и так называемые духовность и образование. Вот почему «люди» («man») не сразу поймут, что́ было собственно определяющим в моем поступке в 1933 г., который вместе с тем был и *ошибкой*; не в том, о чем было сказано выше, но с точки зрения его возможностей в национал-социализме и с точки зрения того момента и пригодности мыслящего <человека> к *управленческой* деятельности в учреждении публичного преподавания — <вот> сущность *империалистического материализма*. 27

Рок ослепленности. — Дело не только в том, что люди в который раз, конечно, с соответствующими оговорками, стали умнее и все же в период *до* 1933 г. хотели ввязаться во все виды игры, но что они и *сейчас еще* опять-таки не понимают, что замысленное между 1918 и 1933 г. было *слепо* в отношении к тому, что собственно «есть», — в этом прежде всего прояв-

ляется мера ослепления. Но еще встречаются «философы», которые считают полезным откатиться на 200 лет назад и *влиться* в «Просвещение», да и вообще куда-нибудь «влиться» и «что-нибудь» «обновить» и «преобразовать» — вместо того, чтобы «увидеть», что́ есть.

Те же, кто болтает о «Духовной ситуации времени»[14], наиболее слепы, ибо не думают о том, что́ они упускают, поскольку они не могут этого понять и никогда не понимали.

Старинное фальшивомонетничество повторяется: *воинственное* отождествляют с «милитаризмом».
28 Изготовление и поставка атомных бомб есть «гражданское», — а скорее — техническое дело и совершенно не «милитаристское», — но в высшей мере «воинственное». Тот, кто клеймит «милитаризм», еще не доказал, что не стремится к воинственному. Он в высшей степени возбуждает подозрение, что ищет предлог, дабы прикрыть свое воинственное желание и сделать его невидимым для глупцов и трусов.

Подлинно мыслить означает: исходя из философии — оставить философию; не пребывать в ее горизонте при высказывании «бытия». Насколько Бытие допускает Такое или даже одобряет его!

Лучшим способом влить иллюзорную жизнь в давно разрушенные «реакции» и «реставрации», т. е. во все препятствия к истинному Da-sein, является идиотская и безумная мания выискивать «нациста» за вся-

---

14. [Karl Jaspers: Die geistige Situation der Zeit. Walter de Gruyter & Co.: Berlin u. Leipzig, 1931.] — Ясперс К. Духовная ситуация времени / пер. М. И. Левиной // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 287–418. — *Прим. пер.*

ким, кто мыслит действительность как «волю к власти» или даже радикальнее познает и мыслит эту мысль и отношение к бытию. Если бы примитивизация немцев безмерно не возросла еще *до* 1933 г., то «люди» должны были бы понять, что так называемый национал-социализм, хотя он и его партийные поборники об этом не ведали, наткнулся на совершенно иную действительность и что никто свободный и осведомленный — мыслящий не мог вывести на простор и в область тех решений, которые уже давно *имеются* и сейчас, несмотря на «антифашизм», все-таки доводят <ситуацию> до крайности. И сейчас речь идет не о том, сохраняет ли Гитлер, или Муссолини, или еще кто-нибудь «право» или нет, но о том, что узнаётся то, *что есть*, и что будущее поколение получает не только «шанс» нищеты, но и шанс узнать, что́ есть и должно Быть в: *Бытии*. И сегодня еще можно тех, кто так думает, по испытанному образцу арестовать и исключить как опасных и как растлителей молодежи, можно превратить университеты, и без того пришедшие в упадок, в сочащееся самоуверенностью моральное заведение, но никогда нельзя устранить то, что есть, и воспрепятствовать тому, что грядет. — 29

Особое счастье глупцов, что они не в состоянии воспринять как таковое несчастье, которое их сметет, что, напротив, они, согласно своим расчетам виновные и невиновные, всегда винят вторичные явления и участвуют в спектакле публичного обмена мнениями.

Однажды настанет время, когда история немцев после 1914 г. будет рассматриваться — не под вывеской либерально-демократической историографии, — а в ее подлинно действующих силах как наступление воли к воле в смысле мирового процесса.

Справедливость. — Весь мир возмущен происходящей ликвидацией «справедливости». Пусть возмущение и меры по противодействию ликвидации пока имеют под собой почву. Как обстоят дела со «справедливостью», которая, к примеру, уже давно встречается в словах мыслителей и поэтов? Позволило ли столь бдительное моральное возмущение хоть раз оставить толику времени, чтобы, например, поразмыслить о том, *как* в прошедшие пятьдесят лет общественность образованных людей, наук и философии обращалась со словами и мышлением Ницше? Создается впечатление, что здесь отсутствует не только нужная чуткость совести, но сама «совесть»; или же кто угодно может объявить мышление и мыслящее слово вне закона?

И если уж «вина» — ведь нет никакой «вины», коль скоро еще и сегодня люди предают забвению *Лейбница* в 300-летнюю годовщину со дня его рождения, как будто ничего не случилось, — что все это означает, — это *отсутствие всякого стеснения* перед мыслящим словом, которое высказывает лишь наиболее обдуманное. А к тому же весь *этот* шум вокруг гибели множества людей, которых не знают, да и знать не хотят, — не то чтобы это следует как-то оправдать, — речь идет только о масштабе и степени, только о вопросе о том, разве в существенном — поскольку оно неосязаемо и недоступно для демонстрации в виде крикливых плакатов на афишных тумбах, разве в существенном нет никакой строгости и никакой ответственности — могут ли здесь «люди» говорить обо всем на свой вкус и сообразно настроению и жажде признания или можно просто пройти мимо, а без-думность является ничего не значащим упущением. Или однажды поймут, что люди здесь — рабы забвения и попутчики безот-

ветственности, которые давно уже выходят за рамки всякой публичной и прочей безнравственности?

Современная форма наук о духе и «философской работы»: откуда-то заимствуется новая формула и с ее помощью *обрабатываются* «факты»; из этого всегда что-то получается, и такие результаты считаются успехами, — а успехи подтверждают «науку»; вся эта возня есть производство единственно бездумности, которому подвержены и молодые люди, больше не имеющие возможности учиться, *идти* каким-то *путем*, т. е. вообще *мыслить*. Эта всеобщая примитивизация — прекраснейшая питательная почва для господства суеверий и тщеславия тех, кто делает открытия в сфере «духа».

Сколь маловероятно, что из художественного промысла и ремесла когда-либо выйдет «искусство», столь же маловероятно, что из научных занятий «философией» когда-либо возникнет «мышление».

Коммунизм. — «Национал-социализм» и «фашизм» 32
могли бы при счастливом стечении обстоятельств стать тем путем, на котором можно было бы дать «Европе» с ее «образованием» и ее «духом» созреть и подготовиться для «коммунизма». Но это было слишком рано; ибо все рассматривалось лишь «политически»; даже не метафизически, и тем более не Бытийно-исторически. *Поспешность* моего мышления в 1933 г. — и полная неосведомленность интеллектуалов, которые морщили носы перед тем, что находилось на переднем плане и дурно пахло, и эти свои якобы благородные, но весьма вульгарные носы считали критерием познания и осмысления. Провал образованного ‹сословия›, — но партийная принадлежность ввергала все со всех сторон

в заблуждение. *Так*, возможно, все прошло бы *слишком* гладко; ибо грядущую судьбу еще нужно осмыслить глубже, чем «нигилизм» и его «преодоление».

«Квадратура круга» решается как оквадрачивание (Vierung) кольца раскольцованного-разорванного разрыва свободы события отсвоения к различию в сокровенность милости.

Идти *своим* путем —

1807: «Феноменология духа». 1867: «Капитал». 1927: «Бытие и время».

Человек «ориентирован» «политически» не по-
33 тому, что разбирается в партийных отношениях и течениях и участвует *в них*. Все партии суть фасад совершенно другого процесса (возможность посредством той или иной партии возвратиться и войти в этот процесс существует и тем не менее исключается). «Политическое» следует мыслить исходя из сущности и судьбы человеческого *существа*, т. е. исходя из истины Бытия. Человек «ориентирован» «политически» не потому, что «читает газеты», а в прочем бездумен; конечно, и мысль может неверно понять «политическое», пока мышление мыслит в забвении Бытия и остается только пред-ставлением и расчетом.

«Политика» — не судьба (Schicksal), но «судьба» человека, свершаемая в судьбе (Geschick) Бытия — есть «политическая», поскольку она *затрагивает общую сущность* человека (Gemeinwesen des Menschen). Но как <это происходит> — без того, чтобы *существо* человека включилось в опыт? Но этого никогда <не достичь> с помощью «антропологии», — *она* занимается «безыстинностью» человека.

Что сейчас у нас «господствует»? Самообман во всех фазах и обличьях и «резиньяция», которая все еще представляет собой некую форму эгоизма — и не дает увидеть, что *есть*, — повсюду ре-акция.

Преодоление метафизики, а именно Бытийно-историческое, а не какое-то мнимое ученое или «философское» опровержение — есть Бытийно-историческое преодоление философии. *Философия пришла к <своему> концу*. См. S. 49.

Метафизика есть сущность «философии»; оба на- 34
звания говорят одно и то же, <а именно> что здесь бытие остается безыстинным (wahrlos), и вот почему: вопрошают о бытии сущего, а представления о сущем накладывают на бытие. Метафизика есть сущность философии, но последняя также не является свершающимся из Бытия мышлением *самого Бытия* в различие.

Какие последствия будет иметь конец философии для того, кто еще считается «философом» и кто, по мнению *людей*, только и мечтает им считаться?

Почему он двадцать лет хранит молчание? Почему его не оставят <в покое> в его молчании?

Конец философии это на-чало-с-хватывание в *мышление*. Мышление не рассматривает «мир», но изменяет мир, подготавливая ему прежде всего отрешенность ради его истины.

Принуждает ли «действительность» к мышлению? Свершает ли Бытие *Бытийное позволение*-Быть? Станет ли воля к воле самим *событием*? Тогда отпала бы необходимость «осуществлять» «мышление» («идеи») в «действительности», которая уже не *есть*.

Почему у нас практическая жизнь бездуховна, а духовная жизнь непрактична? В какой мере и та

и другая запутались в своем отношении <друг к другу>? Может быть, обе они уже не «действительное», притом что, собственно говоря, есть только Бытие?

35 Пока не было никакой современной (moderne) публичности и отсутствовала назойливость пустой болтовни и жуликов с именем и претензиями, мыслителю еще не нужны были маски. То, что Ницше должен был познать это на опыте и *смог* высказать, *принадлежит* истории Бытия.

Вы все еще не знаете и чем дальше, *тем* меньше, что у мыслящего, — чем более мыслящим он является, — *нет* родины, в которую его можно и *позволительно* было бы «выпроводить»?

Бытие — предельное отсвоение (Enteignung)...

То, что каждый «действительно» мыслящий должен взволноваться и лишиться покоя от простой загадки бытия, что это является предварительным условием всякого «философствования», что в этой области сущностные опыты должны стать опорными, — все это еще не объясняет, что каждый начинающий приват-доцент выберет Такое темой своих «сочинений» и выскажется о *том*, например, что́ Ницше в конце пути своей боли выразил в словах «у нас нет истины»[15] («истины», т. е. истинного).

<Люди> еще даже не начали размышлять о «Бытии и времени».

---

15. [Friedrich Nietzsche: Unveröffentlichtes aus der Zeit des Menschlichen. Allzumenschlichen und der Morgenröthe (1875/76 bis 1880/81). Werke. Bd. XI. Kröner Verlag: Leipzig, 1919, S. 159.]

«То, что у нас нет истинного», — связано с тем, 36
что у нас нет *истины*, в смысле *сущности истины*, а не только сущности истинного, что у нас вместе с тем «нет» «истины сущности». Что все это значит? [Без-истин-ность (Ver-wahr-losung).]

«*Кьеркегор и Ницше*»[16] — то и дело выплывает это фатальное и поверхностное сопоставление, введенное в обиход литераторами и Ясперсом, к чему иногда подмешивают еще и Гёльдерлина.

Однако *Кьеркегор — христианский* (*возможно, неверующий*) *писатель*, которого нельзя подвести ни под какую категорию, поскольку он сам образует подходящую для него <категорию>.

Ницше — метафизический мыслитель, в котором все вопросы и пути и позиция метафизики и сущность метафизики опять-таки осуществляются через «метафизику», — т. е. без достаточного обдумывания, — и вновь должны осуществиться.

В обоих случаях <действуют> совсем разные исторические необходимости. — И только сегодняшний антропологизм сваливает их в одну кучу, искажая одного посредством другого.

Тщетность сейчас дело обычное, что указывает на то, что отчуждение человека от Бытия приобрело масштабы, для определения которых у нас, сего- 37
дняшних, отсутствуют всякие мерки.

Больше ничего нельзя достичь половинчатыми решениями (Lösungen) и с помощью посредников; все свершается лишь в первоначальном ре-шении

16. [См.: Karl Löwith: Kierkegaard und Nietzsche oder philosophische und theologische Überwindung des Nihilismus. Klostermann Verlag: Frankfurt am Main, 1933.]

(Ent-scheidung). А все «корневое» (Radikale) остается еще сокрыто в своем «основании» — без-основном, — которое есть само Бытие. То, что Оно *Есть*, — надо осмыслить. Вот почему наивыше всего <мы> нуждаемся в предельной тщательности и простоте, а потому ничего нельзя достичь в торопливой публичности; но поэтому также выносить ее — боль ожидания; это не «отстранение» или даже «раздражение» и обдумывание (Überlegentun); это лишь ежедневно все более глубокий опыт неизбежной изначальности во всем в то время, когда кажется, будто все пришло к концу. Оно *есть* в конце, — но *этот* конец есть предельное сокрытие начала исходя из события к различию в отсвоение (сбивающая с толку близь к бытию (воля к воле) в постигнутом Бытийно-исторически «коммунизме», — чье название столь же неадекватно, как и любой публичный титул и всякое партийное наименование).

Познай это как подлинное (более высокое — более глубокое): быть ненавидимым, а не только восхваляемым и глупо обсуждаемым.

Маловажное (geringfügige) и все же бытийствующее *мышления*.

38 Как может человек — будь он даже профессиональным ученым-философом — браться рассуждать о «вине», — когда никто не знает, в каком Бытии мы вообще находимся и действуем. К чему обветшавшие атрибуты «морали» и «права» в эпоху, когда то, что собственно есть, в любой момент становится неизвестным и происходит по-другому. Что, если искусственно разыгранные болтовня и писанина о вине являются фасадом, воздвигнутым перед волей, которая исключает нас из своей

истины? [Никогда не следует тем самым «оправдывать» преступность, — как и те методы, с помощью которых подобные случаи используют в политических <целях>, — не вникая даже в собственно сущее и не будучи способными на это.]

Следствием тайно правящей «техники» является и то, что она выдвигает мнение, будто духовное [истина бытия], если оно приводит к слову и делу, должно также уже стать понятным, а значит, нужно немедленно так устроить, что оно будет понятно и доходчиво для каждого, что дело это <духовное> полезное и его как таковое надо осуществлять. На этой предпосылке базируется любое культурное предприятие, да и сама идея культуры как форма техники «духовного», которое в Новое время считалось творческим и, соответственно, истолковывалось как некая *ценность*.

Можно сколь угодно громко возмущаться разрушением «науки» и «истины» в период господства национал-социализма, <но> наряду с этим позволяют — не всяким там приват-доцентам философии, а признанному философу — в течение часа тезисно забалтывать на семинарах наивных и не испытывающих никакого благоговения юношей по поводу «Платона» и «Гегеля», как будто это какие-нибудь авторы журнальных статей; <и это> не только терпят, но систематически насаждают и поощряют непочтительное отношение к истории, к мышлению и строгости осмысления и высказывания; осуществляется *опустошение* под мнимым <предлогом> «преобразования» окаянного прошлого состояния, — «преобразования», которое не может предложить ничего лучшего и превосходит прежнее только в том, что — при собственном упадке — ря- 39

дится в «морализм» и старые лохмотья «образования» и «духовности» и организует шумную возню и получает поддержку от точно так же не имеющей собственного мнения посторонней публики. Существует ли большая лживость, чем эта деятельность новой духовности, называющей себя «жизнью в университетах»? Такая *испорченность мышления* есть *следствие* совершенно иной *безыстинности*.

Кроме того, «немецкая общественность» настолько испорчена влиянием пропаганды, что любая попытка осмыслить все, что в рамках мировой ис-
40 тории собственно *есть*, клеймится как окрепший «нацизм». Знают ли, вообще говоря, эти господа в университетах, с кем они имеют дело в лице фронтовиков? Достаточно ли сказать, что это, мол, «необразованные» и введенные в заблуждение простаки, которые рассчитывают на новые беспорядки и мечтают о них, — люди (man) не знают, что в ходе скрытого, еще не завершенного конфликта нововременного европейского мира они <фронтовики> сами прошли свой жертвенный путь, о котором люди помалкивают, тогда как другими вещами, имеющими еще и другие стороны, злоупотребляют, чтобы производить оглушительный шум и повсюду видеть лишь «жертв» там, где, возможно, отсутствуют для этого предпосылки? Что все это такое — это коррумпированное предательство по отношению к собственной духовной молодежи, которое сейчас происходит по команде в немецких университетах?

Отсюда легко можно сообразить, как справились бы эти вновь воскресшие господа с растущей неосведомленностью, если бы *они* в 1933 г. остались и далее у власти, — подобные рассуждения не должны никоим образом служить «оправданию» «на-

ционал-социализма» — т. е. его столь же непревзойденной исторической наивности. [См. <работу> «Andenken Hölderlin», 1943.][17]

Будет легковесно, но и неразумно и, выражаясь слогом моралистов, возможно, все-таки безответственно обрушиваться на национал-социализм, ни разу 41
не задумавшись всерьез о «социализме»; последний — не просто «политическое» партийное дело, он представляет собой новоевропейскую антропологию в рамках техники и является базовым элементом завершения сущностной истории Нового времени. Люди морщат нос, слыша разговоры о «наци» с их террором, привязываясь ко всему лежащему на первом плане и безусловно отвратительному у отдельных партийных функционеров и партийных учреждений, — люди заблуждаются в том, чего они здесь, не имея серьезных знаний о самом национал-социализме, *хотели*, должны были хотеть, — врут самим себе, используя возмущение и моральные объяснения по поводу того, что собственно есть, и спасаются по возможности в XVIII веке или где-либо еще и не видят, что́ здесь уже есть, а не только, возможно, «грядет». О чем, собственно, думают эти простодушные ученые мужи в своем рвении, с каким убалтывают сегодняшнюю молодежь и тиранизируют ее своими устаревшими гелертерскими притязаниями? В самом ли деле они полагают, что могут с помощью этой «Духовной жизни» еще что-нибудь организовать и вообще *быть*? В этих сиятельных кругах, держащихся наверху с помощью всевозможных компромиссов, даже не слыхали о *предпосылках*

17. См. прим. 9 в Заметках I на с. 27. — *Прим. пер.*

для того, чтобы вообще ознакомиться с какой-либо серьезной идеей «о» «социализме». Живут, дрожа
42 от страха перед «*мышлением*», — и считают себя *уже* в безопасности, если ничего *знать не знают* о том, что *есть*, и внушают себе, что об этом и не нужно знать или даже думать, поскольку «занимаются» чистой, объективной наукой, — т. е. тратят время и таким образом создают себе «занятие».

Путь. — В решающем опыте *забвения бытия* в 1921 г. (см.: Заметки I, 32), в котором само бытие в его истине мыслилось как то, что требуется осмыслить, истина прояснялась вначале исходя из *Ἀ-λήθεια*, таким образом, что в ней сомыслилась *Λήθη*, понимавшаяся прежде всего как «забвение», а также везде зондировалась почва, пока в первую очередь не было познано «*Da-sein*» в экс-татическом, экзистенциальном смысле. Рассмотренная впервые в л<етнем> с<еместре> 1923 г. сущность «заботы»[18] относится к самому бытию, а потому главным образом к человеческой сущности, которая в наброске бытия пребывает заброшенной, т. е. так, что набросок не полагает и не пред-ставляет «бытие» как «субъективное» в смысле, например, «субъективного» полагания и планирования. Точно так же «трансцендентальное» удержано еще в «Бытии и времени», хотя оно не основано на «субъективности», но познается из эк-статической сущности Da-sein. (См. <S.> 53.)

43 Обучение и обучение. — «Учить» может означать преподавать какое-либо учение, излагать якобы

---

18. [Martin Heidegger: Ontologie (Hermeneutik der Faktizität). GA 63. Hrsg. von Käte Bröcker-Oltmanns. Frankfurt am Main, 1988, S. 101–104.]

обязательную систему истин и требовать на это согласия с помощью особого метода доказательства.

Но «учить» может также означать: давать возможность обучаться, а именно мышлению как бытийному позволению-быть (Seinlassen des Seins). А скорее, вот что еще: давать возможность учиться учебе — умению осмысленно выслушивать, и это главное в усвоении всего высказанного мышления: в «чтении», которое сосредоточивается на подлежащем-осмыслению.

Учить: давать возможность учиться чтению.

Но как быть, если диктатура публичности с помощью господства «газеты» делает чтение невозможным, сохраняя видимость того, что формируется <круг> «читателей».

То, что долгое время уже господствовало, но не было достаточно ясно распознано в его произволе, сейчас медленно выходит на поверхность (см. ниже, <S.> 82 слл.):

отношение человека к «бытию» превращается в отношение к «сущему в целом», и только так и понимается. Возможности этого отношения сводят к «простому» «или-или»: или принимают «трансценденцию»[19] (деликатное название для сверхчувственного, такого как Бог), или отрицают ее. 44

Трансценденция есть высшее и служащее основой всего «сущее» — называемое «бытием».

А что, если кроме сущего имеется еще и бытие, — а с ним различие между сущим и бытием? Что, если вопрос о мышлении восходит к бытию и даже еще изначальнее — к истине бытия? В таком случае то «или-или», в которое помещают всё, вообще не доходит

19. [См. Karl Jaspers: Von der Wahrheit. Philosophische Logik. Bd. 1. Piper Verlag: München, 1947, S. 108 f.]

туда, где мышление лишь начинается. Следствием этого станет то, что то или иное мышление, которое пытается помыслить именно это, <т. е.> бытие, люди непременно должны будут или тащить в сторону приятия трансценденции или отбрасывать в сторону ее отрицания. По поводу этих бездумных действий будет инсценирована глупая бесконечная болтовня, а поскольку люди полагают, что с «или-или» обладают всеми возможностями мышления, им в голову никогда не придет задуматься, о чем это мышление могло бы помыслить. Будут объяснять — и это последний акт диктатуры, — что именно это мышление, которое *люди* <, находясь> в «или-или» <,> тащат туда-сюда и все-таки нигде не могут правильно разместить, является двусмысленным, а быть может,
45 даже ложным и нечестным. Затем скажут о том, что́ люди сами из-за своей бездумности тащат в замешательстве туда-сюда, что оно, мол, еще не решилось и должно наконец объясниться, к какой стороне оно хотело бы принадлежать.

Это положение неизбежно в тот момент, когда подлежит обсуждению метафизика как таковая, т. е. μετά и trans, но и различие, а значит, истина бытия как бытие истины.

К этому мы еще добавим, что люди не только стремятся к однозначным решениям в рамках всецело многозначного и в своей основе вовсе не обдуманного «или-или», но хотят получить от «мышления» одновременно некую пользу и назидание и успокоение. Если же мы обратим внимание еще и на то, что такое с виду «духовное» поведение уже давно оторвалось от судьбы истины Бытия, которого оно никогда не было способно постичь как достойное-вопрошания, то станет ясно, что уже нет времени для какого-то сообщения, что вначале и далее догматизм бездумности, а значит, и техни-

ка еще укрепятся и принудят всех к деятельности, которая будет отличаться от прежней лишь другими фасадами и лозунгами.

Та завышенная оценка философии, будто она может и должна *дать* моральную поддержку в «трансцендентном», является вместе с тем недооценкой философии, которая, если не исполнится то, на что надеялись, отбросит мышление. *Пока* мышление находится в пути, надо указать на стихию человеческой судьбы. Пока мышление только начинает думать о том, что и как человеческая судьба перестала быть стихией, без которой едва ли можно что-то постичь. (Июнь 1946 г.) 46

Хуже того, что они нас ограбили, есть то, что́ они нам приносят.

Шум торговцев —
пусть говорят —

думай,
(думая) говори,
но не резонерствуй.

Осторожное перед делом
беспощадное против мнения,

но, почти истощенное осторожностью, 47
не приходит сказывание.

Возможно, люди (man) становятся происшествием, о предупреждении и улаживании которого можно договориться. Люди оцениваются по мероприятиям, о которых договорились. Люди становятся предметом разговоров.

Эпоха, то, что лежит на ее переднем плане, околевает в журналистике.

Для каждого из нас имеется место, где он более не способен познать и высказать, что́ мыслит его самого.

Главной добродетели мышления, терпению, мы научаемся с трудом, а потому поздно: <нужны> выдержка и ожидание. При этом нашей слабости помогает знание того, что там и здесь каждый идет своим путем как путник, а не как последователь какой-либо секты, которую изобрела для себя диктатура публичности.

«Субъект-объектное отношение» и «бытие-в-мире» — это не названия «теорий». Здесь указывается для каждого случая та или иная судьба (Geschick) в истории Бытия. Человек узнает эту судьбу, должным образом (schiklich) считается с ней или проходит мимо и забывает ее.

48 Переход от одного к другому — это не смена методов и точек зрения, но некоторая перемена (Wende) в Бытии (и лишь поэтому в человеке). При такой перемене, однако, на карту поставлена сущность техники (осмысляемая «метафизически»), а с ней и «наука».

Кто из многочисленных писак, говорящих о «Бытии и времени» и «экзистенциализме», когда-либо задумывался о «деструкции» и способе, каким она уже демонстрируется в моих разъяснениях; кто смутно угадывает что-то о «позитивности» в «негативном» на первый взгляд «понятии». Кто осознаёт историю бытия?

И кто способен еще в полной мере понять, чем является раскол между почитанием и освобождени-

ем бывшего как грядущего — и необходимостью, — а значит, исторически сам (исторически) что-то высказать?

Ярче, чем просвещение, которое, возможно, книга способна принести в высказанном в ней (in seinem Gesagten), сияет свет от этой книги, публично сжигаемой на костре запрета и опалы.

Нам следовало бы меньше гоняться за личностями, их творениями, их сектами, а больше уделять внимание судьбе «этого» Бытия и вначале хотя бы научиться задумываться о нем. Нам следовало бы выбить эти имена из головы и задуматься о самой сути. 49

Так ли уж трудно было бы после 1927 г. сфабриковать несколько толстых томов? Не трудно, а не нужно, и прежде всего <это было бы> самообманом и простым развлечением для общественности.

Как долго еще будет царить суматоха расчетов? Или же она вот-вот утвердится как закон махинации?

Возможно, мышление, которое я пытаюсь осуществить, еще долго будет напоминать солнечные часы, находящиеся в тени. Они ни на что не годятся и ничего не показывают. Но кто является тенью? Общественное мнение, которое неспешно организует свои насильственные действия и зажигает искусственное освещение, само еще таящее в себе тенистость?

«Журналы» возмущаются сегодня, будто в <порыве> организованного негодования, по поводу якобы распространяющегося неверного словоупотреб-

ления. Они не замечают того и не задумываются
50 о том, что уже своими заголовками растрачивают главные слова тишины в бездумности общественного мнения.

Пока суета вызывает у тебя отвращение, ты от нее не свободен.

Воротиться мы можем лишь тогда, когда уже вступим на родину мышления. Запомни это хорошенько. У этого края свои собственные законы.

Мышление. — Мы никогда не приходим к мыслям. Должны к нам прийти они. <Главное,> чтобы они нашли нас подготовленными; для этого и существует мышление, заботящееся о такой готовности.

Ясная сосредоточенность мышления — это подходящее жилище в окружении глупцов и завистников, которые уже отреклись от этой сосредоточенности.

Возней (Gebahren) вроде работы поломоек не выстроишь храма, в котором могла бы обитать сущность Бытия. Но этого и не желают. Хотят только власти.

51 Как будто бы повсюду нигилизм не сгинул и лишь только начал обустраиваться. Все довольны тем, что не видят нигилизма, дабы можно было беспрепятственно пользоваться вновь открывшейся возможностью деятельно участвовать в махинации, которая и не собирается отступать. Жалкая роль, которую ныне играет христианство, станет явной лишь тогда, когда угаснет последнее сияние чужого блеска его славного прошлого. Знает ли оно теперь или не знает, как его использует нигилизм

в качестве удобных пристяжных, этот вопрос маловажен.

Страх пред мышлением перетолковывают сейчас в мужество «экзистенции перед трансценденцией». Новое в этой подделке заключается только в том, что ей никто не верит, даже те, кто ею занимается. Поднимающийся <после падения> окружающий мир не обладает каким-то возможным масштабом и представлением, в соответствии с которыми он мог бы еще усмотреть и обдумать, что такое мышление. В то же время дело дошло до мышления.

Ошибка <, сделанная> в 1933/34 г.: я не увидел, что существует что-то вроде мировой общественности, которая бесится за границей и внутри страны. (См. <S.> 137.)

С тех пор я уже изучил, как различное явным об- 52
разом разыгрывается в различных областях. «*Заповедь несправедливости*», упомянутая Ницше в «Воле к власти», еще не достигла своей цели. То, что мир из этого понял, было только прелюдией. Иное, чем эта «заповедь», а именно *отрешенность мышления*, долгое время остается скрытым. Европа уже за-, а точнее пере-катилась к Америке и России. Но в этих «новых» мирах в ближайшие столетия лишь старое будет приведено к своему концу. Здесь не начало, а только широчайшее и примитивнейшее растекание (Auslauf). Но «Европа» — это не Запад (Abendland). Последний уходит в сумерки и надолго исчезает в мировой ночи. Но он не закатывается, ибо не может закатиться, ведь он еще не взошел.

Это не пророчества. Скорее, лишь воспоминание о том, что уже давно предано забвению.

Как далеко еще, даже в самой своей близи — смерть.

53 То, что мышление постоянно видит, как оно возвращается в слаженное им пространство его единственного помысливания (Gedenken), является для него подтверждением его необходимости. Не существует иных подтверждений, чем это судьбинное, которому соответствует то, чтобы оставаться без у-хода к другому в мышлении той же самой мысли (Gedanke): в познании забвения Бытия <лежит> памятование о прошлом отказа как залога прихода события.

Основная позиция вопроса о бытии не изменилась. Я только научился познавать его <вопрос> сначала сущностно и очищенным от прежних искажений (трансценденции и т. п.); с тех пор многое изменилось, т. е. многое отпало. Дело поэтому не в философской учености, распределяющей подобное мышление по своим ящичкам и полочкам, а в людях, которые непосредственно познают, а потому знают, что в отношении бытия к человеку неожиданно произошло что-то такое, что не позволяет оценивать себя по успехам и влияниям. То, что происходит, освояется не благодаря мышлению, но в мышлении, т. е. по отношению к нему (an ihm). Но *оно* на-чалось, за-хвачено (an-gefangen) в родство к событию; и *есть* только как это <родство>. См. <S.> 42/43.

54 «*Европа*» — это нововременная форма забвения, в которой удерживается вечерняя страна (Abendland). *Христианство*, т. е. павлово-гностически-римски-эллинистическая организация евангельской жизни Иисуса, есть протоформа Европы. Оно не имеет ничего общего с Западной Европой, поскольку отрицает греческий мир, коварнейшим

способом перетолковывая его ради своих целей; вот почему греческий мир считается язычеством.

Мы еще слишком легко и слишком основательно смешиваем памятование с историографическим. Это форма технической фабрикации истории. Вот почему сегодня настоящие, т. е. активные, историографы — не профессора истории, а режиссеры на радио и в кино. Профессора могут только еще более или менее скрытно поспешать, равняться на режим этих режиссеров, т. е. на журналистику. Стоит обратить внимание на жаргон, на котором они изъясняются. Ни один из них не говорит на чистом языке. Однако это дело весьма многоплановое, но все же жуткое.

Историография — противник судьбинного <в> истории.

Боль дарует свою целительную силу там, где мы ее не предполагаем. 55

Карл Розенкранц написал однажды (1840) о деятельности гегелевской школы и антигегельянцев: «— все тщетно. Ваша неистовая борьба есть только форма учебы, и внутренне вы, собственно говоря, уже преодолены тем, что́ вы внешне поносите и презираете»[20].

Нынче много говорят о том, что «экзистенцфилософия» «секуляризировала» теологические идеи и понятия. Тем самым хотят косвенно дать понять, что она не оригинальна. Как будто все дело

20. [Georg Wilhelm Friedrich Hegel: Philosophische Propädeutik. Werke. Bd. 18. Hrsg. von Karl Rosenkranz. Duncker und Humblot: Berlin, 1840, Rosenkranz' Vorrede, S. XXII.]

в этом. Главное, а потому наитруднейшее — осмыслить То же самое (das Selbe). А «секуляризация»? Речь идет, если уж на то пошло, о том, *что* избрано для обмирщения и *как* это обмирщение совершается, как определяет себя сам этот «мир», в который производится «обмирщение»! Что если именно это должно быть обдумано, и тут всякий «христианизм» (Christianismus) не помощник. И еще: если уж надо подсчитать, не обойтись без контр-счета: сколько из «языческой» философии «христианизировал» Августин, а сколько Фома. Разговоры о секуляризации оказываются на поверку глупой и лукавой болтовней.

56 Это болтовня тех, кого в более светлые часы все же мучают угрызения совести из-за махинаций, которые они выдают за «христианскую философию».

Если же указать им на это темное пятно, они извратят и этот намек и станут жаловаться общественности; здесь полным ходом идет борьба против веры и церкви.

Мировая история сорвалась с петель? Нет — «с» петель сорваны лишь отнюдь не слаженные (gefügt) современные представления об «истории», — тогда как «история» раскрывает свою судьбу в однозначности слаживания (Fügung), хотя люди охотно ищут лазейки, новые перспективы, ‹варианты› будущего и «начал». То, что говорит Бытийно-историческое мышление о «начале», не стоит ложно интерпретировать «историографически» в смысле причинно-следственного ряда развития, как и «организмически» (organismisch) в духе Шпенглера.

Журналистика: она относится к сфере техники. Это техническая организация необходимых для обще-

ственности иллюзий, согласно которым «народ», т. е. масса, воображает, что она сама себя определяет и господствует.

«Демократия» — эвфемизм для надувательства в планетарных масштабах. Это слово настолько ложное, что оно не работает, даже когда под ним 57
разумеют «господство черни» снизу; ибо и это словосочетание есть чистая видимость в рамках империализма диктатуры функционеров разнузданной воли к воле как безусловной махинации.

Мировой позор, который *угрожает* немецкому народу, позор перед сокрытым миром судьбы, а не перед «миром» как журналистской организацией публичности черни, состоит вовсе не в «вине», которую ему ‹народу› вменяют, а в неспособности погибнуть в судьбинной позиции (Haltung), презирая «мир» модерна. И тем не менее: в *сокрытом* больше позы и «геройства», чем позволяют предположить все «демократические» вопли. —

Атеизм. — Бытийно-историческое мышление должно отвергнуть обозначение его как атеистического — не потому, что оно становится на сторону теизма, но потому, что это обозначение еще соотносит мышление с теизмом, принадлежащим вместе с а-теизмом к той же области той же альтернативы, в которой и через которую как раз затемняется и содержится в забвении основной вопрос мышления.

Как правило, люди сами мешают себе двигаться 58
по собственному пути, чье собственное (Eigenes) есть все же нечто иное.

«Ошибка 1933 года»: необходимо, чтобы об этой ошибке не возникало никаких ложных представ-

лений. Ошибка состояла не в том, что отважились на попытку ‹реализовать› «национал-социализм» как некую форму неизбежного осуществления и учреждения абсолютной метафизики воли к воле, чтобы подготовить ее саму на ее основе, а тем самым — судьбу мира — для перехода к преодолению метафизики. Это было и остается близью того, что «есть», *еще* есть — несмотря на жалкие и преступные заблуждения ‹, присущие› этому явлению. Это было и остается решением, которое было важней, чем всяческие стояния около и презрительные взгляды тех, кто с позиции своей «христианской» или «либеральной» или «консервативной» или даже «социал-демократической» партии «лучше» знал, чтобы в конце концов на протяжении ряда лет позволять «Проклятой» системе содержать себя. Ошибка 1933 г. заключалась в том, что не распознали, насколько мало были подготовлены силы, насколько мало были пригодны исторически, насколько несвободны они были, помимо необходимого догматизма.

59 Ошибка состояла в том, что функционеров не распознали как таковых. Но, возможно, они ими и не были; они еще не доросли до этой роли. Они тут же начали мелкобуржуазно корчить из себя неудачливых цезарей.

Ошибка была не просто «политическая» в том смысле, что люди ошиблись с «партией»; политически в мироисторическом смысле решение не было ошибкой; ибо сразу не собирались оставаться при национал-социализме как таковом, как некоем вечном учреждении; он был задуман как конец метафизики, как переход, который сам должен был быть преодолен исходя из начала. Отсюда ссылка на то, что Бог мертв, и на изначальное τέχνη греков. Не в угоду некоторому «гуманизму», но ис-

ходя из мироисторического мышления: ошибка состояла в мнении, будто это мышление можно было мигом непосредственно соорудить и поддержать. Не удалось даже вот что: превратить в знание то, что стояло на кону и теперь еще однозначнее стоит на том же кону, — теперь, когда последовал наглядный урок, содержащий ужасное, — но что происходит? В университетах и прочем мы оказываемся в году 1890-м.

«Отвращение к грязи может быть столь велико, 60
что будет препятствовать нам очищаться — ‘оправдываться’»[21].

Ницше. По ту сторону добра и зла, 1885/6, № 119.

«Здоровее ни на что не надеяться и делать возможное, чем погружаться в мечтания и ничего не делать»[22].

Готфрид Келлер. Письмо от 26 апреля 1850 г.

В то, что сейчас в Германии, заметим, оккупированной, запущенная *машинерия убийств* должна достичь чего-то другого, чем полного уничтожения, в это хотят верить только либеральные демократы и так называемые христиане. В то, что эта машинерия является будто бы лишь «наказанием» за национал-социализм или даже простым порождением жажды мщения, пусть еще верят какое-то время

---

21. [Friedrich Nietzsche: Jenseits von Gut und Böse. Vorspiel einer Philosophie der Zukunft. In: Werke. Bd. VII. Kröner Verlag: Stuttgart 1921, S. 101.] — Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего / пер. Н. Полилова // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 297. — *Прим. пер.*
22. [Gottfried Keller: Briefe und Tagebücher 1830–1861. Hrsg. von Emil Ermatinger. J. G. Gotta'sche Buchhandlung Nachfolger: Stuttgart u. Berlin, 1916, S. 224.]

несколько глупцов. На самом деле люди нашли долгожданный повод — нет, они последние двенадцать лет *со*участвовали в организации, причем сознательно, — чтобы начать такое опустошение. Если при этом медлят, то это связано только с расчетом, следящим за тем, чтобы эта машинерия внезапно не нарушила <их> собственный способ хозяй-
61 ствования. Конечно, в этих махинациях ошибутся в расчетах. В один прекрасный день эта машинерия обратится на то, на что она, по сути, направлена, на своих собственных функционеров. Правда, эта атака и ее осуществление никого потом не будет интересовать; не более чем данное замечание об этом, которое уже, по своей сути, сказано не публично, для читателя, но принадлежит судьбе самого Бытия и его тиши.

«Он молчит»; якобы потому, что ему больше нечего сказать, что следовало бы сказать; потому, что его мудрость выдохлась. Это верно в полном смысле слова. Мышление «выдохлось»; <оно> уже давно пребывает <в состоянии> «выдохшегося», а именно философии как метафизики. Вот почему имеется такое, что слишком велико для того, чтобы его можно высказать обычным способом «публикации». Молчание <дается> с бóльшим трудом, чем «говорение» и «печатание»; ибо здесь требуется еще вот что: нести, выносить то, что кто-то *должен* сказать и все же только вправе сказать в пространстве, которое может быть подготовлено лишь через сказывание (durch die Sage). А это, признаемся, не просто. Это, возможно, превосходит любые силы. Пусть это назовут «провалом». Вот только: не участвовать в публичной болтовне — это вовсе не значит молчать. Вероятно, уже имеются Неко-
62 торые, Немногие, сегодня еще Неизвестные, у ко-

торых есть ухо, способное слышать тишь судьбоносного (schiklich) молчания. Работать при этом молчании труднее всего. Лишь медленно мы учимся этому.

Никто не должен тешить себя иллюзиями, будто что-то предсказал и «это» (es) «уже» «давно» знал; меньше всего это фантазирование подобает тем, кто пытается *мыслить*. И все же: как часто отмечал я в разговорах в 1934–1945 гг., через три сотни лет «это» (Es) продвинется настолько, что сотрясение в самом Бытии заставит вздрогнуть саму Землю.

А что такое «Земля»? Что сегодня означает «три сотни лет»? То замечание остается лишь невнятным бормотанием, смысл которого сводится к тому, насколько сегодняшние люди к этому не принадлежат и тем не менее только *они* должны наконец обратить внимание не на культурные течения и мировоззрения, а на судьбу Бытия, чтобы быть судьбе под стать (schicklich zu sein), — не для того, чтобы «улучшить» мир, а скорее, напротив, чтобы дать Бытию возможность быть истиннее.

Предположим (расчет, который уже «мыслит» не исторически), что Гитлер и его пособники не пришли бы «к» власти и не оказались «у» власти и из-за нее не пришли бы в у-падок, — изменилась ли бы в результате этого хоть на самую малость (если подумать о существенном) действительность Америки и России, какова она *есть?* Напротив: натиск этой действительности был бы только завуалирован и, возможно, остался бы еще более ужасным. В результате этого Гитлер неподобающим образом оказывается «оправданным», что, в свою очередь, является делом сомнительным. Кроме того, Америка и Россия, со своей стороны, пребывают в миро- 63

вой судьбе, которую *они* не творят, а лишь осуществляют. Несмотря на это, мог бы при теперешнем ходе истории для «Европы» (что сие означает? ведь Америка и Россия равным образом, как и Япония, являются «европейскими») возникнуть вопрос, не дальновиднее ли было бы войти мироисторически в тотальную организацию Dasein и пройти сквозь нее и «господствуя», т. е. самоутверждаясь, выстоять ее, как с запозданием инсценирует планетарное фыркание по поводу «фашизма», упуская исторический момент. Все это уже не «политические» и даже не «партийные», а также не историко-философские вопросы; они, скорее, проистекают из вопроса о судьбе самого Бытия. То, что сама «Европа» *отстает от* своего собственного «порождения», причем с необходимостью, и не может тем самым дорасти до его сущности, что это *означает*? Только гибель по собственной воле или неизбежность опыта последней границы начала?

64 Тот, кто никогда не боялся «великих тем» философии и не переносил этот страх в свое мышление, не годится и для <решения> малых вопросов, ряд которых нуждались бы в прояснении. Вот почему они до сих пор не решены.

Однако возможность прояснить некоторые <из этих малых вопросов>, хотя бы один небольшой предварительный вопрос, была бы просто подарком для мыслящих. Но что здесь означает: прояснить (ins reine bringen) небольшой вопрос? Просто (rein) спросить: ясно и отвлекаясь от иных намерений только выслушать то, что необходимо осмыслить в мышлении. «Ясно»: в свете истины, присущей тому, что осваивается как подлежащее-осмыслению. «Вы-слушать»: дать возможность говорить себе; «себе»: собственной «сущности» че-

ловека, т. е. тому, что заставляет его вслушиваться в Бытие в соответствии с единственной мерой Бытия. Но тут обращается к нам первая простая двусмысленность Бытия. А этот вопрос даже не может обдумываться как предварительный, если он остается абсолютным (rein); ибо «предварительный» вопрос уже исходил бы из цели более высокой, был бы уже предварением и все же остается везде лишь шагом назад. Двусмысленность «Бытия» таится в неосмысленном различии.

Сейчас люди с любопытством хватаются за аналитические и журналистские пережевывания феномена атомной бомбы; эти журналисты умело сводят 65
воедино всевозможные взгляды, чтобы растолковать эту машину и возможности ее применения, и снабжают свои объяснения примечаниями. Только не замечают, что из того же самого источника, из которого происходит указанный инструмент, однако еще более невидимо, машинерия убийства применяется к немцам, которых, вместо того чтобы мгновенно истребить, дозированно держат в нищете и мучениях, причем незаметно и тайком, да к тому же еще всё окутывают христианскими фразами и демократическими тирадами. Изобретение этой машинерии убийства, чьи функционеры остаются неизвестными, ничуть не отстает от технического разума, применяемого для конструирования атомной бомбы. —

Это было ложное эхо, которое, Бог знает откуда, за многие годы отозвалось на мои работы, и даже не на них, а только на мутный чад, который создали вокруг них. В течение многих лет бездумно повторяются одни и те же фразы, и какой-то призрак изобрел в подобном пустословии некую фигуру

(Gestalt), если можно назвать фигурой столь размытый расплывающийся образ.

66 Ландшафт. — Его можно «видеть» и открывать и описывать и упоминать в пересудах и в общении — на манер всех путешественников, — он становится чем-то для всего мира и всем миром увиденным и обретает свой всемирный вид (так следует понимать название «панорама») или — тот, кто принадлежит этой стране, не нуждается в том, чтобы глазеть на нее и притом полагать, будто принадлежит к ней благодаря глазению, — он пребывает в ландшафте молча и так, будто он ему незнаком. Но то, что ландшафт говорит в нем — а не он о ландшафте, — высказывается в другом. И даже это соображение не стоило записывать.

Тот, кто чужд мышлению, полагает, что ‹его› мышление — показывая видимость «рефлексии» — проникает в сущность мышления ‹как такового›. Лишь недоросшее мышление наблюдает за собой и к тому же додумывается до того, будто приобретает аттестат ‹зрелости› (sich den Abschluß schaffen) по некоей «логике».

Самое необыкновенное и, возможно, сильнейшее воздействие мышление оказывает на его противников против их воли и знания. Но едва ли они когда-нибудь становятся такими, чтобы у них мож-
67 но было бы учиться мышлению. Противники слишком зависят от обманчивого образа, против которого они выступают и который неизбежно сталкивает их в опасную область. Поскольку шум противостояния не несет в себе внутренней долговечности и существенной весомости, он должен греметь все громче. В конце концов, тогда подрастающая моло-

дежь даже приходит к выводу, что «слушать» — это не что иное, как распространять шум.

То, что сейчас насаждается под названием «философия», есть самоуничтожение мышления, церковно и партийно организованное или же питаемое беспомощностью и неспособностью. Когда мышление у первых мыслителей Западной Европы, т. е. у первых и единственных мыслителей, прекратилось, то вместе с мышлением греков и после него (Аристотель) возникла «логика».

Сейчас «философия» — это название для уверток организованного страха перед мышлением.

—

В мышлении жди обитания в судьбе. Мышление учреждает, памятуя, свет былого.

Школа и историография обрекают мышление на гибель.

Отбрасыванию мы научаемся только в Бытийном позволении-Быть.

Кредиторы больше зависят от должников, чем должники от кредиторов. Отношения, строящиеся на расчете, и без того несвободны. В них нет места благодарности. А где из обязанности делают благодарность, там благодарность уже не является таковой, ибо она возникает не в мышлении. 68

В то время, когда страх перед мышлением считается «философией», каждый, кто еще живет исходя из отношения к делу мышления, должен прояснить для себя первое решение. Оно гласит: держаться в стороне. Но оно негативно только на пер-

вый взгляд. Оно исходит из возможности ожидания. Ожидать: правда, не позднейшего одобрения со стороны общественности; но ожидать — даже за пределами собственного срока жизни — взгляда в просвет Бытия, который освоялся для человека.

Природе <самого> дела (Sache), пожалуй, свойственно, что дело мышления, которое, вероятно, есть *именно* дело человека, постоянно ускользает от человека и тем самым его как раз притягивает, чтобы мышление сделалось памятованием (An-denken).

Не отвлекаться от дела, чего бы это ни стоило. Ибо здесь больше не занимаются расчетами.

69 «Дословный» перевод состоит не в том, что <переводчик> употребляет соответствующие «слова» согласно числу и грамматической форме, но в том, что мы встречаем «слово», причем происходящее из говорения на языке, на который переводят.

В век войн и разрушений необходимо защитить ценное. Лучшей защитой остается незаметное хранение его в неизвестном месте. Наибольшей разрушительной силой обладает сегодня общественность. Ведь она разрушает, делая вид, что в ней и благодаря ей строится некий мир. И напротив, атомная бомба только разбивает все, превращая в пыль, в которой она сама уничтожается. Общественность же всегда выпутывается из своего занятия уничтожением. Это ее стихия. Необходимо до этого разрушения <все> ценное, мышление как память, убрать в неизвестное место, как бы зарыть.

Мы не можем принуждать Бытие, а <только> о-жидать: в решении (im Austrag) сохранения его истины готовить приход.

70 Часто человеком овладевает ужас от <сознания> того, что через десятилетия у нас будет не *мышление*, а только развязная болтовня на тему «мировоззрения», которая совершенно не замечает, как сильно она все больше и больше попадает в зависимость от того, что́ люди хотели бы истребить как «проклятую систему». Правда, ее «содержания» отключают, а бывших приверженцев устраняют. В результате этого, однако, тем решительнее возвращают <тот же> стиль, окружая его христианскими и гуманистическими фразами. Более опустошительным, чем волны жара от атомного взрыва, является «дух» в обличии мировой журналистики. Бомба уничтожает, только стирая с лица земли; журналистика истребляет, воздвигая видимость бытия на мнимой основе абсолютного отсутствия корней. Абсолютная журналистика заглушает ставший сегодня стилем страх перед мышлением и заботится таким образом об основательнейшем истреблении мышления. Мы должны убедить себя и тех, кто придет после, в том, что в будущем мышление на долгое время останется драгоценным сокровищем, которое лучше всего сохранять, зарыв поглубже. К «пессимизму» это никак не относится, но, скорее, это связано с <реалистической> трезвостью. (Позднее об этом будет сказано в письме Манфреду Шрётеру[23].)

71 <Меры> по спасению и защите от публичности бесполезны. Требуется тем не менее спокойствие, чтобы оградить мыслителя от беспокойства.

---

23. [Манфред Шрётер (1880–1973) в 1908 г. защитил докторскую диссертацию о Шеллинге. Позднее он стал издателем Мюнхенского юбилейного издания сочинений Шеллинга (1927/28). В 1909 г. женился на еврейке, поэтому в национал-социалистический период был вынужден оставить доцентуру в мюнхенском Техническом университете.]

В мышлении полезно почаще, и к тому же как бы приходя вновь, возвращаться туда, куда путь однажды уже приводил.

Почему мы, *мысля*, доходим лишь *так* далеко в стихии Бытия, насколько судьба истины Бытия приходит из него? Мера в былом.

В сфере простого мы внезапно оказываемся на ложном пути, хотя ничто не явило в достаточной степени своей невозможности. Мы находимся тогда <при осуществлении> некоего намерения, сходного с попыткой поймать рыбку на дереве.

Законодательство Da-sein, которое позволяет стать законом исходя из судьбы Da-sein и — оставляет в становлении с ручательством, что изменится даже сущность закона.

Вот что следует обдумать:

Различие в судьбе былого.

72 Мое личное дело на философском факультете Фрайбургского университета исчезло[24]. Возможно, будущий историк, занимающийся историей университета, на основе этой пропажи документов станет доказывать, что моя тридцатилетняя деятельность в университете — фикция.

Говорят, будто «моя философия», — если воспользоваться этим глупым выражением, — это «философия <на краю> пропасти», — в ответ я могу спро-

---

24. [Документы были найдены в начале 1990-х гг. в тогдашнем помещении философского факультета Фрайбургского университета (Эрбпринценштрассе 13), вместе с другими личными делами, в какой-то ванне. См. благодарности в послесловии издателя <настоящего тома>.]

сить: а мы разве не на краю пропасти? Не только мы, немцы, не только Европа, — но «весь мир»? И не только со вчерашнего дня и вовсе не «из-за» Гитлера, и столь же мало, как «*из-за*» Сталина или Рузвельта. —

Является ли опасным мышление, которое осмысляет то, что есть? Или хотят «мыслить» о том, что *не* есть? Может быть, люди вообще хотят не мыслить, а заниматься выдумками, продолжать нести чушь о «действительном»? <Да,> они хотят только этого. Люди не стоят еще на краю пропасти, они вовсе не хотят знать, что это такое. Создается впечатление, что тут нагнетают тайный страх перед тем, что человек, глядя в пропасть, лишь тогда начнет постигать, научится постигать то, что есть. Создается впечатление, будто вычислителями и разрушителями, перемалывающими все своей интеллектуальностью, овладел страх перед той пустотой, в которой их вздор и организованная ими разрушительная деятельность уже больше не подействуют в том числе и на тех, кто глупее немцев. 73

Подлинное поражение состоит не в том, что «рейх» разбит, города разрушены, людей убивают с помощью невидимых машинерий убийства, но в том, что немцы позволили другим загнать себя в самоуничтожение своей сущности и сами его осуществляют под благовидным предлогом необходимости ликвидировать ужасающее правление «нацизма». Это правление, особенно если оно достаточно отпрепарировано и исторически изолировано, — как будто оно без содействия других в январе 1933 г. внезапно упало с небес, чтобы развиваться, также изолированно, в последующие двенадцать лет, — это таким способом отпрепарированное образование (Gebilde) смогут всякий раз по праву демон-

стрировать мировой общественности как позорное явление. — Однако будет сложно сделать взгляд настолько свободным и уверенным, чтобы он распознал, как именно эта уверенность в правоте выражает, по сути, планетарное одурачивание, приводящее всех в смятение.

74 Возможно, «люди» («Man») прекрасно знают, что на этом пути «нацизм», к тому же заклейменный, наверняка еще пагубнее поощряется и культивируется. Люди пожелают и этого, заранее подготовленного, чтобы затем еще раз замахнуться на последнее мероприятие по истреблению под еще более громкие крики о гуманности.

А христианство, пока ширится эта чертовщина, пытается то там, то тут продвигать свои дела в сфере культуры. С удовлетворением отмечаются только недавно достигнутые новшества, в результате чего руководителем общества по исследованиям в области телевидения стал католик. Вместе с тем проповедуется, что техника должна служить на благо человека. Рискуют в одно и то же время провозглашать подобные глупости и пригвождать «Йозефа Геббельса» как лжеца к позорному столбу крайне сомнительной мировой общественности.

В реальном продвижении, особенно в ходе мышления, — мы не можем при этом идти позади самих себя, чтобы еще и подглядывать за этим движением.

Найдутся ли вскоре какие-нибудь <деятели>, кото-
75 рые решительно отвернутся от убогой журнальной болтовни и еще раз покажут подрастающей молодежи, что́ *есть* духовная работа? Мастерская, а не какие-то бредни.

Но и эта демонстрация уже запоздала.

«*Католическая философия*», это сооружение, а скорее, его вывеска, вылезает сейчас еще более назойливо. То, что уже в самом названии заявляет о себе полная невозможность, похоже, не заметил никто из тех, кто полагает, что нужно иметь дело с этой формой показухи (Spiegelfechterei). «Католическая философия» не очень отличается от «национал-социалистической науки» — от квадратного круга, деревянного железа, которое, попав в огонь, превращается в пепел, вместо того чтобы закалиться. Но речь о попадании в огонь даже не идет. Начинается лишь громкая болтовня по образцу современной журналистики — и от «усвоения» этого явления не отшатываются в ужасе. «Католическая философия» — это название уже объясняет, если его обдумать, абсолютную готовность к отказу от мышления, но за фасадом и с избытком терминологии расхожего «философствования», которое также не всегда уже является *мышлением*.

Если же к устранению мышления присоединят 76
еще политическую власть и ее надлежащим образом усилят, обеспечив себе в качестве католической защитницы вечных истин страховку со стороны Коммунистической партии в образе антифашистского сотрудничества, то эксперимент станет особенно привлекательным, — но остается жалкое барахтанье, в свое время уже происходившее. Вместе с тем вводится в заблуждение целое поколение молодежи, которое — после ослепленности прошлых лет — теперь сознательно должно пересечь пропасть, чтобы быть готовым к тому, что есть: это скрытое под христианскими фразами введение в заблуждение есть историческое фальшивомонетничество, которое с еще большей изощренностью лишь повторяет то, что недавно имело место.

О том, обнаруживается или нет в этом пустословии, называющем себя «католической философией», какой-то намек на сущность действительного понимания или хотя бы подлинного вопроса, — об этом никто не спрашивает, *потому что* никто не способен так спросить; о процветании этой неспособности заботятся — и это, разумеется, самостоятельная задача и осознанная цель такого типа «философии». Но это лишь еще один плачевный признак того, что все подошло к концу.

—

77 Если бы мы были у-полномочены судьбой, что было бы тогда?

Если бы они подняли бурю мышления вокруг вопроса о «Бытии и времени», они бы стали настоящими противниками; но неспособность к мышлению приводит только к враждебной хитрости и к злопыхательному азарту.

«Пророчество» — техника защиты судьбоносного в истории (Abwehr des Geschicklichen der Geschichte). Оно — инструмент воли к власти. То, что великие пророки были евреями, это факт, тайна которого еще не осмыслена. (Примечание для ослов: к «антисемитизму» это замечание не имеет никакого отношения. Антисемитизм столь же глуп и порочен, как и кровавые, но прежде всего бескровные меры христианства против «язычников». То, что и христианство заклеймило антисемитизм как «нехристианский», относится к высокой изощренности его техники власти.)

«Пророчество» — это направленная вперед историография, а потому техническое завершение сущ-

ности историографии. Журналистика есть абсолютная техника историографии: она направлена вперед *и* назад и только поэтому «близка современности» и лишь так — «актуальна». 78

— Существуют прирожденные журналисты.

Важное в работе Шпенглера заключается в том, что он обладал мужеством всерьез относиться к историографии. Лишь потому он наталкивался на сопротивление «профессиональных» историков, которые в соответствии со своей профессией копаются в отживших представлениях, чтобы затем через десятилетие продолжить плескаться в том, с чем они прежде боролись. Самое фатальное порождение историографии есть духовно-историчная литературная историография. Ради самосохранения она вынуждена отказаться от осмысления или даже прояснения того, чем они должны заниматься — поэтами или писателями или чем-то еще, что связано с производством книг. Их адекватное отношение к своему предмету состоит исключительно в том, что они его опять-таки излагают с помощью «литературы». На помочах этого производства бегают «филологи» и педагоги в высших школах. Задним числом господа из университета и высших школ удивляются, почему «гитлерюгенд» смог завоевать такое влияние в школах[25]. Энергично проводится «денацификация», но никто вовсе не догадывается, что в отношении собственной «науки» десятилетиями творились 79

25. [Гитлерюгенд — молодежная организация НСДАП, готовившая также подраставшие партийные кадры. Она была основана в 1926 г. и исчезла после краха <Третьего рейха>. См.: Enzyklopädie des Nationalsozialismus. Hrsg. von Wolfgang Benz, Herman Graml und Hermann Weiß. Klett-Cotta Verlag: Stuttgart 3/1998, S. 513.]

еще худшие дела, чем на это были способны глупые речи партии, — люди, сами бездумные, выращивали эту бездумность в любых формах. Теперь же, чтобы увенчать бездумность, пытаются задним числом искать поддержку у христианства.

Язык. — «Парадокс» сейчас, как и физическое понятие «калория», сделался обыденным словом. То, что становящемуся все вульгарнее мнению (δόξα в утраченном смысле) кажется неприятным, считается «парадоксом». Чтобы как-то прояснить буквальный смысл слова, необходимо обратиться к повседневным отношениям: «парадокс», к примеру, это «когда» неудачливый приват-доцент возмущается тщеславием профессоров.

Мышление и действие. — Тот, кто хотя бы мгновениями не шел путем мышления, ведущим в суть Бытия и лишь туда направляющимся, никогда бы не понял, как именно на этом пути, чуждом всякой привычной практике, напирает возможность страсти исторического действия в Бытии. Не потому, что оно самое абстрактное, но потому, что оно является действием, вросшим в Бытие, вот почему в мышлении и как бы вопреки ему может в дополнение возникнуть воля к практике.

80 И если мысли даже посреди полного забвения бытия надо дать слово, а западноевропейское, чья сущность уже давно находится под угрозой, кажется безнадежно распавшимся в себе самом не только в результате внешнего нападения, которое также может прийти из него самого, должна ли тогда быть показана и постигнута со всей страстью возможная надежда на западноевропейскую ответственность между американизмом и коммунизмом, т. е. посреди ставшего абсолютным техницизма?

Но больная историографией эпоха замечает подобную возможность только историографически, — т. е. лишь тогда, когда шансы упущены.

Посредственность есть надежнейшее средство, чтобы проскользнуть во всех ситуациях — <быть> всюду принимаемым и всем нужным, нигде не подвергаемым опасности, всегда поощряемым, — но также исключенным из любого опыта существенного.

Говори и — пиши[26]. — Зачем писать? Чтобы публиковать? Нет? Чтобы сообщить, о чем думал? Нет. Чтобы сохранить то, что надо обдумать, — да — но для кого? Для мыслящих? Да. А если их нет? Тогда уж в самом деле хорошо, если то, что надо об- 81
думать, никогда не будет публично заболтано и испорчено для всякой передачи.

Наследие. — Видов означенного в этом заголовке много. Имеется в виду творческое наследие, и прежде всего «литературное» — то, что сохранилось еще из написанного, «еще», т. е. то, что еще не, поскольку «больше не» было напечатано, то ли оттого, что это написанное не было завершено, то ли оттого, что оно было по каким-то причинам скрыто. Но всегда предполагается, что оно вообще-то должно было быть опубликовано при жизни автора и для его современности, так что теперь, после его смерти, собственно говоря, появится слишком поздно и во всяком случае задним числом. «Слишком поздно» для кого? Разумеется, не для автора, ведь он уже не застанет «воздействия»; «зад-

26. В оригинале Sage und — schreibe. В немецком языке существует идиома sage und schreibe, что означает «буквально», «слово в слово». Тире разрушает идиому. — *Прим. пер.*

ним числом»? После его смерти? или его жизни? Здесь напрашиваются странные соображения, ведь однажды может случиться так, что значимыми окажутся совсем иные законы, а слово «наследие» порождает абсолютно превратные представления. Возможно, закон заходит слишком далеко, препятствуя тому, чтобы хотя бы зафиксировать то или иное осмысление. Возможно, то, что по воле обстоятельств выглядит как «наследие» (Nachlaß), есть повод (Anlaß) для оставления (Lassen), которое никогда не может в достаточной мере прислушаться к судьбе и просто предаться (überlassen) ей.

82 Одиноко и неспешно —

Не существует, уже хотя бы по названию, никакой другой «*философии*» (см. выше <S.> 43 сл.), кроме западноевропейски-греческой, она есть первая попытка мыслить сущее как таковое, т. е. вообще мыслить по-настоящему. Но поэтому «философия», — если она то свое, что следует осмыслить, собственно не мыслит (вследствие первоначально неизбежного забвения Бытия), — не единственное мышление, а некий путь.

Философия есть онтическое мышление в форме онтологии, которая «мыслит» ὄν ᾗ ὄν, т. е. как οὐσία (присутствие чего-то) (Anwesenheit des Jeweiligen).

Философия как таковая «полагает», т. е. формирует и создает (stellt auf und her) присутствие как бытие сущего; она помещает таким образом сущее в бытие.

Это создающее формирование выходит через ὄν[27] в ᾗ и из него возвращается к ὄν.

---

27. Сущее (*греч.*) — *Прим. пер.*

Это выхождение предшествует ὄν, и именно ему, ὄν, и, полагая, тем самым предшествует ему — как ᾗ ὄν. «Философия» *есть* это пред-полагание (Voraussetzen). «Философия» не «создает» предполагания, которые она затем лишь приближает к сущему, но она есть предполагание, которое как таковое приближает сущее и приносит к человеку *как* сущее. Это предположенное, а именно ὄν ᾗ ὄν, т. е. бытие сущего, есть ἕν[28] ко всякому сущему, то, что собирает все и любое сущее к нему самому *как* таковому — λέγειν[29] — бытие сущего есть Λόγος — и подобно ему и соответственно есть со-здание ὄν <сущего>, λέγειν <собирание некоего> ὄν ᾗ ὄν, λέγειν <собирание> Λόγος <логоса> — онто-логия в строгом смысле, который греки хотя и постигли впервые, но мыслили не строго в сущности и не в соответствии со словом. Поэтому, конечно, все это позднее появилось в рассеянном виде и изменилось в соответствии с сущностью истины ὄν ᾗ ὄν, которая остается неосмысленной как таковая. οὐσία — ὑποκείμενον[30] становится subjectum как ego cogito — percipio appetens — ratio[31] — *разум*. Λόγος как Ἕν становится единством в форме системы разума. Философия предполагает «разум», т. е. полагает сущее как действительное как разумное — т. е. как идею — т. е. как субъективность. 83

А ᾗ в направлении к ἕν — то, что нужно произвести (das Her-zu-stellende) (ποίησις — τέχνη — двигаясь к αἴτιον[32] — ἀρχή[33]), раздваивается на κοινόν[34] —

---

28. Одно, единое (*греч.*). — *Прим. пер.*
29. Собирать, сказывать (*греч.*). — *Прим. пер.*
30. Лежащее в основе (*греч.*). — *Прим. пер.*
31. Я мыслю — стремлюсь воспринимать — разум (*лат.*). — *Прим. пер.*
32. Причина (*греч.*). — *Прим. пер.*
33. Начало (*греч.*). — *Прим. пер.*
34. Общий (*греч.*). — *Прим. пер.*

γένος[35] и τιμιώτατον[36] ὄν (πρῶτον κινοῦν[37]). В ἦ заложено одновременно μετά, которое выходит за пределы φυσικόν. Онтология есть мета-физика. Она мыслит в «трансценденции», она понимает ἦ как «трансцендирующее».

В сущности философия есть онто-логия. Но он-
84 тология не осмысляет различие сущего и бытия. Она не осмысляет двусмысленность ὄν. Она скрывает это, обходя его, причем вынужденно. Она остается в забвении различия. Онтология не мыслит бытие как бытие, т. е. Бытие как истину бытия сущего.

Но *если* философия в своей сущностной истории завершена, а потому заявляет о себе нужда в мышлении, — поскольку философия постигает подлежащее-осмыслению *как* неосмысленное, причем неосмысленное как раз собственно в том, что нужно осмыслить, т. е. в Бытии и в том, что в нем заложено: в отношении Бытия как Бытия для мышления, которое оно в таком от-ношении принимает в при-тязание языка, — то мышление должно покинуть «философию». Но этим подразумевается: мышление должно стать *более мыслящим* (denkender). Оно делается более мыслящим, сделав шаг назад от «трансценденции», но — куда и как? Во всяком случае *так*, чтобы это движение не могло сравниваться с формой и притязанием «философии» и тем, в качестве чего она себя сущностно представляет. Предварительное в шаге назад приносит с собой другой способ пред-видения и озабоченности мышления. И прежде всего: мышление не является сперва мышлением «для» людей

---

35. Род, происхождение (*греч.*). — *Прим. пер.*
36. Ценный, драгоценный (*греч.*). — *Прим. пер.*
37. Перводвигатель (*греч.*). — *Прим. пер.*

и их организации в смысле метафизического — т. е. теперь технического мира, но одиноко мыслит Одно Единственное Бытия (das Eine des Einzigen des Seyns).

Но — предварительное в шаге назад заключается 85
в том, чтобы однажды постичь судьбу, в которой мышление стало философией. Это означает: однажды постичь в сущности то, что вместе с ἦ как таковым, с μετά- и trans- сбылось как ее <философии> проясненный (забытый) элемент просвета: различие сущего и бытия. Необходимо только в долгом осмыслении сосредоточиться на этом и терпеливо осуществить мышление, стать медленным, поскольку оно пребывает в стихии Одинокого. Необходимо устоять вопреки всем публичным и поспешным и назойливым притязаниям, которые все еще требуют «философии», а от нее — влияния на весь мир, т. е. на технику, — устоять, а значит, удержать состояние в вытерпливании результата (Austrag) опыта различия. Да, необходимо вопреки забвению бытия, насчитывающему почти три тысячи лет, когда-нибудь показать его <забвение>, и отчасти как раз с помощью средств говорения, создавших такую древнюю традицию. Необходимо, по-видимому, только стать поводом для того, чтобы в будущем изначальные и поистине великие смогли перенять его, мышление, более осмысленно, чем когда-либо смогла это сделать философия. Только так можно преодолеть технику:

одиноко и неспешно.

Путям мышления присуще своеобразие <, состоя- 86
щее в том>, что оно не оставляет следов, но берет их с собой, так что оно в дальнейшем движении само ощущает их и при этом изменяет.

Немецкий университет погиб как таковой, в частности потому, что он сам по себе не демонстрировал никакой позитивной критики в свой адрес, а, напротив, все настраивал на погоню за успехами, а также потому, что отдельные университеты, как курорты, соперничали друг с другом и разорились.

Совсем по-иному, чем раньше, мы нуждаемся в великой и существенной западноевропейской традиции, а именно не в институциях и публичных манифестациях и заверениях, но в непосредственном взаимовлиянии образцовых человеческих отношений между поколениями. Мы нуждаемся в них именно тогда, когда стало несомненным, что нам, возможно, навсегда отказано в публичном, политико-историческом существовании, — не только нам, но вообще Европе. Но что такое географическая Европа по отношению к мировой судьбе, которая, как бы то ни было, будет вершиться в западноевро-
87 пейском, причем именно тогда, когда мир пройдет через полную технизацию?

А кто докажет, что мы в Западной Европе еще и сегодня, а сегодня, возможно, в первую очередь, из глубочайшего ужаса и страдания не добудем чистейшее поручительство? Для чего? Чтобы быть чем-то, что *так* пребывает в сущностном мышлении и творчестве, что мир это пребывающее не может ни перейти, ни обойти. Но прежде, однако, должно быть принято историческое решение о том, что простая публичность и ее организация не есть «этот» мир («*die*» Welt). А как будет выглядеть это решение? Как мы подготовим его? Если только будем готовы мы сами.

Готовы мы будем тогда, когда сперва — исходя из судьбы былого — получим полномочия на мышление.

В разговоре, если он получается, <следует> участвовать, но только ради дела (Sache), а значит, на том пути, который дельнее (sachlicher) подведет к этому делу.

Historia magistra vitae[38]. — Столько необозримого совершено и сказано, столько всякой всячины сотворено и представлено, что сегодняшней жизни не хватит, чтобы научиться всему тому, что мы больше *не* вправе сделать и говорить.

Различие. — Каждому будет в этом кое-чего другого не хватать, и никто не будет принимать участие в том, что напрашивается само собой. Для этого мышление должно было бы сначала измениться в своей сущности. 88

Прежде всего надо помыслить только всецело *предварительное* (ein ganz Vorläufiges). И наше мышление способно не отступать от этого. Но способность не отступать есть самое трудное и — самое прекрасное. Это предварительное — различие — есть удивительное-достойное-внимания (das Merkwürdige) и потому редкостное, а значит и у-дивительное.

Сейчас происходит давно готовившееся *изгнание мышления*, причем в форме нового пробуждения интереса к «философии» и антропологии и антропософии. Разговоры о мировоззрении приобретают планетарный размах.

---

38. [M. Tullius Cicero: De oratore libri tres. Recognovit Gulielmus Friedrich. Teubner: Leipzig 1931, II, 36.] — История учительница жизни (*лат.*). Цицерон. Об ораторе, II, 9, 36. — *Прим. пер.*

«*Сартр*» — в высшей степени умен (intelligent), но еще больше, чем ум, его писательская сноровка, а еще больше — ловкость подавать себя как оригинала, а еще больше, чем ловкость, — маскировка источников, а еще больше, чем она, *непонимание* «Бытия и времени», <работ> «О существе основания»[39] и «Что такое метафизика»[40] и книги о Канте[41]. Все застревает в картезианской точке зрения сознания, несмотря на вопли о «свободе» и «конкретности» и «экзистенции». Для сегодняшнего состояния и для общественности и ее журналистской организации — важный «феномен». Но — *без* всякой существенной или даже собственной мысли, 89
которая могла бы стать эпохой в истории мышления. Но общественность должна будет разобраться в этом — ради своих целей и самосохранения. Вопреки отмершей гелертерской «философии» что-то сдвинулось. Налицо уклон в сочинительство, и это могло бы вновь, при большей дисциплине и основательности, к чему-то привести. Характерной для этого «философствования» остается безысторичность. Воля к актуальности есть воля к эфемерному.

---

39. [Martin Heidegger: Vom Wesen des Grundes. In: Ders. Wegmarken. GA 9. Hrsg. von Friedrich Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main, 2/1996, S. 123–175.] — Хайдеггер М. О существе основания / пер. с нем. В. В. Бибихина // Философия: в поисках онтологии: сб. тр. Самарской гуманитарной академии. Вып. 5. Самара Изд-во СаГА, 1998. С. 78–130. — *Прим. пер.*
40. [Martin Heidegger: Was ist Metaphysik? In: Ders. Wegmarken. GA 9. A.a.O., S. 103–122.] — Хайдеггер М. Что такое метафизика / пер. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. С. 16–41. — *Прим. пер.*
41. [Martin Heidegger: Kant und das Problem der Metaphysik (1929). GA 3. Hrsg. von Friedrich Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main, 1991.] — Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / пер. О. В. Никифорова. М.: Логос, 1997. — *Прим. пер.*

Свет ранним утром над горами <разгорается> в тиши.

Отчетливее всего я наконец понял вопрос об «онтологической дифференции» в августе 1939 г.[42]; необходимость изъять вопрос о Бытии из трансцендентального постепенно становилась для меня все яснее. Несмотря на это, следовали то и дело попытки мыслить различение (Unterscheidung) исходя из Бытия, а именно из *истины* Бытия. Но истина Бытия есть различие (Unterschied), где различение свершается и таится как мир. См. наброски того времени к тому, что сейчас называется «Послесловием» к <работе> «Что такое метафизика?»[43]. Последовали попытки мыслить различение именно исходя из Бытия и возвращать это различение в Бытие, отказавшись от <попыток> вывести Бытие как таковое в различие как событие (см.: «Событие»[44]). Но это — только движение по старым путям.

Мышление. — Как может мышление при вялом страхе перед собой еще и расцветать как ремесло, крепко стоящее на земле? Крепко на земле стоит такое мышление, что овевается обращением; будучи таковым, мышление дает язык тому, что еще следо- 90

42. [Имеет ли Хайдеггер в виду какую-то рукопись и если так, то какую, трудно сказать. На основании переписки с братом Фрицем можно утверждать, что Хайдеггер август 1939 г. провел в хижине в Тодтнауберге.]
43. [Martin Heidegger: Nachwort zu «Was ist Metaphysik?» In: Ders. Wegmarken. GA 9. A.a.O., S. 303–312.] — Хайдеггер М. Что такое метафизика / пер. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. С. 36–41. — *Прим. пер.*
44. [Martin Heidegger: Das Ereignis. GA 71. Hrsg. von Friedrich Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main, 2009, S. 119–144.]

вало бы назвать словом «Бытие» как именем еще не осмысленного.

Как при этом разложении мышления может еще сохраняться опыт о силе *критики*?

Она есть мышление, которое постоянно свежо мыслит против мышления. Так мышлению обеспечено беспокойство, в котором оно ежечасно протекает (in der sein Stundengang geht).

Имея своим истоком критику, мышление привержено справедливости <по отношению> к делу.

Мышление — это ограничение на *одной* мысли, которая в будущем (einst) останется, как звезда на мировом небосклоне. Но ограничения можно достичь лишь мысля, так, чтобы оно касалось мышления. Но если сейчас под незримым, Никем не направляемым и Никому не подвластным давлением общественности всякий намек на даже незрелую мысль немедленно обнародуется под громкими названиями, в которых сразу же используются все существенные слова, что станет потом с мышлением?

91 А может быть, всего-то и <нужно>: просто мыслить.

Весь мир потешается над разрастающейся массой *журналов*, в чем участвует всякий умеющий «писать». Это явление можно отнести к сфере спорта. Как правило, старт журналов можно назвать блестящим, прежде всего, из-за названия, расторопно использующего громкие слова. Но уже в первом круге автомобиль отстает, а во втором и вовсе выбывает <из гонки>. Возникает вопрос, для чего это предприятие. Возможно, эта журнальная однодневка имеет свойственный современности «смысл». Почему бы в эпоху, ставшей бездумной, бессмыслице не стать «смыслом»? Единственной, ибо подобаю-

щей средой для некоторого постоянства (не только для простого старта) журналов является Париж; ведь только Франция лелеет традицию écrivain[45], остальное где бы то ни было — дурная имитация.

Со-весть, con-scientia. — Подобно совести, которая есть не что иное, как способность слышать голос тиши различия, и основана на родстве с событием отсвоения (Enteignis), conscientia «сознания» ego cogito также имеет основу в эк-зистенции судьбинного Da-seyn человеческого существа. На основе такого понимания conscientia и нужно прежде всего мыслить новоевропейскую scientia как science; ее сущность относится к метафизическому, т. е. «техническому» прояснению (Lichtung) «сущего».

Но мышление должно когда-нибудь оставить свой путь позади и <начать> черпать <силы> из на-ступающего (An-kunft). 92

Страх перед мышлением уговаривает себя и других заботиться о подлинном уважении к мыслителям; ведь из страха перед мышлением, т. е. одновременно перед критикой, люди уклоняются от критического разбора крупных мыслителей. Это происходит таким образом, что занимаются не ими, т. е. их делом, и не тем, что является для них делом, а главное, *к тому же* расписывают и признают превосходство их основной позиции. Вместо этого нашли две лазейки, чтобы не быть затронутыми мышлением: прежде всего, рассматривают духовное произведение (Denkgebilde) историко-филологически и духовно-исторически (geistesgeschicht-

45. Писатель (*фр.*). — *Прим. пер.*

lich), — здесь можно бесконечно много открывать и сообщать, — но главное, это создает видимость того, что к мыслителям подходят точно и позитивно. Одновременно помещают их как властелинов духа, до которого никому нет дела, в музей и превращают эти «фигуры» (Gestalten) в некий музейный образ. На этом двойном пути освобождаются и от бремени, и от опасности, что некая мысль может стать нужной и принудительной, — наслаждаются видом того, что тут почитают «дух» и «образование» и заботятся о воспитании.

93

Нынче воля к власти как Бытие всякого сущего отправляется в свой последний поход для перехода к *воле к воле*. Тем самым без-истинность достигает своей «подлинной» сущности и становится неузнаваемым, но неизбежным отражением события отсвоения. Мобилизация «мира» мобилизует сейчас (а по сути уже всегда) мобилизацию: cogito — me cogitare[46].

«*Философия*». — Человек «знаменит»; что означает: задерган в болтовне непостижимой воли общественности. «Знаменитость» могла бы лишь с трудом публично для других заботиться о своей мастерской, где ремесло мышления не только осу-

---

46. См.: Хайдеггер М. Европейский нигилизм / пер. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие: «...тезис: cogito есть cogito me cogitare. Теперь — после истолкования — мы можем переписать его и так: человеческое сознание есть в своем существе самосознание. Сознание меня самого не привходит в осознание вещей наподобие некоего сопутствующего сознанию вещей наблюдателя этого сознания. Это сознание вещей и предметов есть сущностно и в его основе прежде всего самосознание, и лишь в качестве такового возможно сознание предметов» (с. 125). — *Прим. пер.*

ществляется, но и стало бы укоренившейся привычкой, в которой вырастают немногие, а из них в будущем возник бы один-единственный, который не пришел бы из какой-то «профессии», но был бы необходим как судьба.

Между тем философия является художественным ремеслом (Kunstgewerbe), а потому ученостью и наукой, наполовину мировоззрением и верой, — всем, только не *мышлением*, которое по своему происхождению соблюдает дистанцию по отношению как к процессу образования, так и к «экзистентному» позерству. Философия и «сама вещь».

94 Не прекращаются все же запоздалые усилия литераторов, ставших христианами, поучать меня на тему христианства. Их журналистская находчивость и — страх перед «временем» не могут ввести в заблуждение: они являются «пришельцами», а потому без рода, без племени. Эти новоявленные христиане не выросли в сельско-крестьянской христианской и материнской ‹среде›; они никогда не постигали судьбинно всё как мир, чтобы лишь оттуда выйти к мышлению. Они натыкаются на «христианство» тем же способом, каким их литераторы из крупных городов некогда ухватились за «философию», чтобы найти лишний повод для своих интриг. И вот такого сорта «духовные» деятели собираются сейчас поучать мир. Плохо и то, что более молодые, еще несущие в себе следы происхождения от почвы, видят в этом экзистентном делячестве некий идеал и что «церкви» еще находят здесь союзников, которых также припрягают. Это бросает странный свет на церковь, пользующуюся лишь ничтожным доверием к себе как институту, где можно сподобиться благодати (Gnadenanstalt). Большинство осуществляет волю к власти среди клириков.

Простые верующие, чью сущность я храню в образе собственной матери, являются жертвами этой деятельности.

95 Лучшие и самые действенные популяризации метафизики Ницше у нас принадлежат Шпенглеру и Эрнсту Юнгеру. Они не похожи друг на друга; второй пишет уже на основе первого и все же по сути равняясь на «Рабочего», от которого, конечно, сам и отшатывается. Оба они — писатели, причем мастерство у одного состоит в полноте охвата и в физиогномическом взгляде, у другого — в солдатски-техническом взгляде и в искусственности формулировок. Ни один из них не чувствует себя уверенно в области мышления. Они даже не в состоянии осмыслить судьбинно-нагруженную атмосферу мышления Ницше, — да и сам он едва ли был еще способен на это. Оба они <обуреваемы> безмерным тщеславием, поскольку ничего не ведают о том, что Сущностное мышление принадлежит Бытию и мыслит только То же самое (das Selbe). Оба неуверенно <чувствуют себя> в <сфере> Собственного не по причине изначального беспокойства мышления, но вследствие ограниченности их догматики. Подрастающее поколение должно пройти сквозь них, причем *мысля*, а не по-читательски и писательски и мировоззренчески полемизируя или только отвергая будучи «верующими» и апологетически смакуя, чтобы не выпустить самое современное (das Modernste) из своих длинных пальцев, ненароком протаскивающих контрабандой много чужого добра, как ни странно, в защиту христианского, чтобы сохранить его в духе современности; <пройти> сквозь них, но и не «по-философски» доктринерски и менторски.

96 Существует странное мнение, будто цель мышления — истина. Здесь смешивают мышление с расчетом, а «истину» — с действенностью установленного в планировании. Согласно этому странному мнению, мышление якобы имеет какое-то отношение к «логике», о сущности которой сегодня еще ничего не известно. Вершиной этой наивности в мышлении было бы то, вокруг чего ходил значимый в чем-то другом Дильтей: «Логика философии»[47] — последний документ, свидетельствующий о решении отказаться от мышления и дать волю страху перед ним в публичных переулках журналистики и в закоулках клерикальных интриг в «духовной жизни».

Антитетика. — Она всегда правильна, поскольку на свой лад, а именно через простое исключение, становится исключительной и тем самым делается репрезентацией полноты. Она остается настолько правильной, насколько ее можно устроить без труда (billig), без особых раздумий. Но она

---

47. [См., к примеру: Wilhelm Dilthey: Einleitung in die Geisteswissenschaften. Versuch einer Grundlegung für das Studium der Gesellschaft und der Geschichte. Bd. 1. Duncker & Humblot: Leipzig, 1883, S. 149: “So tritt zwischen die erkenntnißtheoretische Grundlegung und die Einzelwissenschaften die Logik als Mittelglied; damit entsteht derjenige innere *Zusammenhang der modernen Wissenschaft*, welcher an die Stelle des alten metaphysischen Zusammenhangs unserer Erkenntniß treten muß”.] — «Так между теоретико-познавательным основоположением и частными науками встает, в качестве связующего звена, логика, тем самым образуется та внутренняя *взаимосвязь современной науки*, которой суждено занять место старой метафизической взаимосвязи нашего познания». Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории / пер. с нем. Е. В. Малаховой под ред. В. С. Малахова // Дильтей В. Собр. соч.: в 6 т. / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 398. — *Прим. пер.*

не говорит, где ее основание. Если же она это говорит, то воспринимает область своих тезисов точно так же не гипотетически, как она составляет и устанавливает «анти». Она не спрашивает о своем измерении, ибо не может о нем спрашивать и использует для этого любой повод путем установле-
97 ния себя самой. Поэтому она очаровывает обычное мнение и убаюкивает его, создавая впечатление чего-то «всецело правильного». Этой безвопросной правильности, однако, отвечает достойность вопрошания для вопрошания, которое не является делом подобного установления. Наглядным примером этого является сегодня Шпенглер с его противоположением Dasein и Wachsein <бодрствования>, варьирующимся во всевозможных формулировках. Возможно, он даже заимствовал это «бодрствование» из непонятого фрагмента Гераклита.

«*Логика*» — это есть, как показали однажды мои лекции, решительная неосмысленность по отношению к Λόγος. На нас везде сваливают сейчас какую-то «вину». Разве не является, к примеру, виной оставшаяся безнаказанной бездумность, которая распространяется уже столетиями в логической <основе> логики, если уж надо так «морально» подходить к миру, в громогласной моральности, которая только отгораживает саму себя от слишком громких приговоров и судов?

«*Бытие и время*». — «Различие» — это не утопия. Оно есть топо-логия события отсвоения. Событие различия есть истина Бытия. Но Бытие есть простота различения сущего и бытия. Различие осуществля-
98 ет различение. В этой идее мыслится, что́ «Бытие и время» начинает мыслить на пути преодоления философии как метафизики. «Время» как экста-

тическое сохранение (Wahrnis) вынашивает (хранит) (zeitigt (wahrt)) «бытие». Φύσις как Λόγος есть Ἀλήθεια. В ранний период мыслилось то же самое. «Бытие и время» пытается сказать То же о Том же. Все относится к этому единственному сказыванию (Sage). Оно есть забота об употреблении языка. Язык есть жилище мира, мирствующее из мира.

В нынешней диктатуре и тотальности общественности ничто больше не может развиваться без того, чтобы заинтересованные лица не стремились в этом поучаствовать, а в случае исключения стать противниками и подстрекателями. Потребовалось бы нечто совсем скучное и невзрачное и незначительное, чтобы общественность смогла решиться предоставить его ему самому и оставить его в покое. Но в один прекрасный день «невзрачное» и «простое» также сделается спортом снобов. И всё <это идет> от общественности, от самоуверенности правильности утверждающейся воли к воле.

Труд Шпенглера[48] исказил и ослабил свое значение, причем в двояком отношении: 1. из-за внешне эффектного названия, которое как раз и отвлекает от мироисторического подхода. 2. <из-за> грубой и грошовой философии жизни, которая положена в основу как легковесная антитетика. Но люди вредят книге и себе самим, если уделяют чрезмерное 99
внимание ее недостаткам, потому ли, что ее не по-

48. [Oswald Spengler: Der Untergang des Abendlandes. Erster Band. Braumüller Verlag: Wien 1918; zweiter Band. C. H. Beck Verlag: München, 1922.] — Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. — *Прим. пер.*

нимают и ей восхищаются, или потому, что читателей она раздражает и оттого они ее отвергают, тем самым упуская повод извлечь из серьезной попытки урок того, что такое всемирная история.

Плохо только ординарное, особенно когда оно выступает в форме рафинированных жестов.

Быть старым — значит пребывать там, где одна существенная мысль целой жизни просто вовлекается в свое некогда пробудившееся вершение. Это подразумевает, что мышление, следуя только своему закону, каковым оно является, в силу сознательного решения больше не идет в ногу «со временем», даже там, где время движется вперед в подлинном смысле. Тот же, кто, напротив, бежит вместе со временем, якобы всегда оставаясь молодым, постоянно и все больше и больше откатывается к тому, что всегда лишь плетется за той его единственной сокровенной мыслью, которую он вовсе не в состоянии познать, и как раз тогда, когда современность, продвигаясь вперед, якобы обгоняет эту мысль.

Единственная мысль моей жизни, которой я сподобился, — это «Бытие и время». Если кто-то теперь
100 утверждает, будто Хайдеггер не продвинулся дальше со времени выхода в свет этого трактата, то это означает, что человек не понимает, что говорит. Разумеется, Хайдеггер остановился. А все дело в том, что он может останавливаться. Хайдеггер остановился там и стоял, когда в 1933 г. пытался постичь исторический миг непосредственно как удобный момент для возможного цельного осмысления Западной Европы. Поскольку Хайдеггер остановился там, где он стоял, он не мог не заблуждаться. Вследствие этой ошибки, а вовсе не наоборот, ему пришлось несколько месяцев обманываться насчет

того, что лежит на поверхности, и по поводу современности. Общественность видит только это заблуждение, но не ошибку. Поскольку она видит лишь заблуждение, она учитывает только его воздействие и вменяет ответственность. На это у нее есть право; не безоговорочно, но если она при этом собирается серьезно, во всяком случае <в лице> отдельных людей, для которых это важно, задуматься об ошибке и — ее причине — о мышлении в «Бытии и времени». Для этого она должна была бы вместо того, чтобы организовывать сообразно своим представлениям публичную болтовню, вдуматься хоть раз в то мышление. У нее было <для этого> двадцать лет, но ничего сделано не было. Она может вдуматься в него, лишь преодолев это мышление, т. е. то в нем, что следует осмыслить. Это означает не продвижение вперед, но возврат к его основанию.

Что осмыслено в «Бытии и времени»? «Бытие 101
и время» осмысляет истину бытия, тогда как прежде эту истину по сути пытались осмыслить как Da-sein. Это имя не подразумевает ни человеческого «субъекта» и человека как «субъективность», ни вообще человека как онтически обособленного сущего. В этом слове имеется в виду бытийствующее (das Wesende), лежащее в основе человеческого бытия, и это бытийствующее, это «-бытие» как Da-sein, «есть» в себе бытийствующее бытия как такового, т. е. истина бытия. Это бытийствующее, Da-sein, не «производит», не «полагает» «субъективистски», — а потому также не «объективно» — бытие, а набрасывает, т. е. проясняет и выдерживает просвет бытия, на что оно, Da-sein, способно, только если бытийствует как просвет («здесь») («Da») бытия и таким образом «есть» «das Da», т. е. Da-*sein*. В этом заключается то, что Da-sein не производит

себя само, оно также не производится другой силой (von anderer Mache gemacht), но его следует мыслить исходя из сущности самого бытия, поскольку оно <Da-sein> ему <бытию> принадлежит. «Бытие и время» *дает* этому *имя*, а именно заброшенность. Da-sein бытийствует в броске некоего бросающего, т. е. такого, который, бросая, освобождает и отпускает и тем не менее как раз удерживает в броске (Wurfschwung). Вот эта бросающая сущность и есть истина бытия. Оно само как таковое.

102 Вместо этого, поскольку раньше вообще не задумывались о мышлении в «Бытии и времени», набрасывались на этот труд как на какую-то «антропологию»; и вследствие этого истолковывали «заброшенность» как завуалированное и стыдливое название для того, что христианство и библейская религия, согласно рассказу о сотворении мира, считают «тварностью». «Заброшенность» есть «замаскированное теологическое» именование сотворенности Богом; а потому <оно является> секуляризованным, а значит, атеистическим; эта классическая аргументация не только вращается в области, которая вовсе не имеется в виду в «Бытии и времени» (онтическое происхождение человека), но в рамках этой фатально повсюду ошибочной области она ставит взаимосвязи обоснования <с ног> на голову: она выводит («атеизм», «секуляризация») следствия из причин, которых не существует.

Но если они считают меня выходцем из теологии и приписывают мне зависимость от нее, поскольку я прошел через нее и научился от нее, то эти старания вообще излишни; ведь <у меня> достаточно четко указано на Паскаля, Августина, Фому и др. и, возможно, так, что теология отсюда кое-чему научилась, в том смысле, как она понимает обучение.

Но *поскольку* начало и путь в «Бытии и времени», если отвлечься от изначального, предварительно осмысленного единственного вопроса, к тому же и неизбежно остаются «обусловленными временем», следовало мыслить, также сначала отталкиваясь от Da-sein, т. е. всегда исходя из его «заброшенности». Именно поэтому о ней поначалу идет речь лишь вкратце; ибо прежде надо было вглядеться в экстатическую сущность Dasein, а значит, вместе с тем — в сущность «времени». Ей-Богу, не требуется много мышления, чтобы уяснить себе следующее: если Da-sein есть ради бытия, т. е. ради истины бытия, а потому и единственно потому — *называется* «заботой», если Da-sein тем самым принадлежит истине бытия, но бытийствует в заброшенности, то Da-sein как таковое относится к сущности бытия как забрасывающего. Его бросок достает и тем самым проясняет дугу просвета (несокрытость бытия, к которому Da-sein ре-шительно (ent-schlossen), т. е. собственно прояснено и таким образом есть собственное). Итак, собственное должно, видимо, «быть связано» с отношением заброшенности к бросающему. Бросающее бытийствует как в том, что относится к собственному, к собой-ному (Eigen-hafte), но вместе с тем как истина бытия, т. е. временит (zeitigt) как «время». 103

Эта бросающая-временящая сущность самого бытия, на что опирается собственное в любой форме, называется «событием». Об этой сущности бытия, предварительно осмысленной в «Бытии и времени» на разных уровнях ясности, было сказано впервые летом 1936 г. после двухлетней предварительной работы в труде «К философии»[49]. Благодаря 104

49. [Martin Heidegger: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). GA 65. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main, 1989.] — Хайдеггер М. К философии (О собы-

этой попытке в высказывании (im Sagen) достигнуто то, где пребывает «Бытие и время», то «место», которое само «Бытие и время» указывает и как таковое пытается им быть. Здесь мышление должно было остановиться. Выход за эти границы был бы заблуждением в мышлении.

Но *останавливаться* на *одном* только мышлении <работы> «Бытие и время» вовсе не означает успокоиться на этом изложении; еще меньше это означает упорствовать на этом как на просто «собственном» воззрении и позиции и учении. Останавливаться значит: развивать ту же мысль в ее скрытой самостности (Selbigkeit). Ссылка на историчность Dasein — не только человека — достаточно отчетливо говорит о том, что в сущности самого бытия как временения (Zeitigung) броска правит история, а потому сущность истории определяется сущностью бытия, <исходит> из него. Вот почему история мышления постигает свое основание и свою сущность из истории бытия и *как* таковую. Ничего другого не мыслит «феноменологическая деструкция»[50] в «Бытии и времени». Поэтому для подобного мышления, вопреки Гегелю, существен диалог с историей мышления; поэтому остановка при «Бытии и времени» означает вместе с тем постоянное
105 проясняющее осмысление истории Бытия как продумывание истории мышления; поэтому необходимо прежде всего осмысление основной черты прежнего мышления, т. е. метафизики — согласно лекциям, читанным в 1928–1933 гг., лекции 1935 г.

тии) / пер. Э. Н. Сагетдинова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. — *Прим. пер.*

50. [Heidegger: Sein und Zeit. GA 2. A.a.O., S. 27–52.] — Хайдеггер. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 19–39. — *Прим. пер.*

«Введение в метафизику»[51]; отсюда и обсуждения в последующие годы; отсюда, в первую очередь начиная с 1934/5-го, диалог с Гёльдерлином[52]. Не для того, чтобы «заниматься» эстетикой поэзии, а чтобы постичь эту поэзию Бытийно-исторически и осмыслить сокровенное сущностное отношение между поэзией и мышлением; вот почему сразу же после сложения с себя обязанностей ректора и полного отхода от *любого* рода «политической» и квази-политической деятельности <я прочитал> в летнем семестре 1934 г. лекцию о логике[53] как осмыслении языка.

Но то, что сейчас говорится при этом обдумывании пути, звучит и является более простым, *остановленным* и постоянным, чем всякие отрезки пути и пробега; последние становятся все богаче возможностями движения вперед и назад, а также в ложном направлении. Нам отказывает всякое подлинное постоянство, если мы не отваживаемся на непостоянное, а затем не распознаем и не признаем его как таковое в его необходимости, т.е. сразу же не преодолеваем как нечто преходящее. И напротив, было бы глупым и к тому же мелочным, если бы люди хотели считать все попытки постоянными и «действительными» лишь из-за того, что эти попытки предпринимались и проживались нами.

---

51. [Martin Heidegger: Einführung in die Metaphysik. GA 40. Hrsg. von Petra Jaeger. Frankfurt am Main, 1983.] — Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. Н. О. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. — *Прим. пер.*
52. [Martin Heidegger: Hölderlins Hymnen «Germanien» und «Der Rhein». GA 39. Hrsg. von Susanne Ziegler. Frankfurt am Main, 1980.]
53. [Martin Heidegger: Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache. GA 38. Hrsg. von Günter Seubold. Frankfurt am Main, 1998.]

106 Однако «непостоянное» не является и ничем таким, что можно было бы при поверхностном расчете и оценке списать и вычеркнуть. Ибо особенность «непостоянного» зачастую состоит именно в том, что оно, уже не будучи распознанным как таковое, создает видимость пути и запутывает, в результате чего мышление отстает от уже достигнутого им. Существование возвратов к старому есть самое трудное, и они всегда дают понять, нередко при каверзной видимости, что кажущееся в них важным похваляется тем, что благодаря ему привычное мышление <может> приучиться к данной мысли, и она станет понятней. Но ретроспективный взгляд на этот путь также всегда обманчив из-за того, что в нем предстает более легким и прозрачным все то, что в пути оказывается сбивающим с толку и неясным. Так, преобладание дидактичности, необходимое для профессии преподавателя, имеет свои преимущества и недостатки. Но в целом обучение представляет для развертывания внутренней закономерности мышления форму опасности, которая сегодня особенно распространена в любой публичной сфере.

Тот, кто масштабно *мыслит*, не может не заблуждаться по-крупному. Заблуждающийся должен также смириться с тем, что ложное и ошибочное и двусмысленное и многосмысленное, что ему присуще и что он поощряет, будет причисляться ему как собственное его «воления», а тем самым будет отвергаться все его мышление. Подлинная
107 причина этих опасностей и диспропорций состоит в существенном одиночестве мышления и основано на нем. Оно неизбежно в особенности на пути Бытийно-исторического мышления. Поэтому оно также находится в непримиримых отношениях с моральными оценками. Всякое поведение по ту

сторону добра и зла, не знающее самого себя, начинает судить эгоистично и самоуверенно, впадает в вульгарность и мелочность, притом именно тогда, когда оно с помощью заемных главных слов, остающихся бессмысленными, выставляет себя высокодуховным. По сути это свидетельствует о беспомощности <тех>, кто похваляется мышлением, но не в состоянии самостоятельно мыслить и оставаться в мышлении мыслящим.

Мелок тот, кто не способен проводить различие между тем, что он, воспитанный долгим трудом обучения ремеслу, сам выдумал, и тем, что он лишь заимствовал, чтобы потом, когда до него что-то дойдет, считать, будто он сам изначально так думал. Мелок тот, кто никогда не сможет увидеть, что повод к какой-нибудь идее, пусть даже плодотворной, еще не есть само дело. Кто дает повод, может его «дать», только если имеются мыслящие, которые *берут*, поскольку уже обладают тем, что нужно обдумать, а обладают именно потому, что они *суть* это. Поводы необходимы, но они никогда не бывают достаточными.

Однако достаточность, устойчивость в том же 108
мышлении, нужнее, чем необходимость. Мышление — ничто без этой устойчивости; само по себе оно разрушается или вырождается в пустую заносчивость наивной мнимой оригинальности. Так оно лишает себя собственного достоинства и красоты — что как своего рода повод могло бы быть постоянным, — и загоняет себя в ослепление и в глупость своенравия.

Мелок тот, кто полагает, что то, что у серьезных противников вызывает желание поспорить и в этой полемике углубиться в суть, в такой полемике лишь

отвергается и становится объектом голого отрицания, который затем бродит вокруг как злой, но так и не понятый, ибо не обдуманный и не подвергаемый сомнению призрак. Преодоление метафизики означает: осмыслять сущность метафизики более осмысленно; но *не* отвергать ее подобно тому, как та или иная партия отвергает предложение оппозиционной партии в парламенте. В мышлении не существует деления на партии. Тот, кто так думает, не мыслит. А если он полагает, что таким образом мыслит, то следует задать вопрос, чего здесь больше — глупости или нахальства, или всего поровну.

Если кто-нибудь, кто лишь год назад, возможно,
109 впервые услышал имя Гераклита (Heraklit), а затем рассуждает о «гераклите (Heraklith)»[54] как о «галалите (Galalith)»[55], то это — пустословие, что печально.

Выдавать чужие мысли за свои — фальшивомонетничество. Чужие мысли считать собственными — это по-детски. Если смешиваются то и другое и соединяются в таланте, который считает слишком хорошим честно, т. е. спокойно и долго, учиться, то возникает, возможно, блестящая внешняя форма неподлинности, которая с честностью ее непосредственного, т. е. наивного и самого по себе мимолетного «переживания», бахвалится и — обманывает себя.

Презрительное ведение бездумной полемики против моего мышления — не что иное, как вид выну-

---

54. [Плиты из древесной стружки, которые с начала XX в. использовались для теплоизоляции.]
55. [Пластмасса, которая с 1930-х гг. все в больших масштабах использовалась для изготовления украшений, пуговиц и ручек для столовых приборов.]

жденного признания, которое из-за незнания предмета не может знать и самого себя.

Лишь немногие, да и они лишь изредка, способны расслышать главное из не-сказанного и не-выговоренного. Большинство принимает не-выговоренное за скрытность, а если оно не согласуется с тем, что они считают известным, — за ложь.
Ложь по своей сути не противоположна истинности.

«*Трансценденция*». — Гёте как-то записал («Изречения в прозе»): 110

«Вот уже скоро двадцать лет, как все немцы трансцендируют. Если когда-нибудь они обнаружат это, то покажутся себе странными»[56].

Мне кажется, что «трансцендировали» не только немцы во времена Гёте, но что и все европейские и европейски ориентированные страны и государства на земном шаре (Америка и Россия в неменьшей степени) трансцендируют еще и сегодня, причем решительнее, чем когда-либо; это значит, что они представляют и производят сущее из неосмысленного бытия. Мне кажется, что это трансцендирование в ходу со времен Платона, а до Платона было уже подготовлено на основе просвечивавшей прежде сущности бытия. Думая так, я тем не менее нахожу, что второе предложение у Гёте могло бы обрести другой вес и что если обнаружению когда-либо суждено начаться, то западноевропейский «мир» должен показаться себе не только «странным», но и, по-видимому, *жутким* (unheimlich), если даже не чуждым (unheimisch).

---

56. [Johann Wolfgang Goethe: Maximen und Reflexionen. Hrsg. von Jutta Hecher. Köhler und Amelang: Leipzig, 1941, S. 47.]

Но пока что «экзистенциализм» и прочая болтовня заботятся о том, чтобы это осмысление сегодня так и *не* осуществилось.

Является ли ошибочным мышление, пытающееся показать Бытие как достойное осмысления среди всего, что заслуживает почтения? «Бытие и время» пытается показать лишь это, и ничего более.

111 *Великодушие.* — Быть щедрым, раздаривать всякую всячину направо и налево и тем самым даже создавать видимость великодушного человека — все это ничего не значит, пока человек остается при надежном обладании властью и богатством. Единственное <, что можно сделать,> — тихо отступить в неимущее сохранение главного, если все отнято (и не только внешние блага). Мыслящая личность крупного масштаба даже в ошибках и заблуждениях, в причиненном страдании и ненависти получает знак-намек (Wink) <от> Бытия. Но великодушие обретает его в ожидании и тишине. И если оно ожидает тщетно, оно все же находится в пути и не опускается до неуступчивости и ругани. Такая вульгарность может только вызывать сожаление.

На верном пути неизбежно встречаются камни, о которые спотыкаются. Сегодня есть только <удобные> дороги. Вот почему человечество так быстро движется дальше…

Кто-то не выказывает юмора; это может означать, что он начисто лишен чувства юмора; тогда это бедолага. Но это может также значить, что юмор не выказывается явно, поскольку он в чистом виде сохраняется в мыслительной установке. Возмож-
112 но, этот незаметный юмор — единственно подлин-

ный. Там, где юмор громогласен, он легко выдает себя как уловку и маскировку внутренней неуверенности, от которой он чаял избавиться. И напротив, незримый юмор вовсе не впадает в неуверенность и стеснительность, ведь он — не что иное, как скромный цветок свободы. Поэтому он и редко встречается. Еще реже он узнается. То, что юмор может быть тем же самым, что и здоровая меланхолия, понятно лишь немногим. У юмориста обычно меньше всего юмора.

Велик и мал. — Что такое великое? Это благородное. А что такое благородное? Оно происходит от отсвоения в событие. А происхождение пребывает в памяти. Она есть мышление в на-чале родства к миру. Мышление есть первое сотворение разговора языка. На это сотворение опирается характер. Благородство характера — стихия великодушия. Лишь в великодушном человеке развивается долготерпение, в котором обретается ожидание. Ожиданию свойственно то, что оно ничего не ждет и поэтому ничего не желает. Оно ждет только о-своения-сбывания (Ereignen). В ожидании расцветает отвага сбывшейся симпатии (das Wagnis des ereigneten Mögens). Это допуск-спокойствие (Gelassenheit) в мирствование мира. Спокойствие есть забота чистого прихода дела события. Сама чистая забота не заботится о себе — ей неведома значимость. Она охраняет благородное.

Но что же тогда малое? Сущностная неспо- 113
собность к дельности дела. Малое — это ненасытные поиски возможностей похваляться мнимым, никогда не испытанным великодушием.

Но благородство определяет сущность характера, собирающего <в себе> все мужество. Оно дает начало красоте милости в догадке о творческом

мышлении. На благородство опирается само-стояние (Selbst-ständigkeit) посреди Бытия. Это постоянство (Ständigkeit) сохраняет сущность самости. Благодаря ему она собственна. Это значит: пригодна для события. Само-стояние человека преуспевает в исправности позволения отсвоения. Сущность само-стояния живет всецело вне индивидуального и того, что противоположно ему (коллективного). Самостояние и его многообразные взаимоотношения принадлежат к области метафизики. Сюда относится также спасение души в христианской вере.

Тем временем дело Бытия (т. е. различения) подверглось столь глубокому забвению, что сейчас оно должно прежде еще подойти к мышлению, чтобы достичь человека. Впредь не помогут никакое упорядочивание мира и никакое посредничество среди людей, не помогут никакой расчет и никакая вера. Это крайние средства, которые не достигают главного, поскольку вновь маскируют единственную нужду, забвение Бытия. (См. <S.> 128).

114 Первой помощью может быть лишь осмысление. Сюда *относится* не только мышление, — ведь осмысление *есть*, когда оно становится чем-то иным, нежели простой рефлексией, мышлением вообще (*das* Denken), — но мышлением того, что нужно осмыслить. (См. по поводу слов Ницше: «Бог умер», <S.> 155 сл.)

Сказывание мышления может выносить в язык лишь то, что приходит к языку само по себе как слово. Наше вынесение <в язык> есть сопровождение. Это сопровождение состоит в позволении (Lassen). Оно позволяет грядущему прийти в приход, <которое> есть местоположение судьбы.

Объяснение — это приведение к ясности и тем самым к чистоте как неприкосновенности. Объяснять не означает комментировать в смысле приспособления сказанного к мути понятности, которая похваляется собой как мерилом познаваемого. Объяснять значит делать более *достойным* вопрошания (frag*würdiger*), т. е. более достойным *осмысления* (*denk*würdiger), но не более «понятным» (verständlicher). Мы можем постигать лишь то, что нам выпадает (auf uns zu fällt). Так мы принимаем случай (Zu-fall), т. е. вступаем с ним в спор. Мы постигаем тогда, что всякий случай прибывает к нам издалека. Прибывание к этому постижению есть риск (Das Zu-fahren auf dies Erfahren ist die Fahrnis). Он случается-посылается в событии <как> *решение*: принимает ли мышление Бытие или нет.

Немногие знают из своего опыта, что достойная 115
мысль расцветает лишь через долгое время. Большинство полагает, что она выдумывается при писании той или иной книги в год выхода ее в свет. А из тех немногих, в свою очередь, лишь немногие обладают мужеством выносить долгий период расцвета; ибо он есть время грозящей гибели; мысли гибнут скорее всего из-за того, что они быстро пасуют перед привлекательными мнениями, имеющими более высокий курс. Такое разложение мышления обусловлено завистливым нетерпением, не имеющим опыта в терпеливости осмысления. Неопытность проистекает из недостаточного упражнения в овладении ремеслом, в котором мышление достигает своего ранга. Но как нам поддерживать традицию ранга мыслящего, если нам неизвестно местоположение этого ранга? Это местоположение есть истина Бытия. Кто сегодня еще пускается в путешествие к этому местоположению? Все крутятся

вокруг публичного мнения. Все, кто стоит в очереди при распределении мнимой определяющей значимости. И вот в такой атмосфере должно вырасти молодое поколение, не боящееся мышления? Стоит взглянуть на то, чем занимаются факультеты университетов, которые, как нас уверяют, вновь обрели сейчас якобы утраченное самоуправление. Но нельзя утратить то, чем никогда не обладали.
116

<Подходящий> момент, чтобы когда-нибудь обрести для дальнейшего влияния самоуправление их организации — не их делишек в Ученом совете — «духовные» господа упустили, поскольку в 1933 г. воротили носы по поводу «социализма» и грубого тона, который, однако, серьезность и мужество тонких <людей> (der Feinen) смогли превратить в esprit de finesse[57]. Люди боялись «слишком рано» ввязываться в боевитое, т. е. прежде всего <так> понятое участие в «социализме», т. е. в его мироисторической сущности. В точности как и сейчас, строили расчеты исходя из партийных представлений. Опасались дерзкого «слишком рано». И тогда решились на «слишком поздно». Уговаривали себя, что ситуация, когда было «слишком поздно», якобы та же самая, что и та, когда могло быть «слишком рано». Но «слишком рано» было бы только в том случае, если бы мы не осознали, что для мироисторического поворота, который происходит вопреки тогдашнему ворочению носов и сегодняшней несговорчивости, требуется по меньшей мере три столетия. Это сказано в «Самоутверждении <немецкого университета>». Но к этому не прислушались. Все были заняты спасением профес-

57. Духовная утонченность. В философии Паскаля тонкий ум (esprit de finesse) противопоставляется геометрическому уму (esprit de géométrie). — *Прим. пер.*

сорского престижа. Полагали, будто возбужденная болтовня по поводу происходящих на первом плане событий — это и есть уже размышления о единственно необходимом. 117

А сейчас они могут высиживать полдня, обсуждая всякие текущие мелочи, и считают это самоуправлением. Возможно, это оно и есть. Вот только остается вопрос, чем тут управляют. Но, быть может, это и правильно для нового духа университета — советоваться, через какую дверь или черный ход во время торжественных мероприятий должен входить в университет архиепископ и в чьем сопровождении, — тогда как мир готовит себе величайший хаос. Для чего мы еще можем узнавать об этих последних судорогах издыхающего института? Чтобы его задним числом, поскольку мы, т. е. немногие, уже к нему не принадлежим [...]?[58] Нет, — но чтобы удивляться самим себе — недостатку мужества для внешнего отхода, после того как внутренний уже давно совершился.

Что же привязывало к этому институту? Единственная возможность собрать молодежь, возможность втолкнуть ее в беспокойство мышления и поставить мышление впереди ремесла. Но это было именно то, чего «представители культурной жизни» давно уже больше не желали. Они хотят оставаться среди своих со своей бездумностью и взаимным почитанием. Пусть так—.

Если бы сегодня в мышлении существовали зло-деи 118
<Wider-sacher>, то само деяние (Sache) было бы самым уважаемым. Но есть только нытики и подстрекатели и, от силы, безобидные болтуны.

---

58. [Незаконченное предложение.]

В безветренном краю кажется, будто какой-то демон высосал из него все пространство. Другое дело штиль, особенно неожиданный.

Благодарность основана на памятовании, а оно — на мышлении Бытия. Поэтому нужно <вот что>: учитесь сначала думать, тогда вы сможете поблагодарить; но не наоборот.

«Бытие» («Seyn») обозначает сохранение различения между сущим и бытием (Sein). И таким образом оно остается лишь именем (Vorname) для его собственной, через него самого сокрытой сущности. См. <S.> 124.

Ворчание ветра в балках хижины говорит о плохой погоде.

Существует пафос правдивости, который всюду заявляет о себе настолько энергично и громко, что может позволить себе скрыть за этим упорную лживость собственной сущности.

119 Мало кто знает или даже понимает, насколько в любви важно умолчание. Большинство полагает, встречаясь с ней, будто подобное есть лишь обман или даже ложь. Они не подозревают, что существует ожидание, которое должно пережить многое, в том числе и собственные промахи и ошибки, чтобы удалась рискованная затея — все-таки впустить любимого человека в свое существо. Одни считают, что это удается с помощью моральных установлений (Veranstaltungen), другие отстаивают свою мнимую верность, требуя простого продолжения <бурной> страсти, которой они похваляются, дабы благодаря ей иметь возможность уклонить-

ся от главного, а именно того, чтобы возвратиться к сдержанности и преуспеть в ней. Вместо этого они постоянно ищут нового общества, в котором демонстрируют мнимую любовь и предают то, что, возможно, было в ней подлинного.

Тому, чье существо остается под властью неисправимости, т. е. неспособности учиться, не хватает основного условия для мышления. Можно ли устранить этот недостаток? Если да, то лишь путем ожидания, полагающегося на дело мышления, а это дело хотело бы однажды так выразиться в словах, чтобы перед его лицом была познана возможность учебы как высший дар скрытой благосклонности (Huld).

Можно заниматься философией и тем не менее всегда оставаться далеким от местоположения
120 мышления. В таком случае громче других говорят о философии и благодаря своему словарному багажу выставляют себя с выгодной стороны в ораторском и литературном отношении. Это межеумочное мышление опаснее, чем отсутствие мыслей. Его притязания безмерны. Поэтому оно не слышит ничего, кроме необдуманной неуклюжести своих дикарских манер.

Межеумочное мышление менее всего способно двигаться в стихии мышления, т. е. в критике. Межеумочное мышление никогда не способно мыслить против мышления, поскольку оно заранее уклоняется от такого противления. Поэтому межеумочное мышление страшится трудностей, связанных с риском участия в мышлении мыслителей прошлых лет. Оно считает это отклонением в историографическую область. Межеумочное мышление купается в своих догадках. Оно полагает,

что то, что кому-то кажется таким и эдаким, именно поэтому уже является изначальным. Межеумочное мышление считает, подобно обычному мнению, что мышление должно как «некая философия» все объяснять и давать практические указания для повседневной жизни. Межеумочное мышление утверждает, что если однажды оно угодит в сферу собственно мышления и в результате потеряет почву <под ногами>, т. е. свою почву, то именно с помощью того же самого собственно мышления оно вновь обретет почву в том смысле, который предполагается им, межеумочным мышлением.

121 Поскольку межеумочное мышление неизбежно разочаровывается в мышлении, подобно тому, как не-умеющий-плавать — в несущей способности водной стихии, оно в действительности отвергает мышление и подготавливает это сомнительное разочарование как выдуманную им самим точку зрения, будто с мышлением ничего не получается. Межеумочному мышлению не хватает — как всему половинчатому — всей отваги долгого почтительного отношения к делу мышления.

Так как дельное мышление (das sachliche Denken) только мыслит, то те, кто при этом хочет еще что-то «переживать» или извлекать какую-то пользу, никогда не попадут в мышление. Но, пожалуй, для собственно мышления необходимо пройти через образ действий межеумочного мышления. Межеумочное мышление может даже очаровывать, а благодаря непосредственности его небрежного воления — иногда возбуждать. Возбудимо, однако, лишь такое мышление, которое давно уже бродит туда-сюда. Необдуманные вопросы могут навести на важные мысли, так что они, уже покоившиеся в мышлении, запускаются в ход. Зато межеумочное мышление полагает, напротив, что оно всем обяза-

но самому себе. Оно считает, что само создало то, что ему только послужило поводом, поскольку оно в круге самого мышления было к этому побуждено.

122 Атмосфера межеумочного мышления тем больше господствует, однако, в преподавании философии в университетах, чем громче общественное мнение судит-рядит о мировоззрениях. Вот и получается, что даже прекрасные дарования уклоняются от ремесла мышления, а по сути его ненавидят и потому оказываются жертвами тео- или антропо- или пани- или только фило-софии. До игры в теологизирование остался только шаг, особенно если оно преподносит себя в приятной форме и с хорошим вкусом.

Так возникает некая «духовная жизнь», тогда как дело мышления остается неизвестным и в крайнем случае характеризуется в журналистских заметках как нечто ложное, чем межеумочное мышление вполне удовлетворяется, — ибо лучшего подтверждения себе оно не могло бы найти. Межеумочное мышление, упивающееся своим необдуманным своеволием и принимающее это упоение за глубину, ничего не ведает о добровольной нищете мышления, которое непритязательно, ибо связано с одобрением самого дела, но именно поэтому всегда рискует и блуждает. Межеумочное мышление, напротив, упрямо и только. А это источник недоброжелательности и ненависти. Лишь потому, что необходимо мастерство мышления, мы должны осмыслять межеумочное мышление, даже если это осмысление доставляет мало радости. Такое осмысление остается полезным и способствует готовности к оказанию помощи.

123 Журналисты — самые будничные в общественности будней. Они — покорные слуги общественности и, будучи слугами, являются лишь функционе-

рами власти, которой они вовсе не знают и никогда не смогут узнать, занимаясь анализом ситуации. Сама эта власть — не что иное, как служанка забвения Бытия, каковое забвение таит в себе след к сохранению (Wahrnis) Бытия. Вот почему журналистика — явление, пусть и существенное, этого века мировой ночи. То, что всякое, что показывается в общественности, немедленно отлавливается, пересчитывается в формулу и причисляется, под каким-либо названием, к некоей фирме, как вариация известного до сих пор, совершается не случайно и не вследствие простого старания. Оно есть яростное убийство сущностного в забвении Бытия. Между тем эта убийственность махинации воли к воле, длящаяся уже в течение трехсот лет эпохи мировой ночи, превзошла все человеческие преступления гуманизма. Как же иначе должно прийти к власти In-Humane[59], если не из гуманности гуманизма. <Разве> это <не> доведенная до предела субъективность человека, ведущая свою игру между индивидуальным и коллективным, ни одно из которых не может преодолеть субъективность, поскольку она нуждается и в том, и в другом?

124 «*Бытие*», предшествующее бытию сущего как сущее бытия, осваяет событие из отсвоения различия.

Когда придет его пора, судьбинное мышление должно стать безоговорочным, даже не-человечески чистым, исходя из дельности, <направленной> к самому делу (aus der Sachlichkeit zur Sache selbst). Мышление является дельным как судьбинное мышление. Когда оно как сказывание поэзии различия

---

59. In-Humane, inhumane — бесчеловечное (*лат.*). — *Прим. пер.*

сообщает истину Бытия в ее переплетении, мышление, возможно, достигает поручительства дельности. Она соседствует с делом. Последнее же пребывает в одиночестве сущности Бытия.

Человек есть память в событии <перехода> из родства в различие.

«Прямодушие» без великодушия есть лишь видимость «открытости», за этой видимостью прячется наглость необузданного себялюбия, что подается как «позиция». См. <S.> 112 f.

Мышлению мы учимся только *через* того или иного мыслителя и никогда *у* мыслителей. Первое ищут лишь немногие. К последнему стремится большинство; они заимствуют у мыслителей идеи, извлекая из того, что продумано, предложения и слова. Лишь когда мы через мыслителя научились мышлению, мы сможем верным способом учиться у мыслителей. Верный способ заключается в том, что они в нашем раз-мышлении становятся для нас мыслителями, *через* которых мы учимся. Мы разучиваемся тогда учиться у них. 125

Языковая одаренность без длительных упражнений в ремесле мышления — это для одаренного человека и его окружения <настоящая> беда.

Возможность учиться через того или иного мыслителя — это счастливый случай. И даже если он ограничен сам по себе, ведь учение и обучение проистекает здесь из терпеливости <по отношению> к простому и не доступно всякому планированию. Там, где выпадает счастливый случай, обучающийся может еще закрыть глаза на то, с чем он встреча-

ется. Он заранее уклоняется во всезнайство. Терпение к делу не свойственно его характеру. <То, что> кто-то учится, еще не доказывает, что он выучился и вообще может учиться.

Освоение мышления под руководством мыслителя требует пребывания по соседству в близи Бытия. Но оно не измеряется количеством сообщенного. Молчаливость обучающего может научить большему, чем публичные сообщения. Но молчаливость можно постичь только из близи. Вот
126 почему народ греков, который мог жить в месте близи, — это первый и единственный народ, кому позволялось учиться через мыслителя, а не только у мыслителей.

Летом 1936 г. я отчетливо понял место (Ortschaft), в котором должно было остановиться мое мышление. Это место есть то, что я искал, смутно догадываясь о нем, в «Бытии и времени». Так появилась тем летом работа «К философии» («Beiträge» <zur Philosophie>). С тех пор я сосредоточился на освоении в области мышления, на возможности мышления пребывать в этом пребывающем. Но между тем все пошло так, как это всегда бывает в мышлении, которое в пребывании и остановке, а уж здесь и подавно, является движением. Поэтому возникают ложные ходы и попытки вновь покинуть это место, чтобы опять пуститься в путь. Но они, к счастью, потерпели неудачу. Ибо в мышлении даже неудачи не бесполезны. Поскольку мы достигаем пребывания в пребывающем лишь через возврат, прошедшее с тех пор десятилетие все же есть только своего рода путешествие со многими поворотами в той же самой местности (Ortschaft). Оно часто дает возможность освоить то, что уже было заучено путем упражнений,

еще более слаженно (gefügiger): мыслить против собственного мышления, но не поднимать большого шума вокруг этой остроты мышления; ибо это есть единственное само собой разумеющееся в мышлении.

127 Насколько труднее собирать урожай, чем сеять? Собирать урожай это λέγειν — собирание в судьбу. Но кто способен на собирание без того, чтобы собирать и обитать в простом собирании? «Концентрация» есть собирание только там, где оно, собирание, по сути уже находится на острие посредующей середины.

Судьбинно (geschicklich) мыслить означает: сказывать Бытие. Сказывание состоит в том, чтобы высказать различие.

Такое мышление означает: убрать онто-тео-логическую дифференцию в близь различия (Unterschied). Это убирание (собирающий возврат) различения (Unterscheidung) в различие опережает всякую трансценденцию, у которой повсюду есть свой элемент в дифференции. Опережение превосхождения <границ>, однако, не возрастает выше, чем превосхождение, в нечто высшее, но переносит его с его стихией и возвращает в близь различия.

Местоположение последнего Бога, если он уж должен бытийствовать и жительствовать, есть различие как преодоление Бытия. (См.: «К философии» (Beiträge), 1936).

128 Здоровые силы длинной цепи крестьянских поколений должны были, вероятно, собраться, чтобы выносить мышление и — влиться в него и в его непреходящее.

Умные вычислители и всезнайки, которые свои историографические и экономические представления о публичности считают политической мудростью, а ее — пониманием мироистории, свидетельствуют о своей слишком куцей сущности тем, что они всегда слишком рано решались на Слишком-поздно, если уж они вообще на что-то решаются.

Те, кто никогда не может постичь сущность формы (das Wesen der forma), вместо этого охотно говорят о якобы недостаточном или малом «формате» других. Им кажется, будто «формат» безусловно заслонит их собственную заносчивость.

Однажды они, возможно, научатся осознавать, что всякая вера опирается лишь на просвет Бытия и движется в этом просвете. Но «Бытие» проясняется только мышлению, сама сущность которого есть зазор (Kluft) ‹на пути› к вере. Поэтому человек мог бы стать верующим только в том случае, 129
если прежде стал бы мыслящим. В противном случае не было бы зазора, поверх которого некий Бог как сущий мог бы притязать на человека. Или ‹как› полагают теологи-обыватели среди «философов», можно было бы с помощью путаной болтовни о «вере в бытие» примазаться к Богу, которого они с помощью признанной за ним «трансценденции» уже превратили в идола? Верить в «бытие» все равно что ловить рыбу на деревьях.

Антихристианин из отчаяния мышления, которое, будучи истинно продуманным, способно мыслить против мышления, ‹оказывается› более «христианским» (если уж возможно христианство), чем свора клерикальных теологов, вовсе не ведающих, что даже сам остов их застоявшейся теологии опи-

рается на заимствованную и чужую, а именно платоновско-аристотелевскую философию, которая была усвоена в избытке через Фому уже в ее римском перетолковании. Что может тогда поделать «Академия святого Фомы»[60] в Риме с мышлением, которое некогда отважилось показать само Бытие как достойное осмысления?

Прекраснейший опыт мышления состоит в познании того, что оно ведет в непомысленное (Ungedachte), которое в направленном таким образом мышлении уже больше невозможно осмыслить. Это непомысленное, однако, не есть нечто «иррациональное», ибо оно проясняется только при свете мышления. Но это непомысленное есть само по себе подлинная передача богатства сущности в «Бытии». Однако это непомысленное, если его знак-намек (Wink) еще достигает мышления, есть вместе с тем предостережение мышлению остановиться на расстоянии одного шага. Если объяснение делает более достойным осмысления (denkwürdiger) то, что нужно осмыслить, то оно не продвигается в непомысленное. Но оно и не отпадает в привычное представление. Оно остается в месте его пребывания и делает его более непреходящим, хотя и не как единственную вечную истину, но как местоположение начала будущего путешествия через То же самое. 130

В мышлении никогда не поздно познать то, что оно уже знает. Но зачастую в мышлении бывает слишком рано *хотеть* узнать то, что оно познало.

---

60. [«Папская Академия святого Фомы Аквинского» (Pontificia Academia di San Tommaso d'Aquino) была основана в Ватикане в 1879 г.]

Если кто-нибудь пришел к какой-то важной мыс-
131 ли, он не должен ради ее признания сам портить ее, жалким образом апеллируя к некоей грядущей эпохе; ведь именно саму эту эпоху и принесет помысленная мысль, если в ней что-нибудь есть. И здесь еще мышление есть некое позволение (ein Lassen).

Возможно, это хорошо, что мышление до сих пор не было возбуждено в глубине своей стихии.

Побуждать себя легче, чем дать кому-либо настроить себя (sich bestimmen zu lassen). Первое относится к простым побуждениям, второе — к основному настроению. Первые приходят и уходят в дальний или отстоящий первый план привычного опыта и мнения. Второе, по причине его близи, как правило, <ведет себя,> как будто его нет. Когда его близь приближается, мы уклоняемся от него и перетолковываем его в некое побуждение; в подобных случаях мы можем возбудиться. Возбуждение проявляется как наша оживленность. В основном настроении, напротив, мы не можем возбуждаться. Мы можем лишь пребывать в нем, ибо мы должны это <делать>, так как в основном настроении наше существо подготовлено и только здесь <направлено> на Бытие.

Лишь когда мы постоянно в нем пребываем, мы настроены (gestimmt), а потому доступны настраиванию (be-stimmbar).

Пребывание имеет характер настойчивости отступления перед тем, с чем связано в этом отходе предельное ожидание; ибо оно есть сама близящая-
132 ся близь. Дальше всего от нас — ближайшее. А ближайшее есть близь. Отступающее ожидание, которое ожидает близи, есть сущность простого страха — того, который собирает лишь даль близи (die Weite

der Nähe). Ее простое есть сбывающаяся робость (Scheu): сущностный ветер Бытия. По каким признакам мы распознаем, приходит ли мышление из своей мастерской или оно есть только ученость или болтовня? Создается впечатление, будто сегодня не хотят ничего знать об этом признаке.

Матери, молодой жнице бедного крестьянского двора, в сущностном образе кувшина, принадлежащего «различию», воздвигнут молчаливый памятник мышления, которое она с болью отпустила на свободу в годы решения-выбора его пути.

Можно всякий раз и легко в каждом судьбинном мышлении (in jedem schicklichen Denken), если осматривать его с помощью светильника «логики», т. е. рассчитывающего высказывания (κατάφασις), находить противоречия и вычислять ‹их›. То, что́ выкапывают как противоречия, на самом деле есть бытийствующее простого (das Wesende des Einfachen), которое высказалось в языке. Это простое заранее неверно понимают и представляют «категориально» — в соответствии с высказыванием. Что иное оно должно тут высказывать (будучи перед этим 133
перехвачено во враждебное ему), как не сплошные противоречия, которые, как это произошло с ‹работой› «Что такое метафизика?», можно даже арифметически подытожить и продемонстрировать.

Там, где мышление проявляет себя как непротиворечивое, оно свидетельствует, что оно *не* есть мышление, осмысляющее то, что ему надлежит осмыслить, — «Бытие». Если же Гегель говорит, что противоречие как таковое принадлежит действительности, то он *остается* в мышлении «логики», т. е. онтологики. Тем, что он признаёт противоречие, он не мыслит простое и не познаёт

сущностный вид и происхождение простого мышления. Он только возводит в принцип ложное понимание простого. Это означает: бытие остается пред-ставленностью, только так, что она теперь включается в самовыстраивание субъективности, которая в результате этого становится всем: а именно становлением этого «бытия», чье «становление» есть движение представления — т. е. его представленного. Диалектика как «реальная» (предметная), «логическая» (категориальная) и «сознанию-соразмерная-феноменологическая» («bewußtseinsmäßigephänomenologische») есть одна и та же, т. е. целостное движение бытия как «действительность» самоволения (das Sichwollen) субстанции как абсолютного субъекта. Лишь исходя из (бытийно-исторического) *единства* реального, логического и феноменологического, единства, самим Гегелем больше не мыслимого, следует мыслить взаимопринадлежность этих трех, в которых отражается сущность диалектического, хотя она никогда не смогла бы завладеть диалектикой отражения.

134 Только если мужество (Mut) мышления проистекает из требования (Zumutung) Бытия, расцветает сказывание разговора мира. Требование посылается в настоянии (Anmut) сбывания. Простое страха есть мужество перед настоянием. Но оно –

Все мужество души требуется от нас благодаря настоянию, которое зачинается для нас в нашем существе. Так используя мир, мы ожидаем места освоения-сбывания.

Прекраснейшим упражнением в судьбинности мышления было бы дружественное осмысление исходя из дела. Оно принесло бы свободное сосредо-

точение души; ибо оно было бы равно далеко от развязной болтовни и от косного поучения. Лишь в дружественном осмыслении смогли бы вырастать друзья-подмастерья (die Gesellen), один из которых потом достиг бы мастерства. Но как <возможна> дружественность без друзей (Geselligkeit ohne Gesellen) мышления? И что здесь более раннее? Дружественность как собрание в том же зале, т. е. то же место, в котором мы щедро проводим время при деле, не закосневая в предметах и не цепенея во взглядах. Но кто должен повести в местоположение мышления и настроить души на глубокий тон дела? Но никакой воли для дела не требуется. Существует только настояние дела; его требование помещает нас в допущенное мышление против мышления. Только так мышление становится соответствующим делу. В ином случае оно впутывается в закон несправедливости и только уничтожает сущность человека. Оно запрещает человеку содружество (Gesellschaft) и втравливает его в махинацию подлого. Ничем не отличается от этого «сообщество» (Gemeinschaft). Дружественность расцветает лишь по соседству с близью к делу. Человек стоит перед судьбой отсвоения своего существа в соседство с близью к делу. Способен ли он понять, перед чем он стоит, никто не знает. Мы можем предположить, если обратим внимание на безыстинность мышления, что подобный опыт удается только в дружественном осмыслении исходя из дела. 135

Что является необходимым в судьбе? Чтобы мы о Ней мыслили. Ибо мы включены в памятование. Для него характерна способность забывать бóльшую часть, а именно все, что определяет наши мнения и желания. Настояние дела не поддается корыстолюбию действий.

136 Когда сегодня произносится слово «служба», всякий думает только о муштре и рабстве. Никто не думает о служении. Никто не отваживается подумать о том, что все главное — всегда еще и не заслужено. Вот почему наше участие в сущности Бытия есть служение. Мыслить значит: служить делу. Ложной же и глупой является фраза, которой оправдываются любой произвол и всякая бессмыслица: «Служба есть служба». Ибо «служба» как раз и не есть служба, но память о незаслуженном. И по мере приближения к нему выделяются ступени служения. Что было бы, если бы, наконец, люди задумались о том, что говорят слова «служение знанию» (Wissensdienst)? Это потребовало бы усилий — сейчас, как и тогда. Поэтому охотнее остаются там, где уже всегда пребывали, при «самоуправлении» хорошо скрытых интересов, и привычным авторитетным тоном восхваляют «свободную науку».

Если держать дело перед глазами и одновременно в сердце, мышление никогда не сможет потерпеть неудачу.

Немногие обладают достаточным опытом, чтобы проводить различие между ученой темой и продуманным делом.

137 Хорошо осмыслять *какое-нибудь* дело уже означает научиться познавать все достойное осмысления (alles Denkwürdige). Однако межеумочное мышление, лезущее повсюду, никогда не дойдет до Одного.

Дело мышления есть дело вообще (*die* Sache).

Рассказывают теперь, будто Хайдеггер только плохой поэт, но никакой не философ. Те, кто так гово-

рит, — хорошие философы. Кто же они, если судьба Бытия оставила «философию» за спиной? Плохой поэт все же поэт. А что, если судьбинное мышление, пытающееся мыслить Бытие, и есть поэзия? Причем поэзия, которая высказывает только простое, без напева и без образов? значит, скромно и по-простому; т. е. на нашем языке «плохо», но — сойдет?[61] Ну и как же обстоят дела с плохим поэтом? Он, по крайней мере, мог бы уже находиться на пути к мышлению. А хорошие философы? Они занимаются делами бездумности столь основательно, т. е. хорошо, что тут при всей недоброжелательности не к чему придраться. Плохие поэты и хорошие философы.

Ошибка: Хотя и осмыслять сущность «man», и все-таки в нужный момент ничего не увидеть и ничего не понять. (См. выше, <S.> 51 внизу.)

«Демифологизация христианского»[62] — эта идея, 138
насколько мне известно, была высказана в Марбурге; возможно, она там когда-то и возникла. Кто не распознает в ней феноменологическую деструкцию философии <, направленную> к истории бытия (см.: «Бытие и время»), кто не увидит переноса

61. Обыгрывается немецкий фразеологизм «schlecht und recht» — кое-как, на худой конец. Schlecht (плохой) — первоначально синонимический вариант к schlicht (простой). — *Прим. пер.*
62. [Rudolf Bultmann: Neues Testament und Mythologie. Das Problem der Entmythologisierung der neutestamentlichen Verkündigung. In: Ders.: Offenbarung und Heilsgeschehen. Beiträge zur Evangelischen Theologie. Theologische Abhandlungen, Bd. 7. München, 1941, S. 27–69.] — Бультман Р. Новый Завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия / пер. Г. В. Вдовиной // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–41.

<ее> на новозаветную теологию? Я не приписываю здесь Рудольфу Бультману никакой зависимости. Это было бы не только недружелюбно, но и глупо, и уж во всяком случае самонадеянно. Но было бы необходимо, чтобы однажды кто-нибудь по поводу моего анти-христианства хоть раз обдумал хоть одну мысль. Этого не происходит, возможно, чтобы еще «по-христиански» терпеть мое мышление. Я не христианин, причем только потому, что не могу им быть. Я не могу им быть, потому что, выражаясь христианским языком, не обладаю благодатью. У меня ее никогда не будет, пока на моем пути главным будет мышление. Само мышление есть зазор <на пути> к вере. Зазор лежит не только между мышлением и верой, где-то в <области> неопределенного. Пусть существует «христианская философия», но остается вопрос, в какой мере мыслит подобная философия. Возможно, лишь в той мере, в какой она верует; т. е. она мыслит только для видимости. Но христианского мышления, которое было бы мышлением, не существует.

139 Недавно Рудольф Бультман объявился в качестве сотрудника «Перемены» («Wandlung»), однако мне известен только первый номер этого журнала[63]. Поскольку там проявляется интерес к «духовной ситуации», то для ее прояснения стоит только установить <следующее>: по поводу «заброшенности», в которой феноменологическая деструкция сущностно-исторически обретает свою необходимость, Ясперс, читая об этом в 1926 г.

---

63. [Die Wandlung (November 1945), Heft 1. В этом номере см. сопроводительную статью Карла Ясперса (S. 3–6). См. также письмо Ясперса Хайдеггеру в марте 1948 г. в: Heidegger / Jaspers: Briefwechsel 1920–1963. A.a.O., S. 168.] — Мартин Хайдеггер — Карл Ясперс. Переписка 1920–1963. С. 238.

в корректурных листах «Бытия и времени», мог лишь морщиться и с самого начала отвергать эту идею вместе с термином. Но человек может «перемениться»; также и «философ» — он может стать пусть и не христиански-*теологическим*, но все же христиански-сентиментальным и из «провала», который живет отказом от неведомого мышления, делать некую религию. Это все в порядке вещей, если учесть нынешнее расстройство атмосферы мышления, из-за чего «национал-социализм» стремительно и неудержимо превратился в *одно* из заблуждений, <ведущих> к преступлению. Если теперь немцев очистят от этой чумы, что останется? Скажем, чистота? Разумеется — чистое прежнее и нынешнее болото безысторичного страха перед мышлением. Когда Ясперс выступает за устранение мышления и при этом опирается на бахвальство сомнительных субъектов — это, по крайней мере, последовательно. (Предыдущая заметка написана только для ослов.)

Вопрос не в сообщении, а в «публикации». Со- 140
общенным, т.е. разделенным с Бытием, остается мышление и является им в сбывшемся сказывании, которое отзвучало в «Как» одиночества различия.

Но что значит о-публикование? Не что иное, как отдача <на произвол> диктатуре и недоброжелательству — возможно, с ее стороны даже невольному.

Для кого говорит мышление — сказывание различия — ни для кого? Меньше всего для самого сказывающего; он должен обеспечить широчайший отказ, по отношению к которому выдвигать ведающее отречение от опубликования — это не отказ, а, скорее, еще след судьбинного (schicklich) мышления.

То, что мышление в соответствии с судьбой (schicklicherweise) *не* может быть опубликовано,

поймут не многие; и немедленно возникнет вопрос, для чего тогда всё? Ответ: это «для чего» есть заблуждение, поскольку иначе мышление будет сбывшимся лишь некогда в Бытии, т. е. в переплетении Бытия, и там и останется.

Жадность общественности до «публикаций» и недоброжелательное отношение к ним соответствуют друг другу. Однако следует отметить: недоброжела-
141 тельность заключается не во враждебной критике, не в грязном болтливом обсасывании <произвольно> выдернутых фраз и слов; все это просто низость. Недоброжелательность состоит в услужливости, полагающей, что в публичном можно посредством публикаций достичь уважения или по крайней мере влияния и воздействия, возможно, на благо человечества. Это мнение и приверженность <к нему> вытесняет все на ложный путь и портит Все, создавая видимость позитивного. В подобном кругу тогда возникает то странное явление, которое называют «историческим влиянием» и «значением».

Но если сказывание (Sage) мышления должно избежать пожирания общественностью, причем не из страха перед ней, а в единой принадлежности к переплетению «Бытия», тогда усилия ради подобного высказывания — просто нечеловеческие. Разумеется — это если смотреть с точки зрения «человечества», <разделяющего> гуманность мировой ночи; и все же не в свете различия. Но легким оно тем не менее никогда не будет — конечно — ибо когда простое было легким для людей?

Мы всякий раз ропщем *на* судьбу лишь тогда, когда опрометчиво воображаем, что познали ее, в то вре-
142 мя как не имеем ничего собственного, *на что* мы могли бы роптать. Конечно, если мы объясним,

что мы-де благодарны судьбе, это легко приведет к высокомерию и новому заблуждению. К судьбе мы можем относиться только судьбинно (schicklich) — мера судьбинности, однако, кроется в сущности Бытия; не в общественных и моральных правилах, но и не в слепом мнении, <порожденном> якобы прозорливой страстью.

Люди и народы только состарившись могут познать то, что никогда не устаревает. Суета якобы молодых сегодня народов есть только беспомощное дергание под властью уже устаревшего. Устаревшее — это то, что не знает расцвета, а потому также никогда не пребывает в прочном <состоянии> и так — может быть старым. Устаревшее заранее пропускает возраст и поглощает его в лишенной корней новизне. Никогда не устаревающее поэтому не является чем-то вроде вечно нового. То, что никогда не устаревает, есть пребывающее в старости бывшее (Einst).

Поэтический характер мышления. — То, что выглядит лишь как утопия неудачной поэзии, могло бы однажды стать топологией Бытия. Следуя своей сущности, мышление осталось бы тем, чем оно есть: а оно есть строгость поэзии, позволяющей выразить в языке пребывание последнего Бога в месте Бытия. В «различии» вплетенность Бытия в сказывание местоположения истины Бытия собирается [в] ее 143
местоположение. «Феноменология духа» есть конец. Топология Бытия есть на-чало. При этом речь идет не о Гегеле, не о Хайдеггере, не об отношении <между> ними.

Местоположение Бытия — различие.

Почему так мало учителей? Потому что, как правило, считается, будто молодые учителя — самые

хорошие. Потому что старые учителя часто упускают <возможность> научиться тому, чему только они могли бы научиться, а потому также обучать ему, — учению. Молодые учителя отвергают поучения (die Lehren) старых. Старые отказываются учить молодых <учителей>. Все отвергают и не замечают, насколько схожи они между собой — в отсутствии собственной сущности.

Если заглянуть в общественную сферу, то мышление оказывается только вот чем: окаменением до <состояния> камня преткновения. Но и преткновение <в глазах> общественности представляет собой нечто бесполезное. Ведь они не спотыкаются об этот камень. Если бы только они спотыкались. Но они просто крутятся возле него, а их недоброжелательство проистекает из беспомощности. Она же возникает, когда остается скрытой дельность дела (die Sachlichkeit der Sache).

144 Когда потом тебе пора возвращаться с тропы мышления и тебе открывается вид леса, то, чтобы вновь стать своим, тебе нужно только завести разговор с сельским пастухом, проходящим со своим стадом мимо забора. И тогда в его рассказе об упрямстве и обидчивости коз, которых вместе с коровами гонят на пастбище, открывается нечто безмерное.

Персоналии в истории мышления. — Почитание Канта означает: занятие проблемой (Sache), которая была важна для него и над которой он бился. Кто способен на это, тому уже больше нечего делать с Кантом. Он не за и не против Канта. Он относится к нему как к постоянной величине. В этом состоит почитание и — единогласие.

Дело мышления есть простота различия. Но почему в истории мышления слова мыслителя становятся произведениями и почему эти последние со временем становятся все более объемистыми? Потому что мышление вытягивается из дела (Sache) и в результате превращается в «философию». Это упадок? Нет — только неизбежное усиление беспомощности, которую мы не вправе презирать, но должны 145
осмыслить, причем так, что лишь теперь вновь оказываемся способными на притяжение к делу.

Между тем за границы «Бытия и времени» я, конечно, не вышел, а возможно, скорее, в чем-то <в них> вошел. Поворот от «Бытия и времени» к «Времени и бытию» (см. S. 39 внизу <?>), перед которым остановилось опубликование, мыслится отчетливее, поскольку выяснилось, что он не дает возможности в достаточной мере познать себя внутри «трансценденции» ὄν. Правда, «бытие» остается «transcendens просто»[64] в соответствии с судьбой (nach dem Geschick), которая отсылала его в метафизику; ибо transcendens бытийствует в ὄν в дифференции между сущим и бытием. Однако эта дифференция остается неосмысленной. Но если бы она хотела в своей сущности стать судьбой… Transcendens, т. е. переход, но особенно как *пере*-хождение и как пере-*хождение*.

Кто просто мыслит и при этом полагает, что помысленное должно быть непосредственно понятным, тот еще не знает, что такое мышление. Тот, кто так думает, никогда не думал.

---

64. [Martin Heidegger: Sein und Zeit. GA 2. A.a.O., S. 51.] — Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. С. 38. Возможен перевод: «transcendens по преимуществу». — *Прим. пер.*

Мышление есть готовность к простому.

Мышление взяло на себя заботу о деле среди людей.

146 *Вера и мышление*. — Зазор не существует как промежуток, который только разделяет их, причем так, как будто зазор существует сам по себе. Зазор <на пути> к вере *есть* само мышление, при условии, что оно есть то или иное мышление, а не только окольный путь в общих представлениях о том, что люди имеют в виду.

Вера, в христианском понимании, есть неограниченное доверие к притязанию Бога, Который как Отец говорит через Иисуса как посланного Им Сына и тем самым является Спасителем от греха. Вера есть пребывание в благодати Сыновства Божия. Вера направлена только на избавление от греха. Хотя вера является знанием, но отнюдь не мышлением. Между верой и знанием не существует никакого зазора. Однако зазор между верой и мышлением никогда не может существовать из-за веры, ибо для последней главное — спасение души, а вовсе не сущее как таковое в его бытии. Мышление для веры — безумие. Вера — существует только христианская вера — не заботится о мышлении, т. е. она не заботится о подлежащем-осмыслению. В отношении мышления ей также безразлично отделение от него. Вера не может ни «быть» зазором перед мышлением, ни заботиться об этом зазоре.

147 Вот только теологи, т. е. настоящие неверующие, устраивают говорильню по поводу веры и знания. Они хотели бы помочь вере с помощью «науки» или по крайней мере сделать ее способной к культуре (kulturfähig). Вместо зазора, который они вовсе не видят, они изобретают искусственный и почти заполненный ров (заполненный их посредниче-

ской возней). Через этот ров язычники должны бы перескочить к вере.

Через этот ров нельзя перепрыгнуть; прыжок возможен только там, где есть разрыв. Между тем сумятица настолько возросла, что «философия» также начинает «верить».

Христианство и христианская религия (Christentum und Christlichkeit). — Христианство есть метафизика, выдающая христианскую веру за знание.

Христианская религия есть вера в Христа во Христе.

Кто мыслит против христианства, мыслит не против христианской религии; ибо *против* нее мышление не может мыслить по двум причинам: во-первых, поскольку мышление, когда оно мыслит «против», должно мыслить только против себя самого; а во-вторых и далее, поскольку мышление как таковое *есть* зазор перед верой и нет необходимости мыслить еще и против веры. Но в сущности зазора заложено, что он оставляет в покое то, что лежит на одной и на другой стороне. Всё запутывают лишь теологи, принимающие христианство за христианскую религию. Теологи правы, когда опасаются мышления и видят в нем своего величайшего врага. Они правы, когда мобилизуют поэтому все средства власти, даже государства, чтобы исключить мышление из своей сферы власти. Но теологи не правы, когда полагают, что действуют тем самым *ради* веры. 148

Название «христианский» (christlich) остается двусмысленным; оно подразумевает либо: относящийся к христианству (christentümlich), либо: верующий во Христа (Christ-gläubig). Тот, кто высказывается против христианского, еще не высказывается против христианского в смысле «ве-

рующего во Христа», — но и не *за* него. Он как мыслящий человек и не может так поступать; а если бы он захотел, то это было бы ложное понимание; ибо вера не нуждается в таком заступничестве; она исходит как благодать от самого Христа. Но может возникать необходимость, а именно из-за мышления, высказываться против христианского в смысле относящегося к христианству. Это «против» могло бы быть опосредованным — из-за зазора перед христианским в смысле веры и вопреки «воле» мышления — высказыванием за веру <во Христа>; именно за то, что она <исходит> от Христа, а не из теологии. Подобные рассуждения не скажут ничего нового верующему и мыслящему. Но в период сумятицы в христианстве и в эпоху страха перед мышлением они, возможно, говорят людям нечто странное. Когда, однако, сумятица в христианстве вновь приводит к неверному пониманию священного (das Heilige) из-за болтовни о «трансценденции», тогда подобные рассуждения могли бы по крайней мере послужить тому, чтобы указать на зазор между верой и мышлением.

149

Для веры мышление есть безумие, а для мышления вера есть невозможное.

Но обе <стороны> сходятся, признавая друг друга; признание состоит в требовании веры, чтобы мышление было мышлением, и в требовании мышления, чтобы вера была верой. Это требование, однако, живет как соразмерное не из-за того, что оно высказывается обеими <сторонами>, но только так, что вера есть <конкретная> вера, а мышление — <конкретное> мышление. То есть в подобном признании все же господствует спор. Разумеется. Но спор, который не сглаживается внутри и не по человеческому желанию. Если упростить дело, то этот спор ведется скрыто.

Мыслить, — а именно то, что надлежит осмыслить, 150
значит: понять неосмысленное, которое ждет мышления. Неосмысленное есть, однако, не что-то новое, но древнейшее из древнего, для которого мы всегда слишком молоды. Это древнейшее идет за нами и все же к нам.

Мышление, в той мере, в какой оно помнит об этом двойственном грядущем, является памятованием. В нем открываются врата, через которые мы достигаем истины Бытия. Вот почему мышление как памятование есть собственный опыт человека.

Философия постоянно призывает мышление быть ближе к вещи (Sache). Но «сама вещь», на которой останавливается Гегель, а именно изображение действительности как самопроявление (Sicherscheinen) абсолютного знания, не тождественна вещи, которую Ницше изображает в вечном повторении одного и того же в смысле воли к власти. Но предположительно всякий раз не тождественная вещь все же есть сама вещь. Однако в чем состоит сама вещь философии? Призывом <обратиться> «к самой вещи» она еще не решила, чем является сама ее вещь как каждый раз сама. Еще в меньшей степени решено и, видимо, вообще невозможно решить
с помощью философии, поскольку исходя из нее 151
нельзя спросить, является ли эта сама вещь философии самим делом (Sache), а именно делом мышления, так, что самим делом и только им мышление и может быть призвано к делу.

Феноменологический призыв «к самим вещам», а именно против выдумывания теорий и рассчитывания (Verrechnen) точек зрения, остается в истории мышления как неотъемлемая заслуга. Но этот призыв не продвигает достаточно далеко; он даже легко превращается в опасность того, что в феномено-

логическом истолковании и описании отсутствует мышление. Что имеется вещного в самих вещах? Это вещное определяется только в осмыслении дела мышления. Тот, кто с помощью феноменологического метода выставляет «сами вещи» для созерцания, может быть еще далек от самого дела, а именно дела мышления, и «феноменология» может даже препятствовать тому, чтобы постичь дело мышления. Здесь необходим в сущностном смысле исторический опыт, а именно памятующий. «Бытие и время» (S. 38[65]) говорит о необходимости вопрошать о «разомкнутости бытия», т. е. об истине бытия.

152 Поэтому «Бытие и время» и не является еще одним тем или иным направлением наряду с господствующими направлениями феноменологии. Более того, в «Бытии и времени» «феноменология» поставлена перед вещью таким образом, что сущность философии, метафизика как таковая, становится сомнительной. В этом кроется <вот что>: вещь философии ставится перед вещью <делом> мышления, таким, однако, образом, что само мышление определяется из подлежащего-осмыслению.

Рассчитывающие настаивают на осмотрительности (Vorsicht). Благородные заботятся о снисходительности (Nachsicht).

Благородно то, что ведет происхождение от Бытия и всюду сохраняет его <происхождение>.

Было бы отраднее в отношении мира, если бы в правлении им больше соучаствовала снисходительность и меньше господствовала только осмотрительность.

Но люди еще полагают, будто осмотрительность — это сила, а снисходительность — это слабость.

---

65. [Ebd.]

Люди еще рассчитывают, пока они так думают.

Лучше всего была бы: некоторая осмотрительность при всецелой снисходительности. Но последняя расцветает только из смирения. Его терпение проистекает из великодушия, которое между тем обитает в памятовании.

Подлинные мысли — лишь те, которые исходят 153
из дела <aus der Sache>.

На простые мысли мы, как правило, обрушиваемся со своими представлениями о «парадоксе» и «диалектическом». Мы отчуждаем простое в это несоразмерное ему.

Опасностей для мышления всегда одновременно несколько: благая и потому целительная опасность — это поэзия певца.

Злая и потому острейшая опасность есть само мышление, поскольку оно должно мыслить против самого себя, но редко способно на это. Злая опасность есть подлинная.

Сущность опасности состоит в том, что мы всё, даже свою сущность, должны отпускать. — Мы подвергаемся опасности в <своей> сущности. Ибо это отпускание (Fahren-lassen) — есть подлинное постижение (Er-fahren). Последнее состоит в мышлении.

Просто плохая и потому лишь вносящая су- 154
мятицу опасность для мышления есть побеждающее ныне «философствование». [Пример: Ясперс; он только «философствует» и к тому же плохо, но он вовсе не мыслит и никогда этому не научится. В свое время около 1920 г. он имел негативную заслугу, состоящую в указании — в противовес голой философской учености — на «содержательное». Но вместе с этой ученостью ему и тогда

было, и сейчас еще присуще неисторическое резонерство. Всё всегда сводится всё же к некоей «психологии»[66]. Но больше нет смысла пытаться вступить с ним в полемику. В его «философии» нет ничего обдуманного (Gedachte), чему могло бы противопоставить себя мышление. В бездумности «философствования», которая очаровала и Дильтея, несмотря на другие <его> заслуги, остается только еще «философия философии». Если взглянуть на название, то это выглядит как самоосмысление. Но это даже не противоположность его. Вот как далеко заходит путаница. Между тем общественность продолжает болтать в привычной бездумной манере свою чепуху об «экзистенциализме» Ясперса и Хайдеггера. Может быть, *это* признак обновления «духа»? В «национал-социализме», т. е. в жалком искажении его сущности, «дух» лишь презирался — это по крайней мере однозначно. А сейчас он разрушается духовными и «религиозными» методами. — Но они давно уже
155 разрушают только развалины. Поэтому они так много говорят о разрушительности, которую раскапывают в своих анализах ситуации и не замечают ее только у себя самих. Но эта деятельность не их вина, а их бессудьбинная судьба (geschickloses Schicksal).]

О философском воспитании. — Сегодня для него остается лишь одна задача: оно должно побудить молодежь учиться тому, чтобы мысля выбраться из «философии» — на путь, ведущий к тому, что́ надлежит осмыслить.

---

66. [Karl Jaspers: Psychologie der Weltanschauungen. Julius Springer Verlag: Berlin, 1919.]

Сегодня никто не способен на это. А те, кто, возможно, был бы на что-то способен, оказались бы в непреодолимой двусмысленности, которая все испортила бы. Вначале кое-что должно отмереть, прежде чем беспомощность станет явной, а подлинное мышление видимым.

Сегодня мышление не в состоянии даже <дать> толчок; оно может, и далеко из дали, быть от силы поводом. Поводом к чему? Но быть поводом еще труднее, чем стать побудительным толчком. Он может создаться с помощью критики, которая входит в общественность и растворяется в ней. Она не имеет отношения к мышлению. Повод исходит из вы-павшего-случайного (aus dem Zu-fälligen). Мы никогда не знаем, когда оно выпадет. В подготавливающем мышлении все предохранители сняты. Оно исходит только из своего дела. 156

Что дело требовательно двигает вперед, не это таит в себе успешность дела. Но оно требует тем, что остается делом. (См.: «Слова Ницше „Бог умер“».)

Пусть оно им остается!

Легко занимать общественность речами на международном философском конгрессе, но трудно выполнять повседневную работу дома в мастерской мышления.

Охотно соглашусь: последнее дается мне легче, первое — невозможно. Но понимаем ли мы, что значит «дома»? Это удается лишь на основе долгой истории в неприметном блеске традиции простого?

Тропа полна развилок. —

Сначала покажи, чем была судьба, и лишь потом научись познавать промах.

Ранним летом нынешнего года явилось прекрасное, оно наводит на мысль о России:

Цветущие нарциссы на лугах—
Горная роза без шипов под кленом.

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

conscientia 91
«анти-» *55*
антитетика 96 сл.
атеизм 57
атомная бомба 64, 69
благодарность 118
благородное *112*, *124*
Бытие 118, *124*, *127*
«Бытие и время» 35, *42*, *53*, *77*, *97 сл.*, *99 сл.*, *111*, *129*, 145
великое и малое 112 сл.
вера 113, *128 сл.*, 146
вещь/дело 48, 68, *113 сл.*, 118, 124, *150*, *156*
вина 38
воспитание 19, 39
Гегель 132 сл.
диалектика 132 сл.
«Европа» 53 сл., 86 сл.
«журналы» 49, 91
безыстинность 35 сл., 93, 123
или — или 43 сл.
иррационализм 56, *69 сл.*, *77 сл.*, 123
истина 35 сл., 96
историзм 26, 54, 77
историография 87
«К философии» 126, 127
квадратура круга *32*
коммунизм 26, (113), 123

критика 90, 120
культура 98
ландшафт 65
литератор 25, 31 сл.
«логика» 96, 97
машинерия убийств 60 сл., 123
мода 16 сл.
молчание 22
мужество и характер *113*
мыслитель 26, 67
мышление 18 сл., 28, 31, 34 сл., 37, *53*, 67, 71, *79 сл.*, *90*, 92, *96*, *114/115 слл.*, *124 сл.*, *127*, *130 сл.*, 134 сл., *143*, *145*, *150*, 153 слл.
наследие 86
«наука» 31, 91
небольшой вопрос 64
нигилизм 51, *93*
Ницше 35
общественность 69, *90*, *98*, *140 сл.*
«общность» 135
объяснение, прояснение 114, 130
«онтология» *82 сл.*
опасность *153*
опережение *127*
опыт, постижение 114
основание 19 сл.
отпущение 26, 67
от-своение *17*
«ошибка» 58
перевод 69
полемика 109
«политика» 32
поражение *73 сл.*
Последний Бог 127
«поэт» 137, 142
преподаватель, учитель 143

привычка *102 сл.*, 139
«противоречия» 132 сл.
пророчество 77
путь 126
разговор 87
различие 87, 88, 89, *97 сл.*, *127*
ремесло 15, 16, *93*, *115*, 125 сл.
само-стояние *113*
«Сартр» 88
служба, служение 136
совесть 91
«социализм» 40 сл.
старость *99*, 142
страх *131 сл.*, *134*
судьба 16 сл., *53*, *141 сл.*
топология 142
трансценденция 127
университет 115 слл.
учение, учеба 125 сл.
философия 33 сл., 67, 71, *82*, *93*, [153 слл.]
характер 134
христианство 54, 94, *147*, 14,
человек 14, 15, *124*
Шпенглер 95, 97, 98
юмор 111
Юнгер 95
язык *98*
Ясперс 153 слл.

<S.> 118–129
<S.> 131 сл.

Заметки III

1946/47

«Тут розочки и шипы на них,
Одно без другого не бывает»[1]
Иоганн Петер Хебель (Гебель)

1. [Johann Peter Hebel: Alemannische Gedichte für Freunde ländlicher Natur und Sitten. F. W. Hendel Verlag: Meersburg, 1929, S. 310.]

В лихое время нужен
тихий союз идущих издалека.

С точки зрения употребы (Brauch)[2]... a

> Слово же «употреба» именует лишь одну черту (Zug) в событии раз-личия.
> «Употреба» есть имя раз-личия.

В спокойствии склонный
к ясности
успокоенно на развилке
в близь
познай
прими:
Забвение, собственно,
в его собственности.

—

Взгляд есть <молниеносная> вспышка освоения-сбывания... См.: Заметки IV, 16.

<Молниеносная> вспышка есть внезапность просвета сокрытия близи.

Событие устремляется (jäht) из употребы загадки (aus dem Brauch des Ratsals).

---

2. О значении термина der Brauch см.: Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра / пер. Т. В. Васильевой // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 28–68, особенно с. 63 и далее. Т. В. Васильева переводит его как «употребление». — *Прим. пер.*

b «~~Seyn~~» (см. <S.> *105*, *131* сл.) — скрыто именует решение, необдуманное и неназванное Διαφορά[3] как ис-тину дифференции сущего и бытия, прикрытую произнесенным двусмысленным причастием ὄν:

ὄν ⟨ ὄντα[4] — имя / εἶναι — глагол : «сущее» || «бытие» — οὐσία.

дифференция: сущее || сущее как таковое.

«Бытие» (Sein) как имя глагола: бытие чего-то…

Бытие (Sein) и: Бытие (Seyn) как ~~Seyn~~; в употреблявшемся прежде имени всегда подразумевалось это перечеркивание, понимаемое как *позволение* Быть (Seyn*lassen*): (Бытие).

«Бытие» (Sein) после выхода в свет «Бытия и времени» <используется> как условное обозначение (Deckname) Бытия (Seyn) (<S.> 92).

«Сущесть» (Seiendheit) — «перевод» <слова> οὐσία и, подобно ему, двусмысленно.

Вы все еще хотите перенастроить человека на — вы и сами не знаете на что.

Мы хотели бы все же однажды настроить человека на то, что «есть».

Есть только: Бытие. Но Быть (Seyn) есть «бытийствовать» («wesen») (событийно).

---

3. Различие (*греч.*). — *Прим. пер.*
4. Сущие, сущее (*греч.*). — *Прим. пер.*

Давно поблекший блеск бытийствования (Wesen) есть: присутствие (Anwesen).

В сущности Бытие преодолено и потому для нас перечеркнуто: ~~Бытие~~ (<S.> 55). Бытийствование (Wesen) есть бытийство-вавшее (das Ge-Wesen) отсвоения употребы.

Сказывай твое Ничтожное об осмысленном того, что надлежит осмыслить (Zu-Denkende);

не говори о мышлении.

(Рефлексия и самообоснование хотя и относятся к философии, но не входят в памятование.) (<S.> 55.)

1 Лишь склонность сохраняет для нас близь.
А как дается склонность?
Становится она собственной
из внезапности
в событии
для сохранения (zur Gewahrnis)?

—

Склонный: увлеченный из употребы
постоянно в метаниях
погруженный в сбывание
невыговоренно в нем сохраненный
с радостью выслушанный
в спокойствии принадлежания.
Склонность здесь не сим-патия и не анти-патия.
Склонность есть уголок между событием и сохранением.
Склонность есть жест обнаружения решения (Austrag).

—

Уважать, но не соблюдать. (Achten, doch nicht beachten.)
Отпускать, но не убегать.
Отпуская уважать: читать отборное.

—

Мышление играет с загадкой решения (Austrag), как свет — с лугом.

Чем яснее памятование, 2
тем глубже соответствование;
чем глубже соответствование,
тем ближе сохраненное (Verwahrte); встреча
чем ближе сохраненное,
тем дальше потаенное; (событие различия)
чем дальше потаенное,
тем более мысляще ясное;
чем более мысляще ясное,
тем отделеннее местопребывание;
чем отделеннее местопребывание,
тем сохраннее обитание;
чем сохраннее обитание,
тем просветленнее близь;
чем просветленнее близь,
тем длительнее близость;
чем длительнее близость,
тем неизбывнее бедность;
чем неизбывнее бедность,
тем зрелее доброта;
чем зрелее доброта,
тем чище уважение;
чем чище уважение,
тем незаметнее переход.

Европа и поочередное завершение «Америкой» 3
и «Россией» Европейского остались незрелыми для решения (Austrag), поскольку впутались в первоначальное изготовление предметного и соответствующего и изнурили себя, восстав против этого впутывания — вероятно, лишь спустя долгое время. Но грядущее, ибо уже решенное, старше них. Европейское человечество не созрело для решения,

поскольку не взросло из семени события, но осталось только ответвлением «жизни» (ζωή) и живых существ (ζῷον), пусть человек при этом осознает себя как θνητός, как «смертный» или как λόγον ἔχων, наделенный разумом, который вследствие простой одаренности лишь редко бывает разумным, т. е. воспринимающим решение. «Живые»-существа. —

Поскольку человеческая сущность осталась неначатой, человек гонит в безначальное и приводит в действие напряженное: оковы в восстание изготовления предметного и надлежащего.

Начало говорит: событие берет на себя свое сохранение, ухватывает его, принимая его на себя, когда Оно отводит сущности человека обиталище в сохранении.

4 Памятование ослабляет напряжение безначального.

Все еще не хватает терпеливости (das Duldsame), поскольку доброта еще замыкается в себе. Она не может открыться, пока мы не созрели для решения. Мы остаемся незрелыми, пока даже не посеяно семя события, а перед этим не вспахано поле. Где же пахари?

Мораль и политика остаются безрассудной деятельностью без посева терпеливости из доброты сохранения.

Зародыш сохранения — памятование.

Сохранение состоит в бережности.

Мыслить мы научаемся не по книгам, а из практики; но, скорее, в опытном постижении выхода (Austrag) дифференции в различие.

Издавна мышление движется по колее, по которой оно только бежит вослед предшествующему мышлению, оставшемуся представлением, и стремится превзойти во мнении предшествующее вместо того, чтобы однажды познать то, что необходимо осмыслить, и, сохраняя, принадлежать ему.

Хотя мы уже два с половиной тысячелетия владеем языком и терминологией философии, однако так и не добрались до сказывания мышления. Это сказывание отделено от языка философии пропастью, но при том несравнимо со словом напева («поэзии»).

То, что поэтическое творчество издавна называется «поэзией» и является ею, о чем это говорит?

ποίησις — φύσις →
τέχνη — εἶναι →[5]

—

Вы сделали из вашего Бога средство, а из вашей души — цель. Вы потерпели неудачу с изделием (Gemächte) вашего изготовления; ведь потерпеть крах может только обман (Mache).

Близорукость в тщеславии;
заурядность в хвастовстве;
самонадеянность в личности.

Сплетничанье в болтовне общественности, которая бездумно выражает себя
и
по-вторение в тиши соответствия (Entsprechen), которое добивается обращения (auf den Zuspruch anspricht).

5. Делание, приготовление; стихотворство, поэзия — природа — искусство, ремесло, наука — быть (*греч.*) — *Прим. пер.*

«Истина бытия» мыслит: ~~Бытие~~ бытия (<S.> 56, 51).

6 *Истина* — То ли это, против чего нельзя ничего возразить, а потому <оно> уже истинно? Не более чем неистинно то, против чего всюду выступают. Истинное это вовсе не дело (Sache) той или иной аргументации; но еще менее — дело переживания.

Истинное это свободное. А свободное? — это зрелость в решении события.

(Дерево ведь не говорит о яблоках; оно несет их; а осенью оно их сбрасывает.)

Памятование (Andenken) — это сущность мышления (Denken). Вот почему сущностное мышление — это подлинное благоговение (Andacht). Оно не говорит о себе. Наделены ли мы *благоговением*? (<S.> 9, 91.)

Искусство мышления заключается в том, чтобы мыслить безыскусно.

В момент <ослепительной> ясности (Helle) я внезапно понял, что уже давно после преодоления Бытия философия и историография (Historie) в моем мышлении капитулировали. Но потребовались еще некоторые усилия, чтобы понять, что тем самым пала и «история» (Geschichte). (См.: Заметки IV, <S.> 76.)

7 Мир (Friede) зиждется на мере. Но как человек может соблюдать меру, если он ее не знает и даже не хочет знать?

Путь к удобному случаю (Gelegenheit) далек, ведь мы к нему редко возвращаемся, после того как прошли мимо него. Удобный случай есть место пребывания памятования.

Как незаметно возникает удобный случай? Как опрометчиво мы с ним поторопились.

Целый мир раскола лежит между сознательным планированием и опытом удобного случая и повода.

Жестокость прохождения мимо него.

Всякое мышление односторонне. Но если одна из сторон постоянно остается лишь ~~Бытием~~, некоторые однажды окажутся уже в односторонности мышления и даже, возможно, догадаются, что для мышления не существует никаких сторон.

Если кто-то спрашивает, не есть ли «бытие» Ничто, то эти разговоры, если мы мыслим ~~Бытие~~, равносильны вопросу, есть ли в океане вода или есть ли в горах горы. Но, возможно, «в» горах нет гор, а «в» океане нет воды. Так что Ничто есть Бытие.

Порой мышление говорит о Ничто и о страхе. 8
Только о страхе или о готовности к страху, о мужестве к страху? Что это такое: мужество к страху? Какому характеру (Gemüt) присуще подобное мужество? Наверняка такому, который передан сохранению решения и пребывает в его зрелости. Пусть же многочисленные болтуны о страхе, пока еще не поздно, соблаговолят задуматься о страхе в рамках мышления Бытия. Конечно, страх, возможно, это жалкое настроение. Люди действуют так, будто они не вполне соответствуют великолепию сегодняшнего времени. В самом деле, они плохо соответствуют наглости, с которой современная журналистика, в какие бы одежды — христианские или другие — она ни рядилась, нападает на все и вся. Возможно, страх есть жалкое настроение, и способ, каким все еще ложно истолковывают сущность настроения, вызывает не меньшее со-

жаление. Страх есть жалкое настроение. Мужество к страху еще более убогое. Подобное скорее соответствует ничтожности и неприметности Бытия как драпировка благоговения и усиленное изображение смирения и других «чувств», которые классифицируются согласно ложно понятому образцу межеумочного мышления страха.

9 Мышление, исходящее из характера мужества к страху, есть памятование (Andenken). Это мышление не знакомо с рефлексией, которая составляет суть рассчитывающего, т. е. представляющего мышления. Рефлексия есть оглядка на представление представленного, как оглядка на представителя представления и его представляемого. Рефлексия есть страсть к репрезентации. Она никогда не добирается до того, что нужно осмыслить в памятовании. Пересадить памятующее мышление в представляющее мышление ego cogito означает: бросать огонь в воду.

Памятование есть безоглядное-непреклонное мышление.

И все же — наделены ли мы благоговением? (*sind* wir bedacht mit Andacht?) (<S.> 6.)

К неиссякаемым источникам ложного понимания, во власть которого отдано мышление, относится то, что сказанное (Gesagte) принимают немедленно и лишь как выговоренное (Ausgesprochene). С этим связано <следующее>: сказанное отдано на откуп тому, что обычно говорится (Gesprochene), подхватывается тем, что обычно имеет в виду говоренное, и тем самым сглаживается и в соответствии с этим расценивается. Таким образом оно вовсе не уходит, так что сказанное услышано как сказы-

вание (Sage) помысленного (Gedachte), каковое помысленное до сих пор остается не только неизвестным, но и чуждым обычно говоренному и в нем подразумеваемому. Помысленное не может предложить себя как то, что надо осмыслить, и как таковое использовать обычно говоренное как мышление, которое поначалу и, возможно, надолго приводит говорение к молчанию, а тем самым к осмыслению. Сказанное уносится в потоке говоренного. Помысленное остается неосмысленным. Неосмысленное задерживает то, что надо осмыслить. Сказанное еще какое-то время болтается в говоренном, одно среди прочего. А потом приходит черед следующего. 10

То, что подлежащее-осмыслению упускается, связано, пожалуй, прежде всего с тем, что оно само не только не навязывает себя, но даже уклоняется, отсутствуя. А что такое это отсутствие? Оно ведь даже не нуждается в специально предпринятых и масштабных ложных толкованиях, чтобы распространять и закреплять ложное понимание. Вполне достаточно простого заимствования сказанного в говоренное. Что может быть естественнее этого процесса при условии, что мы распознаем в природе человека бездумность и осмысляем и способны осмыслять эту природу исходя из отношения Бытия к человеку и в качестве этого отношения?

Примета мышления. — Пишет ли кто-либо из единственного стремления высказать все вообще доступное сказыванию (Sagbare) своего подразумеваемого (за пределы уже сказанного), чтобы одновременно со своим высказыванием поставить вопрос о его возможности и таким образом поддержать «логику», 11

или же кто-то пытается сохранить невыговоренное (Ungesprochene) обращения (Zuspruch) в его

тиши, так что он понимает: высказывать означает: утишить высказывание (das Sagen) в подлежащее-осмыслению в том или ином памятовании. Подобное утишивание требует, чтобы не использовались высокие слова и умолкли звучные заголовки. Утишивание высказывания удается, однако, только в возврате к сохранению различия. Но простое «против» против высоких слов и звучных заголовков осталось бы пустым манерничаньем, если бы это «против» не питалось уже из некоей способности, позволения Бытию быть. Это позволение нуждается в свободном пространстве, в котором оно оставляет Бытие, соразмерное его Собственному. Опыт этой области невозможно «произвести». Он требует долгих предварительных упражнений. Они приносят массу разочарований. Вот и остается попытка позволить сущему, как оно есть, быть лишь одной прелюдией среди других для упомянутых предварительных упражнений; ибо в этой попытке может все еще оставаться неосмысленным бытие сущего как бытие. Попытка предварительных упражнений удаляет мышление поначалу из их поля и даже слишком легко успокаивает его во мнении, будто совершилось позволение-быть (das Sein-lassen) и впредь управлять собой [sic].

12 Если разобраться, это позволение-быть приводит только к сущему и, возможно, к признанию бытия, в котором оно есть сущее. Но бытие не позволяется как Бытие (Seyn). Оно не принимает само себя, когда оно само просветляется в своей истине, но, непросветленное и признаваемое только как бытие сущего, служит для подтверждения сущего как того или иного сущего. Позволение (das Lassen) и даже позволение-быть (das Sein-lassen) остается своеобразным возвратом в свою сущность, которая в первую очередь бытийствует в подобном

от-ходе (Rück-zug). При этом она никогда не приходит, как некий субъект, к себе самой, но в странствие к себе (ins Wegelangen), здесь это означает: возвращаться в сбывание сохранения к истинности отсвоения (in die Ereignung der Gewahrnis zum Wahren der Enteignis einkehren).

Так мышление может сказать:

«не говори о благородном», «никогда не говори о простом». «Молчи». — Но не говори и о молчании, но, молча и утишенно, скажи сказывание, при этом оно станет более сказывающим (более позволяющим).

Пока мышление не мыслит должным образом исходя из одобрения решения, оно рискует ложно понять и даже рефлексивно выразить этот возврат как рефлексию. Возможно, опасность будет сохраняться постоянно, так что мышление должно мыслить против себя самого, — не для того, чтобы смирять себя, и не для того, чтобы вести себя вперед и далее, но чтобы держать себя в памятующей сущности. 13

Возврат мышления в позволение Бытию Быть есть заход в сбывающее внимание к одобрению решения. Но Бытие есть ~~Бытие~~ (<S.> 51).

Рефлексия представления относится к алчности воли.

Отступление памятования в событие сохраняет отсвоение к различию.

(«Воля» и «различие» здесь — имена самого Бытия.)

О Ницше они говорят как о дохлой собаке.

Необходимое

Необходима не политика и организация;

необходим не прогресс знания;

необходимо не успокоение с помощью потустороннего и воздаяния;

необходимо не Небо на земле;

необходима не новая мораль;

необходим не другой *образ* человека.

Необходимы вообще не образ, закон, дело, успокоение, любопытство, господство и счастье. Всё это всегда — меры предосторожности от мятежной по-человечески деятельности, которая прячется за теми или иными стараниями. Ничто полезное не необходимо.

Необходим слух <, чтобы услышать> обращение того, что следует осмыслить.

14 Слух к Бытию освояется в событии. Оно приводит сущность человека к принадлежности к решению. Лишь когда есть принадлежание, есть и слух (Erst wenn Gehören ist, ist Gehör). А между тем Бытие все же оставалось неуслышанным во всем бытии.

Необходимое говорит из нужды. Нужда состоит в неуслышанном Бытия. Неуслышанное должно наверняка происходить из самого Бытия. Способен ли человек обращать внимание на нужду? Возможно, некоторые согласятся на это, если то тут, то там кто-нибудь подтолкнет мышление в этом направлении. Возможно, то тут, то там какое-нибудь мышление станет активнее, обратив внимание на возможность принадлежания. Запутанность и расшатанность мира, невзгоды и страдания человека, чья бессмысленная жестокость и неукротимая жадность могли бы стать поводом для нужды. Могли бы, <но> не должны, ибо нужда приходит сюда издалека, поскольку она ближе, чем все несчастливые обстоятельства и интриги. Она есть само Бытие. Ему присуще необходимое. Человеку же принадлежит принадлежание.

Обладает ли он <подходящим> для этого ухом? Достигает ли его обращение Бытия? Соответствует ли этому сказывание? Оно должно бы исходить из нужды и быть, таким образом, необходимым, а потому отнюдь не вынужденным и принужденным. Оно могло бы в почтительном выслушивании обращения сохранять свободный простор для этого <обращения> и в нем. Вынужденное сказывание могло бы только в этом свободном просторе по-вторять обращение и таким образом, повторяя, соответствовать ему.

Необходимое сказывание соответствует Бытию. 15
Чем иным остается сказывание, как не от-речением, которое сказанное им от-нимает (от-хватывает) (ent-nimmt (ent-fängt)) у обращения и так, пребывая в вы-слушивании (im Ent-hören), отрекается от всякого высказывания о бытии сущего. От-рекаясь-от-сказывая (ent-sagend) от бытия, сказывание от-рекается-от-сказывает Бытие обращению. Оно высказывает (sagt) решение и от-сказывает (sagt ihn weg) его прочь (ent-sagt ihn), укрывая его в тишь различия.

От-рекаться-от-сказывать: слушая по-нимать-от-нимать (ent-nehmen) обращение;
соответствовать Бытию (принадлежать);
утишать, укрывая, решение в различие;
отказываться от высказывания о сущем как таковом.

Столь однозначна богатая сущность сказывания мышления.

Сказывание памятования есть от-речение-от-сказывание.

Внезапно возвращается соответствие, столь же громогласно в желании-согласия, и продвижение вперед в представление, к отречению-отсказыванию,

как вступление в тишь возврата в сохранение отсвоения.

Что, если то, что нужно осмыслить в отречении-отсказывании, однажды должно сорвать мир с петель? Однако на это способна, разумеется, не испытуемая мысль (der versuchte Gedanke), но событие того, что следует осмыслить. Но где же тогда мышление?

16 Сколь невероятно, что Солнце обрушится на Луну, столь же определенно мышление странно для человека. До сих пор он принимал мышление лишь потому, что оно как философия казалось ему приемлемым и вместе с тем безопасным, а к тому же полезным как наука, и тем самым делалось понятным.

Люди вообще понимают некоторые вещи не иначе как понимая неверно.

В горизонте мышления все меньше людей, живо интересующихся делом (sachlustig).

Лишь редко мы узнаем, что Оно хорошо *так*, как оно есть. Если в том или ином Dasein в подходящий момент рождается оправданный ужас, он никогда не возникает слишком поздно, ведь благосклонность весны мы распознаем лишь по запоздалым цветам (Spätling).

Все говорят, никто не слушает.

Всякий пишет, никто не мыслит.

Так немногие «некоторые», кому до этого есть дело, должны тогда полностью выполнить свое немногое и держаться этого, чтобы каждый прилагал
17 все силы в нужном месте, пока другие когда-нибудь решат, что нужно сделать.

Лишь когда мышление отделилось в отсвоение к различию, оно приходит к сказыванию — как <что>?

Мышление — бесследный след отсвоенного Бытия.

—

Спокойно склонясь
к дали темного жара
познай
аромат его пылкости.

—

Учитель уходит в ограничение. Ученики впадают в ограниченность их безграничного. Лишь учителя могут быть настоящими учениками.

Разрушение Европы, как бы оно ни протекало, при участии России или без нее, — это работа американцев. «Гитлер» только предлог. Но американцы в сущности — европейцы. Европа сама разрушает себя. Это соответствует субъективности, в которой метафизически существует завершение Нового времени.

И все же никакое разрушение не затрагивает не- 18
преходящее <, присущее> гибели-закату. Однако гибель это не ничтожное <, свойственное> угасанию в Ничто, это не околевание, но переход в неисторичное, которое подготавливается там, где люди полагают, что делают историю.

Учреждения и предрассудки всегда остаются косными; тем не менее может быть и так, что в последний момент еще пробудится то самое постижение, которое необходимо, чтобы неудержимую, но, возможно, еще медлящую гибель-закат теперешнего

мира перетерпеть достойным человека образом. Как будет подготовлена эта гибель-закат, не имеет особого значения.

Чем изначальнее становится мышление и внезапно скачками изначально мыслит начало, тем меньше знакомо оно с возможностью последствий и соглашений.

Тот, кто многое отвергает и должен оставить позади целый мир и мироисторию мышления, тот нуждается — чем человечнее несет он свою судьбу — в постоянном отвержении, прежде всего, опоры. Но ее помощь не может быть путами. Кто способен, достаточно широко мысля, сохранять великое великим?

Истина всегда выходит на свет, лишь когда успех
19 рассеялся, как дым. Свет, однако, не обеспечивает публичность. Свет излучается в молнии, которая поражает другое вопрошание и другое внимание к Бытию. Истина показывает здесь свою странную сущность.

Временно нехоженый путь мышления (например, осмыслять Бытие, отправляясь от Dasein, как это делалось сначала в «Бытии и времени») не является из-за этого запретным путем. Так считают лишь те, кто придерживается мнения (meinen), вместо того чтобы думать (denken).

Сегодня мы едва ли вправе ожидать где-то такой духовной атмосферы, которая принимает и уж подавно несет и возвышает человека. Каждый должен соучаствовать в помощи, чтобы сначала создать нечто подобное. Каждый должен ясно сознавать, что при этом вступает в нечто неприметное. По-

мощь в растерянном и распыленном мире стала редкой и скудной.

В близком труднее всего найти путь.

—<настоящий> поток болтовни—

В мышлении мы учимся. Мы учимся хождению в Бытии, в котором мы пребываем и не пребываем. Эти Да и Нет бытийствуют исходя из решения (vom Austrag her), возвещающего различие.

То, что еще может называться «философией», превращается в популяризацию.

Вместо того чтобы пребывать в полной нерешительности, философия делает вид, будто всё знает. 20

Таким образом ее уловки являются еще дешевкой и бездуховностью, хотя они и без того уже остаются достаточно привычными.

В конце концов стало ясно, что в будущем говорение будет столь же бессмысленным, каким оно было уже много лет.

До тех пор пока мы читаем дидактическую поэму Парменида по-платоновски, а изречения Гераклита по-гегелевски, и то и другое остается метафизически искаженным. И тогда это раннее мышление никогда не приведет нас самих к мышлению. Мы переносим всё в запоздалые представления.

Немногие могут сопутствовать какому-либо мыслителю исходя из его основного опыта вплоть до его пределов и тем самым еще основательнее его осмыслять и так возвышать в его высочайшей

силе, чтобы только затем, прислушиваясь к нему, вступить с ним в диалог и так подойти к тому же самому. Для этого нужен покой в Бытии, а освобождение от себялюбия придет само собой. (См. <S.> 42.)

Кто-нибудь уже видел когда-либо стаи орлов? (<S.> 67.)

21 Резиньяция была бы обеднением. Самоотверженность также приводит к тому же. Отречение (Entsagung) от сказывания мышления — это не резиньяция и не самоотверженность. Оно есть вспышка свободы — позволения как памятования.

Куда хуже прямого отвержения действует одобрение с <применением> Да и Но.

О том, что происходит с современным естествознанием, — если помыслить исходя из истины бытия, — что человек (в результате забвения бытия) «заблудился» вместе с ним <с этим естествознанием>, говорилось не только после переживаний, связанных с атомной бомбой и подобным, но намечалось из сущностных взаимосвязей в «Бытии и времени», S. 153 (с точки зрения забвения бытия).

Здесь наверху в поля не вышел ни один плуг. Мотыга сразу же натыкается на гранит. Все скудно. В короткие летние недели цветут луга.
Люди расчетливы, а потому не отдают себе отчета о претензиях, которые, как им кажется, предъявляют сами, тогда как эти претензии указывают лишь на их собственную неспособность слушать.

Поскольку лишь немногие способны продержать-
22 ся в мышлении, то и в философии тут же начинают спасаться бегством куда-нибудь, даже если прибежище приходится искать в какой-либо системе краха.

Так как сегодня Всё становится значимым или незначимым только так, как это определяет диктатура публичности, возникающая вместе с техникой, то, видимо, останется на века невозможным развивать сущностное и начальное. То, что подобное, вероятно, вообще еще существует, сегодняшний человек уже не может себе представить. Жуть этого процесса связана с тем, что он уже многие десятилетия, если не столетия, подготавливался в успокоенном, казалось бы, мире.

Достопримечательное — это еще не то достойное осмысления (даже если оно повсеместно таковым считается), что никогда не станет значимым; ибо таковым остается подлежащее-осмыслению. Оно наделяет человека памятованием и есть начало Последнего (der Anfang der Letze).

Умолкнуть я бы еще не хотел. Но помолчать нужно. Для этого удобным случаем могла бы послужить публикация письма о «гуманизме»[6]. (<S.> 76, 78.)

На ложном пути не поможет стихоплетство.

Все наши высказывания о том, что есть, одновременно допускают ложное понимание. Исправления задним числом никогда не устраняют ложного понимания, поскольку оно идет от некогда господствовавших, но не осмысленных опытов бытия. Но подобные опыты, поскольку они относятся к Бытию, в сокрытости суть То же самое (das Selbe). 23

6. [Martin Heidegger: Platons Lehre von der Wahrheit. Mit einem Brief über den «Humanismus». Francke Verlag: Bern, 1947.] — Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие. С. 192–220. — *Прим. пер.*

Они движутся в подспудном согласии. Последнее не препятствует тому, чтобы мир распадался на две половины, каждая из которых стремится стать целым. То, что тогда движется между ними, перемалывается. Принятые европейские представления о целом уже недостаточны, чтобы помыслить то, что сейчас давно уже существует — и является решенным. Но высказывать это публично непозволительно. Оно от силы может иметь только шанс стать неким мнением. Это положение, если рассматривать его со стороны целого, непривычно, ибо в его сущности, возможно, подготавливается переворот (Umkehrung), который у-ничтожит даже Бытие.

Прекрасный повод обдумать «видимость», дело и слово в сущности и несущности, дает стихотворение Маттиаса Клаудиуса: «Колыбельная для пения при лунном свете»: «Спи, малышка»[7] (строфы 1, 8, 9, 11 и 12).

Об этом я много лет назад писал в одном упражнении для семинара[8].

24 Различие и начало суть То же самое (das Selbe). В отлучении (Abschied) различия берет начало отсвоение.
Пустым и слабым и подобным просто <голому> отрицанию является прежде всего то, что обычно передается словом «различие».

---

7. [Matthias Claudius: Wiegenlied beim Mondschein zu singen. In: Ders. Werke. Bd. 1. Ein Wort zur Einführung in seine Werke von Hermann Claudius. Oskar Günther Verlag: Dresden o.J., S. 111–113.]
8. [Martin Heidegger: Zu Hegel. Phänomenologie des Geistes. S<ommer> S<emester> 1942. In: Ders.: Seminare Hegel — Schelling. GA 86. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main, 2011, S. 427.]

Ищите старое в наступлении грядущего; ибо еще никогда старое не передавало себя прошедшему. Но наступающее приходит прежде, чем грядущее.

Если бы когда-нибудь все осталось по-старому. Для этого человек должен был бы сначала познать старое и выучиться пребыванию (das Bleiben). Пребывание это не что иное, как пребывание при старом. Между тем все висит только на прежнем. Но оно есть привычное. Оно прячется в видимости постоянно нового, которое уже трепещет перед новейшим. (<S.> 74.)

Они думают и твердят повсюду, будто я разозлен. Они заблуждаются. Но, сознаюсь: меня часто огорчает саморазрушение, в результате которого немцы сами движутся к гибели, чтобы обезопасить свою посредственность от собственных сил.

Наука и мораль разрушили мышление. Обе они вступают только сейчас и в странном взаимоотношении (Wechselwirtschaft) в свое владычество. То, 25
что наука и мораль происходят из философии, говорит против философии и подтверждает ее немощь. Вот почему наука и мораль легко могут заместить философию.

Повсюду возникает громоздкий и громогласный культ «простого». Если присмотреться, обнаруживаешь упрощение запутанного.

Злоба заковывает в рабство, <звон> цепей которого слышат изредка лишь немногие.

Плохо, что болтовня часто нас затрагивает, отчего собственное сказывание неожиданно запутывается.

То, что мы издали называем простым, никогда не бывает однозначным. Но это многозначное не отвлекает <от сути>. Кое о чем из него можно догадаться. Сюда относится и памятование.

Нельзя выбирать более удобное, которое погрузит тебя в сонное состояние, сделав тебя негодным.

Но выбирай более легкое, что снимает с тебя напряжение, чтобы ты спокойно мог принадлежать Бытию.

Запутанное: расчет целей.

26 Послушный поводу,
соответствуй удобному случаю.

Неизменный в странствии.

—

Быть обруганным в газетах и журналах тягостно.

Быть расхваливаемым и защищаемым в газетах и журналах неприятно.

Первое и то приятнее, чем второе.

Радио с его непосредственным шумом — замена газеты. Полагают, будто можно заставить человека слушать, если его всюду и беспрестанно окружить шумом. Или хотят отнять у него слух (Gehör)? А слух не имеет отношения к ушам. Слух есть уже дар принадлежания (Gehören).

Только старое никогда не устаревало. Но мы состаримся прежде, чем обнаружим старое.

Говорить обо всем они могут все, высказать Одно — никто.

Надежный путь, на котором что-то устаревает, есть тот, который из любопытства все еще обновляют до новейшего.

Мышление истощилось в выдумывании названий журналов, которые сразу же под защитой своего названия опускаются до повторяющегося однообразия болтливой беспомощности. 27

Создается впечатление, будто все направлено на то, чтобы мы упустили гибель-закат (Untergang) и просто <морально> опустились.

Гибель-закат есть раз-личие: событие употребы (Brauch).

Говорят, у тебя есть «имя» в публичной сфере. Это означает: общественность воспринимает тебя просто как звуковую оболочку слова (Wortlaut), к которой любой может подвесить свою случайную мысль, благодаря чему он, то есть любой человек, сам еще приобретает значимость, под которой понимают акт упоминания (Genanntwerden).

Конец философии мог бы послужить знаком начала мышления (чтобы подлежащее-осмыслению захватило мышление и, на-чав, ухватило это мышление в его притязании). В той мере, в какой мы постигаем конец «философии», это постижение может быть только мышлением, <а> мы находимся в на-чале. Кто затронут опытом <этого постижения>, мог бы увлечься планом написать книгу под названием «Конец философии как начало мышления». Если бы он написал подобную книгу, он доказал бы, что не способен мыслить.

28 Мышление не держится ни за науку, ни за мораль. Однако обе они являются столпами европейской культуры и мира разума. Они предоставляют инструменты той цивилизации, которая стремится в целом индустриализировать сущее. Пресловутая противоположность Востока и Запада будет оставаться такой до тех пор, пока оба будут пребывать на одном и том же уровне. Они не просто делают это, но даже и стремятся к этой противоположности. Их спор может завершиться как обычно, он не приведет ни к какому решению, поскольку не исходит из какого-либо решения. Все еще пребывает в процессе завершения Нового времени.

Тотальность воления и упорядочивания, признаваемая или скрываемая, никогда не достигнет целостности Одного (das Ganze des Einen). Она остается чуждым себе самому представлением своего забвения Одного.

Полагать, что техника позволяет овладеть собой через человека, так что он в своем волении управляет ею и укрощает ее, просто глупо. Но люди не прекращают искать лазейки, которые таковыми даже не являются. Они занимаются переживанием природы и расхваливают простую жизнь, с жалкой и надуманной мольбой обращаются к Пану и паническому. Пробуют историографические обновления древних мифов. Выкапывают архетипы. Копание в иррациональном становится все изобретательнее и рациональнее. Люди все больше от-
29 даляются от одной необходимости: прежде всего осмыслить рациональное и его сущностное происхождение. А как связаны между собой рациональность и каузализм?

Самой ненадежной является математическая достоверность, которую считают несомненной и недавно еще возвели в идеал всего доступного по-

знанию. Стоит только взглянуть на разрушения, которые она производит как наука.

Фраза cum Deus calcula fit mundus[9] истинна лишь тогда, когда она оборачивается своей противоположностью. Эта фраза есть просто насмешка над метафизикой. Как же быть тогда с поведением тех, кто из голого страха перед неосмысленной сущностью техники = науки спасается бегством в христианскую веру и рассчитывает на компромисс с техникой? Разве это не похоже на спасение от холода путем поиска убежища на Северном полюсе? Будут опять говорить, что подобные речи выдают атеизм.

Социализм есть порожденное технической цивилизацией тотальное беспокойство (Friedlosigkeit) в новоевропейском человечестве, организованном в общество.

«Логика сердца»[10]. — То, что Паскаль имеет в виду под этим выражением, есть растерянность и уловка, которые не могут подготовить никакой области решений. Это попытка таким образом поселиться рядом с потоками надвигающегося наводнения. Попыт- 30

9. [См.: Dialogus de connexione inter res et verba. In: Die philosophischen Hauptschriften von Gottfried Wilhelm Leibniz. Hrsg. von C. J. Gerhardt. Bd. VII. Weidmannsche Buchhandlung: Berlin, 1890, S. 191.] — Когда Бог считает и размышляет, созидается мир (*лат.*). — *Прим. пер.*

10. [См.: Blaise Pascal: Sämtliche Schriften über Philosophie und Christenthum. Erster Theil. Wilhelm Besser: Berlin, 1840, S. 198: «У духа свой порядок, а именно основанный на принципах и доказательствах, у сердца свой порядок». Формулировка «логика сердца» у Паскаля не обнаружена.] — «У сердца свой порядок, у разума — свой, основанный на правилах и доказательствах. У сердца порядок другой» // Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 161. — *Прим. пер.*

ка уйти в «логику сердца» соответствует догматическому заимствованию «логики разума», как будто бы «логика» и «разум», ratio и θεορία каким-то образом упали с небес, а потому слепо принимаются за «саму» истину, поскольку еще никто не задался хотя бы вопросом о ее сущностном происхождении, не говоря уж о том, чтобы познать его. И все же в различении обоих видов «логики» наличествует след, который, едва замеченный, тут же оставляется.

«Логика» сердца — обдумаем изначальный смысл обоих <слов>: «сердце» есть сбывшийся в Бытии от-звук звучания тиши ~~Бытия~~.

«Логика» есть способ, каким «Бытие» сосредоточивается в своей сущности: дело логоса (Λόγος) никак не связано с высказываниями и даже с той ἐπιστήμη[11], которая его представляет и объясняет.

«Логика сердца»: как от-звук Бытия сосредоточивается в характере предположения загадки (im Gemüt des Vermutens des Ratsals) исходя из слышимого в звучании.

(Все это нужно обдумать лишь на основе сохранения в событии.)

Устранение Гегеля Кьеркегором путем неверного истолкования.

31 Неважно, что иной человек делает, а важно, в каком лесу он вырос. Если только мы узнаем об этом достаточно рано. Но мы на это не способны. Где же препятствие?

Хорошо, что тропа мышления ведет туда, где она не предлагает славе никакого места для атаки.

---

11. Знание, умение, наука (*греч.*). — *Прим. пер.*

Важны ли сегодня деятельность или авторитет или даже историческое значение? Это соответствовало бы техническому представлению о человеке и человеческих делах. От чего все зависит? От прихода подлежащего-осмыслению, от соответствия этому приходу.

Со-общение (Mit-teilung) <, содержащееся в> «Четырех тетрадях»[12], можно было бы выдержать в том случае, если познание тем временем стало бы зависимым (hörig) от более давнего прихода старого.

Чем сокрушительнее для всего сущего стала бы оставленность бытия Бытием, тем более существенное должно было свершиться.

Чем бытийственнее событие, тем больше подлежащего-осмыслению.

Чем ближе близь, тем тише сказывание.

Чем проще сказывание, тем ничтожнее слово.

Считается, что мысли быстры как молния. Мышление движется неспешной поступью горняка, поднимающегося по склону. Молния — дело употребы (Brauch). 32

Иногда противопоставление очищенному мышлению изречения Гераклита хотя и дает <всего> лишь уверенность в пути, однако рождает мужество для догадки.

Мои лекции были неторными тропами. Кто ходит по ним иначе, даст им завышенную оценку,

12. [Martin Heidegger: Vier Hefte I — Der Feldweg. Vier Hefte II — Durch Ereignis von Ding und Welt. GA 99. Hrsg. von Peter Trawny.]

в добром и злом смысле. Ездить по дорогам легче. Но попадать в аварию тоже.

Речь *мыслящего* доклада или тем более лекции должна быть такого типа, чтобы она — говоря — позволила присутствующим вступить в разговор с ~~Бытием~~, в каковом разговоре они, слушая (hörend), соответствовали бы <ему>, чтобы тем самым принадлежать (gehören) мышлению и с подобным слухом-принадлежанием (Gehör) достичь разговора мыслителей.

Мыслить, памятуя (Andenkend denken), означает: познавать событие решения (Austrag).

Тот, кто устарел, теснит молодежь новейшим.

Тот, кто состарился, освобождает молодежь к изначальному.

Мыслить, памятуя, означает: высказывать употребу.

33 *Преодоление метафизики* — есть памятующее отставление (das Weg-Lassen) трансценденции (каузальной и логической в двусмысленности онтологического). Трансценденция бытийствует в оставшейся непродуманной, ибо столь же непризнаваемой в метафизике, сколь и немыслимой дифференции. Трансцендения остается привязанной к каузализму махинации. Вместе с последней она принадлежит забвению решения.

×

Преодоление метафизики в качестве истины «сущего» как такового осуществляется как отставляющий метафизику переход в смысле разрыва (Bruch) с забвением, каковой разрыв незаметно приходит из употребы (welcher Bruch unscheinbar aus dem Brauch kommt).

Худшее оскорбление — похвала.

Лишь в медленности долготерпения мы, вероятно, соответствуем внезапности близи.

Возможно, для скудного (dürftig) времени требуется скудное мышление. Тот, кто это понял бы, разбогател бы. Скудость <проистекает> из терпения (<S.> 59). Терпение из употребы. Употреба из загадки. (Durft aus Duld. Duld aus Brauch. Brauch aus Ratsal.)

Сколько должно замалчиваться, сколько еще больше пропущено в памятовании; <вот> так просто, сбываясь, существует употреба. Памятование никогда не является спонтанностью представления.

К тому, что нужно пропустить, относится то, с по- 34
мощью чего сегодня некоторые легко могли бы оснастить (instrumentieren) всю новую философию целиком. Но с точки зрения употребы это новейшее уже устарело; возможно, оно служило тому, чтобы еще основательнее исказить внезапность старого для прежнего мнения.

Болтовня об экзистенциализме протекает в скуке ее собственной поверхностности. Но у болтовни своя роль и даже своя благая часть. Кого-то она не только отталкивает, но и одновременно подталкивает, например, к внимательности раздумья и молчания, к чему он без назойливой болтовни, возможно, вряд ли бы пришел.

Возможность оставить-за-собой Бытие, но памятуя <о нем>, в Его истоке (Herkunft), из которого Оно выдвинулось (aus der Es verrückt worden war).

Дистанция между философией и мышлением становится все больше. Достаточно велика она лишь во внезапности разрыва между ними.

Пока мы в мышлении внезапно не попадаем туда, где мы прощально отворачиваемся от <уже> обдуманного, чтобы оставить путь и выслушать подлежащее-осмыслению, дабы упомянуть его в самом незначительном высказывании, до тех пор мы не мыслили.

35 Философствование есть бредни (Faselei) от жажды знаний; это философствование либо мнит себя первой наукой, либо же служит науке, морально дополняя ее границы, т. е. теперь безответственно вещает обо всем и само еще и берет свои слова обратно, не для того, чтобы их утвердить или убрать, а для того, чтобы, исходя из все еще господствующего преклонения перед «наукой» и впредь, но обезопасившись от упреков в не-научности, сохранить шанс продолжать свою болтовню. Полагают даже, будто это крах. Я подумал, что «крах» (Scheitern) происходит от «полена» (Scheit), которое получают раскалыванием (spalten) толстого бревна. Раскалывать значит разделять, разламывать. Подобное происходит быстро либо не происходит. Что же получается, если кто-то, чтобы потерпеть крах, согласно анонсу на следующий год должен выпустить четыре тома, а в томе тысяча страниц.

Философия, которую Николай Гартман продвигает как строгую науку, должна поспешить, чтобы с ее уже весьма многочисленными томами не понести ущерб из-за продуктивности терпящей крах философии.

Но оба брата-противника хорошо понимают друг друга.

Однако в случае, если «история» сама об этом не позаботится, следовало бы порекомендовать причислить как терпящую крах, так и менторскую философию, хотя и по разным причинам, к философской учености. Она делает много хорошего, если судить по всеобщему измельчанию (Verflachung).

Если бы кому-нибудь посчастливилось оставить все 36
по-старому. Как правило, все приводят к тому, чтобы все уравнять (ins Gleiche zu zerren) путем объяснения и понимания, каковая равность (Gleiche) сохраняется в <хорошем> состоянии при видимости постоянного возвращения нового. Это возбуждает жажду к уравниванию (die Gier nach dem Gleichen). Любопытство <Neugier, *букв.* жажда нового> проистекает из забвения старого.

«То же самое» не есть одно и то же (Das Selbe ist nie das Gleiche). В одном и том же удушается «то же самое». Но «то же самое» повсюду подвергается сравнению. Однако, поскольку мнение успокаивается при сравнении, — ибо сравнение всегда приносит нечто для представления о новом, — постольку «то же самое» также благодаря быстрому удовлетворению сравнением защищено от дерганья представления, если «то же самое» нуждается в подобной защите с такой стороны.

Тождественное, равно как и одно и то же, вовсе не есть «то же самое». Тождественное есть только Одно в однообразии одного и того же в сравниваемом. Тождественное есть относящаяся к сравнению видимость «того же самого». (См. рукопись об одном и том же, сравнении и уравнивании[13].)

13. [Данная рукопись в наследии Хайдеггера не обнаружена.]

То же самое есть раз-личие (Unter-Schied). Эта фраза говорит нечто иное, нежели метафизическое высказывание Гегеля: истинное есть негативность. Последняя представляется исходя из субъективности и как самосознание. Раз-личие постигается как освояющее памятующее. (См. <S.> 42, 44.)

37 Стать радикально отвергаемым лучше, чем быть хорошо понятым. Благодаря первому дело (Sache) остается свободным, из-за второго оно становится пищей для мнения.

То, чего достигло мышление, выражается не в исписанных листках и их количестве и не в напечатанных книгах. Достигнутое свидетельствует о себе в местоположении, где остановилось мышление. Это экстатическое место нельзя выявить простым мнением. Каждый должен сам туда отправиться. По пути с ним может что-нибудь случиться. Это связано с путем. Экстатическое местоположение в Бытии можно было бы назвать «эк-зистентным», если бы это название уже не было придумано для чего-то совершенно иного и к тому же затрепано в болтовне.

«*Бытие и время*» — (<S.> 53 сл.)

«Время» — это имя для подлежащей осмыслению истины бытия.

«Бытие» — это предлог для забвения загадки.

«и» — это слово для <обозначения> затруднения.

Можно ли на основе подобного выстроить какую-нибудь философию?

Не думаю, но оно могло бы послужить толчком (Anstoß), если когда-нибудь мнение, будто люди поняли суть, будет отброшено и пространство для толчка освобождено.

Восхождение (Φύσις) это еще не начало.

В мышлении речь идет не о потребностях человека, а об одной потребности Бытия. Бытие — в чем-то нуждается? 38

Где-то недавно зашел разговор, довольно беспомощный, о «конечности бытия». Имелось в виду, что здесь подразумевается ens qua ens creatum[14].

В диалоге с мыслителем мы должны обращать внимание на четыре вещи и к каждой следующей по порядку относиться все внимательнее, ибо строгость мышления базируется на внимательности слушания, а не на напряжении (т. е. на принуждении) представляющего по-нимания, которое стремится к некоему знанию. Мы должны обращать внимание:

1) на сказанное; для нынешнего поколения это уже довольно трудно;

2) на не сказанное;

3) на не осмысленное, но подлежащее-осмыслению;

4) на не сказанное, ибо подлежащее-вымалчиванию.

Вы все еще ничего не замечаете? — вы, якобы укрывшиеся в вашей вере, презирающие атеизм? Вы все еще не замечаете, как продолжается убиение вашего Бога? Сейчас Он стал даже вашим партнером, после того как вы уже несколько десятилетий обращались с Ним на «ты» и удачно поместили Его в рамки отношения я—ты; а перед тем оказали Ему честь, позволив выступать как «личность». Вы 39
всё еще не замечаете, что понизили Божественное до человеческого, и в крайнем случае дозволили

14. Сущее как сотворенное сущее (*лат.*) — *Прим. пер.*

Божественному считаться высшей точкой человеческого — и какого человеческого какого человеческого существа? Куда несутся люди вокруг, пока «мир» выталкивается из одного потрясения в другое? Что вы думаете о какой-то тео-логии? Не познав эсхатологию ~~Бытия~~, мы не можем даже обдумать идею той или иной теологии.

Могло бы сказывание стать коррективом к памятованию? — А именно сказывание ~~Бытия~~, т. е. смещение его в исток его сбережения (Sparnis). В какой мере это относится, пожалуй, к самому трудному — быть только коррективом, причем в мышлении? Или даже все мыслители суть только корректив памятования о Бытии, а некоторые даже только корректив для ~~Бытия~~.

Быть лишь коррективом и только в этой области, не в области веры, христианства и церкви, и не эстетически, этически, религиозно, а тем самым и не метафизически, — но только в мышлении, которое именно Кьеркегор без корректуры и без всякого осмысления своего времени как бы для начала целиком принял, чтобы тем самым выполнить свою задачу как корректива и *так одновременно*, однако для внимательных, указать на коррективность, — быть лишь коррективом в мышлении имеет свою трудность, ибо каждый мыслит и считает себя мыслящим — и это вот уже несколько ты-
40 сячелетий даже подтверждается ему метафизикой. Быть здесь коррективом и даже для тех, кто сделал мышление своей профессией и потому особенно закоснел, — труднее всего. На это не надо жаловаться, не следует и упоминать об этом, чтобы, если что-то подобное удастся, подать как особое достижение.

Упомянутое <выше> трудно, поскольку те, кто хотел бы внести корректив в памятование, сами

никогда не могут *через* корректив быть приведены или хотя бы только пробуждены к вниманию.

Упомянутое <выше> трудно, поскольку, если однажды найдутся такие, которые наткнутся на корректив, они сразу зачастую окончательно отбрасываются этим коррективом.

Упомянутое <выше> трудно, поскольку, если даже некоторые обратят внимание на корректив, они слишком легко злоупотребят им как помощью, восприняв сказанное как представленное, и теперь, <подгоняемые> своим желанием понять, будут преследовать <это представленное>, возможно для того, чтобы улучшить <его>. Таким образом, едва начав соблюдать корректив, они уже пренебрегают им.

А корректив? Он никогда не вносит поправки; он не исправляет никаких ошибок, поскольку в мышлении мыслителей нет ошибок. Бывает скудное мышление — если оно дошло до предела своих возможностей.

Мир не только полон страданий, но поврежден (verleidet) в своей сущности.

Язык. — Мы вновь приходим к сообразному отношению к языку тогда, когда уже говорим не о разговорном языке, но говорим исходя из невыговоренного, чтобы тем самым сказывание в сказанном просачивалось в почву, как дождь. 41

Вялая мешанина, в которой плавает все сегодняшнее, повсюду нуждается поэтому в плакатах. Один перекрикивает другого. Слух (Gehör) большинства воспринимает только подобное. То, что при этом все должно быть пропущено мимо ушей (überhört), это, пожалуй, еще можно было бы перенести. Все становится трудным, если тихие слова восприни-

маются <только, если говорятся> слишком громко и проговариваются лишь на повышенных тонах. «Бытие» — это неприметное имя вспомогательного глагола. Сколькими недодуманными или даже лишь звучными представлениями нагружают слово «бытие»? Каждый, кто повторяет его, считает, будто поэтому уже принадлежит ему. Самое жуткое, что он оказывается прав в этом своем мнении. Он принадлежит (gehört), никогда не слыша (ohne je zu hören), к Бытию; не потому, к примеру, что он как наличный экземпляр рода «человек» также встречается среди сущих, но потому, что ему даже его не-слышание (sein Nicht-Hören) Бытия дается только самим Бытием, как своего рода принадлежность (eine Art des Gehörens).

С каким затруднением ежечасно сталкивается сказывание мышления?

Сброд (Klerisei) посредственностей.

42 Старейшее подлинное изречение древнего мыслителя начинается, кажется, словами κατὰ τὸ χρεών[15]...

Кто хотел бы попытаться перевести его? Куда должно было бы пере-вести наше мышление? Что нужно было бы убрать из привычного? Как следовало бы проследить, чтобы не чрезмерно задать это древнее изречение и вместе с тем скорее дать приблизиться к едва сказанному.

Поскольку «то же самое» (das Selbe) сразу же ложно трактуют как «одно и то же» (das Gleiche), то охот-

---

15. [См. Martin Heidegger: Der Spruch des Anaximander. In: Ders.: Holzwege. GA 5. A.a.O., S. 321–373.] — По необходимости (*греч.*); *букв.* в силу вещей. — См.: Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра / пер. Т. В. Васильевой // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. С. 28–68. — *Прим. пер.*

но полагают, что То же самое, которое обдумывает мыслитель, можно показать таким способом, чтобы, сравнивая, выделить «одно и то же». Например, по «Бытию и времени» толкуют Аристотеля или метафизику Лейбница. Приравнивают, вместо того чтобы, памятуя о Том же самом, сделать доступным как раз и только различное. Ибо в этом мы внезапно и в чистом виде встречаем То же самое у мыслителей. Однако это различное состоит как раз не в простой инаковости взглядов и учений. См. выше <S.> 36, 20.

Всякая историография обнаруживает в истории всегда одно и то же (das Gleiche). Она воспринимает различное лишь как бутафорию (Staffage) одного и того же. Возможно, и всякая «история» есть не что иное, как это допущенное историографией одно и то же. Магистральное значение истории, пожалуй, опирается на сервильность по отношению к историографии, к которой историю прежде 43
принудили.

Для большого фашизма христианские церкви являются рабовладельцами.

Когда кричат в лесу, крик возвращается. Это не относится к сказыванию мышления, если лес — это общественность, чье мнение не увидишь за деревьями разнообразных взглядов. Пожалуй, это верно, если Бытие — это лес. Но тогда и сказывание мышления есть уже и только эхо тиши. Как так получается, остается загадкой.

Мыслители встречаются еще реже, чем «поэты»; ведь фантазия Бытия есть ближайшее. Его люди перепрыгивают скорее, чем все прочее. В этом, пожа-

луй, причина многих неудавшихся философских дарований. Одни становятся многословными, а потому плохими исследователями. Другие делаются рефлектирующими, а потому плохими поэтами. А еще есть такие, которые становятся спекулятивными, выступающими с помощью той или иной метафизики, и поэтому плохими теологами. Из общества этих неудачников рекрутируется масса тех, кто с большим интересом и не жалея усилий занимается философией. Существуют также философы, делающие себе имя тем, что идут навстречу ожидающим их поклонникам. То, что получается из этой коммуникации, не имеет с мышлением ничего общего, даже названия. Оно называет себя просто «философия» и оберегает свои заслуги.

Перед фантазией (φαντασία) Бытия сила человеческого воображения — это лишь бормотание алчного представления.

44 Когда все мыслители осмысляют То же самое и являются мыслителями, поскольку им так суждено, из всего этого ничего не выходит, потому что повсюду сказывание мыслителей отличается лишь тем, что они выдвигают различные формулы для Того же самого и таким образом немного иначе формулируют целое. Разумеется, — все дело в этой формуле; а не так, будто мыслители искали различное; они держатся Того же самого; и при этом возникает другая формулировка. Но с этой формулой, определяющей, что всё сходится на Том же самом и исходит из него, дело особое. Кто слышит этот слабый голос определяющего здесь? Этот голосок был бы формулой различного формулирования — еще тоньше, бесконечно тоньше, чем пение королька на верхушке ели в тихом лесу.

Только сформулировать немного иначе: То же самое. Ну разумеется.

Кто-то сказал: ὁ Λόγος. Когда-нибудь это могло бы звучать <так:> событие. Бесконечно различное есть То же самое. Кто отождествляет ὁ Λόγος и событие, увел себя этим с пути мышления.

Антифашисты — самые жалкие рабы грядущего большого фашизма, который в Америке и России называет себя демократией.

Не мыслить утвердительно («да») считается негласным лозунгом современной науки; по крайней мере верить, как раз когда с результатами и продвижениями вперед дело плохо, а у господ и дам, сотворивших это жадное до открытий знание, иссякли их средства. Это похоже на поджигателя, 45
который, после того как дом оказался в огне, понесся к ближайшему ручью, крича ему, что он хочет налить его воды, чтобы погасить пожар. А потом он все же продолжал свое дело.

Главным элементом веры в коммунизм является его вера в науку; и вера эта граничит с суеверием. Поскольку его властители яснее, чем буржуазные противники, распознали технический характер науки, хотя и не осмыслили его в сущностных его истоках, они действуют, причем по-своему последовательно, в том числе жестко в отношении университетов. Буржуазные господа, которые в соответствии с их профессией не имеют никакого понятия ни о чем и сильны только в области удовлетворения своего тщеславия, заботясь о его достаточном подтверждении, видят в мероприятиях радикалов угрозу культуре. Они не замечают, что там лишь повторяют то, чем они уже давно

и сейчас вновь занимаются по либеральным правилам игры. И это, вероятно, имеет свой смысл. Сохраняя видимость спокойствия, т. е. в данном случае лишь отсутствия помех, науки еще лелеют свой идеал теоретического обоснования. Но оно служит только технике, которая, по сути, старше, чем теория. Но выглядит это так, будто еще и сегодня в кругу восхвалителей прошлого не хотят по-
46 нять, что некоторые думали в подлинном и всецело не деструктивном смысле уже в 1932 г., а именно что Технический мир сегодняшнего человека можно преодолеть не с помощью полумер, — но только в прохождении через его <мира> полную сущность и через мышление, долженствующее мыслить исходя из Одного.

Стоит только обратить внимание на беспомощное барахтанье, с которым «западные державы» творят сегодня европейскую политику. Многие из них, видимо, полагают, что мы живем в XVII веке. Ответственность за подобную бездумность — или это уже в большей степени неспособность думать? — превосходит на много тысяч градусов безответственные бесчинства, с которыми Гитлер бушевал в Европе. Сталину достаточно лишь внести в игру чуть больше ума, чем у Гитлера: ему следует только подождать. Глупость его противников — не только сегодняшних — идет ему на пользу. Их первое поражение, состоящее в том, что он привел их к союзу с собой, решило все. Пройдет много времени, пока не прекратят грубо клеймить все предпринятые около 1932 г. попытки всерьез отнестись к признакам формирующихся решений о миропорядке и понять, что прежние формы мирового порядка просто обветшали до недееспособности, — попытки, нацеленные поэтому на то, чтобы в переходе через неизбежное

решение в целом достичь освобождения человеческого существа в Бытии, — пока не прекратят грубо клеймить подобные осмысление и попытки как «нацизм».

Правда, этот путь является самым подходящим 47
(ist dieser Weg der billigste), чтобы дистанцироваться от своей тогдашней наивности, а то еще и героизировать ее; ведь, как говорят, Гитлер стал катастрофой. Нет — вы, образчики добродетели, это ваша наивность и близорукость, не видевшая дальше шествий и порой мерзких явлений (которые мешали вам и вашему уюту, — не позволявшему вам мыслить за пределами вас самих и за пределами Гитлера, который сам был только знаком эпохи, отчего и стал роком), посредством <вашего> бездействия или запоздалого бунтарства не дала возможности избежать Гитлера. Сегодняшнее христианско-либеральное отношение мира к коммунизму является столь же глупым и наивным и — самодовольным, как поведение слишком сообразительных и благородных буржуазных господ в Германии по отношению к национал-социализму. Люди все еще не замечают, — пока с помощью проклятой системы выживали и принимали приглашение через ее министров и ради нее отправлялись в поездки, — что в этих мощных и брутальных явлениях собственное техническое мировое дело, в котором погрязло буржуазно-индустриальное общество, противостоит ему со своей собственной, т. е. продуктивной сомнительностью. Люди ничего не замечают, потому что ежедневно им все легче действовать, чтобы с помощью побочных явлений или даже базовых явлений, возможно, разрушительного характера в коммунизме, добывать себе подтверждения того, что здесь налицо нигилизм.

Если же человек задумается о том, что́ техника за три с половиной столетия по сути уже разрушила в мире, то не покажется такой странной
48 мысль, а не стоит ли когда-либо упразднить это разрушение Бытия и человеческого существа, — о глубине и масштабах чего мы только что начали догадываться, — единственно путем соответствующего разрушения. Разумеется, мнимо христианская благожелательность заинтересованного в коммерции буржуа не годится для того, чтобы обеспечить хотя бы минимальное пространство для подобных рассуждений. Кроме того, люди позволяют — благодаря мнимому противнику, в котором не замечают свою собственную скрытую сущность, — позволяют навязать себе через коммунизм подлинно соответствующие ему методы для борьбы с ним. Рабство в результате этого заканчивается, и прежде всего утрачивается всякая перспектива какого-то осмысления того, что может здесь означать борьба. Мыслят исключительно по методике действий. Здесь также полагают, что лишь когда противник будет разбит, тогда, мол, и воцарится сама собой свобода. Все еще не видят, что именно этот способ побеждать подтверждает неспособность когда-либо достичь просторов изначального опыта и решений.

Все это есть только организация уже протекающего и решающего издыхания эпохи. Привычные попытки спасения, которые предназначались для Западной Европы, не говоря уже о спасении <всей> Европы, оказались лишь смехотворными. Но они еще раз предоставляют незначительным романтикам возможность дать волю их жажде власти под знаменем «христианской культуры». В результате этого вновь распространяются такие явления, которые, похоже, тут и там еще толкают мышле-

ние на ложный путь, так как им уделяют больше внимания, чем они заслуживают; это остается своеобразным принуждением, охотно принуждающим мышление к видимости конкретности, которая в действительности ею не является, — а <есть> некорректно подобранное добавление к важному. Это относится и к предыдущему рассуждению. Оно осмысляет инструментальный характер современной науки, хотя он находится на пути к тому, чтобы стать чем-то незаметным и тем самым создать новый вид «естественности». Она остается самым прочным препятствием для мышления, исходящего из мира и вещи (Ding). 49

В литературном и в связанном с газетами мире образования Нового времени сказывается естественная леность человека, особенно в том, что он с пристрастием знакомится со многими сочинениями и книгами о том или ином деле (Sache), вместо того чтобы придерживаться самого этого дела. Это не только чересчур утомительно, но прежде всего противоречит привычному; оно требует, чтобы все становилось предметным в известных пред-ставлениях. Предметность принимают за саму вещь, — это означает: люди не знают, кроме привычного способа опредмечивания, никакой возможности познать вещь; разве что они выдают за это познание вещей (Dingen) в себе, но одновременно отрицают его возможность; а это доказывает, что прежде полагали абсолютным естественно-научное новоевропейское представление о предмете. То, что в последнее время принялись заменять море литературы о взглядах на разные дела (Sachen) краткими обзорами, вовсе не говорит о том, что человек узрел газетную сущность современных представлений и стремится оставить их поза- 50

ди. Хотят располагать еще более газетным и легковесным. Способности к таким обзорным кратким историям всех мнений о предметах на удивление растут — в результате многие даже соблазняются мнением, будто через подобные резюме можно дойти до простого.

Создается впечатление, будто идеал теоретической позиции был хитростью разума, чтобы поощрять «науки» в их высшей технической сущности. Прагматическое толкование наук и познания столь же мало понимает это «событие», как и теоретическое обоснование теории; ибо упомянутая хитрость разума есть, пожалуй, вместе с самим разумом махинация Бытия как забвение; и то, что могло бы нам показаться хитростью в смысле скрытой приманки и надувательства, есть в ~~Бытии~~ чистое поручительство уклоняющейся употребы (Brauch).

До тех пор пока мы опровергаем и боремся и занимаемся опровергаемыми ценностями (und uns an Widerlegungswertes machen), мы все еще приходим со стороны опровергнутого к мнимому делу. (<S.> 78 вверху.)

Важничанье других надоедает;
Собственное важничанье выглядит плачевно.

Доверие, которое нуждается в основаниях, не есть доверие. (<S.> 60.)

51 Возможно, мышлению дано лишь это: в истории Бытия постигать ~~Бытие~~ и таким образом становиться памятующим. Но кто мог бы отважиться незаметно высказать неприметное этой истории, так что не возникнет больше никакой историографии,

а история даже переплетется с ~~Бытием~~? Первая тетрадь отваживается на это из дали[16]. То, что исходя из метафизики еще представляется как история бытия, есть в событийной сущности махинация забвения решения (Austrag); родительные падежи, генитивы, в этом выражении генетичны в смысле происхождения от отсвоения (Enteignis). Они относятся к за-готовленной загадке употребы (Sie gehören in das Vor-rätige des Ratsals des Brauchs). История Бытия есть определяющая себя из ~~Бытия~~ история не-сохранения (дифференции) (Un-wahrnis der (Differenz)). Она «есть» истина бытия. История Бытия и истина Бытия связаны друг с другом. *Истина бытия* означает прежде всего истину бытия сущего. Тут осмысляется истина дифференции бытия и сущего, т. е. истина сущности дифференции. Последняя присутствует в сущем как таковом и есть дифференция между сущим и сущим как таковым. Но истина есть сохранение (Wahrnis), а сохранение относится к сущности дифференции. «Дифференция» же есть еще то самое определение так названного, которое является в удержании метафизического представления о сущем как таковом. То, что́ так названное есть в сущности и откуда оно приходит, так что эта сущность остается не сохраненной, и на что опирается это несохранение — обо всем этом выспрашивается в названии «Истина бытия». «Бытие» (Sein) уже употребляется здесь в смысле «Бытия» (Seyn). Это есть еще метафизическое имя непознанной сущности дифференции. Бытие (Seyn) есть махинация забвения решения. (См. выше, <S.> 13, 55, *5*.)

---

16. [Heidegger: Vier Hefte I — Der Feldweg. Vier Hefte II — Durch Ereignis von Ding und Welt. GA 99. A.a.O.]

52 Осмыслить надо многое,
а сказать — немногое.
Так малое борется с высоким.

Незабываемое остается забвением, — а именно для памятующего мышления, которое сбывалось из опыта забвения сохранения сущности ~~Бытия~~.

Если человек слышит только то, что он уже мнит, он глух. Лишенным слуха он остается в непринадлежности к Бытию и угождает в не<при>надлежаще-неслышащее (Gehörlos bleibt er im Ungehören zum Seyn und gerät ins Ungehörige). Но что приводит его туда, чтобы услышать, как Бытие бытийствует (das Seyn seynt) как таковое, <а> не то, что человек думает? Что еще могло бы привести его туда, как не само Бытие, чьей сущности человек принадлежит, хотя Бытие никогда не стало бы из-за этого человеческим? Такая сущность — у Бытия как события. (<S.> 104 сл.)

В различии все есть То же самое (das Selbe). Все: всякая внезапность махинации забвения решения (всякая судьба ~~Бытия~~). То же самое событийно *есть* различие.

Одно и то же (das Gleiche) есть гнев Того же самого (das Selbe). Вечное возвращение одного и того же есть предельное забвение внезапного прихода Того же самого. Воля к власти есть предельное забвение события употребы. Забвение есть здесь не начальное, неподлинное.

53 Времена, в которых весь мир интересуется философией, толкают в неведении и втихомолку к тому, чтобы упразднить мышление.

Какой толк думать о смерти позитивно, если забыли сначала осмыслить негативное и при этом понять, что здесь по сути негативное и позитивное равным образом ковыляют за делом (Sache)? (См. <S.> 61.)

Кто еще думает о помысленном? Люди заняты изобретениями.

Всё еще то и дело спрашивают о II томе «Бытия и времени», как будто не хватает продолжения какого-нибудь романа. Спрашивают о II томе, поскольку еще привязаны к I тому; поскольку до сих пор не поняли, что это не I том, а некий, пусть и беспомощно уловленный, но все же выстраданный знак-намек судьбы, в которой отсутствовала истина бытия забвения. К чему тут II том? Что <люди> представляют себе, если интересуются этим? Не достойнее ли было бы обратить внимание на тот знак-намек и принять вызов судьбы бытия. К чему тут разглагольствования всезнаек о границах страха и об опасности философии Ничто (Nichts-Philosophie), о которой так уверенно судят. Для чего же тогда *столь* уверенным в себе 54
людям второй том? Можно было бы додуматься до того, что людям не хватает лишь достаточно возбуждающей возможности, чтобы опять затеять новую болтовню. Но ты сам-то забыл, что, возможно, только «некоторые» способны, мысля, уловить знак-намек Бытия? Но об этом ни один человек не может говорить, не создав впечатления самонадеянности. Но как мы, многие, среди которых есть ищущие, должны обратить внимание на сущность того, что здесь требуется еще осмыслить. Странно: после опубликования «Письма о гуманизме»

люди должны были подумать, что при условии, что оно «понято», расспросы о II томе прекратятся; но ситуация стала еще более нервной. Это значит, что они снова не за-думались. Сейчас люди отчасти с неохотой возвращаются к мысли, что более раннее представление, которое создалось о «Бытии и времени», было не вполне верным. В прочем все остается при самоновейшем. (<S.> 37.)

Через философию и то, что повсюду демонстрируется под этим названием, большинство <людей> никогда не выучится мыслить; ведь можно досконально знать философию какого-либо признанного философа, никогда не пытаясь мыслить. Все же для научных и образовательных целей такие знания могут быть полезны. А потому оставим преподавание философии таким, каким оно есть. Мышление только возбуждает беспокойство.

55 Чем ближе подходишь к тому, что ты обдумал, тем менее оно принадлежит тебе. Чем более мыслящим ты остаешься, тем легче происходит передача обдуманного ~~Бытию~~, а из него к смертным. (<S.> 57 вверху.)

Осмыслять истину бытия означает: оставлять «бытие», сущее как таковое, в преодолении забвения решения; означает: осмыслять различие исходя из события; означает: памятуя, вступать в близь события употребы. Дать бытию (Sein) Быть: ~~Бытие~~ в событии употребы.

~~Бытие~~ (Seyn): <оно> говорит то, для <обозначения> чего «бытие», как всегда думают, индифферентно или дифферентно, сделалось не соответствующим именем, которое сначала было условным названием.

Отпусти, осмысляя, ~~Бытие~~ двигаться своим ходом заката-гибели в различии.

Отпускание (das Gehen-lassen) бытийствует благодаря па-мятующему обереганию сохранения отсвоения. Это отпускание имеет следствием также отпуск <на волю> представления; но последнее никогда не является основой первого. Повод для упомянутого отпускания осваивается в событии. К отпусканию относится то, что мы тихо стоим, т. е. пребываем в тиши обращения (Zu-spruch), т. е. слушаем. Отпускание в памятовании есть слушание, подобное эху (echohaftes Hören). Такое отпускание есть вы-терпливание (Er-leiden), есть сохраняющееся доставление события, оно употребительно в употребе.

Памятуя, мы забываем всякое представляние.

Голая снисходительность и голая строгость одинаково далеки от настоящей помощи. Попеременное сочетание обеих и подавно порождает смущение. В большинстве случаев мы обращаемся к усиленному потреблению вспомогательных *средств* и не замечаем уважительного движения навстречу как собственного элемента помощи; ибо помогать означает: способствовать <возвращению> в свое собственное. 56

Многое быстро устаревает, поскольку стремится только сравниться с новейшим и немедленно отстает от него. Немногое становится старым, ибо лишь некоторое проходит до конца путь к старости. Это прошлое (das Einstige). Некогда бывшее только вернет его в будущем.

Отбрасывание потому дается с трудом, что мы способны на него лишь тогда, когда настолько просто обладаем простым, что в нем еще незримо встрое-

но отброшенное. Отбрасывание опирается и на тайну отпускания (des Lassens), каковая тайна состоит в том, что она ею не является; ибо отпускание мышления есть открытая податливость, отвечающая обращению ~~Бытия~~.

В работе «О *существе* основания» я задумался, впрочем, еще довольно необдуманно, о без-основном. (<S.> 59.)

Ἀλήθεια не имя для veritas[17], но имя для esse[18]. (<S.> 61, 71, 74.)

57 Мыслители — это мудрецы-указатели (Weiser) на знак-намек Бытия; они не являются способом (Weise) сеять учения мудрости. Мудрецы собирают в непреклонность простого. Скажем, пусть X — «мудрец», тогда это звучит двусмысленно; X может быть неудачливым основателем какой-либо религии. Проповедник «философской веры» так еще и не понял, что такое мышление. Это невидимое холодное пламя жертвы языка <, приносимой> ~~Бытию~~. (<S.> 55.)

Метод есть технически определенное и тем самым ограниченное средство, но не путь и еще меньше — ход-шаг (Gang). Тот, кто действует методически, уже не движется, а посылает вперед организацию метода и запускает его. Он обслуживает только правильное функционирование той или иной функционирующей <организации>. Чем методичней становятся науки — а это их настоящая цель, — тем решительнее каждый шаг мышления в них приходит

17. Истина (*греч., лат.*). — *Прим. пер.*
18. Быть, бытие (*лат.*). — *Прим. пер.*

к застою. И наконец без-думность становится conditio sine qua non завершенного производства науки. О том, что таково состояние в этом начинающемся завершении, говорит то, что науки ревностно интересуются моралью и религией. — Возможно, однажды кто-нибудь додумается до того, что в ректорской речи 1933 г. была сделана попытка предвидеть этот процесс завершения науки в умирании мышления, снова внести знание как сущностное знание в мышление, а вовсе не сдать <его> Гитлеру. Почему же партия во всех группировках доцентов осудила эту речь? Уж конечно, не потому, что она, как подает это мировая общественность, сдала университет национал-социализму. Возможно, однажды явится некто лишенный злонамеренности и открытый для судьбы мира, кто докопается до того, что в этой речи было обдумано мгновение судьбы западноевропейской науки. Это замечание не предназначено для оправдания ректората. Руководство <университета> совершило ошибку. Возможно, даже было ошибкой, что речь вообще была произнесена; ибо в кругу слепых не стоит говорить о цвете. 58

Возможно, наука есть даже сущностное зашоривание мышления, <приводящее> к объясняющему представлению. Но шоры для зашоривания порождены самим Бытием. А ошибка возвратилась бы вновь, если бы люди подумали, что эти высказывания о науке суть осуждение или принижение. Наука есть нечто духовное. Но это относится к духу техники, возникающей из махинации Бытия.

~~Бытие~~ (событие) есть побуждение, поскольку оно как употреба захватывает (an-fängt) человека в свою сущность, передающую его позволению (Lassen), в качестве которого он вступает в приход близи события. Человек бытийствует сущностно как само

~~Бытие~~, в той мере, в какой он обитает в под-ведении-позволении (An-laß). Обитая, он осмысляет повод (Veranlassung) к побуждению исходя из последнего как событие употребы.

59 Очарование милости (Hold der Huld)
замечаешь вину;
оставайся и терпи. (<S.> 33.)

Собственная задолженность нашего существа могла бы заключаться в том, что мы стремимся уклониться от побуждения ~~Бытия~~ дать ему Быть им и к тому же вообще забываем это стремление и так никогда не можем о нем подумать. Это в «Бытии и времени» названо впаданием в сущее (в его несохраненную сущесть). Это уклонение проистекает только из пребывания (Bleiben), бытийствующего в вытерпливании (Dulden), которое любит выстрадывать милость и вину.

То, что исходит из каких-то оснований, стоит на переднем плане. То, что на заднем плане, остается безосновным. Оно освояется исключительно в близи. Причины, однако, являются основаниями для действий. (См. <S.> 56.)

Представлять причины, рассчитывать на основе причин означает: представлять источник, из которого ничего не вытекает, чтобы затем вывести из него то или иное. Такой образ действий целую вечность терпел неудачу. И все же науки через подобное пред-ставление причин достигают своих результатов. Они существуют сообразно с этим. Но прежде всего их успехи еще действенны и превосходят яркость несущности (Unwesen), лежащей в их основе.

Почему, если подумать, есть забвение незабываемого? Потому что осмыслять забвение решения

(des Austrags) означает: оставаться в высвоении (vereignet bleiben) в событие употребы. Забвение бытийствует, однако, как событие, оно обитает в его сбереженном (Sparnis). Вот почему мышление уже не отказывается от этого забвения. (<S.> 52 и 60.)

Если бы все зависело от прихода вещей в близь, мы смогли бы добраться до цели без хождения; при условии, что мы обитали бы в близи. 60

Поскольку забвение остается незабываемым, памятование есть как бы собственное забывание. В последнем мы достигаем близи загадки в употребе. *Поскольку же* забвение остается незабываемым, <оно> кроется в сбережении употребы; милость вины <—> в побуждении.

Памятование сохраняет изменение.

Изменение хранит То же самое в напоре одного и того же.

Значимость одного и того же усиливает равнозначное.

Равнозначное втискивается между всем.

Оно подтачивает все собственное.

Оно удушает благосклонность (Holde) склонности.

Оно вынашивает малодушное.

Оно засыпает все источники, которые бьют в побуждении.

Одно и то же — это коварная видимость Того же самого.

Но иногда нужно только неприметное, чтобы изгнать все равнозначное.

Доверие не нуждается в основаниях, ибо принадлежит безосновному побуждения. (<S.> 50, 67.)

61 Если То же самое никогда не равно одному и тому же, то оно есть отличное (das Verschiedene). Но мы не мыслим сущность Того же самого, если понимаем эту фразу диалектически и под отличным подразумеваем не одно и то же, а значит, все же представляем его только исходя из одного и того же. Отличное есть высвоенное в различие (in den Unterschied Vereignete). Раз-личие (Unterschied), однако, есть событие употребы.

Мы никогда не преодолеем негативное тем, что спешно и грубо противопоставим ему позитивное или даже диалектически передадим и то и другое в некий центр, который сам неопределенно сохраняется только благодаря посредничеству (Vermittlung) и таким образом остается зависимым от того, над чем он господствует. Мы приблизимся к негативному лишь тогда, когда прислушаемся к его далекой и далеко в ~~Бытие~~ простирающейся сущности и узнаем кое-что об отсвоении в событии употребы как сбережения загадки (Einiges von der Enteignis im Ereignis des Brauchs als der Sparnis des Ratsals). Тогда мы услышим звук звучного, которое успокаивает себя не-звучным; тогда мы поймем загадку милости вины, отзвуком чего, пожалуй, будет δεινόν[19]. Тогда, впрочем, и всякое желание преодоления по отношению к «негативному» станет заметно тщетным и знаком того бегства от побуждения ~~Бытия~~. (См. <S.> 53, 59.)

Мыслить бытие алететически значит узнать, что и как Ἀλήθεια есть как раскрытие сущностного начала ~~Бытия~~ = бытийствующее Φύσις. (<S.> 71.)

---

19. Ужасное, страшное (*греч.*). — *Прим. пер.*

[Одним щит,
Другим только плут,
Одним свет,
Другим только воздух,
Каждому некий предмет,
Всем для непонимания.] 62

(Никому легкость,) Кто дает легкость,
куда нас обусловливает-овещевает
бытийствующая вещь?
спокойно бродить
в постоянном изменении
утишенным к некоему
неприметному сиянию
дальнейшего отсвоения из близкого приношения (Gebring)?

—

Всякое вопрошание есть предположительно бегство от того, что нам уже внушалось (zugesprochen), что мы хотя и слышали, но на что еще не обратили, или не хотели, или даже были не способны обратить внимание. Таким образом всякое вопрошание ушло из того, что нужно было услышать, из неуслышанного доступного слуху как подлежащего-осмыслению обращения невыговоренного? Что-то услышать и что-то выслушать не есть одно и то же. И все же последнее раньше первого — но таким способом, который определяется исходя из забвения.

Мышление. — Мышление рано становится Praesentatio, а в конце концов — Repraesentatio. Мышление есть вос-приятие, вос-принимающе-собирающее пред-ставление (Vor-stellen) и у-становление (Auf-stellen) на основу и основания, поставление (Hin-stellen) присутствующего в его «откуда» и тем 63

самым из-готовление (Her-stellen), в котором человек доставляет себе присутствующее (sich zustellt); отсюда средне-залоговое слово δια-νοεῖσθαι[20].

Будучи этим пред-собой-поставлением (Vor-sich-hin-stellen), мышление есть обоснование через основы-начала (ἀρχαί), объ-яснение из причин (αἰτίαι), понимание из предполагаемого предшествующего (ὑπόθεσις πρότερον φύσει). Будучи этим представляющим, мышление есть везде вопрошание о διὰ τί и τί[21].

Внезапно отделенное от вопрошающего мышления представления есть прислушивающееся созидание (Dichten) (после-сказывание-повторение) обращения к ~~Бытию~~. Это мышление называет себя *памятованием* (An-denken), отграничивая себя от представляющего <мышления>; но это памятование вовсе не является вспоминающим представлением. Здесь главное — обращать внимание на «после» (Nach-) в после-сказывании-повторении (Nach-sagen). «Бытие и время», осмысляя истину бытия, мыслит еще вопрошающе-представляюще, обосновывающе, понимающе. Но этот способ мышления не соответствует опорному опыту мышления, которое, постигая забвение бытия, хотело бы уже обращать внимание только на ~~Бытие~~, но оказалось не способным на это. Поэтому II тома «Бытия и времени» не существует, а имеется только первое (das Erste) повторно как более чистое То же самое. Памятование есть сказывание прихода близи.

64 «После-» в после-сказывании-повторении означает, во-первых, со-ответствие (Ent-sprechen), а имен-

---

20. Рассуждать, размышлять, обдумывать, думать, полагать (*греч.*) — *Прим. пер.*
21. Почему и что (*греч.*) — *Прим. пер.*

но обращению (Zu-Spruch) события, которое *обретает* язык (zur Sprache *kommt*); а ‹во-вторых,› одновременно означает «после-», поскольку обращение события есть обращение отсвоения к сохранению, сказывание [и] движение в направлении сбережения в загадке употребы. Сказывание способно на это лишь тогда, когда возвращается к прислушивающемуся (horchsam) позволению прихода побуждения. В таком после-сказывании-повторении исчезает сказывание в языке, к которому оно приводит грядущее обращение. Это исчезновение сказывания мышления в языке как его неприметной собственности есть жертва памятования.

Там, где мышление еще говорит в той или иной терминологии и в дефинициях и где, — что то же самое, — терминология через разработанную для этого логику снова упраздняется, мышление является еще представляющим. Однако всякая диалектика и даже логика диалектики есть судорога представляющего мышления, которое в результате этого пытается снять напряжение, чтобы возвести судорогу в абсолютный принцип.

Подлежащее-осмыслению есть то, что сбывается в мышлении, так что мышление превращается в памятование. Подлежащее-осмыслению остается при этом самим собой; оно никогда не становится обдуманным в смысле представленного, которое изображается отложенным в наличное. Всякое истинно обдуманное есть таковое лишь тогда, когда оно остается поводом для памятования о при-ходе, каковым является подлежащее-осмыслению.

Люди сталкиваются с опасностью превратить простое в болтовню (Gerede), вместо того чтобы просто ~~быть~~ (seyn). Простым отворачиванием от запу- 65

танного мы никогда не обнаружим простое. На подобных путях мы только впутываем мнимо простое в продолжающуюся запутанность путаницы. Путаница нынче становится полной. Простое есть неприметное своеобразное (Eigentümliche). Как нам постигать это, если мы не знакомы с собственностью (Eigentum)? Это есть бытийствующее всего свойствия и освоения. (Das ist das Wesende alles Eignens und Ereignens.)

Зерно и семя
звезда и родник
кажут тропу
к урожаю и севу
от света и хлеба
стиха и смерти.

Немногие знакомы с ужасом мышления; те же вовсе не ведают его, кто поддался соблазну языка и с его помощью — столь же дико и ловко, столь же пусто, как и путано, нанизывают представления из самых различных областей и источников и тем самым приготавливают варево, в котором едва ли можно заметить след обдуманного. Дар различения в этом поле редок. Обманчивость, вызванная ловкой болтовней, — велика.

66 Мышление есть неприметный глазомер для <распознавания> неосмысленного.

Многие полагают, будто мышление есть упражнение в остроумии.

Остроумие торопливо в продуманном.

Памятование <же> остается рассудительным в непродуманном.

Истина. — Осмысление сущности истины в «Бытии и времени», а затем в последующих работах и лекциях вызвано отнюдь не вопросом об истине познания, как и не размышлением об истине сущего, но исключительно обдумыванием истины бытия. Но это имя подразумевает не истину о бытии и тем самым истинное понимание бытия; истина бытия означает скорее истину, поскольку она — в том числе — составляет сущность бытия, тем же способом исходя из бытия, как оно определяет себя и таким образом определяет бытие.

φύσις есть бытие в смысле восхождения. Но восхождение есть в сущности раскрытие (Entbergnis), Ἀλήθεια. Последняя тем самым является именем бытия, именуя, возможно, его древнейшую, хотя и почти забытую сущность. В названии «истина бытия» оба слова и их сочетание в родительном падеже представляет собой знак-намек, указующий на преодоление как истины, так и бытия. Это слово именует подлежащее-осмыслению в памятовании. (Der Name nennt das Zu-Denkende im Andenken.)

Кто мыслит, тот не может рассчитывать на благодарность. Ибо он как мыслящий уже отблагодарен. Неблагодарность связана с бездумностью. <S.> 98.

Разговорчивые люди редко годятся для хорошего разговора. 67

«*Одинокий*» не значит обособленный и оставленный, но

принадлежащий Одному
предоставленный Своему

в позволяющем слушании памятования. <S.> 20, 93.

Доверие не нуждается в основаниях; положим. Но как получается, что мы все же добиваемся доверия какого-то другого человека? (<S.> 60.)

Один шаг (Ein Schritt), *который ведет в сторону от продвижения вперед* (Fortschritt). — Столь же простым, как шаг мышления из представления внутри обжитой области субъект-объектного отношения в памятование экстатического измерения, из которого бытийствуют пред-ставление, пред-ставленное как таковое и само пред-собой-поставленное, — столь же простым является всякое памятующее мышление. Шаг — это заход в бывшую, но еще не обжитую родину сбывающегося в ~~Бытии~~ человека.

Доклад об истине 1930 г. (опубликован в печатном виде в 1943 г.) пытается осуществить этот шаг по простому образцу. Однако теперь необходимо также оставаться, памятуя, в том, что просвечивает в эк-стасисе открытости. Это означает: позволить бытийствовать, памятуя о том, что господствует в <приставке> «раз-» различности истины (im «Aus» des Auseinander der Wahrheit)[22]; означает: более не впадать в представление и его стремление к объяснению.

68 Этот шаг сделан уже в «Бытии и времени» путем вхождения в бытие-в-мире. Этот шаг, однако, есть скорее пребывание, — а именно там, где сущность человек уже сбылась (ge-wesen ist), — без того, чтобы заимствовать это «сбылось» и когда-то прежде быть способным его заимствовать. Шаги куда-нибудь прочь кажутся человеку более легкими, чем пребывание и даже пребывание в бытийствовавшем (im Ge-wesen), которое между тем не перестало бы-

22. См. в этой связи: Хайдеггер М. Учение Платона об истине / пер. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие. С. 345–361. — *Прим. пер.*

тийствовать, хотя и кануло в забвение. Создается впечатление, что человек избалован продвижением вперед, так что отход назад запрещен, несмотря на многочисленные признаки, показывающие его продвинутость в странном свете.

Может показаться, будто среди идей не много таких, чьи авторы не вызывают ненависти. Виды преследования, которые закрепляются вследствие ненависти, многообразны и непрозрачны. Но все происки ненависти демонстрируют главный признак: они сбрасывают роскошную мантию моральности. Эта мантия служит тому, чтобы в какой-то мере прикрыть самое худшее в ненависти: ее полную зависимость от объекта ненависти. Эту цепь тщетно пытается разорвать ненавидящий, потому что он ее постоянно заново выковывает в своих кознях и мерах предосторожности и потому что ненависть позволяет увидеть нечто истинное, но только ненавидяще, а значит, искаженно. Это истинное околдовывает ненавистников и загоняет их в безумие, которое превосходит всякое заблуждение.

Вопрошание не всегда дается легче, чем отвечание. Но труднее всего нам дается преимущественно игра в вопрос-ответ <, затеваемая, чтобы> выслушать совет, который уже был дан нашему существу, хотя мы его не разгадали. Это совет загадки (der Rat des Ratsals). 69

Если мы однажды окажемся в той или иной близи, Бог, который есть, может, пожалуй, быть далеким от нас. До того бытие Бога — лишь пустое имя. Отношение к нему становится предметом психотерапии. Бог становится переживанием. Религиозность достигает таким образом вершины атеизма.

Но что значит: обитать в близи? Близь приближает; близь приближает, отдаляя. Близь отдаляет и так она сама приближает и никак иначе. (<S.> 75). Сущность забвения.

Даже удачная критика исходит еще из некоторой неспособности. А выдающаяся критика редко встречается потому, что она в тот же миг, как только становится возможной, отвергается как ненужная.

Сноровка в формулировании сейчас широко распространена. Обратно пропорционально <этому> быстро исчезает способность мыслить. Суть обеих, однако, состоит в том способе, каким Бытие предоставляет себя человеку и отказывает <ему, а также>
70 каким человек вследствие этого проходит мимо этого события или замечает <его> и вообще способен упражняться в забывании, которое бывает в разной степени правомерным и неправомерным.

Забывать легче, чем прощать, особенно если прощение не забывает, что то, чем оно могло бы быть, ему всегда еще предстоит. Большинство полагает, что они уже бы простили, если бы только забыли, а они забыли бы, если бы у них что-то выпало из памяти. В глубине своей сущности прощение и забывание совпадают. Об этой глубине мы, возможно, догадываемся в памятовании. Это связано с тем, что по сути забывание — не недостаток и не облегчение представляющей деятельности человека, но употреба (Brauch) ~~Бытия~~.

Мышление впадает в острейшее злоупотребление в результате того, что его, по доброй воле почти неосознанно, возвышают, считая, что это, мол, есть правильное усвоение. Усвоение мышления удается

лишь благодаря тому, что мы мыслим его более коренным образом (wurzelhafter). Оно не уходит в бесконечность. Каждое волокно корня есть то же самое, что и корень. Но мы, как правило, грубо растаптываем, в торопливом сравнении и жажде нового, незаметно впитывающие волокна Того же самого.

Мне кажется, что человек еще никогда не интер-есовался Бытием; в том случае, конечно, что мы мыслим inter-esse[23] эк-статически-алететически (<S.> 61) в смысле, которому знакомо esse в Inter <между>, каковое «между» (Zwischen) бытийствует в самом Бытии; не просто в отношении сущего, в обычном смысле человека-субъекта, экзистирующего к абсолюту; Inter следует мыслить как просвет и прибежище, в качестве чего бытийствует событие. Тогда в этом Inter esse означает: хранить Бытие в его сущности. Вместо этого человек оставался в забвении бытия, а «интересовался», разумеется, сущим. В противоположность этому он оставался не-интер-есующимся; собственно говоря, по своей присвоенной сущности он не относился к Бытию. «Интерес», который проявляет, например, Кьеркегор к «экзистенции», т. е. к субъективности человека, есть высшая степень забвения бытия, осмысляемая в «Бытии и времени» исходя из памятующего вопроса об истине бытия. 71

Словоупотребление (Sprachgebrauch). — Если Бытие есть Бытие и если к сущности Бытия относится событийный просвет прибежища (Bergnis) его сущности и если мы эту просветность «между» называем Inter («под, снизу» (unter) на нашем языке), то само Бытие одно есть бытие-между (Inter-esse): раз-ли-

23. Быть между (*лат.*). — *Прим. пер.*

чение (Unter-Schied) — в нем есть — esse различения (Schied) в событии.

72 Мы лишь тогда можем обращать внимание на язык, когда задумываемся о сущностной области языка, о самом Бытии, в котором язык хорошо сохраняется, так что сам он остается домом Бытия. Если же мы представляем язык лишь как инструмент, то всякое внимание к невыговоренному сказыванию языка становится пустым приемом искусственного расчленения слов. Этот прием выращивает призрачные представления и ведет к заблуждению. Обращать внимание на язык есть нечто существенно иное и нуждается в другом опыте, чем игра подхваченными словами. Если же воспринимать и оценивать сказывание памятующего мышления, только учитывая подобный прием, все остается ложно истолкованным. Судят чересчур поспешно из-за неопытности, которая, конечно же, никогда не прислушивается к противоположным увериениям. Помогает только опыт Бытия.

Единственно неупотребительной (Unbrauchbare), ни для какой цели не пригодной является употреба (Brauch).

Науки и мышление отличаются <друг от друга>, как видение и слышание. Но слышание понимается здесь как внимательное вслушивание в призыв сущности ~~Бытия~~. Но «видение» мыслится как пред-усмотрительность усмотренного (die Vorsicht des Gesehen-habens) (vidi[24], Fid[25]), на чем осно-

24. Смотреть, глядеть, видеть (*лат.*). — *Прим пер.*
25. Индоевропейский корень Fid- (или *weid-) — видеть. — *Прим. пер.*

вывается представляющее «знание» (οἶδα) как возможность разумного объяснения и понимания увиденного (Gesichtete).

Практические упражнения и эскизы чем-то могут помочь в понимании помысленной мысли. Но они могут также, и гораздо чаще, вводить в заблуждение; ведь решающие подготовительные работы как раз и становятся тем, что внезапно поражается молнией иного и собственно помысленного. Это помысленное можно осмыслять только исходя из него самого. Его невозможно вычислить ни из какого-либо понятого и каких-то эскизных работ. Но и указанное понимание, кажущееся удавшимся, вовсе не показывает осмысления помысленного. Первое остается лишь мнимой заменой второго. Старательные обработчики «наследий» слишком легко проходят мимо таких взаимосвязей. Нужно быть более мыслящим, чем мыслитель, чтобы соответствовать уровню «наследия», если оно таковым является. Подобное справедливо и по отношению к другому инструменту филологии: к предметному указателю. Он и полезен, и вреден одновременно; да, если мы вообще сомневаемся в пользе филологии как научного занятия, то вред, который приносит, например, лексикон произведений Платона или Гегеля, несравненно больше, чем всякая польза для быстрого и удобного поиска «мест», который заступает на место самого дела. Филология так же отдаляет нас от слова, как естествознание — от земли и неба; ведь оба идут от τέχνη представления; они удушают мышление. Но они являются достижениями культуры. 73

Биологические и экономические представления в метафизике Ницше.

74 *Если* мы схватываем существенное, оно сказывается легко (ring) и просто.

Если…

Но если мы его не схватываем, эта сложность (Aufwand) распространяется, одурманивается своими проблемами — и обманывает.

Но легкость (das Ringe), даже если она удается, зачастую долго принимает вид темноты и тяжести, ибо представление, которому не хватает светлого и легкого в мышлении, стремится к этой видимости. Она одновременно защищает от угрозы представления, которая влечет за собой отказ от сложности. В результате представление обедняется. Но бедность ускользает от него и как возможность захода существенного. Всякое мышление односторонне, т. е. соответствует одной стороне Одного как Того же самого. Эта односторонность есть способ оставить все по-старому. По сравнению с такой односторонностью победа заведомо остается на стороне мнения и представления, подчиняющего одновременно и весь мир. А именно в эту Одну сторону вовсе не пускаются с убедительным указанием, что это ведь только одна <сторона>. Но Это есть Одно, которое единственно как таковое есть стороннее (seitig). Многосторонние забывают среди многих сторон, которые ими якобы учитываются, только Одну: сущностный исток Стороннего. Этот исток, как правило, закрыт для крайней многосторонности. (<S.> 24.) Было бы бессмысленным и не отвечающим требованиям стиля сегодня в какой-либо аудитории клерикализированного университета высказывать ужасное, которое *есть*.

75 Придумал ли ты это в комнате?
Или это дар <многих> часов,
чей ход решил,

что́ крик, что́ песнь,
что́ сказывание из раз-личия? (<S.> 100.)

Жить в близи значит быть соседом.

Человек — сосед смерти. (<S.> 100, 69, 93 вверху, 95, 106).

Сосед, крестьянин (Bur) поблизости (in der «Nähe») возделывает пашню, которую он глубоко вспахивает, чтобы оберечь ростки. Росток — это скрытая загадочность (das Ratsale) роста употребы (Brauch). (Рост нужно здесь мыслить от Φύσις; не <от> Physis[26], понятого из неадекватного представления, из «био-логического» <смысла> понимания роста.)

Оберегание есть самое позволяющее позволение в охранении, каковое позволение охраняет в стихию, чтобы росток оставался в <своей> стихии.

Памятование решает загадку (Rätsel), а именно исходя из забвения; однако <делает это> так, что само забвение мыслится как событие, в которое разрешается загадка, т. е. открывается. Но памятование никогда не «разрешает» загадку, растворяя ее в некоем «знании», которое все объяснило. За-гадочность (Rat-sal) есть простота собственности в употребе.

Ἀ-Λήθεια, еще необдуманно, есть неуслышанная (забытая) вестница забвения. (<S.> 79, 81, 89.)

Вечное возвращение одного и того же (des Gleichen) отвечает внезапному приходу Того же самого (des Selben). Феноменология духа отвечает эсхатологии ~~Бытия~~. Отвечание есть внезапное событий- 76

26. Физика, природа, физическая форма (*лат.*) — *Прим. пер.*

ное соответствие, которое дает слово притязанию прихода загадки (des Ratsals) в событии употребы. Вечное возвращение одного и того же и «Феноменология духа» — это внезапности самого события, они сбывают завершение махинации безыстинности в превосхождении (im Überstieg). (См. <S.> 93.)

Единственной трудностью в трудном остается говорение (das Reden); причем не потому, что его надо избегать, а потому что становится необходимым его совершать; ибо без него молчание превращается в немотствование. (<S.> 22, 78.)

Жутко быть объектом публичности.

Лишь когда мы становимся ненужными и бесполезными, нам дается возможность быть в употребе (im Brauch), — но способны ли мы на это? Зачастую мы вновь стремимся к пользе и проходим тогда, быть может окончательно, мимо знака-намека, который из неизведанного Da-sein зовет в него к возможному: ~~быть~~ успокоенным в употребе. Покой здесь не конец и не прекращение движения. Покой собирает движение освоения-сбывания в его сущности. Собирающе-сберегающее есть сущность утишения. «Из» («Aus») именует даль времени решения (Das «Aus» nennt die Weite der Weile des Austrags).

77 Простота-односложность складывает (Ein-falt faltet), собирает, сберегая, слаживая в Одно Одного события. Употреба (Brauch) одно-сложна (einfaltend). В качестве употребленных (Gebrauchten) мы односложные-простодушные (einfältig). Но употребленными бывают только бесполезные; однако не через их бесполезность или из-за нее; а так, что они, несмотря на нее, остаются готовыми

в успокоении. Поэтому и постоянно до тех пор, пока вопрошают, что с мышлением «устраивать» и чего добиваться, еще не думают; еще рассчитывают на упорядочение и обрабатывание. <Никто> не признает собственное собственности события. Полагают, что простодушный означает: примитивно ограниченный и безобидный; успокоенный в обычае освоения-сбывания в употребе (ausgeruht in den Gebrauch der Ereignung im Brauch).

Представляющее и памятующее мышление. — Всякая философия, а также диалектика, причем последняя даже в завершенном виде, есть представляющее мышление. Представление состоит в противоположностях и передает их во всеобщее. Памятование уходит в раз-личие. Противоречат ли друг другу оба способа мышления? В памятовании представление уходит в свою сущность и тем самым также в раз-личие. Но так оно <представление> не упраздняется, а забывается. Напротив, представление вновь устанавливает памятование в крайнем случае как свою противоположность и никогда не достигает таким образом ее сущности. Все же памятование принимает пред-ставление как сущностное промедление в позволении (eine wesenhafte Zögerung im Lassen).

Бесполезное, успокоенное в употребе, памятование упустило все противоположности вместе с их единствами. Памятование не обращает внимания ни на негативное, ни на позитивное. (<S.> 50.) 78

Памятование есть странствие в Том же самом, с этим связан уход в раз-личие. Оно странствует в повороте Того же самого.

Молчание, когда мы только молчим, не есть молчание; поэтому оно никогда не приходит к ос-

новательности (Gediegenheit), требующей, чтобы молчание нарушалось, если оно переходит в речь. Молчание должно свершаться в говорении и удаваться в событии. Только так оно является веским, проистекающим из того, что́ надо сказать. К тому, что мы пребываем в молчании, относится прежде всего то, что мы сами замалчиваемся «миром». «Мир» в смысле задающей норму общественности организованного человечества замалчивает что-либо с помощью болтовни, похвалы и искажения. В результате этого существенное прикрывается до неузнаваемости. Благодаря этому обеспечивается полное незнакомство с существенным. Этот вид замалчивания есть способ, каким общественность все затмевает, т. е. преследует своей тенью. «Пресса» диктатуры общественности состоит не из газет и журналов. Она знакома еще с другими средствами и путями уничтожения.

Загадочность не нуждается в услаждении (Ratsal braucht kein Labsal).

79 Памятование не есть воспоминание — как представляющее воссоздание — и поэтому не является упразднением забывания в смысле невозможности-более-пред-ставлять, но памятование хранит незабываемое: однако это есть забвение как событие употребы.

Вместо того чтобы вопрошать, пред-ставляя, необходимо отвечать, памятуя. Но это отвечание не следует за вопрошанием, но есть сбывшийся со-ответствующий антоним к призыву (Anspruch) события. Вместо того чтобы вопрошать, следует прислушаться к призыву. Это удается только исходя из позволения. (<S. 85).

Всякое вопрошание есть бунтарское про-движение (Vor-gehen). (См.: «Разговор на проселочной дороге»[27]).

Возврат в сохранение отсвоения.

Памятование есть такое отвечание.

Вопрос о бытии в «Бытии и времени» ищет — как выспрашивание истины бытия — не ответа на вопрос, но бесспорного собственного отвечания как принадлежания к «истине» как ~~Бытию~~ бытия. (<S.> 82.)

Смерть есть внезапный приход (Ankehr) сущности забвения.

Смерть, однако, — мыслится, памятуя, из события. Ἀλήθεια — последняя зарница ранней грозы забвения. С той поры она <Ἀλήθεια> исчезла в ветре тиши.

Тщетно мы ищем сегодня поэтическое творчество (Dichtung) в поэзии (Poesie) и в том, что считается ею. Полагают, что ловкие упражнения в словесной игре в стихах и рифмах и есть лирика. Полагают, что величина романа способна схватить действительность. Полагают, что меткость театральных пьес заключается в изображении обстоятельств эпохи. 80

Возможно, поэтическое творчество (Dichten) должно вначале долго странствовать по мышлению, которое само есть странствие в Том же самом.

Для грамматики такие слова, как «согорье», «сополье», «соперье»[28], являются только собиратель-

---

27. [Martin Heidegger: Feldweg-Gespräche. GA 77. Hrsg. von Ingrid Schüßler. Frankfurt am Main, 1995. S. 1–159.] — Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. — *Прим. пер.*

28. Это попытка передать в переводе такие немецкие собирательные существительные, как Gebirg, Gefild, Gefieder. — *Прим. пер.*

ными существительными; как будто согорье составляется из гор, соперье сшивается из перьев, а в сополье сдвигаются вместе поля. С помощью <всех этих слов> — «составляется», «сшивается», «сдвигается» — никогда не ухватишь бытийствующего (das Wesende), а только пропустишь, забывая.

(Совещие (Geding) и вещь). «Собирательные существительные» это пример способа, каким грамматика и логика с помощью их представления сразу фиксируют язык как предмет, в отношении которого можно затем договориться о безмерно многом. Сплошная правильность, за пределы которой язык вытолкнут в свою неистину.

Моя ошибка, совершенная в 1933 г., не была политической. Я заблуждался по поводу сущностного отношения между науками и мышлением.

81 «*Бытие и время*». — Сокрытая сущность времени, которая осмысляется в «Бытии и времени», это — забвение. «Время» следует познавать экстатично-эпохально-алететично-темпорально исходя из сохранения бытия (Wahrnis des Seins) в смысле «присутствия».

«Бытие и ...» вплетено в поворот забвения; поскольку забвение освояется как сущность ~~Бытия~~ и Ἀλήθεια становится слышимой как имя бытия. «Время» исчезло в заход (Einkehr) забвения и с возвратом забвения в его сущность освободилось в неприметность невыговоренного (ins Unscheinbare des Ungesprochenen).

«*Истина бытия*»

Ἀλήθεια (истина)

есть раннее, тогда еще без тени сомнения, имя бытия в смысле присутствия. Это слово, таким об-

разом, есть неслыханное имя для сокрытой сущности «времени».

«Бытие» (присутствие) есть непомысленная (ungedacht) сущность «времени», которая скрывается как забвение в Ἀλήθεια. Где она могла бы лучше быть сокрытой?

Ἀλήθεια есть неуслышанная вестница забвения, которое необходимо постигать в событии употребы и осмысливать в его <забвении> повороте. (<S.> 84).

Из всех <видов> опыта меньше всего поддается изображению или даже замене постижение мышления. — Постигай забвение.

По-стижение (Er-fahren) как мышление: заняться тем, как ~~Бытие~~ движется (fährt), т. е. как Оно поворачивается (kehrt) как заход (Einkehr) забвения — куда оно выдвигается (ausfährt) в своем сбывании. 82

Мы спрашиваем, причем охотно, «откуда» <явилось> и «куда» <направляется> действительное. Мы спрашиваем у него так и сяк о «где», куда мы *под*ставляем (*unter*stellen) действительное, чтобы постоянно содержать его как помещенное в том, чем оно является. При *под*ставлении мы используем то, что́ есть над ним и превосходит (übersteigt) действительное. При постоянном *под*ставлении превосхождение всегда необходимо; от него исходит отдача (Rückstoß) в неуклонное продолжение (Fortgehen) внутри него.

Вопрошая, мы стараемся у-становить «где» и движемся в «откуда», «вокруг чего» — т. е. «почему»? Вопрошать есть пред-ставлять «почему» и «потому». Это вопрошание овладевает и мышлением, которое представляет сущее как сущее, — вла-

дычество превосхождения наталкивается на этот способ вопрошания.

Но если вдруг когда-нибудь в этом вопрошании становится сомнительным само «как», если его сущность проявляет себя как темная и закрытая, тогда вопрошание по своему обыкновению должно искать для этого «как» «откуда» и «куда». Для этого «как» мы ищем (см.: «Бытие и время») место, мы пытаемся помыслить «дифференцию» между сущим и бытием, мы пробуем поместить ее в ее место и не замечаем, несмотря на все понимание, ее удивительно иной сущности, ибо именно *то*, для чего мы ищем место и чему мы его ищем, есть само местоположение, в качестве какового бытийствует сущность бытия: забвение. Если мы постигнем это, то сразу прекратится тот вид представляющего мышления; мы постигнем, что наше существо не только относится «к» этому местоположению, но и принадлежит ему, что это человеческое существо также освояет это местоположение, каковое «местоположение» отказывается при этом от своего предварительного обозначения. Мышление превратилось в памятование. Его сказывание дает ответ слову; соответствует призыву прихода забвения. Мышление больше не отвечает только на вопросы. Отвечание на вопросы подвластно пред-ставлению «почему» — в каковом представлении кроется уже давно данный ответ на призыв. Вопрошание — это вовсе не то, за что оно себя выдает: изначальное и безоговорочное мышления. Вопрошание движется в таком ограничении, которое даже вопрошанию запрещает обращать на него внимание.

83

Начальное, сбывшееся из на-чала мышление — это не вопрошание, а от-вечание.

По дороге, покинув философию, нужно еще говорить на ее языке; неизбежно заходит речь о во-

просе о бытии. Но вопрос об «истине бытия» есть отвечание, которое соответствует Бытию бытия, призыву Бытия.

Памятование: в Ἀλήθεια <следует> прежде всего познать забвение, а уже из него Ἀλήθεια как его собственно высшее на-чало. (См. <S.> 96 сл.) 84

Резкость разрыва между Ἀλήθεια и забвением. Мыслить уже не сущностно и основательно, но осторожно, а значит, забывательно (vergessentlich).

«Сущностно», в отношении сущности как εἶδος, сущностности и «идеи» как нуждающегося в представлении «основания» осуществления сущего, мыслит философия. Она мыслит таким образом основа-тельно и сущностно.

Памятующее мышление соответствует истине бытия, т. е. забвению. Оно мыслит в таком соответствии забывательно, причем так, что забвение в его «сущности», т. е. в сбывании его самого, сохраняется, оберегается. Забывательное мышление мыслит осторожно.

Осторожность памятования нельзя сравнить ни с точностью наук, ни со строгостью философии.

Представление направлено на основательность объяснения исходя из причин. Деятельность (das Tun) направлена на полезность приобретения в соответствии с целями. Повсеместно действуют в соответствии с правилами и порядком.

Памятование и не основательно, и не полезно.

Тот, кто говорит, не мыслит; ибо он занят высказыванием. 85

Кто мыслит, не говорит; ибо он должен обращать внимание на забвение.

Мыслить говоря и говорить мысля было бы искусством философской лекции. Тридцать лет я тщетно

пытался действовать таким образом; возможно, некоторые занятия удались; но их время прошло. Лекции такого типа не дают знание, не являются они и призывом к «экзистированию»; они мыслят — а в остальном они ничего собой не представляют. — Университет и факультеты поэтому совершенно верно констатировали, что учащиеся ничему бы не научились на этих лекциях. Вот почему не будет никакого вреда, если впредь они больше не будут читаться. Хороших занятий по философии вполне достаточно для удовлетворения потребностей университета. Его науки сегодня — так же мало, как в 1933 г., — ничего не желают знать про мысль о них, записанную в 1927 г. в «Бытии и времени» (S. 9): «Уровень науки определяется тем, насколько она *способна* на кризис своих базовых понятий»[29].

Памятование есть неприметный первый след человеческих жестов забвения. Эти жесты хотели бы направить человеческое существо на путь к обитанию в сохранении отсвоения. Эти жесты суть сосредоточение сущности человека, — сбывающееся из вы-носа (Aus-trag) того, что надо нести (Zu-Tragende), — в несение в смысле памятования (bern[30]: нести).

86 Загадка близи: чем ближе мышление как памятование пребывает на ветру подлежащего-осмыслению, тем решительнее оно идет по ложному пути; тем ближе становится возможность, что подобное памятование побуждает к болтовне о забвении. Так что само забвение допускает это от-ставление (Ent-

---

29. [Heidegger: Sein und Zeit. GA 2. A.a.O., S. 13.] — Хайдеггер М. Бытие и время. С. 9. — *Прим. пер.*

30. Bërn (*средне-верхненем.*) нести, см. bären в: Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. — *Прим. пер.*

setzende), в результате чего мышление выбивается из своей колеи. Как велика должна быть осторожность мышления перед лицом этого постоянно грозящего отставления. Ветер тиши.

Язык: когда-нибудь наш язык внезапно станет другим, поскольку он, побуждаемый сказыванием памятования, вернется в богатство своего невыговоренного начала, тогда как продолжается разрушение мировых языков, <превращающихся> в публичную болтовню и в техническую регистрацию. Но указанное возвращение — это не подражание старине и не искусственность необдуманной этимологии. Последняя без ἔτυμον[31] (сущность «истинного») все равно невозможна и во всяком случае есть только позднейшее действие.

Наш язык станет некогда главным языком сказывания мышления в том случае, если человек еще будет допущен в мышление.

Памятование есть сказывание сбывшегося позволения. Памятование сохраняет возврат забвения в его простоту. Памятующее позволение есть несение сохранения.

Поскольку человеческое существо издавна уже впу- 87
тано в извращенность безыстинности, простое <в> мышлении представляется нам как запутанность, а то и как сама путаница; ведь в силу безыстинности извращенность не будет распознаваться, а то, что пришло из извращения, будет считаться «естественным», а потому простым. Извращение основано на том, что неприход истины Бытия скрыва-

---

31. Действительно, истинно (*греч.*). — *Прим. пер.*

ется, причем в самом бытии, которое подает себя в смысле постоянно-действующего.

На позволение памятования человек способен только путем несения, — если он на это способен. Памятование выносит простоту забвения в неприметности сказывания языка. Вот почему и мышление обитает в языке несравнимо иначе, чем пение «поэтов».

Представляющее мышление осваивается таким образом, что оно видит себя внезапно поставленным в несокрытость перед несокрытым. Вот почему оно ставит себя, согласно своей связанной с поставлением сущности, даже перед несокрытым (ἐπίστασθαι), чтобы воспринимать (νοεῖν) его как его самого — т. е. в его присутствии как присутствующего, и собирать (λέγειν). Таким образом пред-ставление ставит присутствующее как таковое, а это значит: изготовлять (her-<stellen>) и в этом устанавливать (auf<stellen>) в присутствие. Это изготовление уже отвечает изготовлению, которое сбылось
88 в раскрытии, в качестве какового бытийствует несокрытость. Поскольку Представляющее мышление берет подлежащее-осмыслению на себя, ему недоступно позволение и оно остается, будучи осмысленным в направлении этого <позволения>, замедлением позволения, каковое <замедление>, однако, соответствует тому, что надлежит-осмыслить, которое скрыто отказывается и остается лишь как непомысленное присутствие.

«Бытие и время». — Забвение прежде всего познается как это забвение бытия; так что истина бытия остается неосмысленной. Еще более предварительно в подведении к вопросу сначала было указано на ближайшее следствие забвения бытия, но не как на след-

ствие, а как на «факт», который должен стать достойным вопрошания: то, что при забвении бытия приоритетом постоянно пользуется сущее, а среди него снова сущее, как это давно известно и получило свое название: противоположение представлению (νοεῖν) человека (das Gegenüber zum Vorstellen des Menschen). Его <человека> сущность — если смотреть только с точки зрения набрасывания бытия, т. е. скрыто учитывая забвение бытия — попадает во власть сущего. Эта деградация мыслится не морально или даже теологически и не как пренебрежение субъективностью по сравнению с объектами — но сообразно одной основной черте одного вопрошания в «Бытии и времени» как приоритет сущего перед бытием в его сущности; тем самым одновременно мыслится в неявной форме «дифференция».

Ἀλήθεια 89

Исчезло незабывание,
прежде чем возникло забвение.
Ветер тиши оставил
после себя забвение.
Его неназванное имя звучало так:
врата к Бытию, мост
в незабываемое.
Мышление обрело надежное:
У моста и у ворот
молчит взор и слух.

×

Сущность истины *есть* истина сущности.

«*Бытие и время*». — Постоянные рефлексии по поводу «Бытия и времени» не имеют целью анализ книги, они осмысляют опыт того, что забвение бытия происходило давно и однажды внезап-

но возвратилось, что, однако, мышление с трудом и со множеством заблуждений приблизилось к событию — и придет, чтобы познать само забвение как бытийственность ~~Бытия~~ (das Wesende des ~~Seyns~~), причем так, чтобы теперь не-забывание не только познавалось как имя рано проясненного «бытия», но и осмыслялось как сбывание самого забвения.

90 Стружки сыплются в мастерской, вполне сухие, хорошее топливо для очага. (Воспоминание юных лет.)

Под названием «*Стружки*» можно поделиться замечаниями по поводу «*Четырех тетрадей*».

Памятующее мышление мыслит о том, что забыло представляющее <мышление>: об Ἀλήθεια. Памятование мыслит о забвении. Последнее, однако, не является просто другой, незамеченной, частью не-забывания. Напротив, само не-забывание — это способ, каким забвение подготовилось к своему вхождению (Einkehr). Как должно забвение возвращаться (ankehren) непосредственно таким, каким оно само <есть> и так, что при этом оно останется самим собой, и даже держаться в этом вхождении?

Памятование мыслит то же самое, что мыслит представление, поскольку забвение и не-забывание и последнее как забытое связаны друг с другом в событии подлинного забвения. Это есть простота употребы (Brauch). Простота употребы есть раз-личие забытой двойственности (Zwiefalt) отсутствующей дифференции.

Если в историографическом отношении сравнить памятование с Представляющим мышлением философии, то окажется, что памятование мыслит в старейшем, в Ἀλήθεια, именно старое, то, откуда последняя сбывается. Памятование передает ста- 91
рое мышлению в соответствии с прежним способом

и подает это как подлежащее-осмыслению. Памятование передает это старое как само забвение, причем исходя из него самого и сверх него, в грядущее мышление. Это передавание старого в старейшем, пожалуй, и есть подлинная традиция. Памятование, осмысляющее только старое, полагает конец времени, которое хочет нового как нового, <конец> сущностно мыслимому времени; не так, что оно прекращается, но что оно начинает слушать старое. Памятование — это побуждение к началу. Для представляющего мышления, вынужденного пользоваться историографией, старое есть давно прошедшее и далекое, для памятования старое есть лишь внезапно приходящее и ближайшее.

(О диалектике как завершении представляющего мышления см.: «Диалектика»).

Завершенное представление стремится быть в системе.

Начинающееся памятование (Das angehende Andenken) соответствует забвению.

Благоговение есть памятование. В вере нет благоговения, а есть ревностность. Благочестие, идущее из мышления памятования, — иное, чем <благочестие> веры. Можно предположить, что она, несмотря на парадокс, удобнее для людей, особенно если человек все делает в вере. См. выше, S. 9.

Если под «верой» понимать христианскую веру из <области> христианства, то «философская вера» есть главным образом запутывание веры и отказ от мышления.

«Бытие» (Sein) это всегда «бытие сущего» (сущее в бытии). «Истина бытия» мыслит истину бытия <чего-либо> …; она мыслит, причем не только «также», но единственно дифференцию как раз-личие. 92

Событие и забвение не приходят на место отдельно представленного «бытия», но они сами суть место промежутка дифференции, причем поскольку они сбываются как раз-личие, в котором дифференция и ее дифференцированное (Differentes) сохраняются путем забвения. Во всех именах «бытия» (от Ἀλήθεια до вечного возвращения одного и того же) мыслится, памятующим образом, дифференция, причем как раз-личие забвения. (См. выше, b.)

Различие и превосхождение. —

Превосхождение держится в дифференции, для него немыслимой, ибо для него сущностно забытой.

Различие забывает дифференцию, собственно говоря, в начальное забвение и больше не нуждается в превосхождении.

Памятование о забвении говорит: принадлежать ему как событию, достигать забвения; но не стремиться представить забвение, чтобы с помощью этого представления создавать некую философию. Это было бы сильнейшим способом противиться забвению.

Сейчас еще ревностнее искажают «духовное» (geistig), превращая в «религиозное» (geistlich).

93 Позволение (Lassen) означает: пребывать (<S.> 75) в сохранении простоты подлинного забвения.
«Позволение (Lassen)»: мыслится исходя из человека. [См. <S.> 109 сл.]

Вхождение (Einkehr) забвения из поворота неначального в собственное — это эсхатология Бытия (<S.> 76). Она не противостоит феноменологии духа, как если бы речь шла о разделе философии

или о философской позиции. Феноменология духа есть эсхатология ~~Бытия~~, т. е. она осуществляет эсхатологию Бытия как событие забвения, сущностным способом и в сущностной стадии.

Следует обдумать: феноменологию духа в эсхатологии ~~Бытия~~; а последнюю в событии забвения.

Это мышление есть полемика (Aus-einander-Setzung) памятования с Новым временем (Neu-Zeit) в его завершении.

Оборотная <по отношению к Новому времени> сторона феноменологии духа есть в Том же самом вечное возвращение одного и того же.

Если мы все это, однако, представляем лишь историографически как некое протекание, мы еще принадлежим Новому времени и не пребываем в событии памятования. Пусть мы понимаем почти все, однако ничего не осмысляем.

Собственное события собственности есть вход поворота забвения в простоту употребы. [См. <S.> 132.]

Эсхатология ~~Бытия~~, свершающаяся в повороте забвения, собирает как событие различия дифференцию в отлучение, т. е. Последнее (Letze) (Εσχ<ατον>) употребы.

~~Бытие~~ (Seyn), обособленная в различие дифференция, требует в своей эсхатологии, в со-бирании отлучения (Последнего (Letze)) в на-чало отсвоения к употребе, пожертвовать мышлением путем памятования о забвении. 94

В философии мышление приходит к «твореньям», «достиженьям», произведеньям; даже к œuvre[32].

32. Творение, создание, труд (*фр.*). — *Прим. пер.*

Философ должен стремиться к своему произведению в этом смысле. Если памятование говорит о «произведении», то исходя из опыта забвения Бытия мыслится существенно иное: ремесло (Hand-Werk) сказывания забвения. К ремеслу относится атмосфера неприметного; но его следует сначала разыскать. Это предварительное в нынешнем ремесле; можно предположить, что мы не продвинемся «дальше». Это «неприметное» есть невыговоренное, тишь языка, из которого всякое сказывание утишается в его собственном. «Произведение» (Werk) — это в философии самое амбициозное. В памятовании это слово звучит по-другому. Оно напоминает о мастерской (Werkstatt), в качестве каковой сам язык обеспечивает памятованию обиталище его позволения. Мышление должно мириться с тем, что оно пребывает в двусмысленности слова «произведение» (Werk) и его путают с притязаниями философии. Так длительное молчание, вроде отсутствия публикаций «произведений», расценивается как подготовка к «произведению». Это,
95 пожалуй, есть молчание, — однако в смысле терпеливого старания найти вход в тишь языка, чтобы достичь мастерской сказывания мышления.

В вечернем воздухе зрелые колосья красивее всего колеблются на высоком стебле. Почему бы еще и позднему мышлению не колебаться — в загадке?

Диктатура публичной пошлости уничтожает <ту> стихию, в которой бытийствует диктат (das Diktare) поэзии. «Сочинение <стихов>» (Dichten) означает здесь: по-вторяющая под-сказка слова обращения забвения в событии (nach-sagende Vor-sage des Wortes des Zu-spruchs der Vergessenheit im Ereignis). Изначальное поэтическое творчество (Dichten) есть

сам язык. Его тишь утишает-питает слово в сказывание выговоренного. Пение поэзии (Poesie) — это только один способ поэзии (Dichtung); и не всегда высший или даже начальный. Замечание, что изначальное поэтическое творчество есть сам язык, говорит нечто совершенно иное, чем фраза: язык есть пра-поэзия — изначальное поэтическое искусство. Не всякая поэзия есть поэтическое *искусство*.

Человек, когда он стал подлинно смертным, есть пастырь ~~Бытия~~. Он оберегал забвение в его простоте. Вот почему мыслящий, как памятующий мыслитель, есть пастырь позволения. Он оберегает обитание в соседстве со смертью, поскольку идет путем, <ведущим> туда. Соседство бытийствует в близи как сохранение простоты подлинного забвения.

«Бытие к смерти», мыслимое экзистенциально-экстатически событийно, означает, что люди в сущности становятся собственно смертными. Они остаются не только «в» жизни, но перед ней в ~~Бытии~~ и уважают эту «оставленность» как принадлежание (Gehören). 96

Ἀλήθεια и забвение. См. выше <S.> 84. — Начиная с «Бытия и времени» мыслится просвет самосокрытия (des Sichverbergens), <причем> еще четче в докладе об истине (1930) и затем в рукописях («К философии» и т. д.). Этот просвет есть событие забвения. Но испытать его можно только из незабывания, поскольку оно само есть забвение, в которое прежде забывается подлинное забвение. Но все это следует мыслить как истину бытия (т. е. различия) — как само ~~Бытие~~. В Ἀλήθεια кроется возвращение Леты (Λήθη). Но последнюю нельзя представлять так, будто мы просто убираем букву Ἀ <в слове Ἀλήθεια>.

В конце концов, <все> сводится к простейшей вещи мира; так что мышление начинает мыслить в Ἀλήθεια все-таки Λήθη. Давно известно, что простое есть <самое> трудное. Но это знание нам не очень-то помогает, ни для того, чтобы вообще обращать внимание на простое, ни даже для того, чтобы просто осмыслить это простое. Здесь будет уже достаточно прислушаться к слову Ἀλήθεια
97 как имени бытия, а для этого требуется прежде воспринимать «бытие» как εἶναι, а его — как присутствие (экстатически-темпорально). Но предположительно мы способны и на это лишь тогда, когда мы прежде уже постигнем забвение бытия, причем как само событие, на чем покоится всякая судьба Бытия. Что толку вещать под громкими названиями о затронутости бытием и на основе этого фабриковать учение реализма, если люди никогда не бывают затронуты бытием, а только продолжают закреплять забытое забвение бытия. Но так же бессмысленно было бы теперь вводить в колею некую философию и метафизику Ἀλήθεια. Ибо нынче есть нужда в более простом: забыть памятующе-мыслимое простое в его подлинной простоте и «жить» исходя из этого забвения.

Памятование — это вовсе не наверстывание (Nachtrag) прошедшего, а пред-шествование (Vor-gang) в близь прихода забвения. Оно <забвение> есть собирание (das «Ge-»[33]) всякого освоения-сбывания («сущности») в употребу. Приход забвения есть приход бывшего (des Ge-Wesens). Но приход — это не просто будущее, приход есть близь — мирствующее приближение события. Пред-шествование идет

---

33. Приставка Ge- встречается в собирательных существительных (Kollektiva) типа Gebirge, Gefieder и т. п. — *Прим. пер.*

впереди в позволение, которое предшествует всякому пред-ставлению и действованию (Betreiben). Оно дает возможность рани возвращения забвения отправиться в отпадение (Wegfall), — а именно во внезапность захода забвения. Между ними нет ничего историографического. Они суть То же самое.

Является ли мышление благодарением? (Ist Denken ein Danken?) Похоже на то; пока мы воспринимаем благодарность больше чувством и не обдумываем. Но благодарение есть мышление, а именно в качестве памятования. Вот почему неблагодарность — это бездумность; а подлинная благодарность есть молчаливое памятование. <S.> 66. 98

Попутное (по поводу ответа на вопрос об оценке моей габилитационной диссертации о категориях и учении о значении у Дунса Скота; она была представлена летом 1915 г.; закончена зимой 1914/1915 г. после первого увольнения с военной службы; издана в 1916 г.).

У этой работы множество недостатков. Но сегодня стало уже само собой разумеющимся, что средневековое мышление пытаются истолковывать исходя из современных вопросов философии. Тогда, в условиях абсолютного господства философской тупости школы Боймкера[34] и схожих французских и итальянских исследований, она была для начинающего рискованным предприятием, чем-то вроде попытки создать нечто и даже по-

34. [Clemens Baeumker (1853–1924). Профессор философии в университетах Бреслау, Бонна, Страсбурга и Мюнхена; основал в 1891 г. серию «Труды по истории средневековой философии».]

ставить изложенное в соседство с гегелевской метафизикой. Однако эта тогдашняя ересь — не самое главное.

Главным же было то, что в центре внимания в «учении о значении» была сущность языка, а в «учении о категориях» — сущность бытия как беспокоящее. То, что сказывание бытия уже окутало как собственный мрак первые опыты моего мышления и с тех пор не ушло, было еще не по-
99 знанной милостью; ибо вскоре все же пробудился опыт забвения бытия и тем самым на <нужный> путь вступило обдумывание «Бытия и времени». То, что мое мышление смогло остаться на этом ветру и что для этого плавания на помощь пришел образ мыслей Гуссерля, все это пошло на пользу дальнейшему. Принадлежит ли исследованный трактат о modi significandi[35] другому автору, не Дунсу Скоту, не осталось ли еще многое пропущенным и недостаточно исследованным, не имеет значения в сравнении с видом пути, который пролегает за <строками> работы; ведь одновременно за этим стоят, пусть почти не упомянутые, многолетние усилия <по изучению> метафизики Аристотеля, а именно греческого <Аристотеля>, т. е. в <его> отличии (Abhebung) от средневекового. С габилитационной работой связана прочитанная в то же время габилитационная лекция о понятии времени в исторической науке[36]. Время осмысляется как имеющее иную сущность, чем время природы.

С вопросом о бытии сближается вопрос о времени; но нет еще и намека на «Бытие и время». Лекция первого семестра посвящена Парменид у

---

35. Способы обозначения (*лат.*). — *Прим. пер.*
36. [Martin Heidegger: Der Zeitbegriff in der Geschichtswissenschaft. In: Ders.: Frühe Schriften. GA 1. A.a.O., S. 413–433.]

и Гераклиту[37]. Вопрос о бытии поначалу рассматривался исторически. Но все это было сумасбродством молодости. Возможно, оно является более плодотворным, чем добропорядочное топтание по заезженной колее.

От «Учения о категориях и значении» к «Бытию и времени»

«Учение о категориях» посвящено поиску бытия сущего: опыт <того>, что бытие как таковое осталось неосмысленным. «Учение о значении» посвящено поиску сущности языка: опыт <того>, что язык властвует и не является «выражением»: властвование и истина бытия — —

Нам нельзя снова начинать вещи, которые закончились.

Посреди ставшего публичным вечного возвращения одного и того же незаметно осуществляется внезапный приход Того же самого: забвение различия становится событием. В нем освоялется эсхатология Бытия. 100

Для памятующего мышления Ἀλήθεια — Φύσις — Λόγος — Ἕν суть не прошедшее, не историографическое, не историческое, но и не судьбинно прежнее,

но: внезапность раннего возвращения (Ankehr) забвения познана в незабывании;

само забвение,

близь его прихода,

внезапность незаметного простого услышана.

Постигающее принадлежание переходит в соответствие.

---

37. [Рукопись лекции, <прочитанной в> зимнем семестре 1915/16, не сохранилась.]

В эпоху вечного возвращения одного и того же забывание есть только дело человека; это прореха в нашей власти представления. Так что само забвение есть ничто. (См.: Ницше, Утренняя заря.)

Раз-личие есть событие, которое сбывает человека в соседство со смертью. Таким образом, он есть присутствующий в «присутствии» (der Anwesende zum «Anwesen»). В смерти таится сущность события. (<S.> 103 сл.)

101 Вера, возможно, это прибежище у Бога; но в то же время она есть отход от Бытия. Стремясь только к сущему, она осуществляет безыстинность, причем замедляет ее завершение. Тем самым она остается явлением нигилизма, ибо сбывается в нем, так что не имеет никакого отношения к Бытию. (См. статью <о нигилизме>[38].)

Когда кто-нибудь рассуждает о «презенции бытия» (Präsenz des Seins) и даже еще считает своим долгом как мыслителя кое-что сказать, то он доказывает этой болтовней, что не мыслит и не знает, что такое мышление. Он явственно подтверждает для мыслящего <человека> — не для читателя литературной продукции, — что он не способен и потому неправомочен выступать против «нигилизма» или даже против попыток освободить от представления только-сущего, забвения бытия и в осмыслении того, что есть не просто сущее, пробудить для опыта Бытия. «Презенция» «бытия» — как если бы «пре-

38. [Martin Heidegger: Das Wesen des Nihilismus. In: Ders.: Metaphysik und Nihilismus. 1. Die Überwindung der Metaphysik. 2. Das Wesen des Nihilismus. GA 67. Hrsg. von Hans-Joachim Friedrich. Frankfurt am Main, 1999. S. 175–267.]

зенция», помысленная как οὐσία, не была самим бытием; чем же еще является «бытие» — или подразумевается «сущее»? Презенция сущего? В какой мере «сущее» и «презенция» совпадают? Несмотря на это, данные идеи вот уже два десятилетия господствуют в мышлении, к ним обращаются и болтают о греках и зле.

Что властвует? Машина и литератор?

Эсхатология Бытия есть событие забвения раз-личия; событие сохраняет раз-личие в простоте употребы. 102

Эсхатология Бытия сбывается как внезапность поворота (Kehr); последний есть возвращение (Ankehr) самого забвения; есть пре-рывание махинации посреди окончательной безыстинности.

Феноменология духа, помысленная исходя из эсхатологии Бытия, проявляет себя как главная черта «истории» истины бытия начиная с φύσις; при этом «дух» есть уже передаваемая из νοῦς, Deus, субъективности сознания, разума и неосмысленная, ибо оставшаяся непостигнутой <в опыте> Ἀλήθεια.

Монадологию действительного соответствующим образом следует мыслить исходя из Ἕν и в связи с тем, что ἐνέργεια превратилась в actualitas, а Ἕν разрешается в синтез «духа».

Но эсхатология Бытия не отменяет диалектически феноменологию духа, как не приводит она монадологию к более высокому способу сущности Ἕν как истины бытия. Она событийно есть пре-рывание обеих, которые принадлежат махинации как неподлинное событие.

103 «Феноменология» и «монадология», помысленные эсхатологически-памятующе, восходят к рани Бытия; ибо «феномен» бытийствует в physis, monas в Ἕν, т. е. в Λόγος; «-логия» в Ἀλήθεια и в Λόγος. То, что так оно и есть, подтверждается тем, что Гегель и Лейбниц, уже не постигая бытийствующее (das Wesende) забвения Бытия, мыслят соразмерно судьбе Бытия, т. е. исходя из безыстинности различия; ибо они — мыслители. См. ниже, <S.> 106. [См.: Заметки IV, <S.> 13.]

(<S.> 100) Событие есть сбывание человека в соседство к смерти. Так в событии бытийствует двойственность сбывшегося («присутствующего») в отношении события как отсвоения — («присутствие»). Так осваивается различие между присутствующим и присутствием (между сущим и бытием в Бытии). Различие же есть раз-личие-раз-деление (Unter-Schied): сбывающийся просвет промежутка (des Zwischen) как мира. Вместе с раз-личием-раз-делением правит особенно раз-личие-раз-деление между всяким сущим любого рода и его бытием, посреди какового сущего человек как сущее есть Бытие?[39] Это его отличие. Соседство со смертью есть знак этого отличия. Оно состоит в том, что отличает человека к бедности, к сущностному обитанию в позволении, в качестве какового сбывается защита сохранения (die Hut der Gewahrnis), к которому принадлежит употреба как собственность загадки бедности.

104 Но отличие к бедности остается забытым в рани с забвением в не-забывании. Человек хотя и осваивается-сбывается в сохранение «Бытия», но поскольку оно (Бытие) есть незабывание как несокрытость

---

39. [Вопросительный знак в рукописи.]

и поскольку в ней и из нее нескрывание и несокрытый, человек, допускается, осваивается в этом допускании, постольку человек сохраняет присутствующее, воспринимая его как присутствующий к нему и собирая, и таким образом, стоя перед стоящим, сам ему пред-стоит, чтобы принять его в свой рассудок и так осуществлять (betreiben) бытийствующее в самом «Бытии» постоянство (Beständigung). Отличие в бедность остается забытым ради восстания в постоянство! Но если отсутствие вхождения в бедность хотело бы быть отказом, кроющимся в событии, то забвение обладало бы запасливой сущностью (dann wäre die Vergessenheit vor-rätigen Wesens).

Отношение человека к Бытию, если вообще такое существует, следует мыслить так, что оно бытийствует внутри Бытия, таким образом, что <лишь> такой человек «есть» Бытие, который сбылся в Бытии для истины последнего. Будучи таковым, он смертен (<S.> 100). Бытие никогда не есть нечто противолежащее (Gegenüber), никогда не есть всеобъемлющее, никогда не есть соединение обоих, хотя в превосхождении все может так выглядеть. Исток такой видимости следует обдумать.

Но он <человек> сам не может быть использован для объяснения отношения человека к Бытию (лучше — относимости человека исходя из Бытия в нем). Отношение Бытия к человеку, раз-личие, следует мыслить только событийно, т. е. вместе с тем соседственно (nachbarschaftlich) <со смертью> (см. выше, <S.> 75 и 100). 105

Но сущность различия не исчерпывается в этом отношении. Формула «человек и бытие», «бытие и человек» несоразмерна уже как формула. Вопрошание, которое здесь начинается, уже привело к заблу-

ждению прежде, чем попыталось сделать первый шаг. Кроме того, здесь потребно (ist not) отвечание, которое как соответствие призыву Бытия (как событие) есть не что иное, как шаг назад (из восстания в постоянство) в бедность позволения. Так человек присваивает себе бедность, то, в чем он высвоен в сущности (worein er im Wesen vereignet ist). То, чем является, как может показаться, вопрос об отношении между бытием и человеком, есть отвечание как принадлежание к событию. См. выше, <S.> 52.

Часто бывает, что в близи <люди находятся> далеко друг от друга. Но здесь господствует та даль, в которой порой пребывают альпийские горы над Шварцвальдом.

Бытие (Seyn) есть забвение различия.

Забвение различия есть ~~Бытие~~. См. <S.> 131 сл.

106 *Эсхатология Бытия*. — Если Бытие как ~~Бытие~~ есть событие и если событие есть событие забвения, то эсхатология есть собственно эсхатология забвения. Родительный падеж в данном выражении носит особый характер, он говорит, что забвение, причем в его Полной сущности как поворот между собственным и несобственным *событийно* собранным, есть Λόγος, а именно последние (die Letzen) (Eschata) его самого <забвения>: то Некогда (Einst), в котором рань пробуждается, и то Некогда (Einst), к которому идет позднейшее. Забвение освояет это Некогда как То же самое, а это То же самое как простоту его <т. е. забвения> загадки.

Смерть есть забвение Бытия в этом сущностном смысле забвения. Она есть само забвение, поскольку последнее как событие высвояет человека в соседство к ней <смерти>. (См. выше, <S.> 100, 103.)

Нужно тогда событийно мыслить и родительный падеж в названии «Монадология действительного» и «Феноменология духа». Однако то, что они <так> именуют, Бытийно-судьбинно находится перед заходом (Einkehr) эсхатологии забвения, но это лишь поскольку оно принадлежит к внезапности неподлинного забвения.

Сказывание забвения было бы достаточным.

Избегай объяснения.

Смертный 107

То, что человек, подрядившись вещи,
живет в соседстве со смертью,
обозначает его,
кому внезапно явилось:
слово и тишь,
Бог и воля.

—

История сущности человека в Бытии.

Сокровенное отличие к бедности в собственности события забвения.

Восстание в постоянство.

* Уничтожение в безыстинности различия.

Шаг назад в памятование.

Бытование смертных. См. <S.> 111.

* Поворот в забвении и прохождение мимо уничтожения и шаг назад.

Все сбывается в пропускании (Vorlaß) человека в восстание. Но пропускание бытийствует из резерва события смертного в сохранение забвения.

Сегодня мы находимся посреди (mitten inne) между уничтожением и шагом назад. Это вовсе не ситуация, а мгновение ~~Бытия~~.

108 Повсеместно организуемый ныне культ «простого» ничего общего с ним не имеет; он остается тривиализацией сложного; в результате чего последнее все более усложняется, поскольку оно еще особо прикрывается. Нужно ли, чтобы прикрытое сложное было простым. Зуд примитивизации это и подразумевает.

Научный мыслитель, мыслитель в кругу наук, подобен пишущему <тексты> художнику, возможно, <он> еще решительнее <находится> вне своей стихии.

Опыт забвения бытия предшествовал пониманию сущности Ἀλήθεια. Этот опыт понимался поначалу так, что осталось неосмысленным, что́ бытие есть как бытие и откуда оно себя и в каком свете себя показывало. Около 1919/20 г. была познана Ἀλήθεια; однако в каждой области <чего-то> не хватало, чтобы постичь собственно (eigens) ее саму; долго оставалось только представляющее окружение онтологии и логика метафизики, чтобы вообще уточнить, что в ней искали. Усилия по большему сближению Ἀλήθεια через ἀληθεύειν[40] с VI кн. «Никомаховой этики» Аристотеля[41] продвинули недостаточно вперед, хотя было обдумано, что ἀληθεύειν соотносится с ψυχή, которая неким образом «есть» все сущее

---

40. Быть правдивым, говорить истину (*греч.*). — *Прим. пер.*
41. [См.: Martin Heidegger: Phänomenologische Interpretationen ausgewählter Abhandlungen des Aristoteles zur Ontologie und Logik. GA 62. Hrsg. von Günther Neumann. Frankfurt am Main, 2005, S. 376–386.]

и, следовательно, сущее как таковое. Но именно это бытие остается темным. Употребленное в совершенно ином значении слово «Da-sein» ‹здесь-бытие› должно было бы в данном случае мыслить несокрытость сущего, открытость, «здесь», *воедино с* «бытием» человека, каковое «бытие», как кажется, *скорее* определяется из «здесь» как Ἀλήθεια, чем из «души» и «сознания» и «субъективности». Но на фоне этих усилий стояла подлинная и так и не оставленная загадка забвения бытия. Издавна повсюду существовало намерение двинуться из традиционной философии к Ἀλήθεια и к забвению бытия, т. е. к изначальному опыту самого бытия. Эта попытка постоянно проваливалась; даже тогда, когда сама метафизика была подвергнута критике с точки зрения забвения бытия. 109

«Отрешенный» и «отрешенность» (gelassen — Gelassenheit) сейчас уже больше употребляются в первую очередь не по отношению к человеческому поведению, а исходя из события: позволенный, а именно в этом позволенный, т. е. до- и впущенный в на-чало различия. «Отрешенность»: то, что начало освоилось-сбылось и тем самым высвоилось (vereignet). Лишь в этой отрешенности бытийствует «позволение» (Lassen) — как *обитающая бережность употребы загадки*. Но в конечном счете «позволение» есть то, что остается целиком переданным самому событию, так что этим словом уже больше нельзя назвать поведение, а также пребывание человека; не говоря уже об опасности, что его употребление усиливает ложное понимание, будто здесь подразумевается безделье (ein Nichts-tun) как не-делание (ein Nicht-tun), тогда как свершается действие, которого, однако, не достичь какой-либо «активностью» (Aktion) или какими-нибудь действиями (Agieren). Само 110

событие сосредоточенно держится в позволении: <оно> *есть* отрешенность всякого позволения.

Настроение-настрой: то, что событие в его тиши настраивает сохранение (Gewahrung) в употребу.

«Настрои» (Stimmungen): люди все еще полагают, что это слово подразумевает некое <переменчивое> настроение, последнюю пену чувства, благодаря которому человек прямо-таки ощущает, к чему склоняется и склонным к чему себя мнит.

Позволение-быть сущему (Sein-lassen das Seiende): сущему, которое есть. Разумеется. Но позволение-быть уже впущено в бытие и выходит из него, <причем> бытие все же должно было впустить человеческое существо в сохранение Бытия, — так что само Бытие как это позволение (dieses Gelassen-haben), как бытийствующее позволение — освояется-сбывается как отрешенность.

«От-решенность» (Ge-lassenheit): сосредоточение (Versammlung) в позволение — как освоение путем побуждения, допускания, пропускания, впускания как входа простоты в отлучение-прощание (Abschied) употребы: *покой благодаря впуску обещания*.

Одарен <свыше>? возможно? чем?

Сказыванием тиши, размышляющей о забытом. Но размышлять? подготовлять стихию события исходя из загадки —

Покой благодаря впуску обещания: подлинное забвение.

111 У людей настолько размытое представление об искусстве, что они полагают, будто эта размытость и есть его сущность. Бездумно помещают непомысленное на место предполагаемого немыслимого.

Ἀλήθεια: *не-забывание* в том смысле, что забвение *как таковое* еще не сбывается. —

Это «еще не» остается забытым, так как оно скрывается за Ἀλήθεια как *несокрытостью*, в том смысле, что сокрытость уклонилась от восхождения (Aufgehen) при-сутствующего в сосредоточение присутствия как от Единяще Единого. (Ἀλ.<ήθεια> Φύσ.<ις> Λόγ.<ος> Ἕν.)

С прихода не-забывания путем несокрытости начинается восстание смертных в живое существо (Lebe-Wesen), которое, воспринимая-собирая (vernehmend-lesend), пред-стоит присутствующему и так производит его на основе внешнего вида — каковое восстание восстает в пред-ставление и по-ставление (Zu-stellen), подготавливая опредмечивание. См. <S.> 95 и 103 слл.

Примечай чужое близи —
Храни даль вещи.

Мышление пребывает в непривычной нужде. Оно не вправе говорить, но все же обязано быть сказыванием Бытия. Поскольку, однако, сказывание не высказывается о наличном, а потому и не изо- 112
бражает, и не сообщает, поскольку скорее отвечает на слово невыговоренного, причем так, что невыговоренное освояется лишь как таковое, постольку сказывание «самого́» Бытия в говорении будет сказыванием — чего?

Язык есть разговор употребы. Он является разговором между словом [невыговоренного] и ответом смертного. Язык есть разговор различия.

Будучи событием, употреба приводит (kommt) к языку. Она иссякает в разговоре различия. Соответствие вводит это приходящее (Kommende) в раз-

говор; скрывает его в тишь невыговоренного. Сказывание ответа исчезает в языке.

Привести к языку (zur Sprache bringen) — поэтому не подразумевает: публично обсуждать бытие и тем самым инсценировать переговоры о нем, чтобы поддержать обсуждение того или иного высказывания и так способствовать беседе.

Привести к языку означает: принести неприметное сказывание как жертву в разговор невыговоренного.

Те, кто так мыслит в памятовании, не являются ни творческими, ни нетворческими <натурами>. Они не достигают нового, как и не терпят в этом крах. Они сохраняют эхо старого в неприметности словоупотребления, которое из употребы говорит как ее разговор. Они приводят не забвение к языку, а язык к забвению.

113 Оставаться в созвучии с тем, что давно, едва прозвучав, отзвучало в тишь забвения. Звук этого отзвука отзвучал в отголоске, который сокрыт в месте, остающемся еще недоступным, пока человек не найдет местопребывание своей сущности, ибо не может отказаться от себя как живого существа, ведь он же смертен.

Пусть еще остается кое-что, что нужно прояснить в отношении «Бытия и времени»; но в прочем мышление должно отказываться от всякого желания прояснять. См.: Заметки IV, <S.> 92.

Философия, как кажется, угодила нынче в лапы писателей-романистов. Тем самым мышление остается защищенным от нее, если здесь еще требуется защита. Мышление лишь тогда есть мышление, когда

оно сделалось нечувствительным к наукам и ко всяким видам искусств. Ибо и те, и другие привязаны к метафизике.

Быть наедине с истиной — значит сохранять единственное ее сущности в нем; но не значит тащить на себя истинное и сохранять для себя. Лишь сохраненная истина обращается к своей эпохе, оставаясь таким образом всеобщей. Истина не поддается передаче, ни прямо, ни косвенно.

Бездумные: это те, кто полагает, будто только выговоренное и есть помысленное.

В неприметном пролегает граница между разговором и болтовней. 114

Публичность обеспечивает безусловное нивелирование всего. Коварнейший образ действий в этом занятии заключается в том, что она выдает одновременное за то, что вместе с тем имеет не только одинаковую, но даже ту же самую сущность, причем с необходимостью.

Язык. — Поскольку в сущности языка царит злоупотребление в форме пересудов, так что последние распространяются до крайней степени господства всех представлений и действий и поражают самое нутро сущностного, постольку от употребления языка зависит все, а именно все, что имеет отношение ко всему, что есть. Но откуда берется скверное в употреблении языка, если язык есть разговор различия?

Как бытийствует злоупотребление и употребление, если они освояются не исходя из той или иной употребы, которой они собой и своей контр-сущностью (Gegenwesen) в равной мере обязаны, не буду-

чи способны даже в малейшей степени ответить ей «за» или «против»? *См. <S.> 118 сл.*

То, что от философии перебегают к вере или просто к теологии, выдает неспособность разочароваться в философии — именно потому, что она по сути не совершает того, что от нее требуется:

115 осмыслять бытие. Разочарование в философии, однако, не ведет к бегству к другому и к выходам из мышления: оно, и только оно, ведет к мышлению.

Разочарование, однако, не есть болезнь к смерти, но выздоровление к Бытию, если выздоровление (Genesen) <, ведущее свое происхождение> от nesen, νόστος[42], подразумевает возвращение, причем возврат в заход события забвения, — каковое возвращение одновременно является возвратом человека в смертность.

Пояснения к Гёльдерлину. — Мыслящую встречу с поэтом — автором поэтических <произведений> (mit dem Dichter der Dichtung) принимают за философскую позицию, призванную служить тому, чтобы улучшить философию с помощью поэзии. Момент в судьбе святого, у которого дело идет об историческом истории, принимается за литературно-историографическое упражнение.

Еще далекое первое потрясение метафизики воспринимают как заведомую смесь поэзии и философии. Забавляются историческими сравнениями и совсем не догадываются о Единственном прихода (vom Einzigen einer Ankunft). Полагают, что это поэтическое слово можно подхватить как кусок хлеба, и забывают, что пшеницу надо посеять и дать ей

---

42. Возвращение (*греч.*). — *Прим. пер.*

созреть, что перед этим надо вспахать поле. Поэта относят к корпусу изысканного чтения и отказываются сосредоточиться на атмосфере его поэзии. Услышав имя Гёльдерлина, всюду что-то себе представляют, но не думают. Отказываются от поэта, хватаясь при этом за его произведения.

Язык — означает и есть знак для …; σῆμα[43]. 116
— выражает и изображает внутреннее вовне.
— передает и служит обмену и общению.

Все это и еще многое другое можно легко извлечь из языка, раз уж мы часто представляем его как нечто наличное и не думаем о том, что он есть разговор различия, само Бытие. Для представления язык остается видом инструмента. Поскольку представление пронизывает местопребывание (откуда?), постольку язык всегда попадается <навстречу> поначалу — или все же на долгое время — как нечто наличествующее — будь то некий имеющийся образ или же наличное, т. е. протекающее действие.

Вот почему всякое говорение о языке двусмысленно. Оно может оставаться в рамках пересудов о чем-то наличном. Но сказывание может также относиться к разговору; будучи таковым, язык бытийствует и, таким образом бытийствуя, есть само Бытие.

Абстрактное искусство. (Выставка 1947 г.[44]) — То, что сейчас показывают (Пикассо, Брак, Хуан Грис), — это никакое не начало, а конец, причем конец околевания искусства. Сюрреализм (чье название — плохо скрытая перифраза названия «метафизика»)

---

43. Знак, признак (*греч.*). — *Прим. пер.*
44. [В 1947 г. в Мюнхене в «Доме искусств» состоялась выставка «Современная французская живопись от импрессионистов до современности».]

это последние звуки затихающих криков о помощи <со стороны> околевающей метафизики. Стоит ли удивляться, что художники, принадлежащие к этому искусству, убегают в область литературы и ра-
117 достно констатируют, что то, что показывают их работы, беспредметное, смыкается с тем, о чем говорит современная атомная физика? Этому искусству соответствует то, что <зритель> своей волей принуждает себя к нему. Даже история искусств втискивается в воление воли этого искусства, которое вовсе не отрицает свое происхождение из воли к воле.

Если мы видим только то, что думаем, что же тогда мы думаем, когда по утрам видим, как над горами встает солнце, а по вечерам — как оно заходит за лесом?

Мышление. — Требуется длительный опыт, да и некоторые заблуждения, пока мы научаемся, что *мышление есть мышление и только*. Мышление — в этом одновременно таится его отличие — есть не что иное, как то, на основании чего его можно определить. Мышление — не представление, т. е. <не> представление о чем-то вообще (с-хватывание — абстракция — диалектика). Вот так и движется само себя отчуждающее мышление в некоем коварном поле. Мышление как рассчитывание. Мышление — не поэтическое творчество, даже тогда, когда поэтическое творчество мыслится как предсказывающее повторение своеобразности события, а не просто как воображение.

Мышление — не благодарение, ибо прежде оно должно соответствовать как ответ на слово употребы (zum Wort des Brauchs) и так сохранять и доставлять свое самое особенное (sein Eigenstes).

118 Разговор языка есть отзвук призыва отрешенности употребы в соответствии с пребыванием смертных в загадке (im Ratsal).

Язык как разговор есть местопребывание события. В это место ударяет молния поворота забвения.

Так сбывается ужас безыстинности.

Разговор языка есть в повороте подлинная бережность отрешенности употребы.

Мирствование мира сбывается внезапно и всегда в языке как его <языка> разговор.

Ибо мир еще не начат,
лишь обещан, и скрыта вещь
в забвении различия.

В языке кроется ширь близи употребы. Эта ширь несет решение различия в событие загадки.

Поскольку человек даже в малом не измеряет важность языка как меру своего пребывания в событии, он еще весьма далек от предчувствия того, что могло бы подбросить ему спасение Бытия в истину, каковое подбрасывание сбывается как эсхатология ~~Бытия~~.

Язык есть разговор раз-личия. См. (употреба и язык).

119 Последним (die Letze) <в> событии является отлучение в отрешенность как отлучение в бедность (к отрешенности). См. выше, <S.> 109 сл.

Мышление как памятование есть мышление отлучения — сказывание отсвоения: сказывание эсхатологии Бытия как события. Как отлучение, отсвояющее (enteignende), сбывается раз-личие.

Отлучение в бедность к отрешенности есть отсвоение в начало бережности употребы.

Отсвоение продлевает ширь события.

Отлучение сбывает место загадки, передает пребывание человека в событии, сбывает человека в его отличительную сущность.

Поворот забвения различия, предназначенный человеку, освоялется в отскоке мышления из представления и его высказывания в памятование как сказывания эсхатологии ~~Бытия~~.

Это сказывание есть говорение слова загадки:

соответствие тех, кто принадлежит отлучению (Abschied).

Ответ тех, кто утишен в различии.

От того, что зрение пропадает,
Зрение <становится> только алчнее.
От того, что слушание возникает,
слушание <становится> более вслушливым.

От мышления как представления сущести сущего к мышлению как сказыванию употребы.

120 Событие употребы есть раз-личие.

Раз-личие есть отсвояющее отлучение (Abschied).

Отлучение освояет мир.

Мир вмирствует (erweltet) вещь.

Вещь высвояет мир.

Событие употребы есть призыв тиши.

Она утишает как отлучение мир в загадку.

Тишь есть слово события.

Слово обращается (anspricht) в отлучении.

Это обращение (Ansprechen) есть притязание события на соответствие, которое отвечает слову. Разговор различия отлучения.

Событие употребы сбывает бережность.

Отвечающее соответствие осуществляет бережность.

Отвечающее соответствие есть мышление, которое, мысля об отлучении, мыслит в раз-личии.

Памятующее мышление есть сказывание.

Оно соответствует, отвечая, призыву тиши в молчании.

Мышление молча проводит борозды в разговор различия.

Сказывание мышления молчит; оно сказывает, но не высказывает.

Сказывание памятования вымалчивает эсхатологию ~~Бытия~~.

Сказывание приводит к языку событие употребы.

Сказывание выговорилось (ist gesprochen). А потому оно выглядит как высказывание о чем-то. В соответствии с этим высказанным ищут <его> и хотят его представить. 121

Сказывание пребывает в постоянной опасности быть ложно истолкованным как высказывание. Оно неожиданно утратило свою сущность. Оно уже больше не является подготовленной, ждущей <сева> бороздой. Оно не сохраняет неприметность затаенного сплачивания языка.

Сказывание само становится предметом, о котором идет речь.

Единственной сущности языка <, заключающейся в том>, что он есть местоположение события употребы, соответствует многообразная рассеянность в пересудах, предлагающих прибежище мнению.

Сказывание мышления имеет видимость высказывания.

Высказывание рассеивается в пересудах.

Пересуды властвуют в форме болтовни.

Болтовня общественности злоупотребляет разговором раз-личия.

Высказывание мышления таким образом уже подвергается опасности, прежде чем оно (высказы-

вание) само об этом узнает. Оно не избегает речи о самом себе.

Мы еще мало упражнялись в том, чтобы сказывать сказывание мышления и выслушивать его.

Основательность сказывания не заключается в том или ином произведении (Werk). Такое произведение чуждо ему. Его основательность покоится на осторожности отвечающего соответствия, которая применяется в тиши употребы.

122 Одобрение (Zusprechen) в обращении (Ansprechen) тиши сберегает себя и тем самым остается обещанием (Versprechen) отрешенности употребы.

Обещание сплачивает раз-личие в надежность.

Лишь отрешенность события всецело надежна для бедности (<S.> 129).

Событие как увидение (Er-äugen) есть усмотрение бережности.

Взгляд есть светящаяся защита с тыла (die lichtende Rück-Hut) бережности в укрывание (in das Erbergen) употребы. Событие есть узревающее укрывание в обещание. Сбывать: *из-обретать*: обретать в том, в качестве чего оно бытийствует.

Язык есть разговор обещания.

В обещании употребы покоится забвение различия.

Внезапно <к вам> обращается тишь.

Она освояет отлучение.

Отрешенность употребы обещает себя бедности пребывания.

Раз-личие пребывает в разговоре.

Событие отсвояет собственность у собственника бедности.

Собственность есть мир.

Мир вмирствует вещь.

Вещь овеществляет человека в жесты бережности и обусловливает-овещевает (bedingt) собственность в данное <каждому> (Je-Weilige).

Забвение поворачивается в заход загадки.

Незабывание сохраняется как отказ <от> употребы.

Упорно двигаться в неприметности предваритель- 123
ного, которое ничтожно: осмысление употребы.

Перепахать мышление как представление к борозде разговора, в качестве какового говорит различие.

Так мышление приводится к исчезновению в сплотке (Fuge) языка, из которого сплачивается выговоренное, всегда говорящее в стихии ~~Бытия~~.

Благодаря разговору обещания язык остается местоположением употребы.

Упорствуй исходя из покоя в мышлении ясно в отказе от важничанья отречения.

Будешь внимательным в мышлении, если оно принадлежит к отвечающему соответствию.

Как исчезает достойное вопрошания (das Fragwürdige), так что памятованию остается лишь достойное осмысления (das Denkwürdige)? См.: Заметки IV, <S.> 32.

— — —

В незабывании забыто забвение, а вместе с ним и его забытое: различие. А потому незабывание уже приступило к забвению различия. Забвение остается таким образом, что дифференция также превосходится (übergangen wird) и даже это превос*хождение* остается сокрытым из-за того, что в дифференции, превзойденной как таковой, устраивается транс-

ценденция, благодаря которой бытие сущего обретает обличье.

124 Если мышление есть путь, то мы по нему попали туда, где находимся: в местоположение нашего существа, каковое местоположение сбывается в употребе как событие.

Познать особенность мышления значит убедиться, что здесь имеется путь, который только и позволяет попасть туда, где мы уже находимся. Этот путь не ведет дальше, не уводит. Этот путь проходит только через место. По-видимому, он относится к местоположению места. Этот путь ничего не дает. Он только отнимает, а именно то, что препятствует <тому>, чтобы место, в котором мы находимся, было нашим пребыванием. В мышлении мы постигаем местоположение и обучаемся пре-быванию, а именно отлученному, бедности бережности в отрешенности употребы.

Голый культ языка исчерпывается в уходе, похожем на деятельность садовника, уходе за сознательно выисканным стилем. Такое обхождение с языком является столь же роковым, как изнашивание <языка> как инструмента. И то и другое связано друг с другом, так что они столь же мало сбываются от самого подлежащего-сказыванию (von dem Zu-Sagenden). Язык при этом есть то, к чему ничего не приходит, как должно было бы прийти, чтобы это приходящее и его приход обрели в нем свое прибытие. В культе языка ничего не приходит к языку; более того, от него уходит прочь все, его собственная сущность. Сегодняшнее овладение
125 языком, необузданное умение говорить и писать, находится в обратном отношении к способности и к внимательности мышления. Поэтому всегда

бывает трудно решить, порождает ли сказанное помысленное или выговоренное затаптывает непомысленное. Или же чуткое ухо легко заметит различие? От литературы мало что осталось бы, если бы можно было одним махом разоблачить всю образованную и расхлябанную болтовню.

Беда безыстинности не в неухоженном языке; она едва ли не опаснее угнездилась в языке ухоженном. Беда состоит в том, что язык, ухоженный или неухоженный, уже не является языком, уже не может быть языком.

Если к языку относится скрыто слаженная многозначность, то не должно удивлять, когда мышление подвергается ложному толкованию. Привычное представление требует однозначности понятий. Из-за этого требования, идущего из <области> наук, но не соответствующего мышлению, все уже сдвинулось <в сторону> ложного понимания. Но это непонимание могло бы стать как бы первым шагом к постижению многозначности. «Много-», которое не <нужно понимать> количественно, получается из употребления (fügt sich aus dem Brauch) и тем самым становится общеупотребительным (bräuchlich).

126 Едва ли мы можем договориться о том, что сегодня сильнее: страх перед мышлением или неспособность мыслить. И то и другое наводнено изобретательной болтливостью, которая, будучи необузданной, симулирует отсутствие боязни, а будучи хлопотливой — расчетливость.

В такой ситуации необходимо мыслить с опережением.

То, что мышление *есть*, уже является образцом.

Оно одновременно мыслит с опережением и указывает на достойное осмысления.

В двояком смысле понятое мышление с опережением показывает одновременно подлежащее-осмыслению и мыслительный путь к нему. Когда-нибудь и то и другое будет восприниматься как то же самое.

Учиться мыслить означает учиться постигать многозначность языка как его сущностное <свойство> и тем самым становиться настойчивым в нем как толковании мира в разговоре различия. О *толковании мира* в языке см. [Язык].

Все достойное осмысления сосредоточивается в одной мысли, которая обдумывает, что и как нужно мыслить различие (Unterschied) как отлучение (Abschied) в употребу. Нужно осмыслить то, что отлучение отсваивает в бедность к бережности и в отрешенность употребы. Так раз-решается событие. Так оно сбывается во внезапности поворота забвения. Так внезапно разверзается разрыв ярости в употребе [загадки].

127 Мышление есть ремесло сказывания, которое проводит борозду разговора, в качестве какового сбывается язык, поскольку он, как скрепа разговора, прилаживается к употребе.

В этом ремесле ученик должен быть своим собственным учителем, а учитель — подручным ученика. Сказывание должно забывать себя в языке как незримая стихия тиши употребы. Незримость этой стихии (эта остающаяся ширь местоположения употребы) хорошо защищена теперь изнашиванием языка в речах и писанине из-за господства болтовни. Создается даже впечатление, что язык сам себя истощает. Поскольку сказывание забывается в языке, оно не может исчерпывать себя в высказываниях и в роли выражения. Поскольку сказыва-

ние не может быть высказыванием, мышление вовсе не может наставлять других в отношении себя. Оно остается учебой мыслящего. Вот почему ремесло впадает в незаметное, а мастерская в сокрытое. Сказывание, замечаемое обществом и ценимое им, движется в бесполезном.

Памятование соответствует наступающему забвению, отлучающему со-крытию различия в отрешенность употребы. Памятование есть соответствие подлинному забвению. Памятование есть подлинное (берегущее, не отодвигающее) забывание. Поэтому оно принадлежит отлучению.

Это мы постигаем напоследок в близи былого (des Einst).

Найдется ли кто-нибудь, кто способен на это? 128

Возможно, событие удерживается в себе посреди внезапности своего поворота, так что все цепенеет в махинации и это оцепенение выдает себя за жизнь. Тогда пусть не остается неподлинное забвение <и> не приходит подлинное; пусть не бытийствует бывшее, не сбывается приход употребы в отрешенность. Человек мог бы достичь «современности», которую он столетиями ругал и которую он принимает за бытие. Он продвигался, не-обусловленный никакой вещью, в техническом устройстве себя самого и своего мозга. Казавшиеся ему полезными подготовка и управление этим органом с помощью электрических импульсов для прекращения одних и мобилизации других центров представлялись совершенством всякой организации. Не для того чтобы людей массово убивали, но посредством того, что американский человек в будущем через организацию этого органа безусловно опредметил бы жизнь = мир, человек будет ввергнут в крайнюю заброшенность застывшего забвения бытия; между тем будет упразднена и вся-

кая возможность вызвать моральное возмущение. Подобное считается устаревшей шуткой, прежде всего в кругу тех, кто еще недавно под предлогом морали вздернул своих более грубых преступных предшественников.

129 Тем не менее мы вправе упоминать это ужасное <следствие> заброшенности человека лишь попутно, в связи с предельным отказом истины Бытия; ибо уже в отказе мыслилось былое освояющего отсвоения (das Einstige der ereignenden Enteignis) как тишь загадки, в противоположность которой приводящее в замешательство опустошение земного шара в безыстинность остается лишь ничтожным Ничто, что свидетельствует о том, что с сущим, которое будто бы следует принимать в его реальности для себя, как раз ничего и не выходит. Вероятно, это связано с тем, что даже с Бытием ничего не выходит (weil es sogar mit dem Seyn nichts ist), поскольку Бытие есть как бы Бытие ~~Бытия~~: эсхатология его самого исходя из события употребы.

Обещание — есть обращение тиши употребы.

В обещании и будучи обещанием обращение обращается к себе и дает сбыться сбереганию отрешенности.

Обращение дает себе обещание как тишь употребы в отлучение. Обещание есть позволение, в качестве которого употреба связывает, соблюдает и сберегает бережность, так что она может положиться на употребу. Употреба обещает, надежно прилаживает событие различия к [загадке невыговоренного].

130 Памятование собирает, как соответствующее отвечание, к слушанию в событие различия. Собирание подобного слушания есть при-надлежание (Die Samm-

lung solchen Hörens ist ein Ge-hören). Но оно остается, хотя само уже скрыто сбывается-осваивается в событии исходя из различия, лишь пред-страиванием (Vor-bauen), которое выстраивает отлучению употребы скрепу разговора и таким образом, подготавливая, устанавливает местоположение события. Мышление никогда не может в подобной надлежащей пред-стройке осуществить принадлежание к событию, как будто бы оно могло навязать ему высвоение в бедность бережности. Мыслящий возделывает поле языка. Он пропахивает борозды разговора. Мыслящий есть возделыватель языка (<S.> 133). Он и является только таковым — но это всецело с вниманием к своей каждодневной работе. Надлежащее никогда не добивается принадлежания (Der Gehörige vermag nie das Gehören.).

Если мыслящий возделывает подобно крестьянину, то его мышление выстроенное. Назидательным оно никогда не сможет стать, пока оно есть мышление. И все же возникает вопрос, является ли философия мышлением. Перед лицом такого сомнения могут оказаться справедливыми слова о ней Гегеля из предисловия к «Феноменологии духа»: «Но философия должна остерегаться желания быть назидательной»[45].

Но где и когда мышление *есть*, оно даже не помышляет о подобном желании. Скорее, напротив, оно подвергается опасности, что люди, не вверяя себя мышлению, только представляют его и болтают о представленном, выдавая эту болтовню за сомыслие 131

45. [Georg Wilhelm Friedrich Hegel: Phänomenologie des Geistes. Hrsg. von Johannes Schulze. Werke. Vollständige Ausgabe durch einen Verein von Freunden des Verewigten. Bd. 2. Duncker und Humblot: Berlin, 1832, S. 9.] — Гегель Г. В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. С. 5. — *Прим. пер.*

(Mitdenken). Однако, поскольку этот вид сомыслия, т. е. представление-задним-числом, исключает себя самого из мышления и искажает сказывание мышления, превращая его в некое высказывание, это желание сомыслия приходит к мнению, будто сказывание мышления никогда не позволяет сказываться объективно и непременно оказывается во власти ложного толкования. Последнее, однако, неизбежно. Но говорит ли оно что-либо против возможности сказывания? Оно говорит только о господстве страха перед мышлением, который подгоняет к бегству в <сторону> назидательного. Это бегство есть подлинное, ибо самое скрытое, бегство пред «Богом».

Бытие есть забвение различия. (См. выше, <S.> 105 внизу.)

«есть»: есть как оно есть из …
«есть»: бытийствует как …
«Бытие»: истина бытия сущего.
истина сущего в бытии.
«Истина»: <это то,> что дифференция между бытием и сущим (двойственность) сохраняет в своей сущности.
«сохранять»: позволять бытийствовать исходя из отрешенности в употребу.
«бытийствовать»: сбываться-освояться.
«сбываться-освояться»: событие сбывается-освоятся — отсвояюще.
«отсвоение»: есть употреба.
«употреба»: отсвояет как отлучение в бережность отрешенности. (<S.> 109 сл.)

132 Событие: сбывает-освояет «себя»: мир.
«Мир»: вмирствует вещь.
Вещь: веществует собственность (<S.> 93) в употребу.

Собственность: есть мирствование собственного как у-своенное в ширь времени данного.

Данное: это вещи.

Вещи: мирствуют.

Вещь: овеществует человека как собственника бедности бережности в употребу.

Вещь: овеществляет данное как своеобразное.

Вещь: есть употреба как событие отлучения.

«есть»: бытийствует как … простота раз-личия.

Всякое мышление должно перед подлежащим-осмыслению брать себя, собой помысленное обратно. Отказ всегда освобождает подлежащее-осмыслению дальше в близь, бытийствующую как стихия, в которой сохраняется отвечающее соответствие.

Если философия или то, что считает себя таковой, начинает кокетничать с верой, она лишь доказывает, что никогда еще не разбиралась в мышлении.

133 «Крестьянин» (Bauer) — мыслится здесь как высокое имя исходя из величия неприметной бережности простоты употребы.

— bowen = в смысле жить-обитать, обитая позволять развиваться —

— lassen: как принадлежащее отрешенности как надежности обещания [невыговоренного].

Крестьянин: — близи-соседства: крестьянин близи, сосед смерти. (Der Bauer: — der Nähe: der Nach-Bauer, Nachbar des Todes).

Лишь как наместник Ничто[46] человек есть пастырь Бытия. О нем (наместнике) можно только ска-

46. [См.: Заметки IV, S. 66 и 113.]

зать, если уже мыслится пастырь. Но мышление не придерживается выговоренного.

—

Простое есть простота раз-личия в отлучение.

Из принадлежащих к событию должны получиться сведущие в употребе.

Начало начинается в безначальном; событие сбывает путем незабывания восхождения освобождение в выпуск человеческого *существа* как собственника бедности.

Освобождение махинации в безыстинность —

На-чало осваивается лишь в повороте захода забвения в простоту отлучения.

Затихание звука тиши в без-отзвучии причиняющего присутствия.

Забвение как отпадение в затишье.

134 Цели? Надежды? Предположительно, <все> это относится к эпохе, которая пережила себя, но боится признать это. Тогда пессимизм? Надежда на худшее? Значит, нигилизм? Отрицание всех целей? Участвуют ли здесь все еще цели и надежды? То есть по ту сторону пессимизма и оптимизма? По ту сторону? в некоей ожидаемой цели? Или же по эту сторону? Но где? По эту сторону всякого воления и всякого волимого воли?

И все-таки одновременно посреди между текущими потоками воления —

—

Язык. — Речь человека скрытым образом достигает порой <уровня> молитвы. Но до <уровня> разговора, каковым язык в своей сущности себя считает, поскольку в нем осваивается различие употребы,

он не доходит. Вот почему речь, представляющедействующее обсуждение и выговаривание себя, легко переходит в пересуды, в которых говорение определяется уже не из обсуждаемого и обсужденного, а из вошедшего между тем в привычку модуса говорения ради говорения. Если еще временами возникает противодействие пересудам, пусть лишь в рамках соответствующего говорения, а не из-за требования сущности языка, то пересуды все решительнее выступают как сфера выражения, в рамках которой всё позволительно или непозволительно представлять и изображать; ибо и несказываемое и иррациональное измеряется исключительно по меркам говорения, которое господствует как ходячие пересуды. Пересуды легко находят еще более дешевый 135
выход <в виде> болтовни. Отсюда сам собой осуществляется переход к пустословию. Пустословие же устраивается затем специально в форме собственного господства. Это треп (Klatsch). Он, едва возникнув, уже высказал свое мнение обо всем. Треп есть вид языка, в котором зловредность надевает маску безобидности. Треп — самый дешевый и самый ходовой инструмент власти воли к воле. Треп ничего не исправляет. Он продолжает трепаться дальше.

Речь протекает в обсуждении и выговаривании. Ее говорение есть высказывание. Оно считается основной формой всякого говорения, так что исходя из нее определяются говорение и тем самым язык (das Sprechen und damit die Sprache). Таким образом язык принуждается к функции, причем к функции выражения. Последнее само есть уже производное средство для обозначения, которое обеспечивает знаками то, что показывает себя. Показывающее себя бытийствует в присутствующем внутри несокрытости. Однако выражение и обозначение уже больше не знают и эту сферу его сущностного исто-

ка. С помощью понятности речения пересуды превращают высказывание и выражение в основную черту языковых явлений.

Наука — философия — мышление. — Их отношения следует понимать исходя из судьбы истины Бытия. Теория науки и философия философии недостаточны для этого.

136 Некогда наука была отпущена из философии в самостоятельное «существование», которого она никогда не достигнет, но должна была капитулировать, чтобы в ее новоевропейском состоянии, по видимости свободно, стать подвластной технике, из которой также исходит сущность науки.

Как наука отделяется от философии, так и последняя в смысле философствования — от мышления и становится инструментом того, что зовется «мировоззрением» или «верой» в широком смысле того воления, которое стремится к осуществлению жизни как деятельности и, будучи волением, является также волением к знанию, каковое в форме деятельности настаивает на организованном исследовании, нуждающемся в предвосхищающей ориентации. Философия оказывается на службе веры; мышление как философствование становится философской верой; то, что как мышление еще сохраняет там свое значение, сводится к механизму различных форм диалектики. На пути через нее философия движется к той же функции техники, что и наука.

Но собственно мышление, которое отпустило философию, а потому последней как его следствие неизбежно не понимается и ложно истолковывается, попадает в неприметность бедности бережности. Мышление обитает в предшествовании вспахивания борозд, которые пронизывают поле языка и культивируют место события.

137 У нас еще не хватает мужества взглянуть в лицо беды, которую усиливает наука, и всерьез отнестись к продумыванию этой судьбы (см. первые шаги в «Положениях о науке»[47], 1936 слл., и в докладе «Обоснование новоевропейской картины мира метафизикой»[48]. См.: «Осмысление»[49], 1939). Наука есть организация представления в неограниченное опредмечивание того, что есть. Беспрепятственное представление порождает своим объяснением растерянность, проявляющуюся в том, что с помощью научного представления пытаются пустить мышление в ход и <придать ему> форму. Это желание заранее является необдуманным (unberaten) в отношении способа, каким следует постигать достойное вопрошания как достойное осмысления, а само последнее осмыслять соответственно. Вызываемое наукой смятение стоит на службе безыстинности Бытия. Это вовсе не исключает, а включает <то обстоятельство>, что работа науки предстает как достижение, хотя она все больше растворяется в роли безусловно поддерживаемого в действии (Betrieb) инструментария этого желания. Если только заглянуть за фасады, <то окажется, что> конгрессы обсуждают во-

---

47. [Heidegger: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). GA 65. A.a.O., S. 145–158 sowie Martin Heidegger: Einige Leitsätze über das Wesen der neuzeitlichen Wissenschaften. In: Ders.: Leitgedanken zur Entstehung der Metaphysik, der neuzeitlichen Wissenschaft und der modernen Technik. GA 76. Hrsg. von Claudius Strube. Frankfurt am Main, 2009, S. 118–126.] — Хайдеггер М. Положения о науке // Хайдеггер М. К философии (О событии). С. 190–207. — *Прим. пер.*
48. [Martin Heidegger: Die Zeit des Weltbildes. In: Ders.: Holzwege. GA 5. A.a.O., S. 75–113.] — Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие / пер. В. Бибихина. С. 41–62. — *Прим. пер.*
49. [Martin Heidegger: Besinnung. GA 66. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main, 1997.]

просы организации и решения насущных проблем; а также являются биржей, на которой рассчитывают стоимость исследовательских средств, исследовательских дел и исследовательских сил и определяют <соответствующий> курс. Проявляющийся здесь «дух» не имеет ничего общего с духовностью духа, если таковой сам еще реально существует. Но опыт этих отношений необходим, чтобы ясно мыслить и чтобы <критически> осмыслить отсутствующее
138 (ибо уже принятое) решение этого предприятия (Betrieb) как то, чем оно есть, чтобы быть в состоянии признать это действительное без ложных предрассудков <, сводимых к> за или против. Ведь в этом измерении речь идет уже не о том, чтобы поставить под вопрос восторг или презрение по отношению к науке — не о пристрастиях и отвержениях — но, пожалуй, о том, способен ли кто-то постичь ужас перед этим образом воли к власти.

Подлинный страх никогда не распадается на простую боязнь и боязливость. Но он может войти в ужас, чем он скрыто уже является.

Сказывание мышления не есть только сказывание, с помощью которого мышление сообщает себя в языке, чтобы оно позднее могло быть удержано; но и не средство, благодаря которому оно само яснее схватывает себя, — но мышление есть в себе сказывание как со-ответствие в отвечании, строительство в местоположении события.

Мышление базируется на своеобразном развитии несказанного в языке. В результате подлежащее-осмыслению, различие, занимает местоположение события. Мышление протекает в от-вечании. Оно становится ответственным: оно соответству-

ет обращению. Так оно взяло на себя свое. Оно может не заботиться о другом, даже о своих результатах, которые не находятся в его власти. Мышление ответственно, в той мере, в какой оно мыслит. Но когда мыслим мы?

Каков возраст (wie alt) человека? Такой же, как Бытия? Сколько лет Бытию? Оно столь же старо, как старое. Насколько старо старое? Столь же молодо, как былое: внезапность отлучающего промежутка между прежним и грядущим. 139

Пока мы осмысляем бытие, представляя сущее как таковое, что иное может встать перед нами как конкретное сущее за сущим или постав (Gestell) нашего представления? Высшая причина и некая форма поставления? Бытие (Sein) остается сущестью сущего: начало (das Erste) причинения и начало понимания. С любой точки зрения представление производит нечто странное. Тогда как ~~Бытие~~ есть самосбывание употребы — естественнее, чем всякая Natura: высвоение восхождения (Φύσις) в событии различия: простота отлучения — ничего удивительного, ничего чудесного: звук тиши: употреба освоялся — ни непонятным, ни понятным <образом>: лишь слаживая то, что едино: ~~Бытие~~. Любое извещение (Verlauten) должно было бы отделять соответствие от обращения (das Entsprechen vom Zuspruch).

Здесь делает намек сокровенная сторона письменного текста (Schrift) — быть беззвучным сказыванием и все же укрывая тон: звук разделения из голосов отсвоения в бережность и отрешенность. Связанное в письменном тексте звучание звучит лишь из празвучания утишающего приговора (Spruch) употре-

бы. Но как письменное сказывание связывает празвучание в язык?

140 Как мы можем требовать от себя сегодня преодолеть в одночасье нынешнюю мировую катастрофу (уничтожение метафизической сущности человека, <этого> animal rationale), которая подготавливалась тысячелетиями, причем в сокровенных судьбах Бытия, — мероприятиями и достижениями именно этого, ввергнутого в катастрофу человека? Как нам хотя бы только постичь ее, пока мы от нее не избавились, осмыслить ее однажды как судьбу Бытия? Следует ли из этой катастрофы и ее ужасов, что мы <должны> поспешить и посодействовать, чтобы все повернуть, или мы, скорее, не будем соответствовать этой действительности, ибо отнесемся к сокровенному и давно подготавливаемому с неприметным и сущностным осмыслением исходя из глубокой озабоченности <, связанной с> давнишним ожиданием подготовки места для прихода поворота? Кто может не замечать повседневной кричащей нужды? Никто из тех, кто еще не лишился здравого смысла. Но сколь неизбежна малейшая повседневная непосредственная помощь, столь же необходимым остается начало долгого размышления, которое не надеется на успех, а действует <исходя> из незаметного соответствия ~~Бытия~~, т. е. здесь прежде, раньше всех и не заносясь ни перед кем, старается осмыслить подлежащее-осмыслению. — Кто из пытающихся <сделать> подобное будет отрицать, что смятение и беда захлестывают его, угрожая унести прочь? и что есть нужда пройти <сквозь> нечто почти нечеловеческое?

141 Иногда кажется, будто все бытийствующее придет в близь тогда, когда мы станем настойчивы-

ми в раз-личии. Если мы больше не будем участвовать в наступлении, в том числе в наступлении воли к представлению, если мы оставим позади все насильственное и несговорчивое, то мы уже окажемся в старейшем мира. Достигать лишь такого рода достигнутое.

Является ли смерть глубокой тенью, которую ~~Бытие~~ как событие отбрасывает в его местоположении? Заливает ли свет Бытия человеческое существо, в той мере, в какой это существо принадлежит раз-личию? Не есть ли этот свет сияние звука тиши, которая отлучающе осволяет мир, так что смерть не только не явилась в мир неизвестно откуда, а сама есть мир?

Освояется ли собственно сияние света лишь из сияния звука тиши? Не есть ли это сияние, что освояется в радости раз-личия? Хранит ли сказывание слова лишь ту колею видения и то место вида?

Пожалуй, нам следует прежде зайти слишком далеко, чтобы в мышлении быть в состоянии сделать шаг назад. При этом мы слишком легко вторгнемся в области, к которым мы как мыслящие не принадлежим.

Гораздо труднее, чем познать глубокую мысль, до- 142
стичь спокойного мышления.

Тот, кто в мышлении старается сделать шаг назад, легко подвергается опасности слишком долго задерживаться в областях, которые вообще-то он уже оставил. Шаг назад сделан в «Бытии и времени»: от представления сущего как сущего — назад в сказывание истины Бытия: это сказывание есть сказывание забвения различия. Шаг от пред-

ставления сущего в себе и как такового в мышление Бытия есть единственная мысль моего мышления. Если в этом есть продвижение <или шаг> вперед (Fort-schritt), то это лишь остановка в шаге назад: простое сказывание того, что уже сказано в «Бытии и времени». Встреча с Гёльдерлином идет от «Бытия и времени» и остается там. Тот, кто во многом беспомощную работу «Бытие и время» не продумал неоднократно до ее самого последнего слова, никогда не поймет чего-то в проходе этого поэта по границе зоны мышления.

А «Бытие и время» — чем было бы оно без двух десятилетий диалога с Аристотелем, а от него назад к его предшественникам? Ученический разговор ученика на базе многолетней проработки труда Брентано об учении Аристотеля о разных значениях <понятия> сущего[50] с использованием текстов (начиная с 1907 г.[51]). Кто не прошел эту школу, при всем понимании поэзии, не поймет ни грана из того, что мышление пыталось сказать исходя из «Бытия и времени» о Гёльдерлине.

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

Ἀλήθεια 56, 61, 71, *75*, 81, 84, *79*, 89, *96 сл.*, *108 сл.*, *111*, *113*
бедность *103*, 105
благодарность 66, 98, 117

---

50. [Franz Brentano: Von der mannigfachen Bedeutung des Seienden nach Aristoteles. Herder Verlag: Freiburg 1862.] — Брентано Ф. О многозначности сущего по Аристотелю / пер. Н. П. Ильина. СПб.: Изд-во Института «Высшая религиозно-философская школа», 2012. — *Прим. пер.*
51. [См.: Martin Heidegger: Vorwort zur ersten Ausgabe der «Frühen Schriften». In: Ders.: Frühe Schriften. GA 1. A.a.O., S. 56.]

близь 97, *133*
«Бытие и время» *63*, *79*, *83*, 88, 89
«*Бытие*» 105, 139
вопрошание 62 сл. 79, 82
габилитационная диссертация, работа 99
Гегель 30
Гёльдерлин 115, 142
«дифференция» *40*, 82 сл.
доверие 50, 60
забвение (70), *79*, 81, 88, *89*, *90 сл.*, 93, *96 слл.*, *100*, 108 сл., 125
загадка 69, 78
искусство 111
истина 66 (Ἀλήθεια), 113
крестьянин 130, 133
Кьеркегор 30
метод 57
молчание 22, 76, 78
мышление *117*, *124*, 127, 130, *133*, 135, 141/2
настроение, настрой 110, 139
«наука» 57 сл., 59, 72 сл., 85, 135 сл.
негатив 61, 53, 59
ненависть 68
нигилизм 101
Ницше *79*
Ничто *133*
Новое время *90 сл.*
обещание 122, 129
общественность, публичность 114
основание 56, 59
от-вет 82 сл.
отрешенность 109 сл., 131, 133
памятование 32 сл., 55, 60, *63 сл.*, 70, 77, 79, 84, *85*, *86*, *90 сл.*, 97, *111*, 113
письменный текст *139*
поведение 85

побуждение 58
поворот *118 сл.*
позволение 55, 58, *75*, *85 слл.*, 93, 97, *103*, *109 сл.*, 119
познание, постижение 81 сл.
поэзия 95
превосхождение 82, 92, *104 сл.*
пред-ставление 82, 87, 93
«произведение» *94 сл.*, 121
путь *99*
раз-личие 71, *92*, *100*, *103*, *118 сл.*
смерть 53, 61, 79, 95 сл., *100*, 103, *106*, 113, *133*, 141
собственность 65, *93*
событие 76, *93*, *100*, *102 сл.*, 106, *118 сл.*, 129
сущность *89*
То же самое 42, *59*, *60*, 61, *100*
традиция 90/91
философия *114 сл.*, 135 сл.
человек 95, *103 сл.*, *107*, 113, 139
язык 72, 80, *86*, 87, 94 сл., 95, *112*, *114*, *116*, *118*, *124/5*, *134*

14 сл., 26 [34 внизу] 74 | *95 | 97* | *40/41* * *60 внизу*

Qui me non nisi editis novit, non novit[1] (Leibniz, 1696)

Заметки IV

1947/48[2]

«Возможно, человечество когда-нибудь окажется в высоком состоянии, когда Европа нынешних наций погрузится в полное забвение, но Европа будет еще *жива* в тридцати очень древних, никогда не устаревающих книгах…»[3].

Ницше. Странник и его тень. 1880, n. 125.

---

1. [Gothofredi Guillelmi Leibnitii Opera omnia. Nunc primum collecta, in classes distributa, praefationibus et indicibus exornata, studio Ludovici Dutens. Tomus VI. Apud Fratres de Tournes: Genevæ 1768, S. 65.] — Перевод: «…кто знает обо мне только то, что было опубликовано, меня не знает». Цит. по: Нарский И. С. Основное гносеологическое сочинение Лейбница и его полемика с Локком // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 45. (G. W. Leibniz. Brief an Placcius vom 2. März, 1696.). — *Прим. пер.*
2. [Friedrich Nietzsche: Menschliches Allzumenschliches. Zweiter Band. Werke. Bd. III. Kröner Verlag: Stuttgart 1921, S. 267.] — Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / пер. В. Бакусева // Ницше Ф. Собр. соч.: в 13 т. Т. 2. М.: Культурная революция, 2011. С. 562. — *Прим. пер.*

a Основательным надо было бы <быть>:
добрым во всем
неприметным для каждого
ре-шительным к раз-личию (ent-schieden dem Unter-Schied)
свободным из простора
соответствуя обращению. (<S.> 21 сл.)

—

Зерно возвышения места ~~Бытия~~ помещать в глубокую борозду. ~~Бытие~~: разворот бытия в истину сущности.
(Событие употребы.)

—

Пусть помысленное мышления будет подобно тому, что растет в борозде.
Иначе основательного в этом нет.
См. S. 19.

Мышление все же начинается, чтобы быть мышлением ~~Бытия~~. 1

Мышление есть соответствие (Entsprechen) речению (Spruch) употребы.

Соответствие по сути является отвечающим (antwortend): антоним слова тиши события. См. <S.> 20. *Призыв* (Anspruch), <S.> 110.

Соответствие говорит в разговоре различия.

Мышление есть сказывание употребы. См. <S.> 110 внизу.

Мышление уже больше не представление сущего самого по себе и как такового.

В отношении отлучающего (das Abschiedliche) различия нужно уточнить бытийствующее мышления путем именования <его> как памятования. (См.: Заметки III.) Но это имя скорее вводит в заблуждение, ибо прежде всего отсылает к значению «воспоминания». А оно как раз и не есть мышление ~~Бытия~~; в том числе и явно не воспоминание в смысле ἀνάμνησις у Платона.

Мышление есть сказывание употребы. (См.: Заметки III, а).

Думай об этом непрестанно; т. е. сказывай забвение различия. *Мышление есть сказывание раз-личия.*

Сказывание употребы может вводить в заблуждение; оно будет вводить в заблуждение; ибо оно движется в непознанном, в том возврате бережности, которого взыскует шаг назад.

Шаг назад в возврат бедности к отрешенности употребы.

2 Шаг назад в мышлении, так что оно оказывается перед подлежащим-осмыслению и тем самым обитает в достойном осмысления.

Достойное осмысления есть забвение раз-личия.

Мышление есть от-вечающе-соответствующее сказывание употребы. Но, будучи сказыванием, оно не придерживается высказывания.

Толпа держится за выговоренное. Она никогда не находит в этом помысленного. То, на что она, не ища, натыкается, она мнила себе уже прежде. Поскольку мнение принимают за мышление, то мнимое (das Gemeinte) принимают за помысленное.

Поскольку теперь и ученые-философы смешиваются с <толпой> интеллектуальной черни, чтобы приобрести сторонников среди публики, возникает видимость того, будто ими мнимое и есть в настоящее время продуманное.

Мышление не должно знать никакого задания, если оно <мышление> *есть*.

Оно есть, поскольку оно присуще речению ~~Бытия~~.

Оно есть, по сути, поскольку оно соответствует речению (dem Spruch entspricht).

Речение — это вовсе не противолежащее. Речение есть само раз-личие. (См. <S.> 23.) Соответствовать: то есть: обитать в раз-личии.

Мышление без задания, а потому непременно без институции: беднейшее бедности в возврате.

3 Сказывание употребы приводит близь (мир/вещь). Из близи, в себе овеществленной (in sich verdingt), каждое всегда (je weilig) находится в местоположении события.

Так вещи присутствуют отлучающе (abschiedlich).

Близь употребы тайно сохраняет разделительное средоточие отлучения в Последнее (Letze), в качестве какового употреба собственно отсваивает бережность и отрешенность в забвение своей загадки: то, что они таким образом от-деленно друг от друга сберегаются в простоту употребы. То, что бытийствует на основе употребы, называется «употребительным».

Разделительное средоточие употребы есть смерть. (<S.> 23.)

Смерть есть разрыв события.

Смерть слаживает чертеж простоты, из которой выстраивается событие в употребе.

Близь скрывает не-нужное. Это не есть необходимое (nothaft), <оно> не принуждает и не теснит, поскольку оно — освобождающее, освояемое в бережности, каковая, отсвояя, есть отрешенность, в которой употреба сберегается в свою собственность.

Не-нужное — это подлинное забвение простора (des Freyens) как осваивающего охранения оберегания в «сущность».

Свобода (Freyheyt) есть подлинное забвение оберегания в употребе.

Благодаря свободе употребы укрывает прежде всего близь, но также искажение (Verkehrung) ~~Бытия~~. 4

Искажение впутывает событие в поворот (Umkehr) из захода (Einkehr) в простоту тиши для предотвращения (Vor-kehr) бунта безыстинности.

Но искажение опирается на поворот употребы. В отрешенности употребы кроется сдержанность ярости.

Безыстинность махинации в безусловную волю к воле сохраняет еще Одно: внезапность (Jähe) катастрофы ~~Бытия~~ в поворот. (<S.> 7.) Катастрофа обращает забвение различия в безусловную растерянность как предельную даль к освояющей употребе. Катастрофа во внезапность поворота есть предельный отказ: последний акт эсхатологии ~~Бытия~~.

Сказывание употребы.

Мышление события исходя из его поворота есть сказывание употребы. Мышлению принадлежит нынче сущность этого сказывания. Однако здесь «сказывание» вовсе не означает языкового выражения помысленного; оно также не означает: изображать нечто представленное в высказываниях любого рода (например, поэтически) и так формировать <его>. Сущность сказывания больше не является сейчас обозначением и образованием, но само мышление принадлежит событию употребы. Сказывание не пред-ставляет <и> не изо-бражает. Сказывание «есть» само «~~Бытие~~»; и ~~Быть~~ событийным есть его (сказывания) единственная сущность.

Так осмысляющее сказывание есть сущность отлучающего мышления: отвечающе-отсвояющее соответствие.

В какой мере это мышление есть сказывание?

Прежде всего, в той мере, в какой оно есть соответствие, оно выслушивает обращение события, освояющееся-сбывающееся из последнего, и отнимает у него язык (Sprache); не для того, однако, чтобы нечто отнять или отобрать у *этого* обращения (Zuspruch), но чтобы привести его к языку, которым оно невыговоренно является. Тогда мышление есть сказывание в той мере, в какой это соответ-

ствие отвечает тиши употребы, т. е. слово (саму тишь) высвояет в язык.

Наконец и в первую очередь мышление есть сказывание в той мере, в какой со-ответствующее от-вечание (das ent-sprechende Ant-worten) приводит употребу к языку. «Приводить к языку» понимается здесь буквально и не означает выставлять что-либо на обсуждение и выговаривание, напротив: позволить языку бытийствовать в подлинное забвение, в которое он отсвояется ради сохранения сберегающегося невыговоренного. К языку приходит язык как разговор употребы.

Выскажи вещь <, исходя> из употребы, 6
чтобы она овещевала сказывание в забвение.

Мышлению <, исходящему> из различия (Unterschied), не даровано никакое произведение (kein Werk beschieden), но сказывание есть решимость (entschieden) к ответу.

Мышление как учение не позволяет человеку научиться обитанию в бережности, но соответствие способно вслушиваться в разделительное средоточие тиши употребы.

Начало (das Erste) события есть конец (die Letze) употребы в загадку.

Человек.

То, что человек из живого существа становится смертным.

То, что он учится оберегать отлучение (Abschied) в событие.

То, что он может обитать в соседстве со смертью.

Мышление как сказывание употребы остается сбиваемым с толку через заблуждение. Мышление не только подвергается опасности, но само опасно,

поскольку оно само есть опасность, в качестве каковой событие высвояет ~~Бытие~~ употребе.

Безошибочность была бы уничтожением отлучающего (abschiedlich) мышления. Безошибочные — это те, которые ими являются, как волящие воления к воле (als die Gewillten des Wollens zum Wille).

7 Человек как живое существо растворяется в «жизни» как деятельности по созданию себя самого как того, кто обретает покой благодаря произведенному удовлетворению своих потребностей (жизни) и таким образом производится как продукт себя самого.

Катастрофа Бытия есть его эсхатология (см.: Заметки III), в которой событие сберегает внезапность, из коей осваивается-сбывается поворот в употребу. (См. <S.> 14.)

Сказывание — не только высвояет событию, но отсвояет в употребу. Вот почему отвечающее воз-ражение (Ent-gegnen) событийно есть прежде всего отлучающее от-своение (Ent-eignen). Здесь таится подлинный характер события. Чем более отсваивающе соответствие, тем беднее ответ, *от*сюда есть издалека близь. От-вечание — см. <S.> 20.

Отсвояюще-отвечающее соответствие приводит язык к разговору, в качестве какового отлучающе (abschiedlich) освоялся употреба.

Сообразно с этим соответствие есть:

1. вы-слушивать от-вечающе из тиши слова
2. оставаться соразмерным обращению
3. однако <все> это (1 и 2) в от- отсвоения (im Ent- der Enteignis) отлучения.

Так подлинная эсхатология ~~Бытия~~ приходит к языку.

Соответствие из верно обдуманного возражения. <S.> 31, 25.

Сказывание употребы есть мышление. 8

Сказывание не представляет (vorstellt) <и> не изображает (darstellt).

Сказывание не доводит до осознания <и> не выражает себя.

Сказывание не удостоверяет <и> не формирует себя.

Сказывание не спасает исчезающее <и> не превращает себя в невидимое.

Сказывание принадлежит событию; высвояя бережности, оно <сказывание> освояет местоположение отрешенности: отлучающий разговор употребы.

Сказывание отсвояется в употребу, а с ней — в подлинное забвение.

Сказывание это (событийно) бедность ~~Бытия~~.

Сказывание это отмалчивание. Оно молчит не в себя, но из события в употребу.

Сказывание есть простота (Einfalt) языка. Оно складывает (faltet) событие в отлучающий разговор употребы. (Простота языка означает здесь <нечто> иное, чем несложность языкового выражения.) Простое сказывания проистекает из простоты помысленного.

Наговоренное кажется более живым и действенным, чем написанное. И то и другое суть ничто, если они не идут от сказанного сказывания, которое, отмалчивая, говорит и, отвечая, приписывает. 9
Лишь когда речь и письмо будут исходить из сказывания, они станут основательными. См. <S.> 27.

Освобождающее сказывание употребы есть борозда в пашне местоположения различия, а вместе с тем — выстраивание.

Сказывание сущностно больше, чем всякое изображение и формирование (больше исходя из поворота Представляющего мышления в отлучающе освояемое-сбываемое).

Сказывание сущностно меньше, чем всякое высказывающее изображение (меньше исходя из поворота в отсвоение к неприметности отмалчивающего себя разговора).

ὄν καθ᾽αὐτό[3] — <нечто,> присутствующее в нем самом (для себя): чтобы постичь «в-себе-сущее», видимо, нужно сначала уяснить, что повсюду подразумевают под этим претенциозным названием. При этом полагают, <что> мы должны были бы прежде всего отмысливать человека от вещей. Но именно это нам не позволено.

Нам позволено столь мало, ибо мы должны вспоминать человека исходя из его сущности только подходящим образом в его отношении к вещам и постигать сущность вещей. Но что означает здесь «подходящим образом»? Не что иное, как освоенное из события в бедность бережности.

10 Бытие в себе сущего (как присутствующего) покоится в событии. Говорят о бытии в себе, а не мыслят ни о «себе», ни о «бытии».

Достойное сказывания (Sagwürdige) открывает лишь достойное вопрошания (Fragwürdige) в рамках опасности, в качестве каковой мышление *есть* Бы-

3. Сущее как таковое (*греч.*). — *Прим. пер.*

тие. Достойное сказывания проясняется в отвечающем соответствии, которое познает отлучение (Abschied), а в нем опасность внезапности употребы.

Имеет ли кто-нибудь Нечто, чтобы высказать, или он *хочет* только выговорить *себя*?

Вот уже более десяти лет одно мучение: форма.

Почему она ничего не значила, <чтобы> пустить в ход судьбинную необходимость, воспитание в ремесле мышления, если бы дело не заключалось в передаче опыта (Mitgift von Erfahrung) для такого воспитания, который я мог бы обрести в ходе многолетней работы в мастерской, — где был бы тогда отказ, ведь я отрекся от всего, а главное, от возможности каким-либо способом и устроением еще оказать содействие, <чтобы> подчиниться неизбежному?

Или за отказом кроется бегство? Вряд ли.

Но не виноват ли во всем отказ? Кто может решить этот вопрос? Те, кто, по их словам, присвоил себе новый порядок мира?

Ввиду обращения не-нужного, которое <обращение>, кажется, еще посылает перед собой безнадежное, не должна ли перед человеком возникнуть опасность самого ~~Бытия~~? 11

Мышление, сказывание употребы, осталось бы тогда, чтобы быть опасным опасности (das Gefährliche der Gefahr).

Что <происходит> со всем помысленным, если оно не заложено в само́м деле. Тогда это только наше мнение, препятствующее тому, чтобы оно <дело> касалось нас и заставляло задуматься. Насколько связным является помысленное, если мы обратим на это внимание. Но оно не должно также быть

расхожим, если все же стремится сохранить родство с ~~Бытием~~.

Едва ли еще направится в лес топор, который прорубит просеку для его полноценного роста.

Они все же полагают — и после обманчивого обновления, в котором вера еще упорнее распространяет свое мнимое господство, — будто мышление абстрактно. Но как <быть>, если то, что они считают абстракцией, все же оказалось бы тем, что отвлекает их от занятий мышлением.

12 Единственный способ, каким помогает нам мышление, — то, что оно становится тем, что оно есть, опасностью, угрожающей сущности человека в Бытие.

Для мышления не существует никакого подтверждения.

Событие употребы столь же милостиво, сколь и зловредно. Поэтому оно скрыто освояет-сбывает при отлучении опасность, в которую втягивается мышление как сказывание употребы. Вот почему мышление как таковое опасно. Опасность Бытия исходит не только от зловредности, но от того, что она (употреба) является отлучающей (abschiedlich): милость и зло. «И» между обоими есть употреба, которая потребляется в оберегании загадки.

В мышлении всюду нет ничего историографического. То, что выглядит как таковое, есть историчность Бытия. А последнее есть судьба события.

Помысленное мыслителем есть нападение на любого другого. Тот, кто, мысля, говорит с каким-либо мыслителем, должен подводить себя

и свое собственное мышление к уязвимому месту мыслителя, которого мы в разговоре побуждаем к говорению.

Величайшее унижение помысленного мыслителями достигается тогда, когда это помысленное только лишь вправе считаться поводом возбудить нашу бездумную погоню за нашей любимой «экзистенцией» (т. е. здесь «личностью») для создания нигде не существующей, фантастической «экзистенциальной» коммуникации»[4].

Три способа, в соответствии с которыми Бытие посылает себя в сущее как таковое, и способ, каким оно принимает себя обратно в ~~Бытие~~. 13

1. *Монадология действительного.*
   (Ἕν[5]) ἐνέργεια (ἔργον — τέχνη)
2. *Феноменология духа.*
   Явление в представлении, repraesentatio — Субъективность (самосознание). Идея идей. (См. ниже, <S.> 32.)
3. *Зоология воли.*
   ζωή (φύσις) — воля к власти.
   ζῷον λόγον ἔχον — Установленное животное: сверхчеловек.
4. *Эсхатология Бытия.* См. <S.> 94.
   Последнее (Letze) употребы. — Различие.
   Событие забвения.

---

4. [См.: Karl Jaspers: Der philosophische Glaube. R. Piper und Co. Verlag: München 1948, S. 38.] — «Разум требует беспредельной *коммуникации*, он сам — тотальная воля к коммуникации». Ясперс К. Философская вера / пер. М. И. Левиной. Ч. 2 // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 442. — *Прим. пер.*
5. Единое (*греч.*). — *Прим. пер.*

Каждый из способов пронизывает судьбу бытия. Первые три взаимосвязаны друг с другом.

Первый способ освояется собственно из поворота; но он остается уже скрытой сущностью трех предыдущих. См.: Заметки III, <S.> 102 слл.

14 Катастрофа Бытия свершается из-за опасности, в качестве которой употреба освояется в отлучение. (<S.> 4, 7, 81.)

<*Отход*> *назад* — см. (<S.> 21, см. выше (<S.> 2. — Мышление есть возврат языка назад, где обитает бедность к бережности.

Назад мы отходим, только когда остаемся в отлученности (Abschied), которая о-свобождает непомысленное (забвение различия).

Катастрофа безыстинности Бытия скрывает и создает поворот, с которым входит подлинное забвение.

Столь далеко вернуться в бедность к бережности, что обитание останется только лишь тем странствием, в качестве какового мышление строит местоположение, в котором употреба отсвояется в Последнее (Letze), передавая себя забвению. Основательность сказывания процветает в Последнем, расцветает в собственность (мир/вещь).

Столь далеко возвращаться мыслью из отлучения в подлинное забвение, что раз-личие лишь приходит в отрешенность и в бережность к языку разговора.

На нищенской тропе послезаписи (Nachschrift). См. <S.> 26 слл.

На крайней точке бережности в отрешенности пре- 15
бывает смертный — стоит ли упоминать.

На крайней точке отрешенности к бережности скрывается опасность. (См. <S.> 16.)

Крайнее приближается ближе всего из своего Последнего (Letze) в близь, в качестве каковой сохраняется средоточие отлучения, смерть.

Когда различие доходит до Последнего (Letze) и его <Последнего> места (опасность и смертный) отлученно возражают <друг другу>, мир мирствует из простоты употребы в простоту вещи. Местоположение употребы как пребывание смертного в опасности. Местоположение как мир.

В <отходе> назад сбывается отлучение, оно особляется к собственности.

В <отходе> назад сказывание употребы <пребывает> у себя дома. Все второстепенное отпадает. Мышление — опасное <занятие>, поскольку оно само подвергается опасности из-за опасности отрешенности к бережности. (Но мышление не опасно само по себе или даже своими последствиями.)

Возвращение в <отход> назад — с точки зрения прежнего мышления это уход из представления и изображения.

Сказывание становится основательным лишь в употребительности употребы (im Bräuchlichen des Brauchs).

Опасность есть сосредоточение угрозы (Die Gefahr 16
ist die Versammlung der Fahr). Угроза есть преследование (Nachstellung). Преследовать (nachstellen) означает: не отводить взгляд, который угрожает сущности своей несущностью, не просто пресле-

дование (Verfolgen), но опережающее впускание* (überholendes Einlassen).

В отрешенности сберегается сплотка (Fuge) милости и ярости. Милость сберегается в ярость, ярость сберегается в милость. Сплотка этого сбережения есть опасность <, состоящая в том>:

что ярость сохраняет всякую милость;

что милость скрывает всякую ярость;

сохраняющее сокрытие обеих во внезапности их чередования.

Опасность бытийствует в отрешенности употребы.

Опасность есть подлинное в отсвояющем событии.

Опасность кроется в загадке.

Опасность есть простота всякой двойственности, а потому всяких «не-» (Un), ложно- и «не-» (Nicht).

Но она не является синтезом позитивного и негативного, хорошего и плохого —; и уж конечно сама <есть> не только негативность.

Опасность есть простота отсвоения, утишенного в употребе.

Поскольку опасность как загадка бытийствует в употребе, употреба есть употреба; она в отлучении (abschiedlich) и различии (unterschiedlich) есть отрешенность к бережности.

*Взгляд: внезапность отлучающего освоения. Взгляд видит — высвояет в местоположение различия в средоточие отлучения. —

Взгляд: внезапность угрозы *сплотки* оберегания. Взгляд забвения.

17 Ложным, однако, остается мнение, будто отлучающее мышление волит себя, поскольку оно, вверенное повороту в забвении различия, должно сказать

иное, чем как нечто новое заноситься перед представляющим мышлением, — тогда как сказывание употребы все же мыслит только старое старше, само дело еще дельнее, а это означает: спорнее; но спор еще существеннее, а это означает: опаснее исходя из самой опасности.

Те, кто приходит следом и изысканным стилем излагает свое представление о современном мире и так по видимости охватывает его в мыслях, являются не мыслителями, а писателями.

Настоящие мыслители только перепахивают страну; рост мира проистекает из другого места, и пожинающие <тоже> другие.

Мыслители — это пахари, которые должны исчезнуть вместе со своим плугом. Лишь то, что может так исчезнуть — как борозда и плуг в выросшем хлебе, — есть истинно помысленное. Надо бы меньше интересоваться психологией философов — надо бы их скорее забыть и научиться знать, что именно так наиболее чисто соответствуешь их сущности.

Но обычно охотнее развлекаются чтением новей- 18
ших романов и считают такое занятие осмыслением; ибо эта пища еще лучше позволяет выдерживать пустоту и спешку технического мира в деятельности упорядочивания и закрывать глаза на то, что это упорядочивание как раз и порождает беспорядок.

Другим заблуждением, в котором охотно пребывают, является мнение, будто мыслители — это медики. Не то чтобы от них всерьез ожидали medicina mentis[6], но от них ждут душевного исцеления

6. Лекарство для ума (*лат.*). — *Прим. пер.*

и приходят в восторг и успокаиваются, когда можно установить, что эти медики не в состоянии предложить нечто подобное. Тем самым создают для себя прекрасную возможность по праву почувствовать свое превосходство. Это заблуждение даже оправданно, поскольку людям (man), в той мере, в какой они остаются «людьми» («man»), не нужно ничего знать о мышлении.

Ложные толкования, в которых тонет попытка мыслить, неожиданно предоставляют мышлению наилучшую необходимую ему маску. Однако ложные толкования даже могут иногда побудить мышление к тому, чтобы оно ложно истолковывало само себя, полагая, что выступает против ложных толкований, а значит, они устраняют столь нужную ему маску. Такая опасность грозит всякому мышлению.

19 Помысленное мышления подобно тому, что растет в борозде. Так написано на странице a. Но мы должны задуматься над тем, что мышление в крайнем случае, возможно, приводит помысленное в борозду на поле языка; едва ли мы доводим его до плуга, чтобы лемех был достаточно остер для своей работы, чтобы он медленно и глубоко врезался в почву.

Лемех плуга собирает и одаряет лишь борозду — (<S.> 33). Его темный просвет висит между небом и землей — и все же собирает и то и другое к миру.

Где плуг входит в землю?

Забыто, потому что неизвестно?

Если только взглянуть на Канта глазами современных кантианцев, то за этим именем окажется некий человек, который годами прикладывает

усилия и создает обстоятельства, чтобы выдвигать перед миром безумные мнения, каковые легко опровергнет простодушный деревенский учитель, да еще и на потеху остальным философам, которые вплоть до этого опровержения могли бы порой чувствовать себя под угрозой.

Обитать в бережности.

Настойчивость изведывает обитание.

Сущность взгляда событийна исходя из употребы. 20
Взгляд представляет опасность загадки. Вот почему сущность взгляда нельзя определить ни исходя из «ви́дения», ни исходя из света, но из употребляющего от-лучения (Ab-schied), в качестве какового отрешенность высвояет в отсвоение сплотку оберегания милости и ярости, бережность, и их, опережая, передает употребе загадки.

Отвечание сказывания употребы находится уже в передаче бережности в опасность отрешенности.

Того, что достойно вопрошания (Fragwürdige), мы достигаем, лишь когда достаточно долго остаемся под ветром достойного осмысления (Denkwürdige). Откуда дует этот ветер?

Как мы можем сказать нечто незначительное о мышлении, если не на основе помысленного?

Для риска нужна опасность. Опасное в упомянутой опасности, которая как опасность опасностей касается мышления, основывается на том, что <там>, где эта опасность все видит насквозь, не существует спасительного <средства>. На место спасительного <средства> выступает здесь закат-гибель, — а именно закат-гибель в раз-личии.

Движение этим путем есть мышление как сказывание употребы.

Почему философов больше, чем мыслителей?

21 Вот почему мышление никогда не показывает спасительного <средства> и уж конечно не предлагает <его>. Когда меряют мышление по подобному притязанию на спасение, понимают его <мышление> ложно.

Но как бы мало мышление ни приносило спасительного <средства>, так же мало впадает оно в безнадежный проигрыш. Там, где нет спасения, остается еще пребывание в опасности. Подобное пребывание могло бы в свое время лишь по-настоящему испытать опасность и в качестве этого опыта Быть самим мышлением, а значит, ничуть не меньшим, чем само Бытие. Здесь, однако, требуется (в отличие от притязаний на спасение, основывающихся не на чем ином, как на забвении Бытия) бедность, которая в состоянии удерживаться в возврат к бережности.

Удержание (*Zurück-Haltung*) *исходя из свободы употребы.*

Борозды. — Откуда возникал блеск в глазах матери, я так никогда не постиг. Может быть, от поблескивания свежевспаханного поля на хуторе Лохбауэрнхоф, где она росла младшей среди девяти братьев и сестер и откуда могла происходить ее деловитая (schaffig) веселость.

Лишь как удержанные употребы, можем мы Быть удерживающими, которые стали собственниками бережности к бедности.

22 *Сказывание и язык.* — Сказывание употребы есть мышление раз-личия. Сказывание есть удержи-

вающее собирание (λέγειν). В нем и в качестве него тишь употребы собирается в разговор отлучения. Будучи этим разговором, язык освоялся из загадки невыговоренного и отсвоялся в забвение, которое собственно скрывает невыговоренное. От этой сокровенности ускользает предстоящий (ankünftig), повернутый в нее, взгляд опасности, в качестве какового скрыто сбывается Ἀλήθεια, так что она неожиданно присутствует, будучи сама присутствием (Anwesen). А потому она уже не может быть незабыванием.

Сокрытость° есть подлинное забвение невыговоренного тиши речения (Spruch) в употребе загадки.

Любое неизбежное «нет» исходит из «да» возврата, который удерживается в возвращении освобождающей бедности.

Удерживание в неприметность основательного соответствия.

Будучи удержанными в отрешенность, мы являемся удерживающими в бережности.

° «Истинное»: есть защита, которая всецело (со) крывает: со-крытие и сокровенность.

Смерть есть неизбывный, переходящий из средоточия отлучения разрыв (разделение сплотки употребы). Он переходит через бережность и отрешенность в последнее (Letze) бедности смертного и в собирание (Lese) опасности в отрешенности. Смерть есть разрыв, боль ~~Бытия~~, <*настоящая*> боль <*настоящей*> опасности. 23

При виде опасности
познай, что́ есть судьба.

Взгляд есть просветно-сбывающе-с-бывающее собирающее сохранение (Bergen) — *со-бирание*: /Λόγος/ в событийном смысле.

Из разговора употребы осваяется-сбывается ~~Бытие~~.

В разговоре события говорит употреба. Сначала и только <так> разговор употребляет язык. Из разговора язык проясняет свою сущность.

Язык говорит из первослова ~~Бытия~~.

Без употребы нет слово-употребления.

Речение — это не то, что стоит напротив (Gegenüber), а раз-личие. См. <S.> 34.

Речение тиши есть об-ращение, поскольку оно освояюще говорит *в* бережность, — но не уговоры и не утешение.

24 Призыв (Ansprechen) речения в разговоре и как таковой не есть также притязание (Anspruch) в смысле требования. Обращение (Zuspruch) в бережное соответствие есть внезапный просвет звука тиши отлучения [это соединение слов опирается не на «родительные падежи», как об этом говорит грамматика, <оно> есть властвование глубинности, исходя из которой просто складывается сплотка отлучения].

Сущность есть сберегание (Schonen) бережности отлучения, в качестве какового событие потребляется в сбережение (Sparnis) загадки.

Человек не есть сам абсолют, как и не противостоит абсолюту, который тогда все равно уже не был бы им. Человек, как бытийствование смертного, постоянно обитает в средоточии различия. А потому он сосед близи, в качестве каковой мирствует употреба и, мирствуя, овещевает (dingt) собственность.

Употреба (Brauch) бытийствует как подлинное забвение, потребляясь в сбережение (Sparnis). Потребление (Ver-brauchen) говорит:

собираться в употребу (frui) оберегания загадки
радоваться в неприметное не-выговоренного.

Потребление не означает здесь истощение (Vernutzen), ибо нигде использование (Nützen) и польза не могут бытийствовать.

Употреба есть отлучающее использование (Gebrauch) бережности и потребление отрешенности. Подлинное забытое отлучение (Abschied) *есть* различие.

Часто приводимая, — то с одобрением, то с отвержением, — мысль Платона, что философы должны управлять государством[7], производит просто забавное впечатление, ведь те, кто ее защищает или отвергает, равным образом забывают, что эта мысль была высказана в тот момент, когда философия бросила мышление <на произвол судьбы>. А дальше только продолжают на все лады поносить в болтовне философов и философию. При этом по крайней мере, не сознавая того, оставляют в покое мыслящих. 25

Раз-личие как подлинное, забывающе-себя-потребляющее отлучение, есть «сущность» ~~Бытия~~, каковое ~~Бытие~~ эсхатологически настраивает (stimmen) «сущность» как голос (Stimme) тиши, которая утишает в отделение (Schied) к Последнему (Letze).

---

7. [Platonis Opera. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Ioannes Burnet. Oxford 1902, Tomus IV, 473c/d.] — Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 252. — *Прим. пер.*

От-вечание идет навстречу слову как тиши различия. Но оно не относится ни к некоему собеседнику (Gegenüber), ни к абсолюту, и даже ни к некоему Ты. Встречность от-вета освобождает противостояние местности ~~Бытия~~ (das Gegnen der Gegend des Seyns), т. е. место употребы. От-вечание есть обитающее сказывание. См. <S.> 31, *34*.

Сказывание вовсе не есть высказывание — никогда не есть θέσις как представление; никогда не есть positio, установление, положение.

26 Место положения (des Satzes) исчезает в месте, обеспечивающем пребывание, в котором обитает сказывание употребы.

Подобно тому, как представляющее несопоставимо с отлучающим мышлением, так и положение <несопоставимо> со сказыванием.

Один полагает положения, другой сказывает суть (Sache).

В мышлении ~~Бытия~~ нет высказывания, не потому что Бытие несказуемо или даже иррационально, но потому что высказывание говорит из того, что стоит напротив (Gegenüber) представления, а не из разговора различия, — чему соответствует сказывание, в качестве какового и «есть» ~~Бытие~~. <S.> 100.

Сказывание тиши употребы есть запись (Schrift) — она пишет из близи в различии в близь свободы употребы. Она есть близь-запись (Nähe-Schrift) — после-запись (Nach-Schrift). Она пишет из соседства (Nachbarschaft) опасности в событии.

«Послезапись» подразумевает здесь не писание вместе с кем-либо и переписывание чего-то уже

написанного, а также даже не присланную задним числом запись как дополнение другой.

Но в переписывании-после бытийствует говорение-после <повторение>, что уходит после-близи и в близь, к обращению речения (Spruch) исходя из различия. В записывании-после пребывает слушание принадлежащего (Hören des Gehörigen).

Возможно, уже в результате простого отсутствия несущественного и его снования туда-сюда скорее смогло бы вырасти кое-что существенное. Но легко сказать «простое отсутствие». Тот, кто отсутствует, должен уже вынести свое пребывание, без которого он никогда не сможет <осуществить> первое <отсутствие>, если отсутствие не должно вновь быть просто своенравным или воображаемым обособлением. Трудное в отсутствии, однако, есть то, что оно остается в неприметности. 27

Говорение и писание — (см. <S.> 87). И то и другое — способы высказывания (des Sagens). Согласно принятому мнению, говорение есть более оживленное высказывание, которое действует непосредственно, начиная с презенции говорящего и <вплоть> до интонации и жеста. Те, к кому обращаются, слушатели, увлечены или скучают; все ощущают себя среди своих; кажется, что все должны помогать друг другу в понимании. Оно возникает из слушания, которое должно поспешать, чтобы не упустить следующее возможное впечатление <от> говорения. Все эти вспомогательные <средства> являются лишь временной поддержкой?, они отсутствуют в слушании написанного. И если даже лишь написанное сказанное чисто как бедное сказывание должно укрыть все высказывание в чистое слово, может сохранить чисто в сказывании все звучание и существенные

отзвуки сплоченной многозначности, — то звучание не отсутствует, но оно есть само звучание разгово-
28 ра; тогда тон не отсутствует, но он есть звук тиши; тогда настроение не отсутствует, но оно настроено из голоса речения (Spruch), в качестве какового отлучение освояюще собирает в Последнее (Letze).

Сказывание употребы — мышление в различии — никогда не говорит <, обращаясь> к слушателям, но говорит из принадлежности в бережность (aus dem Gehören in die Schonung).

Сказывание мышления соответствует отсвоению, в качестве какового потребляющая себя употреба держится в неприметном подлинного забвения.

Говорение затихает. Запись блекнет. Но все же записи обеспечено другое пребывание. В особенности тогда, когда она как истинная после-запись сути Бытия остается в непонятом или отпадает в него. <Такое> техническое средство, <как> граммофонная пластинка, столь же мало может продлить говорение, сколь какой-либо консервант делает запись долговечнее. Говорение должно затихнуть, если оно каким-то образом не есть лишь один способ произнесения записи.

Всякая подлинная запись есть послезапись. Она не переписывает другую, но сказывает ее, так как она соответствует сути. Ее исток — в соответ-
29 ствии. Послезапись приводит суть к ее языку. Так язык приходит к своей сути: суть ~~Бытия~~ (*событие*).

Большинство записей воспринимается как вынужденная замена запрещенной речи. Пишущим даже рекомендуют писать так, будто они говорят слушающему собеседнику. Такая записанная речь, что весьма далека от подлинной записи, может повсюду иметь свою соответствующую задачу.

Возможно, существенная запись встречается весьма редко; и не потому, что человек редко <способен> ее создать, но потому, что после-запись как сказывание Бытия сберегается в самом Бытии.

Возможно, лишь когда мировая эпоха говорения и говорящего писания подойдет к концу, настанет время для неприметной сущности записи. В ходе этой мировой эпохи человек должен многому научиться в отношении бедности и постоянства, сосредоточенности на отлучающем сбережении. Лишь из этой сосредоточенности развивается собирание (Lese) его сущности в событие употребы. Лишь из этого собирания вырастают читатели (Leser) послезаписи эсхатологии.

Но это «чтение-собирание» (Lesen) не имеет ничего общего с глотанием романов и газет.

Лишь в чтении-собирании формируется сущность.

Признак значительности текста в том, что чем чаще 30
чтение-собирание собирается в нем, тем он становится читабельнее, но одновременно загадочнее и все больше говорит как нечитаное, которое ожидает читателя.

В стихии языка Бытия, каковой есть само Бытие, остается простейшее ремесло, которое одновременно становится ценным, — рукописание послезаписи (Handschrift der Nachschrift), в качестве чего сказывание употребы оберегает тишь Бытия.

Тишайшее ремесло это, пожалуй, рукописание, когда оно помогает послезаписи ~~Бытия~~ войти в язык.

—

Рука и употреба.

Назад в послезапись; мышление забвения.

Шаг назад в бедность обитания открывает путь вперед в близь сбережения.

Голос тиши приводит в согласие с основным тоном вещей.

Из противолежащего (Gegenüber) назад в близь освобождающей сплотки (Fuge).

31 Местность-встречание (Gegend): собранно-собирающее покоение места (Ortschaft). См. <S.> 25.

двигаться навстречу (gegnen): бытийствовать как местность-встречание (Gegend).

возражать (entgegnen): у местности-встречания — обитающе — отсвояться — в ней беречь подлинное забвение (а значит, не от ἀντί и противоположности и противоречия). Из правильно помысленного возражения определяется соответствие и от-вечание.

Ответ: встречающее слово сказывания; не противослово (Gegenwort).

встречать (begegnen): одарять местностью-встречанием — (мирствовать, вещить) (к бедности обитания).

Противолежащее (Gegenüber): бытийствует прежде всего из местности-встречания, которая на манер несокрытости приходит через то, что в ней так присутствует. Лишь так и одновременно от читающего-собирающего слышания — «против».

Мы терпим неудачу, не развиваемся в сущность смертного, если мы терпим неудачу <в отношении> опасности ~~Бытия~~.

Сказывание, возможно, предотвратило бы эту неудачу, коль скоро оно охраняет только малое.

Нам не нужно искать опасность мышления лишь для того, чтобы пуститься в авантюру, нам нужна опасность, в которой мы — сущностные, только чтобы постичь, — нам нужно только мыслить, чтобы постичь, что мышление находится в опасности.

Сказывание, оберегая, развивается в основательное.

Представляющее мышление продвигается (из νοεῖν ὄν[8]) в противоположение (Gegenüber) представленности. В пределах противоположения предметности оно обращается на себя (reflexio). Так оно осуществляет сущность, каковой оно уже есть: самополагание «видения» (Fiδ)) — «некоторого» [?] осознанного — само-сознания — как бытийствующего всего бытия в смысле отраженной (reflektierte) предметности. 32

Таким образом бытийствующее бытие сущего требует в себе и для себя изображения (Darstellung). Оно не является добавочным, но хотя и соответствует бытию, однако в своей истине есть скрытый (забытый) вид (Weise) его сущности.

Отлучающее мышление возвращается в различие. Здесь сказывание как послезапись принадлежит не только самому бытию, но сущности Бытия. Человеческое существо как смертное призвано из отдаленнейшего прошлого (Einst) в середину сплотки ~~Бытия~~.

В достойном осмысления встречает (gegnet) опасность употребы. Все достойное вопрошания представляющего желания объяснять никогда не достигает опасности мышления.

---

8. Осмысление сущего (*греч.*). — *Прим. пер.*

Мышление обитает в опасности. Она опаснее всякого рода ненадежности и неопределенности.

Но опасность (Gefahr) употребы никогда не доходит до уничтожения в смысле преодоления (Aufhefung) бытия, а доходит до освоения сплотки и Последнего (Letze).

33 Событие есть сосредоточение угрозы (die Fahr), которая, употребляя, преследует (nachstellt) отрешенность и бережность в их Последнем. Событие есть опасность. Оно по-стигает (er-fährt) отлучение. Употреба осваивает в угрозу различия. См. <S.> 36.

Загадка в событии: где крылась опасность? Только в Последнем отрешенности, в неслаженности (Ungefüge) милости и ярости? Или особенно в Последнем бережности, в настойчивости смертных? Ибо только так бытийствует угроза употребы (die Fahr des Brauchs). А значит, опасность не в Последнем, а в сплотке употребы.

Но возврат в Последнее приводит в близь сплотки о-пасности (der Fuge des Ge-fahr).

Но сплотка Последнего мирствует (ist weltend); вымирствуя (erweltend) вещь, которая <есть> истинность (die Wahr) события в собственности.

Истинность сбывается из загадки (Ratsal):

гадать: сохранять в невыговоренное.

гадать: сохраняя, вести (wahrend fahren) Последнее различия.

Загадка есть истинность угрозы Последнего сплотки.

Угроза сплачивания	угроза в порядке (Fug)	
Истинность вспахивания.	истинность в плуге	<S.> 19

Угроза есть употребляющий разрыв мира.

Послезапись есть сказывание тиши в сплотку угрозы, которая выдвигается из простора загадки.

Загадка в загадочности (das Rätsel im Ratsal) такова: 34

В просторе сплотки осваяется-сбывается Последнее.

В Последнем различия бытийствует угроза.

В просторе употребы опасность скрывается и все же осваяется из Последнего и даже из Последнего отрешенности.

Создается впечатление, что пока мы все еще мыслим исходя из противоположности и превращаем различие в противоположность человека и Бытия, вместо того чтобы просто мыслить, а именно соответствовать исходя из близи, которая слаженно (füglich) близит простор; простор есть не противоположность близи, а близящееся сплотки употребы.

Но превращение в противоположность? Есть ли оно только следствие долгого привыкания к трансценденции, в которой Бытие забывает себя? Или же превращение опасно для смертных, так что они всё воспринимают против себя и через себя. Но откуда это <берется>? Из представления, которое сначала пытается воспринять, прочитать-собрать несокрытое, присутствующее? См. выше <S.> 25, 23, 30/31.

Поворот есть преодоление (Verwindung) противоположности из близи, в качестве каковой сплотка Последнего, мирствуя, освобождает вещь. <S.> 61, 63.

Зло, а именно злость, ярость опираются, пожалуй, 35
на непрестанность опасности. А непрестанность? См. <S.> *48*.

Связность (das Fugenhafte) опасности <заключается в том>, что она *бежит* из средоточия сплотки

употребы в единое Последнее отрешенности, так что в этой отрешенности сама употреба может представать как <пребывающая> в некоей противоположности.

Связность опасности сохраняет ей неопределенность и усиливает ее до мимолетного, в котором внезапность находится в своей стихии, прорывая его.

Связность опасности есть таким образом быстротекуще-мимолетное.

Вместе с опасностью событие убегает из средоточия различия. Возможно, в этом таится странность, что событие в отказе как противоположность несокрытости (является) присутствует в ее (собственном) просвете; и все же эта связность скрывает последние (die Letzen) события.

Все же в каком-то производном смысле опасно что-либо говорить об опасности в ~~Бытии~~. Люди опасаются нового пессимизма и еще худшего, когда слышат разговоры об этом. Насмехаются над мышлением, которое все-таки «живет» вполне безопасно в оторванности (im Abseitigen) своих абстракций. Мнение может возникать под влиянием плохого настроения и ложно истолковывает всё. Почему бы не оставить ему его хорошее настроение и его капризы?

36 Событие само есть сплотка своей сущности, — ибо оно бежит в сплоченность (Verfügung) освоения *из* раз-личия употребы (S. 90 вверху). Во время бегства оно предстает в обличье противоположности человека, а сам человек предстает как не имеющий места (ortlos). Употреба убегает от отделения (Schied) как такового, — т. е. от тиши. <S.> 40.

Но в то же время это двусмысленно, причем здесь неизбежно двусмысленно, если мы говорим,

что событие есть сплотка своей сущности. Оно есть сплотка как упомянутое бегство. Но бегство есть сплотка, лишь если оно есть сплоченность — освояясь — от потребления бережности и самопотребления в отрешенность.

Но это есть порядок (Fug), взаимопринадлежность к сущности, так что сплоченность (Verfügung) мимолетна (быстротекуща) и расположена к бегству —

Сплотка (Fuge) есть сплотка, она есть порядок (Fug), а он, будучи таковым, если осмыслять его исходя из бегства (Fliehen), есть бес-порядок (Unfug). → || Речь о порядке и беспорядке — самое опасное. || В порядке (Fug) таится о-пасность.

Сплотка избегает сплотки. Это бытийствующее (das Wesende) в употребе. Это сущность раз-личия.

Это бес-покойство тиши загадки.

Сплоченно (Füglich), — в указанном смысле «соединять, сплачивать» как сплачивание, убегание и принадлежание, — есть ~~Бытие~~.

Но <как быть с> бегством? От чего, куда и как бежит событие, хотя и так, что это бегство не является оставлением.

Событие бежит из сплоченности (aus der Verfügung) в истинность (Wahr) из бережности — и все же сплоченность есть не что иное, как тишь бережности и отрешенности.

Событие бежит от опасности (Gefahr) в угрозу 37
(Fahr) и «есть» таким образом раз-личие.

Порядок: освоение мирствующего сплачивания — отрешенного сбережения и веществующего бегства.

Порядок сплотки в событии и забвение.

Порядок есть разрыв употребы.

Бегство в самопотребление как подлинное освоение потребления.

Тишь (бытийствующее утишение) беспокойства сплотки употребы.

Опасность употребы не содержит ничего жестокого: тихая опасность.

Из сплотки бытийствует близь. Близь скрывает тихую опасность. <S.> *41.*

Бегство бежит / из опасности сплоченности в основность (Fund) / *в близь*. Основность: утишенная тишь—

Близь: неприметное бесконечное средоточие различия. Но беспорядок не есть здесь противоположное к порядку, не его отсутствие, но то, что сплоченность остается как раз имеющей мимолетную сущность, а она бытийствует как простор. При этом речь о бес-порядке является также несообразной, когда слаженная (füglich) сущность употребы мыслится просто, — ибо в этой слаженности (das Füg-liche) властвует, особенно поскольку это касается мимолетности, самопотребление в оберегание как бытийствующее в порядке самой загадки.

К слаженно-мимолетному употребы относится близь. Отлучающее мышление соответствует слаженности, ибо остается в близи и не достигает основности и не заканчивается ни в каком сущем, будь оно даже высшего рода. Пребывание-в-близи пронизывает все.

38 Связность (das Fugenhafte) в употребе, причем в смысле быстротекущего (das Fliehende), требует от мышления, чтобы оно специально пришло в язык; ибо в нем бытийствует событие странным образом по отношению ко всему бытию перед поворотом, в противоположность всякой «трансценденции», будь то онтологическая или онтически-теологическая. Когда-то масштабно помысленное

под этим названием (кантовское понятие трансцендентального, гегелевское понятие идеи идей, шеллинговское понятие абсолюта) опустилось между тем до пресного представления всеобъемлющего (das Umgreifende). Необразованность нашей эпохи воспринимает это в своем страхе перед мышлением как восхождение в <сферу> метафизического.

Связность (das Fugenhafte) освояет сказывание как разговор употребы. В мирствующе-веществующей связности сплотки (des Fuges) бытийствует слаженная «отчетливость-ясность» (Deutlichkeit) языка. Но «толковать» (deuten) и «значить, означать» (bedeuten) представляется на основе звучания (φωνή). Это представление языка совпадает с забвением дифференции, т. е. с допуском ὄν — и трансценденции сверх-чувственного к чувственному.

Нужно обдумать связность в речении (Spruch) тиши; то, что оно — обращение (Zuspruch) в соответствии (Entsprechung) и для него.

Тот, чье действие бесполезно, используется сильнее всего. Бесполезным является мышление. Тот, кто пришел к мышлению, должен смириться с использованием.

Чтобы познать мир, а именно его мирствование, мы должны сначала оставить всезнайство мироисторического сравнения, чтобы отвергнуть превознесение (Auffahrt) крупных фигур мира, причем в тот момент, когда весь мир предполагает быстро и уверенно обозреть всемирную историю земного шара. 39

Исторический опыт учит лишь тому, что с помощью историографии ничему не научишься.

Философия удовлетворяется сейчас достойным-веры и упускает достойное осмысления. Подобное предательство по отношению к мышлению прикрывают с помощью «Философской логики»[9]. Всякий убежден в том, что речь тут, конечно же, идет о мышлении.

Вся наука мира лишь холодным взглядом неведения окидывает тропы мышления.

Возможно, ремесло мышления, а именно после-запись ~~Бытия~~, — это единственное, что невозможно выучить, поскольку этому ремеслу нельзя научить (unlehrbar). В какой мере это так?

В какой сказывание мышления не является высказыванием, а несказанное высказывания также существенно отличается от того, что в отлучающе соответствующем мышлении подлежит осмыслению. Нет учения без высказывания.

40 Тишь есть, собственно говоря, забывающая (себя), забытая в загадку глубинность сплотки употребы. Тишь утишает: различие. Забвение различия освоя-ется в отсвоении тиши. Звук тиши: ясное (Heytere) различия — по сути, отлучающе ясное. Тишь убегает сама собой, так она сохраняет, т. е. сберегает себя в загадку. В этом сокрытом бегстве она возвращается в загадку и сбывается как разговор — т. е. убегает в сплоченность употребы.

Об этом бегстве тиши, в качестве какового тишь употребляется в загадку, сказывание может соответственно сказать лишь *бегло*.

Вот почему оно также вымалчивает «глубинность» (Innigkeit) и «порядок» (Fug), — помысленные с точки зрения различия.

---

9. [Jaspers: Von der Wahrheit. Philosophische Logik. Bd. 1. A.a.O.]

Оно сказывает, ибо также молчит, сплоченность употребы в сказывании мира. Оно сказывает бегство еще молчаливее (отдаленнее) в сказывании вещи.

В бегстве тиши, в качестве какового различие, по сути, отлучающе проясняется в загадку, осваяется близь, которая скрыто далит (fernt) глубинность. Бегство в сплоченность употребы есть подлинная сплотка (п<ростота?>) (E<infalt?>) сплотки (р<азличие?>) (U<nterschied?>): сплотка (п<ростота?>) отдаленнейшей глубинности предельного Последнего: тишайшая тишь забытого утишения — (ничтожащее ничто как ~~Бытие~~).

Бегство тиши в опасность Сплоченного раз-личия.

Опасность употребы утишает событие в загадку. 41
См. <S.> *48, 37*.

—

Внезапность тиши — это единственный след древней сущности времени как местоположения ~~Бытия~~.

Метафизическое представление о вечности, однако, есть попытка уклониться от тайны загадки этого одного местоположения. Но такое уклонение проистекает из отказа <от> поворота.

o — o

Тишь есть бытийствующее употребы.

Тишь отсвояет употребу в забвение загадки.

Тишь утишает.

Тишь позволяет употребе основываться на ее <употребы> Последнем (in seine Letze beruhen).

Но покой есть сосредоточение опасности в простор.

Тишь есть сплотка (бегство) в сплотку (простоту) Последнего.

Последнее (Letze) есть соответствие отлучающего в мирствующей употребе веществующего события.

Мирствуя, тишь бежит от своего утишения употребы в вырывающее сплочение раз-личия.

42 Сплотка Последнего есть угроза (Fahr) в употребе. В сплоченности освоения мирствующий раздел (Schied) идет вослед предельному в отлучение к загадке.

Сплотка сплотки есть сосредоточение угрозы (Fahr) в употребе к тиши.

Тишь загадки это о-пасность (Ge-fahr).

Сплотка (бегство) тиши загадки в Последнее.

Сплотка (сплоченность) употребы в событии.

Сплотка (б<егство?>) (F<lucht?>) в сплотку (р<азличия?>) (U<nterschied?>): глубинность невыговоренного.

Сплоченность в событии есть простота употребы.

Вплоть до сплотки тиши простирается сущность вещи.

Сплотка как бегство, сплотка как простота.

Язык — это разговор тиши, мирствующее соответствие в событии веществующей употребы.

Говорение (Sprechen): освоение собственности к Последнему сплотки тиши.

Тишь говорит. Язык не означает — он осваяет, употребляясь, мир, отсвояет вещь. Но сплотка тиши позволяет тиши идти навстречу (gegnen) речению.

Слово, которое покоится в глубинности сплотки, никогда не является так в противоположности человеку или даже — исходя из его <человека> противоположной стороны, подобно чему-то <пребывающему в> глубинах человека.

А что, если существует учеба (Lernenlassen) без уче- 43
ния (Lehre)? (См. <S.> 38 внизу; 39 внизу.)

Бытие и Бог. — Через онтотеологическое представление в метафизике в мышление все еще внедряется стремление отождествить бытие с Богом, а Бога с «бытием» как таковым. При этом ненароком принимают «бытие» за «сущее» как таковое, а последнее — за высшее сущее.

Но Бытие больше, чем Бог, при условии, что Бог «есть» и что это «есть» остается соразмерным Богу именем, в котором мыслится божественное. «Больше» не в том смысле, будто Бытие есть Бог, а кроме того, еще нечто иное к тому же и сверх того, — но Бытие никогда сущностно не есть Бог, — поскольку оно никогда не есть то или иное сущее; в том числе не есть и Высшее сущее. Также высшее сущее, — мыслимое как сущее, и так оно и должно мыслиться, если мыслится исходя из отношения к Бытию, — высшее сущее есть также ниже, чем Бытие; не так, будто Бытие есть верховный род, под который подпадает все сущее, а значит, и Бог.

Высокое и низкое касается здесь сущностного происхождения бытия сущего из Бытия, в качестве какового осваивается различие того и другого. Бог как Сущий несравним с Бытием. Оно недосягаемо для Бога и в этом смысле больше, чем Бог. Вместе с тем, од- 44
нако, бытие слишком мало для Бога, при условии, что Бог есть Бог, а не Представленное Первое в некоем объяснении и толковании сущего как такового.

Привести Бога в близь Бытия означает потерять Бога, при условии, что Бытие есть достойное осмысления.

Привести Бытие в близь к Богу означает расстаться с мышлением, при условии, что Бог есть Достойный Поклонения в действиях верующего.

Слабость веры ищет подпорки разума. Слабость мышления спасается под защиту веры. Смешение обеих слабостей превращают в мнимую силу «христианской философии». Она сильна лишь в том, что усиливает страх перед мышлением и умеряет громаду веры (das Ungeheuere des Glaubens), — и то и другое, чтобы привести к господству посредственность во всем и задержать Сущностно великое, — ибо все великое в христианском произошло вопреки христианству и господству церкви.

К мышлению относится следующее: мыслить, что Бытие одновременно больше, чем Бог, и слишком мало для Бога. Последнее таково, ибо таково первое.

Бог есть Бог Авраама, Бог Иисуса. Но нет Бога Бытия. Уже сама мысль о подобном Боге была бы
45 кощунством. Вот почему для мышления нет Бога. Мышление, которое есть мышление, а не поглядывание на пошлый компромисс с господством той или иной веры, скорее позволит Богу «Быть» Богом, чем вера. Мышление позволяет Богу Быть Богом, в той мере, в какой оно держит его вдали от Бытия и выдерживает эту даль между Бытием и Богом.

Что значит: привести Бытие к языку? Это не значит высказать Бытие, не означает ввести Бытие путем высказываний о нем в публичное обсуждение и во всеобщее знание. —

Привести Бытие к языку означает (буквально): дать сущности Бытия покоиться в сущности языка как разговоре тиши употребы. Прежде всего упомянутый оборот «привести к языку» говорит еще так, как будто он подразумевает только языковое выражение еще не выговоренного. Но «невыговоренное» Бытия и слово Бытия есть нечто сущност-

но иное, чем еще не сформулированное на языке. Упомянутый оборот прежде всего дает понять, что язык есть для Бытия нечто иное, чем только оболочка (Umhang) его выражения. (См.: Письмо о гуманизме, <S.> 116.)[10]

Сплотка тиши и беззвучность мыслящей послезаписи.

Сплотка тиши и простота употребы.

Самая сплотка: <она> есть бегство тиши в простоту употребы. <S.> 48.

У каждой вещи свое время[11]. Так ли это, коль скоро эпохально-экстатическое время хранит в себе сущность вещи? Имеется ли это сохранение, ведь сущность времени проистекает из истины ~~Бытия~~? 46

У каждой вещи свое время.

У каждого времени есть свое ~~Бытие~~.

Бытие (Sein) хранит себя в сущность времени, которое бытийствует в ~~Бытие~~.

Почему, когда все согласны с первой фразой, люди горячо противятся второй, которая старше первой?

Зашифрованная запись (Chiffrenschrift) (как всякое копание в иррациональном) есть всё еще лишь противоположность рассчитывающему представлению. Она сосуществует и совпадает с этим представлением. Оба они таким же образом опираются на странное представление о языке, согласно которому язык означает и значит, причем так, что зна-

---

10. См.: Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие. 1993. С. 192–220. — *Прим. пер.*
11. Немецкая поговорка: Jedes Ding hat seine Zeit — всему свое время. — *Прим. пер.*

чения слов должны были бы быть, вообще говоря, однозначными.

Задолго до того, как техника махинационным образом развивает свою сущность в истине сущего, она уже действует в сущности истины бытия, поскольку овладевает языком и превращает его в σῆμα[12] и требует от него однозначности. Тем самым уже подготовлена техническая область приема для явления
47 предметов в ре-презентации самосознания субъективности. Другой важный, а потому столь же неприметный шаг по подготовке господства техники основан на том, что метафизика с помощью христианства становится исключительно библейско-теологичной и представляет себе ens как ens creatum[13].

Для грамматического <подхода> сущность записи как послезаписи (Nachschrift) ~~Бытия~~ остается как раз скрытой.

Грамматика и Бог теологов, т.е. забвение разлада между сущим как «чувственным» и «бытием» как «сверхчувственным» (сущим) определяют расцвет сущности техники в те эпохи, когда она остается всецело сокрытой.

Что такое ~~Бытие~~, если сущность человека проста в простоте ~~Бытия~~? ~~Бытие~~ есть отлучение в событии. Простое в отлучение как бесконечное средоточие простоты Последнего *есть* человек — смертный.

Временами подобает предмысля читать немногочисленные работы мыслителей, ту или другую, ко-

---

12. Знак (*греч.*). — *Прим. пер.*
13. Сущее как тварное сущее (*лат.*). — *Прим. пер.*

торые мы считаем давно нам известными. Опыт непредвиденного, пожалуй, нигде не бывает ярче и теплее, чем в подобном случае.

Сплотка: то, что тишь убегает от простора (Freye) в простоту употребы. 48

Простор с-крывает опасность (Gefahr): сосредоточенная в тиши угроза (Fahr), в качестве которой событие отсвояет, отсвояя употребляет.

Только в просторе человек свободен.

Это значит: лишь из сплотки тиши освояя в средоточие Последнего, лишь обитая в бережности отрешенности мы принадлежим употребе как потребленные самопотребления.

Сплотка тиши. Простота в отсвоение употребы.

Тишь простора. Простор спора.

Угроза (Fahr) есть различительно-мирствующее пре-следование (Nach-stellen), в качестве какового освояется-сбывается отсвояющая употреба.

Но отсвоение бытийствует из тиши, есть основывание (Beruhenlassen) в событии Последнего — в предельном событии; в простоте мира, в собственности вещи.

В о-пасности (Ge-fahr) собирается милость и ярость как то же самое, и одновременно они связно отсвоены в отрешенность. См. <S.> 75 вверху.

Сплотка как бегство никогда не есть простой «уход от», который слепо бросается только в некое «прочь». Сплотка есть бегство *от* простора, который мимолетно сохраняет (спасает) ее *в* простоту отсвоения. Так сплотка сплачивает широчайшую ширь, внутри которой и в нее она настигает свою сущность, а вместе с ней тишь (Λ).

49 Мы приближаемся к той мировой эпохе, когда уже недостаточно исследовать природу, исследовать историю, чтобы затем еще и обобщить исследованное как результат, причем с теми же представлениями, которые уже направляюще предшествовали первым шагам исследователя. Необходимо, чтобы мы *осмысляли* природу, *осмысляли* историю. Но *как* мы сможем это делать, если прежде не познаем мышление, причем мышление как подлинное бережение ~~Бытия~~. Пока этого не произойдет, всюду будет околачиваться (herumtreiben) мнимое мышление в голых обычных-привычных представлениях и при случае распространять их по мере надобности в планетарном масштабе. Этот процесс также необходим; но остается основное заблуждение, заключающееся во мнении, что <в результате этого процесса> уже будет достигнуто другое мышление. *Так* мы подойдем в лучшем случае в сфере прежнего мышления к краю пропасти, в качестве которой осваивается поворот в ~~Бытии~~. Но то, что теология отстраняется от двух направлений мышления — как от осмысления природы, так и от осмысления истории, то, что она вообще уклоняется от настоящей полемики (Aus-einandersetzung) с мышлением, т. е. не исходя из веры принимает решение в пользу веры, говорит о ее полной несостоятельности в теперешний момент — она удовлетворяется апологетическими трюками. Каким образом должна теология, — чьи основные положения в отношении θεός и λόγος определенного ὄν восходят еще к стадии представления, т. е. еще *до* начала новоевропейской
50 метафизики, — стоять хотя бы на уровне понимания метафизики, причем так, чтобы теология развивала подобающее ей осознание (как якобы Гегель в своей феноменологии духа). Как должна эта теология, застрявшая в беспочвенном аристотелизме

и даже не знающая Аристотеля, еще и выполнять функцию прототипа и высшей инстанции по отношению ко всем видам осознания и наук?

Чуть ли не трогательное одобрение «Письма о гуманизме» возбудило во мне подозрение: либо люди не задумались о деле, либо дело не удалось.

То ли хотят сделать из него недолговечную теологию и подтвердить себе, что, очевидно, мышление — не опасность? То ли хотят забыть, как холодна вода в глубоких колодцах, в которые должно спускаться мышление?

О преодолении (Überwindung) метафизики. Само преодоление нужно еще преодолеть, причем так, чтобы всякое «пре-» (über) исчезло и извив (Windung) завернул (verwindet) в возвращение; а возвращение не уходит в прежнее, но и не откладывает его в сторону и не хранит. Извив превращается в поворот, а он принимает все в возврат от назад вперед (nimmt alles in Zurück hinter das Zurück nach vorne).

Познай при случае судьбу употребы. Самое опасное отсвоение некоторых в бедность мышления без институции и задачи, без общественности и без цели воспитания могло бы между тем стать неизбежным. То, что мы еще вовремя внезапно выталкиваемся из институций, которые все извращают, занимаясь мнимой деятельностью, и отдаляют подлинные катастрофы, замедляя <вхождение> в них мышления; то, что в конце концов люди из-за подобного соблазна хотели бы отогнать опасность мышления. 51

Цени тайную весть употребы.

Храни забвение в его беззащитности.

Ближний, в привычном смысле, обычно ничего не ведает о близи. Подлинное благо, которое для другого еще выходит за пределы своей сущности и хотело бы предоставить ее ему, неизбежно остается в забвении.

То тут, то там они стремятся нынче уже преодолеть сверхчеловека, а между тем не подошли даже к его сущности, так что сверхчеловека, собственно говоря, вовсе не существует. Что станется с тем или иным преодолеванием, которое совсем не способно обращать внимание на то, что нужно преодо-
52 леть? Просто замедление, даже не преодоления, а только — сначала и все еще — того, что должно быть преодолено.

Раз-личительное (unter-schiedliche) мышление сущностно иное, чем различающее (unterscheidende), которое только расставляет, представляя, представленное, чтобы снова составить его вместе (σύνθεσις), причем в то «вместе», которое уже по сути предлежит разъединению — в качестве абсолютного субъекта.

Раз-личительное мышление соответствует в раз-личии отлучению (Abschied) и ведет таким образом его <отлучения> разговор. (<S.> 55.)

Различительное мышление должно быть непреклонным, но оно никогда не вправе быть безошибочным.

В тех, кто может уйти рано, есть больше, чем в тех, кто хочет прийти поздно.

Учеников у меня не было, ведь никто не стал для меня самого — учителем.

Самое жалкое есть жажда мести. Она снимает оковы с низменного и выталкивает его на высоту его низости.

Ἀ-Λήθεια остается достойной осмысления. Это означает: прошедшее не заканчивается уже на дедушке (в XIX веке, из которого все еще получают — как неистощимый товар — любое представление), но бывшее начинается в том Некогда (Einst), которое грядет. Первый приход захода забвения. 53

То, что сказывание мышления ждет, ожидает своего местоположения, не означает, будто оно считает себя слишком хорошим для современности и избегает действительного. Но оно означает, пожалуй, что мышление ~~Бытия~~ хранит будущее <исходя> из грядущего. Или все еще полагают, что будущее — это то, что следует за современностью и из *нее*?

Те же, кто *осмысляет сущность* смерти исходя из ~~Бытия~~, — не проповедники <у> могилы. Они вовсе не закапывают действительное в усталое ничто бездумности. Обратят ли, наконец, некоторые внимание на это мышление?

Лишь приход грядущего даст будущее. Значит, только это будущное осваяет исток из сосредоточения сущности, из бывшего.

Приход осваяется из сплотки тиши. Приход уже мимолетно бытийствует в простоте. Первый приход захода.

Опасность кроется за пределами вреда и пользы. Вредно, но не опасно говорить об опасности. То, что только полезно, никогда не сможет стать сущностным. 54

Сколь мало тех, кто слышит, да и то редко, в сказывании различительного мышления сказанное молчания?

Читатели читают-собирают (Die Leser lesen), чтобы развлечься и все узнать. Они не задумываются о том, что «чтение» означает: собирание (Sammeln) и сосредоточение в нем. Читатели меньше всех способны собирать сбор (Lese): а именно запись, которая выговаривает как послезапись язык употребы. Послезапись не для читателя. Писатели-создатели записи (Schrift-steller) как изготовители-записей, а не после-пишущие (Nach-schreibende), пишут для читателей, а читатели взывают к писателям.

Настоящее писание есть первое чтение, ибо оно читает, слушая письмо (Zu-Schrift); оно читает, ибо сосредоточивается в сосредоточение, в качестве какового простота употребы есть разговор раз-личия.

Правильное молчание вымалчивает также еще и самого себя. Вот почему оно иногда говорит, хотя бы только в сказывании записи.

55 Они все еще думают, будто действовать труднее, чем мыслить. Они воспринимают мышление как представление и считают его воображением. В противоположность этому поступок (Tat) предстает как осуществление действительного (die Verwirklichung des Wirklichen). Так для них мышление всегда остается просто мышлением. А как могло бы быть иначе? Они никогда не мыслили в мышлении, осмысляющем то, что следует осмыслять, осмысляющем забвение, которое издавна есть забвение различия. Это памятование предается своему помысленному. Мышление впадает в раз-личие

и погибает в нем как отлучение. Что же означают в различительном мышлении действия и действительное, где действительность отозвана в Бытие?

Мыслить: предаваться достойному осмысления, которое обретает свое достоинство не от того, что является ценностью, но потому, что оно просто есть: Бытие.

Мыслить становится нынче <вот чем>: вверять себя сохранению Бытия — теперь, после того как достаточно долго длился спектакль представления. То вверение не было по приказу и не просто <проявлением> воли. Вверение (Be-fehl) осмысляет отсутствие Бытия (Fehl des Seyns), мыслит забвение бытия в его (забвении) сущности как сохранение самого Бытия.

Суровый воздух выси.

Различительное мышление не ищет только лежащих на поверхности причин вещей, не хватается оно и за скрытые; ибо оно вообще не ищет и не схватывает. Оно не охотится за причинами (Gründen). Оно не знакомо с охотничьими угодьями (Jagdgründen) исследования. Различительное мышление соответствует употребе в событии. Так оно бережет сначала саму вещь и осмысляет в вещи собственность мира из сплотки тиши в простоту употребы. 56

Возможно, мышление в возврате бережности употребы гораздо решительнее, чем сильнейшее воление; решительнее, то есть: открыто отсвоеннее и тем самым способнее в Бытии.

Все еще волнует вопрос: есть ли цель у человечества? Нет, никакой. Ответ остается двусмысленным. Сначала он говорит: цель отсутствует, ее не-

обходимо найти. Но говорит также: та или иная цель человечеству не подходит, а потому оно не является и бесцельным. Однако оно пребывает в безыстинности.

Цели вынуждают прицеливаться и привлекают к простой охоте и поощряют поглядывание <по сторонам>. И вновь человек колеблется в представлении. Но что должно <значить>, спросите вы, бесцельный? Он не может быть обязанным. Он может принадлежать <чему-то>. Так что он — вслушивающийся в тишь. Вот он выстраивает долгое пребывание из долгого оберегания.

57 Мысли, исходя из отсвояющей употребы в Последнее, мирствующе-веществующее.

Мысли простоту употребы исходя из сплотки тиши.

Мысли опасность исходя из сплотки.

Мысли исходя из тиши простора спора.

Памятуй забвение различия.

Простор спора есть загадка (Ratsal): сама суть. Немногие выносят ясность ~~Бытия~~ из звука употребы. Остальные боятся света. Это тип темных личностей — он остается неизбежным как сброд <, занимающийся> махинациями. Сброд и принадлежащие звуку. См. <S.> 60.

Кто обитает в оберегании (im Schonen), в бережности (in der Schonung) употребы, сам является не сбереженным, тем, кто не впадает в видимость оберегания, кто подает оберегание как трусливое подтверждение именно существующего, которое следует оставить в покое.

Назад в возврат, в котором начало отказывало в себе, — назад в будущее из грядущего. Но никак не обратно в прежнее.

Продолжение человечества лежит не в нем и не выше него; оно не есть ни его продление, ни его уход. Продолжение лежит в возврате к бережности, в качестве каковой ~~Бытие~~ освояет себе место своего сохранения.

Некогда (Einst): когда-то и когда-нибудь.

Противоположность отлучающего мышления представляющему (см. <S.> 56) возникает не потому, что первое противо*поставлено* второму, а потому, что постигается то «*навстречу*» (das Entgegen), из которого лишь и возникает то *и* это. Встречание из места встречи. (Das Gegnen aus Gegend.) 58

Забвение бытия — (<S.> 60). — Поначалу нет особого вреда от того, что речь о забвении бытия непосредственно выражается и понимается столь широко, что некоторые задумываются, в какой мере человек не осмыслил Бытие. Тут же возникает отсюда, из подобных сомнений, опыт того, что само Бытие забыло человека и что это забывание относится к забвению, в качестве какового бытийствует само ~~Бытие~~. Забвение бытия тогда уже не означает упущение со стороны человека, но оно есть слово для Бытия бытия. Это мыслится, когда вопрошается о «смысле бытия»; ибо такое вопрошание вытекает из опыта забвения бытия, причем это слово колеблется в своей нераскрытой двусмысленности.

Одной мысли о забвении бытия достаточно для мышления, которое постигло, какое значение имеет мышление (was es mit dem Denken auf sich hat). Его величайшая опасность заключается в том, что оно изменяет этой одной мысли, поскольку она слишком проста, а в простом — слишком богата. Сколько времени понадобится мышлению, пока

оно сможет просто мыслить простое, простое употребы, в которой простые противоположности стали негодными для

спора тиши?

59 Историограф (Historiker) полагает, будто он может по копии (im Nachbild) понять прошлое. Мыслитель-историк (Geschichtsdenker) дает возможность бывшему воскресать в сущность. Но эта «сущность» высвоена грядущему.

Европа. — Это барахтанье заморышей, чтобы спасти Европу, которая даже не способна погибнуть. Они все еще не замечают, что пришло время подготовить последних (Letzen), которые способны на гибель. Но уже за работу взялись замедлители; а между тем подключился «христианский Запад» — и для чего? Чтобы увековечилось все ветхое? Но гибель-закат не есть конец, а тем более не ничто (но кажется таковыми), в глазах тех, кто цепляется за прошлое. Когда они теряют его, для *них* все потеряно, все кончено. Но, возможно, таким образом все обретено.

Гибель-закат — что если это было бы движением в раз-личие? Если бы для этого потребовалось различительное мышление? (<S.> 52.)

Гибель-закат могут продвигать лишь те, кто знаком с восходом. Перед гибелью-закатом необходимо сначала пройти через возвышение человека до сверхчеловека (как негативным, так и позитивным способом). [«Закат Европы»[14] Шпенглера едва

14. [Spengler: Der Untergang des Abendlandes. A.a.O.] — Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. — *Прим. пер.*

достигает порога сверхчеловеков.] Есть ли это Земля, над которой намеревается властвовать сверхчеловек? Или это *оприродненная* в сырьевое хранилище опытная делянка планеты, которую космические корабли облетают за несколько секунд?

Забвение Бытия это не то, против чего как некоей противоположности надо выступать, чтобы его устранить. Когда вместе с забвением Бытия упоминается Бытие Бытия, в этом забвении сосредоточивается приход других мер и масштабов. Мир расширяется лишь в длительном пребывании, мир, который как освоение собственности сохраняет то, чего желают строящие. 60

Забвение Бытия не снимается в памятовании, но лишь о-свобождается в своей сущности.

Если уж Ἀλήθεια в конце концов должна быть осмыслена как слово ~~Бытия~~, насколько решительнее мы должны осмыслять Λήθη как Бытие, постигая ~~Бытие~~ из *сущности* Λήθη, а не только из традиционного слова и его представления? «Сущность» Λήθη есть событие употребы. Это есть простое мысли о забвении бытия.

Язык — эхо «этого» Бытия в ~~Бытие~~.

Мышление как сказывание употребы отвечает на отзвук в отсвоение к тиши (подлинное забвение). Но отзвук не есть простое эхо (Gegenhall), — которое идет навстречу (das Gegen gegnet); звук мирствует. (См. <S.> 57.)

Неужели против ничто стои́т только бытие?

Слишком мало обращаем мы внимание на разрушительное в доброжелательности посредственных 61

умов; они стремятся к уравниванию, которое не допускает никакого исключения. В исключении они способны видеть лишь то, что им враждебно, а вовсе не то, что оно принесено в жертву бытийствующему и не хвастается жертвой, но познает в ней опасность для смелой принадлежности к ~~Бытию~~.

Простое — самое непонятное.

Если сегодня кого-то понимают, то это свидетельствует о двух вещах: во-первых, о том, что он не пребывает в простом; во-вторых, о том, что понимание все понимает и больше не допускает непонятного.

Может ли та или иная мысль стать господствующей, когда она говорит о необходимости господства? Является ли правление (Walten) обязательно господствующим и властным?

Могущество (Gewalt) как сосредоточение правления. Правление бытийствует в освоении (Ereignen). Событие есть поворот Бытия из воли к воле в употребу. Могущество рушит власть воли — рушит, говоря как язык тиши простора. Мир (Welt) исходя из события обмирствует (verweltet) могущество.

62 То, что нравится (gefällt) человеку, свидетельствует о направленности (Gefälle) притязания, которому человек подвергся или от которого избавился.

Грядущий человек — не продолжение прежнего *человека*, а возвращение ~~Бытия~~ из безыстинности в подлинное забвение.

К учению о богах. — Иегова — этот тот из богов, кто дерзнул сделать себя избранным Богом, не допуская рядом с собой никаких других богов. Мало кто до-

гадывается, как этот Бог должен, причем в обязательном порядке, причисляться еще к другим богам; как иначе смог бы он выделиться. В результате возник один-единственный Бог, кроме которого (praeter quem) нет вообще никакого другого. Что это за Бог, который вопреки другим возвышает себя до избранного? Во всяком случае он не Бог по преимуществу («der» Gott schlechthin), при условии, что такое мнение когда-либо могло бы быть божественным. Что, если божественность этого Бога покоится (beruht) в великом покое, с которым он признает других богов? «Бог есть», — утверждать так равносильно бездумности и вдобавок ее маскировке, не говоря уже о дерзости, которую выдает подобная молва, если последняя хочет быть речью мыслящего человека. Страх перед божественным убегает к «Богу», который и не является каким-то *одним* богом и не может быть Богом по преимуществу («der» Gott); или же люди бегут только к теологии.

Представляющее мышление ищет постоянства в об- 63
разе всеобщего, которое затем сводится к общеупотребительному и одному и тому же (Gleichen).

Различительное мышление познает покоящееся во внезапном заходе Того же самого (des Selben). Покоящееся утишает могущество употребы в вещь мира.

Одно и другое мышление суть, однако, не два вида всеобщего; они суть То же самое в судьбе Бытия.

Преодоление формального (forma, μορφή, εἶδος, φύσις, ἀλήθεια) в забвение как разрыв (Riß) различия в сплотке простоты.

Разрыв мира и разговор отлучения.

Поворот есть поворот забвения. Предельное неподлинное забвение (воля к воле в высшей репре-

зентации самосознания) как заход употребы поворачивается в событие. Это предельное подлинное забвение. Внезапность поворота в событии из предельного неподлинного в предельное подлинное есть разрыв <в> широчайшей шири раз-личия. Средоточие отлучения (Abschied) заходит в простоту из тиши спора.

Поворот от власти махинации к могуществу правящей употребы. Простор спора есть событие.

64 Вера блаженнее, чем мышление, пока люди верят в блаженство, а мышление так и не познали.

Вера стремится предписать себя мышлению в качестве закона. Философия поощряет это намерение. Поскольку она нынче всюду обходится безо всякой мысли, она вынуждена искать занятие, в котором еще может рассчитывать на то, что ее, по крайней мере, будут терпеть. Что это за философ, который отрекается от мышления? Странная птица, которая томится суетным желанием стать червяком и пристроиться к червям. Зачем летать, если можно ползать?

Это, пожалуй, христианское требование понимать религию как веру, а римское представление отношения к богам — как религию, в противоположность греческому опыту <, состоящему в том, чтобы> принимать за богов присутствующее присутствия (das Anwesende des Anwesens). А потому греческая философия, в качестве онтологичной, была сама по себе теологична. Напротив, философия, прошедшая через христианство, была — причем именно <потому>, что еще лишь также онтологична, — кроме того, также и теологичной. Эта также-теология придала философии в целом удивительно размытый отпечаток.

Самый скромный человек тщеславен: он удовлетворяется восхищением со стороны всех случайных и поверхностных <людей>.

Мыслящих <людей> можно назвать недогадливыми, поскольку они избавлены от догадок. 65

Догадываться и знать — эти <способы> равным образом отравляют мышление. Но как легко впадает мышление в видимость одного или другого? Опираясь на догадку, мышление соскальзывает в веру, в научность же — опираясь на знание.

Честолюбие (Ehrgeiz) — коварнейший вид рабства. Почесть (Ehre) со стороны кого? Почесть кому? Тщеславием питается, видимо, впечатлительность половины и половинчатого. Отсюда никогда не рождается целое Одного, сущностного. Тот, кто полагает, будто греки действовали из честолюбия, мыслит поверхностно. Всё вожделеет <того-то> ... основывается на нехватке. Действовали ли греки из полноты? Также нет. Но они действовали в присутствии присутствующего. Δόξα была самовыказыванием сущего в блеске его явления; отсюда близь опасности голой кажимости — как некой опасности самого бытия.

Тщеславие — противоположность способности создавать дистанцию.

Вскоре телевидение (Fernsehen) станет технически удобным для использования. В результате усилится неспособность к дальновидению (Fernsicht). Но по сути причиной изобретения телевидения является близорукость (Kurzsichtigkeit) человека, ибо телевидение только подтверждает приятность близковидения.

66 Человек, который мыслится как пастырь (Hirt) бытия, не имеет ничего общего с пастушком (Schäfer) пасторальной идиллии, даже по названию. Когда здесь упоминается «бытие», мыслится ~~Бытие~~. Что мы знаем о пастыре? особенно если мыслим его лишь исходя из стада? особенно если имеем в виду человеческое стадо? Будет ли лучше, если мы вместо этого представим стадо животных и стадное животное?

Пастырь имеет отношение к тому, что нужно охранять.

Но в чем бытийствует то, что нужно охранять? На основе чего (woher) бытийствует охрана-защита (Hut)?

«Пастырь» — идиллически-коварное название? Оно соблазняюще ведет нас в представление и избегает мышления. И все же оно является осмысленным словом. Слышим ли мы уже его звучание? Не надо искать за этим словом никакой моральной подоплеки. Не надо говорить о назидательности.

Первое, на что способен пастырь, это забыть себя.

Забыть себя, в правильном понимании, означает: не потерять себя.

Пастырь находится в размахе предельной шири различия.

Различие есть ничтожествующее освоения: ничто события.

Забыть себя: прояснить (verheytern) себя, сущность человека, в употребе — внутристояние в открытом промежутке Da-sein — человек — эк-зистентный в Da-sein, назывался в начале отлучающего мышления «местоблюстителем ничто», — это укрывающее и вместе с тем соблазнительное имя для «пастыря Бытия». Бездумные.

67 Сущность рождения человека становится мыслимой лишь исходя из сущности смерти.

Даже тогда, когда новоевропейская наука однозначно вступает в предназначенную ей техническую сущность, к ее сущности и, вероятно, к ее достоинству относится знание того, что́ она делает. Но, возможно, это знание является вопрошающим, достойным вопрошания и бросает вызов мышлению. Что было бы, если бы науки начали мыслить? Или техническое использование (Inanspruchnahme), в том числе и в «науках о духе», для организации общественного мнения, уже настолько сверхмогущественно, что уже никак нельзя положиться на достоинство этого знания. Однако речь идет лишь о «продукции» с целью обнародования для публики.

Ранг (Rang): это кольцо (Ring) — собрание в форме круга! Место!

Ранг — это и не вопрос ценности, и не вопрос большего или меньшего. Ранг относится к месту в местоположении Бытия. Месту, чтобы его сохранить, соответствует настойчивость пребывания. А настойчивость освоя́ется-сбывается в событии употребы. (См.: «Слова»[15].) Новое мужество к эсхатологии ~~Бытия~~ развивается лишь в душе (Gemüt), которая как таковая сосредоточена в <чрезмерном> требовании употребы.

Вопрос о ранге: где и как человек настойчив в ~~Бытии~~.

Необходимы односторонние <люди>, тяготеющие к одной стороне ~~Бытия~~, к возврату к бережности отлучения в отсвоение. 68

Некогда «природа» как φύσις была, по сути, первой, что открылось мышлению как подлежащее-осмыс-

15. [Рукопись в наследии философа не обнаружена.]

лению, — вот и сейчас *сущность* φύσις как ἀλήθεια — забвение различия — есть это Первое и Одно. Но вместе с тем «природа» в смысле естество-знания и эксплуатации природы есть *последнее* (das *Letzte*) будущего мышления: последнее, однако, также и в другом смысле.

Поверхностное мнение полагает, что поскольку в мышлении бытия до сих пор тематически не шла речь о природе, то и природа в нем не присутствовала. При этом мышление о «природе» (разбор «Физики» Аристотеля и всего, что с этим связано) является существенным ингредиентом этого мышления. Но что знает журналистика о таких путях мышления?

Опыт, который постоянно дает о себе знать: самые страшные враги — это мнимые друзья. Они существуют благодаря тому, что не дают проявиться существующему различию и препятствуют решению (Austrag).

Простое и редкое нынче искажается и выбрасывается на рынок как упрощение широко распространенного.

69 Непонятность является в наше время и будет в ближайшую эпоху неизбежной чертой всякого содержательного говорения — сохраняющей <его> записи. Но непонятность не как последствие в рамках процесса приятия и отвержения записи, — а как характер самой записи. Только вот этот характер опять-таки создается и может быть создан не намеренно, например в смысле сознательного затруднения понятности; характер лежит в сущности самого сказывания — в его ранге, которым оно обладает как соответствие. Этот ранг нельзя отбрасывать также из соображений якобы настоятельной помощи.

Ранг состоит вовсе не в воздействии и не в степени этого воздействия, — воздействие, самое большее, есть следствие ранга. Но «воздействие» в таком случае уже не воздействует, т. е. подготавливает и служит причиной, но, самое большее, побуждает <перейти> из этого ранга в собственное.

«Долговременность» — не доказательство величия, а тем более — «истины»; в крайнем случае контрдоказательство, если бы здесь существовали доказательства.

Безумная одержимость доказательствами истинности римской церкви на основе ее долгой истории («долговременности»).

Высший ранг заключается в том, чтобы сохранять, постигая, местоположение мест: освоять ранг, а не просто достигать приготовленного ранга.

То, что считается исключением, уже подвергается тем самым ложному толкованию; ибо уже определение «исключение» представляет собой нечто, в котором исключение исходит из привычно принятого и тем самым руководствуется его перспективой. То, что является исключением, есть лишь истина в области того же самого, а потому — ничего особенного. Само исключение, т. е. здесь исключенное, ничего не ведает об исключении, а если оно знает это, то это знание всегда несущественно; это как раз потому, что оно не измеряет себя по привычно принятому и само не является мерой, а, пожалуй, напротив, принимает другую меру, и опять же не в связи с требованием и идеалами, но в сущности Бытия — в поисках местопребывания. 70

На того, кто заброшен в исключительность, сваливается несправедливость. Но он оставляет свою

позицию, когда выдвигает жалобу против этой <несправедливости>.

Исключенным — прочь в предельное — <оказывается> Ἔσχατον Бытия.

Низкое может пробиться снизу лишь в том случае, если оно прежде сделается вверху пустым и пошлым. Вульгарность эпохи исходит не от пролетариата, но от тех, кто сейчас уже не способен ни на что иное, кроме как защищаться от рабочих во всех формах маскировки. А что еще они должны защищать?

71 Западная Европа, страна Заката (das Abend-Land) как местоположение гибели-заката в раз-личие, в качестве которого освоялся ~~Бытие~~ в его отвергнутой сущности, имеет столь же мало общего с Европой Нового времени, как и с христианским Востоком. «Западная Европа» употребляется здесь как Бытийно-историческое название. Для Заката страны Заката греки — люди Восхода.

Историографы ничего не знают о западноевропейской истории, даже если предположить невозможное, что они способны осмыслять историю.

Катастрофа западноевропейской истории еще впереди.

Мы живем в эпоху, когда средняя посредственность прикидывается глубокомысленной и остроумной, да еще и притягивает к себе приверженцев.

Высокое падает; низкое возвышается. Люди оказываются посередке, принимают середину, выдают ее за мерку. Изглаживают <из памяти> все истоки

и ведут себя, не зная будущего, как упорядочивающая власть.

Опубликование помысленного, передача его общественности имеет сегодня лишь тот смысл, что экземпляры текста случайно распыляются и блуждают в недоступном, где они остаются ненаходимыми, 72
поскольку исчезают из-за того, что ими пренебрегают или сразу же забывают. Это распыление в неопределенность еще предоставляет шанс, что тот или иной текст, возможно, еще переживет катастрофы. Возможно —

Если в том или ином сущностном мышлении что-то есть, то оно непонятно для всякого публичного и ко всему привычного понимания. Вот почему необходимо: *оставаться* непонятным.

Мышление есть после-запись в пред-шествии (Vor-Gang) ~~Бытия~~, но не копия сущего (die Abschrift des Seienden) как такового. После-запись следует за пред-шествием; суть этого: после-запись обгоняет пред-шествие в его отсвоении к раз-личию. Вот почему мышление должно возвращаться в бедность столь далеко, чтобы оно из отлучения ее *не* написало свое подлинное помысленное.

Кто такой пастырь Бытия, если оно забывает себя как загадку употребы? Друг загадки забвения — к тому или иному стаду этот пастырь не имеет никакого касательства. <S.> 82.

Человек по сути пастырь, является им, если он бытийствует; он бытийствует, если Бытие есть как ~~Бытие~~? Когда <такое> бывает? Кто вытерпит это «когда»? (— поворот забвения различия?) Странствующий пастырь? «Пастырь» это законодательство в ~~Бытии~~.

73 Мы можем дать себе лишь то, что имеем.
Мы имеем лишь то, что мы есть.
Мы есть лишь те, в качестве каковых сбывается-осваивается событие.
Но мы принадлежим к событию как событию.
Как? В этом загадка.
Событие дает даяние.

Не многие понимают и еще меньше обращают внимание <на то>, что глубокомысленному человеку нужна поверхностность, даже если глубина есть достойность осмысления самого Бытия. Они полагают, что то, что придет в голову <какому-нибудь ленивцу> на лежанке непосредственного представления, есть истинное, а потому будто бы к истине относятся пересуды. В кривизне они видят только отсутствие прямизны, не задумываясь об искривлении (Bogen) или даже об искривленном ряде в самом ~~Бытии~~. Защищаться значило бы, если бы у меня когда-то появился хоть намек на вкус к этому, всем пожертвовать, потакая требованиям бездумности.

Система настолько далека от гармонии, что не может даже быть ее противоположностью: гармонию <следует> постигать как сплачивание сплотки тиши в употребе.

Установление (Gesetz) — сосредоточение ~~Бытия~~ в отсвоенно-сплоченной употребе. (Закон это не представленное правило, не долженствование, и уж не приказ.) «Устанавливать» (setzen) здесь: <устанавливать,> освояюще-употребляюще.

74 ~~Бытие~~ — это господствующее решение (der waltende Austrag) Последнего <, относящегося к> освояющей употребе. ~~Бытие~~ есть забвение различия. ~~Бытие~~ —

собственность загадки. ~~Бытие~~ есть сущее (Seyende). В повороте различается различие, освояя в отсвоение. Сейчас забвение раздвоения и безыстинности есть не только прояснение (Verheyterung) в том смысле, будто сейчас принимается во внимание дифференция. Здесь речь идет уже не о представлении, а о Бытии; то, что Бытие есть: что раз-личие осваяет, т. е. отсвояет в собственность употребы. Сейчас ~~Бытие~~ есть Бытие. См.: Заметки III, <S.> b и a.

В повороте освояется-сбывается событие. Другая история? *Или даже нечто другое, чем история*? Сосредоточение одиночеств в простоте раз-личия?

Поворот есть внезапность захода Того же самого (т. е. забвения раз-личия) в простоту употребы. То же самое (das Selbe): само различие: сплотка тиши. В повороте забвения господствует странное молчание о человеке. Лишь в употребе его сущность обретает язык. А потому о нем больше нет речи.

Сущее как маска ~~Бытия~~ — без маскировки —

Так как сущее *есть*, оно забывает (проясняет) ~~Бытие~~ —

Прояснение бытийствует, вбытийствует (erwest) Бытие. Но сущее —

Мышление, если оно есть мышление, никогда 75
не достигает познания. Познанное подтверждает известное. Познание изгоняет мышление. Мышление не достигает познания не потому, что последнее как цель настолько высока, но потому, что мышление сходит с пути познания, остается вне пути, не обращая на него внимания.

Одино-чество как сущность вещи: вещь как мир в мирствовании употребы.

Одиночество есть чистое отсвоение ~~Бытия~~ в простоту отлучения. На одиночестве *покоится* отрешенность.

Чем отлучающе употреба (к отрешенности и бережности), тем больше мирствует вещь в различии бедности и одиночества. Имена загадки —

Бедность «этого» одиночества —
из бедности процветает пастырь.

О чем мыслит памятование? Оно мыслит приход из отлучения употребы. Мысля, оно соответствует. Соответствуя, оно ведет разговор языка. Говоря, оно вымалчивает ~~Бытие~~. Пребывая в молчании, оно — событие.

Δόξα[16] — первое приятие присутствующего как такового (δέχομαι[17]). <S.> 65.

76 Ре-шимость Da-sein («Бытие и время») отвергает все решения. Только так человек оказывается готовым для катастрофы поворота.

Выносливость (Tragsamkeit) бедности, которая переносит непрошеное, без помощи в прежнем забвении, без уклонения в успокоении в прошлом.

Другое бытийствует как история, а поэтому и иначе, чем вечность. Это другое праздновать на празднике мышления: приход различия как отлучения в употребе.

К загадке и от загадки Того же самого — (An- und Her aus dem Ratsal des Selben —)

---

16. Мнение, предположение, представление (*греч.*). — *Прим. пер.*
17. Принимать, брать, получать (*греч.*). — *Прим. пер.*

К внезапности поворота забвения.

Сказывай ~~Бытие~~, что Оно есть.

Сказывай — и оставь это невыговоренным.

Закрепи мышление перед следующим шагом строительства в приходе (in der Ankunft).

Если Другое бытийствует как история, как тогда обстоит дело с историей бытия? Это название и без того уже является предлогом и затруднением.

То же самое бытийствует из одиночества ~~Бытия~~. Сплотка тиши как сплотка к одиночеству.

Насущнейшая молитва во время тишайшего праздника: 77

Научи нас мыслить!

Молитва какому богу?

Как быть, мы уже как-то обдумывали это, <ведь> бог мышления еще не *существует*?

Или же мышление остается без-божным? Бог безбожности — самый сокрытый бог? Глубочайшая тайна ~~Бытия~~?

Не разучимся ли мы в мышлении молиться? Или же мы разучимся только представлять моление как нечто иное, представлять до и после мышления как некое действие наряду с другими; простое складывание рук без приложения руки.

К чему мышление прикладывает свою тихую руку? К сохранению одино-чества употребы?

Это выучивается само собой.

То же самое есть одиночество ~~Бытия~~. Одиночество есть тишь, которая, утишая, сосредоточивает употребу в отлучающее освоение (in das abschiedliche Ereignen). Оно есть спор раз-личия: дело мышления.

Научи нас мыслить. Но не через «логику». Как человек, который должен осмыслить подле-

жащее-осмыслению, может еще заботиться о «логике»? Не болтает ли она всегда, только повторяя за мышлением, поскольку она его никогда не достигнет, но стремится создать видимость, будто она и есть само мышление.

78 Люди все еще требуют истинного, благого, прекрасного. Все еще должны они быть тремя неведомо откуда собранными вместе ценностями. Все еще пристраивают к истинному — познание (а то и «науку»), к благому — мораль, а к прекрасному — искусство. При чем тут познание и мораль и искусство? Что есть истинное без истины, что есть благо без «доброты», что есть прекрасное без «красоты»?

Но нет истины самой по себе. Говорить и думать так <, будто она есть,> — всегда уже некоторое искажение (или уродование?) мышления.

Истина есть истина события. Красота есть красота употребы. Доброта есть милость, милость зла (ярости).

Но все три суть то же самое; не в однообразии, а из одиночества тиши спора в загадке. Красота есть ясность сбережения отрешенности в употребе. Истина есть забвение различия. Милость ярости есть сплотка спора тиши.

Красота как ясность сбережения обитания одиночества ~~Бытия~~ в употребе таит мышление как сказывание употребы.

В своей красоте мышление соответствует истине Бытия.

Истина есть слово ~~Бытия~~.

Сущность сферы (σφαῖρα) ~~Бытия~~.

79 Не по ту сторону добра и зла, а посредине, в промежутке спора милости и ярости, вы найдете другой заход божественности Сокрытого Бога. Он остает-

ся лишним в споре и не станет помощником в беде для убогого. Но к кому мы вправе это мысленно отнести? Скорее, вероятно, к тем, кто не нуждается в Боге, поскольку эти безбожные подходят для того, чтобы призвать Бога и предоставить Его грядущим.

Уже готовы повторять речь о «преодолении метафизики». Уже Ницше говорил об этом («Человеческое, слишком человеческое», афоризм 20[18]). Но он пришел только к переворачиванию метафи-

---

18. [Friedrich Nietzsche: Menschliches, Allzumenschliches. Erster Band. Werke. Bd. II. Kröner Verlag: Stuttgart, 1921, S. 38: «*Спуститься на несколько перекладин* — Одна, конечно же, очень высокая ступень образования достигается, когда человек оставляет под собою суеверные и религиозные представления и страхи и перестает верить, скажем, в ангелочков или первородный грех, да и о спасении души говорить отвыкает: если он уже на этой ступени освобождения, то ему предстоит с величайшим напряжением всей своей осторожности преодолеть еще и метафизику. Но *тогда ему* потребуется несколько *отойти вспять:* он должен понять историческую, а равно и психологическую оправданность таких представлений, должен узнать, что оттуда до нас доходит величайшая поддержка человечеству и что без такого отхода вспять мы лишили бы себя лучших достижений прежнего человечества. — В отношении философской метафизики я вижу сейчас все большее число тех, что достигли негативного результата (что любая позитивная метафизика — это заблуждение), но еще не много тех, что спустились на несколько перекладин вниз; ведь надо, конечно, заглянуть за последнюю перекладину лестницы, а не желать устроиться на ней. Самые просвещенные доходят только до того, чтобы освободиться от метафизики и с чувством превосходства взирать на нее сверху вниз: а ведь и здесь, как на ипподроме, нужно завернуть за конец дорожки». — Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / пер. В. Бакусева // Ницше Ф. Собр. соч.: в 13 т. Т. 2. М.: Культурная революция, 2011. С. 37.] — Здесь для лучшего понимания смысла текста приведен, в отличие от немецкого оригинала, весь 20-й афоризм. — *Прим. пер.*

зики. «Только»? Так она двигалась к завершению. Лишь исходя из завершения метафизики достигается ее преодоление. Но преодоление является не последним, а предпоследним <этапом> преодоления метафизики. Между тем мы еще даже всерьез не начали относиться к завершению метафизики серьезно.

Преодоление осваивается только из поворота. Поворот не следует ни за преодолением, ни даже исходя из него. С внезапностью поворота <сопряжено> и преодоление, и даже, собственно говоря, в первую очередь завершение метафизики. Бытие (Sein) как воля к воле.

Сущность воли: самособирание [Λόγος].

80 Многие полагают, что трус — это тот, кто себя *не* защищает. Но тот, кто защищает себя, уже оказался в подчинении у обвинителя. Он признает его масштабы и уступает ему, еще не встретившись с ним. Он труслив в принципе. А где же тогда непреходящее мужество? Где же тогда более высокое мышление? Не там, где достигают успехов.

Еще раз о мышлении

Является ли мышление благодарением? (Ist das Denken ein Danken?) Нет — благодарение есть мышление.

Всякая благодарность опирается на мышление.

Является ли мышление поэзией (Dichten)? Нет — мышление есть мышление.

Даже если поэтическое творчество остается более изначальным, чем *искусство* поэзии, то мышление не относится ни к типу первого, ни к типу второго.

Благодарение есть мышление: к нему относится сказывание ~~Бытия~~ — ибо ~~Бытие~~ использует (ver-

braucht), будучи употребой (Brauch), мышление — и только его.

Но мышление — это не представление и не понимание.

Мышление — от-сверк молнии (Wider-Blitz) ~~Бытия~~.

Эта молния не нуждается в громе.

Мыслящие — это отчаявшиеся, которые не могут жить в безыстинности бытия, они не покупаются на мелкие умствования и крупные отговорки.

Мыслить: это постичь безыстинность бытия, ее преследование, ее опасность <для> сущности человека.

В событии ничего не происходит. Здесь больше нет происшествия (Geschehen); а также судьбы (Geschick); ведь и посылание (Schickung) бытийствует еще из противоположности (Gegenüber). В событии покинута сущность истории. Речь об истории Бытия есть затруднение и эвфемизм. В какой мере в событии отсутствует происшествие? Событие есть мирствующий уход в пребывание-дление (in die Weile), как сохранение ширящейся близи. В событии нет протекания, нет ни исчезновения (Gehen), ни появления (Kommen); но ширь — это также не продолжительность (Dauer) в простом безыстинном присутствии. Сохранение есть употреба. 81

Поспешай, пребывая-длясь (Eile mit Weile[19])? А если по-другому:

Пребывай-длись без спешки (Weile ohne Eile). Обрати внимание на то, что это не перестановка <слов>.

---

19. Немецкая поговорка: поспешай медленно (латинский вариант: festina lente). — *Прим. пер.*

Употреба — это опасность. — Употреба есть тишь. Она ‹тишь› утишает, она сосредоточивает преследование, отсваивающее в отрешенность одиночества «и» в бережность бедности. «И» значит здесь: одновременно, во внезапности Освоения Одного (in der Jähe des Einen Ereignens). Утишающее собирание отсвояюще-употребляющего пре-следования (угрозы (Fahr)) есть опасность (Ge-Fahr). Употреба есть опасность, «есть», т. е. бытийствует в тиши. Но тишь есть невыговоренное разговора. На невыговоренное опирается загадка. Употреба же есть сохранение ~~Бытия~~. Таким образом, в загадке само ~~Бытие~~ есть опасность как таковая (*die* Gefahr). Вот почему мышление как позволяющее-Быть ~~Бытию~~ изначально (из дома ~~Бытия~~) опасно — оно передает в собственность опасности, а потому подвергает опасности (der Gefahr übereignend und darum gefährdend).

82 Пастырь ~~Бытия~~ не имеет никакого касательства к стаду, но он имеет отношение к охране, поэтому человек должен быть начеку. Пастырь принуждает нас быть осторожными перед ‹лицом› опасности, не потому, что мы от нее уклоняемся, а потому, что мы ее охраняем. «Человек *как таковой*» (*Der* Mensch) — пастырь ~~Бытия~~, будущий человек; однако не первый встречный; но прежде всего сущностный, т. е. мыслящий, который принуждает тем, что продвигается вперед. Он формирует человека из Бытия лишь потому, что существо человека принадлежит употребе. Но пастырь послушен. —

Пастырь и охрана опасности.

Продвижение вперед в о-пасность, в качестве каковой осваивается употреба, продвижение вперед *в* опасности, в соответствии, есть неприметное взрывание (Sprengen), которое позволяет выпрыг-

нуть (springen) из происхождения (Ent-springen) во взрывание.

Чем отлучающе мышление осмысляет употребу, чем решительнее оно отводит глаза от человека, тем сокровеннее выговаривает оно свою сущность — бедность бережности.

Бережность и охрана <со стороны> пастыря.

Простое в смысле сразу же и всегда рассчитанного одного и того же простой привычки есть только видимость простого. Это простота-односложность сплотки спора в красоту оберегания.

Простое в математике есть ее коварная маска. Это 83
простое есть лишь пустота, это всюду сразу же равномерно исчисляемое, которое все содержит в себе, ведь оно пусто, — <вот> подлинное всеобъемлющее.

Пастырь, пожалуй, пребывает в охранении, но он не связан со стадом. Охранение принадлежит охране опасности в употребе. Пастырь есть пастырь «самого́» ~~Бытия~~ («des» Seyns).

Пастырь ~~Бытия~~ в первую очередь — смертный, который так бытийствует в ~~Бытии~~, что способен обитать по соседству <со> средоточием отлучения.

Поскольку сверхчеловек как человек завершения метафизики есть прежде всего — последний человек, ибо это до крайности бунтарское живое существо для «жизни» само есть воля к власти, он преодолевает (verwindet) поворот в событие живого существа «человек». Человек — animal rationale — уничтожен. Уничтожение человека совершается в развороте (Entwindung) Бытия в употребу. Уни-

чтожение анастрофично[20]. Оно подготавливает существо смертного. Но анастрофия катастрофична, в той мере, в какой переход человека в сверхчеловека есть потрясение самого Бытия, в результате чего оно обрушивается в законченную субъективность. <S.> 94.

84 Мышление приводит ~~Бытие~~ к языку.

~~Бытие~~ есть забвение различия.

Язык есть разговор употребы.

В разговоре говорит могущество мира (Gewalt der Welt).

Но к ~~Бытию~~ как употребе относится сущность человека.

Мышление вводит в разговор человеческое существо.

Соответствовать (entsprechen) ~~Бытию~~ в то же время означает, что сущность человека говорит (spricht). Будучи употребленным употребы, человек сам *есть* ~~Бытие~~. Но это «есть» определяется из ~~Бытия~~. Человек не полагает ~~Бытие~~.

~~Бытие~~ само по себе также не было прежде и никогда не бывает противолежащим (Gegenüber) человеку, но оно также не полагает человека. Сущность человека задается ~~Бытием~~.

Но ~~Бытие~~ в его рани (Frühe) еще не есть ~~Бытие~~.

Правда, представляющее мышление сохраняет бытие в сущем как таковом: в присутствующем.

Представляющее мышление выслушивает сущее как таковое, позволяет ему овладеть собой, так что оно как само сущее «принадлежит» сущему. Представляющее мышление представляет себя мятежным, а посреди сущего располагается как пред-

---

20. ἀναστροφή — поворачивание назад, поворот; ниспровержение (*греч.*) — *Прим. пер.*

метное. В слушании, как творение, как мятеж, оно всюду удостоверяет сокрытую, ему самому недоступную сущность человека, — то, что он есть употребленное, — но еще не про-исходит (ent-springt) из употребы и бежит от нее. Так мышление покидает ~~Бытие~~ ради сохранения употребы в отлучение. 85

Таким образом мышление приводит ~~Бытие~~ в опасность. Мышление сейчас есть лишь позволение-быть ~~Бытию~~; не только позволение быть самому сущему, не только позволение быть сущему как таковому, не только быть бытию как таковому, но позволение-~~Бытию~~ как охранение охраны опасности, на каковую охрану опирается настоятельность обитания.

(Вот почему никогда не следует ложно истолковывать разговоры о позволении-быть в удобном смысле, что должно допустить существование представления, которое люди как раз в привычной и неопределенной манере принимают за сущее, чтобы ничего не пробуждало <мысль> об опасности, которая, собственно, таится в самом ~~Бытии~~.)

Мыслящий — скептик (ὁ σκεπτικός) в сущностном смысле. Здесь это значит: мыслящий способен на видение. Он способен увидеть молнию-вспышку употребы. Так он усматривает, будучи сам освоенно-увиденным, в ответном взгляде (Wider-Blick) простую двойственность различительной употребы. Употреба же мирствует. Мирствуя, осваивается четверение (Vierung) события: двойная двойственность (die zweifache Zwiefalt) как мирствующее различие. Мыслящий охраняет эту двойственность: он сущностно сомневается (zweifelt): он от-чаялся (ver-zweifelt) в опасность употребы. Тот, кто изначально не является скептиком, не знает, что такое мышление.

И все же мышление есть опять-таки лишь это: оно задает тон, а именно основной тон ~~Бытия~~, в ка- 86

честве какового оно настраивает различие употребы на отлучение в Последнее события. Основной тон есть тон тиши спора (о-пасность ярости милости). Поскольку мышление настроено на этот тон-звук, оно не ведает звучащее, звучащее слов, которые только гремят. Будучи сомневающе-отчаявшимся, мышление есть задавание тона (Stimmgabe) голоса тиши ~~Бытия~~.

В тиши употребы таится взрывная сила слова. «Взрывание» означает: позволение вырваться (как повернуть к колебанию) (wie schwenken zu schwingen). Здесь <так>: позволение ~~Бытию~~ вы-рваться (Ent-springenlassen) в разговор употребы. «Сила» здесь означает: способность могущества (Ge-walt), в качестве какового мир в раз-личии события остается с-крытым. Взрывание не означает здесь материально представленное разрушительное раздробление. Взрывание позволяет ~~Бытию~~ вырваться в основательность (das Gediegene) сохранения употребы.

Пастырь, как мыслящий, охраняет взрывную силу слова. Во внезапности поворота забвения различия подготавливается взрывание метафизического мира, — т. е. мира планеты «Земля». В Стране Заката <Западной Европе>, и из нее осваивается внезапность взрывания.

Но прежде необходимо, чтобы сначала появил-
87 ся сверхчеловек и как таковой сделался последним человеком: завершение всякого установления живого существа Человек. Но пастырь ~~Бытия~~ обитает прежде всего в соседстве со смертью. А смерть? Она уже больше не определяется из «жизни» и не в отношении к бессмертию.

Мышление остается сказыванием употребы. Труднее сохранить несказанное (das Ungesagte),

чем делая упор лишь на несказуемое (das Unsagbare). Несказуемое всегда является лишь границей, на которую наталкивается высказывание (das Sagen). Несказанное же есть то, что следует сказать, собственно в охраняющем сказывании, — то, что следует вымалчивать, поскольку оно бытийствует в нем самом; несказанное, а именно как невыговоренное (das Ungesprochene). Однако слишком часто сказанное (das Gesagte) соответствует как высказанное лишь привычно выговоренному (das Gesprochene).

Но если мышление как сказывание употребы вы-говаривается в разговор, оно отчуждается в собственное тиши слова, которое взрывает: а именно раз-личие как бытийствующее могущество опасности употребы.

Мышление выходит в опасность и вводит ее в собственность события. Вы-ходящее в-хождение есть сущность о-пыта (Er-fahrung), в качестве какового существует памятующее мышление.

Настойчивость познавания высветляет (erschönt) Бытие в невыговоренное. Таким образом мышление есть не что иное, как мышление.

Конечно, мышление, которое должно оторваться 88
от представления, будет долго колебаться между мышлением и поэтическим творчеством (Dichten), пока не перескочит само в себя. Но это означает: в самом помысленном ~~Бытии~~.

Благодарность никогда не достигнет простора к ~~Бытию~~. Поэтическое творчество никогда не попадет в отражение (Wider-Blick) к ярости милости. Благодарение и поэтическое творчество никогда не достигнут Последнего ~~Бытия~~, ибо не отважатся на взрывание, которое можно по-стичь лишь в под-

линном отчаянии мышления. Только взрывание, звуча, освобождает ~~Бытию~~ местоположение его невыговоренной собственности. Отважься на оберегание употребы в спор — помысли!

Мышление как сказывание употребы отказалось от всякого представления, а с ним и от воления. Бытие (Sein) как воля внезапно вовлечено в событие употребы. Будучи настойчивостью постижения, мышление обитает в решении двойственного раскола, будучи каковым раз-личие отсваивает себя в отлучение. Мышление ~~Бытия~~ обитает в отчаянии.

Отчаяние для всякого вида веры предстает как безнадежность. Верующему не дано знать, что такое мышление. В этом не-знании и заключается его спасение. Вера повсюду уходит с высокой уверенностью с пути ужасного, на котором пребывает, по-стигая, пастырская сущность мышления.

89 Мера качества мышления, однако, это муки отчаяния. Мука кроется в ярости милости. А глубинность спора скрывает невыговоренное загадки.

Проистекает ли ваше мышление из муки различия или же вы еще либерально <придерживаетесь> представлений в пользу какой-либо веры?

Мышление протекает как сказывание употребы в тени еще скрытого поворота в забвении различия.

Мыслить: затенять тишь спора;
править миром вещи;
беречь событие употребы.

Все это <означает>: по-стигать опасность сплотки.

Все охраняя, сказывая в сказывании.

Отчаяние мышления в отлучение в различии чуждо всякой вере.

В конечном счете всякое знание отпадает. Остается мышление.

На мышлении покоится еще всякая благодарность, а в благодарении бытийствует вера.

Двигаться в тени поворота означает: прислушиваясь к тиши, продвигаться вперед — вперед: в возврат отсвоения в употребе.

Ход этого движения есть сказывание употребы. <S.> 45.

Мышление есть единственная деятельность (см. <S.> 104) в ~~Бытии~~: настойчивость.

Долгие подозрения все отчетливее подтверждаются организацией наук исходя из организации их проблем: науки за последние сто лет вступили в надежную колею (das sichere Geleise) своей технической сущности. Вот почему уже не стоит тратить на науки мысль, у которой иные намерения, чем еще и указать на возможность схода с рельс технической сущности. Подобные сходы суть культурно-философские преувеличения сущности «науки», как будто когда-либо существовало знание в смысле сущностного опыта; а также теологическое толкование наук как одного из путей к Богу; и наконец, теоретико-познавательные основания наук, каковые обоснования вращаются в пустом движении по кругу истины как правильности предметного высказывания. Высвобождение наук из философии есть принятие наук в технику. И то и другое взаимосвязано. И процесс имеет в этом свое собственное значение — то, что философия высвобождается из мышления, а сама техника как метафизика воли к воле начинает заявлять о себе. 90

Университет является политико-церковным инструментом. Он состоит на службе. Но он служит вовсе не «истине», а наукам, а именно их про-

91 грессу и подготовке требуемых для него работников. Сегодня науки как средство техники нужнее, чем когда-либо. (Гуманитарные науки работают над формированием общественного мнения, которое относится к сфере техники и всегда является историографическим (historisch): мировоззрения с научным фундаментом, которые существуют и там, где отсутствует это название.) У наук метафизическая функция в метафизике воли к воле, в которой завершается метафизика как таковая; это означает: она не прекращает своего существования при этом завершении, но лишь обретает тогда свое постоянство.

Науки выполняют свою подлинную, т. е. техническую, функцию, причем тем лучше, чем меньше их еще облачают в остатки философии и украшают. Неприязненное отношение исследователей к философии — это не негативное отношение. Эта неприязнь проистекает из воли к поддержанию техники в чистоте. Вот почему значению наук в рамках организации сегодняшнего мира соответствует то, что мышление покинуло свое окружение и отказалось от того, чтобы привести основную функцию таких специальных техник в сущностно задуманную и требующую осмысления связь с тем, о чем мыслит мышление. Было бы заблуждением сбивать науки с толку этой мыслью. (Вот почему моя попытка 1933 года потерпела неудачу в ее подлинной сути, не говоря уже об остальных промахах. Но угроза возврата к той подлинной ошибке все еще сохраняется.)

92 Всё еще полагают, что «Время» якобы произвольно и неопределенно соединено с «Бытием». Не понимают, что «время» хранит (verwahrt) бытие, пока бытие есть. Время есть истина (die Wahr) бытия.

Сама истина есть Бытие. Но Бытие есть раз-личие: событие употребы. «Время» бытийствует в Ἀλήθεια. «Время» бытийствует в Вечном возвращении одного и того же. Но «время» как достойное осмысления в том, что подлежит осмыслению (в бытии).

Благодаря «Бытию и времени» не только бытие как бытие, но вместе с тем и «время» стали достойными осмысления; а само мышление освоялется в ~~Бытии~~.

Отношение бытия и времени слишком простое, будучи самым Простым, именно поэтому представляющему мышлению с таким трудом дается осмысление «Бытия и времени» как Того же самого <в> событии, в качестве которого употреба собственно отсвояется в забвение.

Мера. — Тот, кто не должен ни измерять ясное, ни умерять дикость, легко справляется с соблюдением меры. Плодотворная мера всегда чрезмерна. Вот почему мера не находится в середине. Так полагают только <люди> посредственные.

Пока вы говорите о Европе и Западе, вам не ведомо, что значит *Быть* западным (abend-ländisch): катастрофически-анастрофически.

Преодолеть мыслителей невозможно; а именно по- 93
тому, что всякое желание преодоления уже отвернулось от их помысленного. Помысленное освояется только по отношению к мышлению. А мышление охраняет помысленное в Бытие.

Современные (modernen) историографические люди должны сначала выучить, что Ницше не только не преодолен, но и навсегда непреодолим. Помысленное им также еще не осмыслено. Его философия в лучшем случае ложно истолковывается.

Но поскольку современный человек вынужден жить с помощью своих историографических расчетов, которые ни перед чем не останавливаются, он будет лишь заменять одно ложное толкование на новое, а в нем, в новом, констатировать продвижение вперед своего исследования.

Что может какой-нибудь американец узнать о том, что совершается в сердце Европы в мышлении? Тем не менее Америка, подражая, идет по стопам этого мышления. Однако идущие по стопам Ницше никогда его не догонят.

А неразумные, растерянные, измученные немцы? Они позволяют себя перевоспитывать из Нью-Йорка и Рима — в каком направлении? Прочь от высокого мышления.

Но высокое мышление недоверчиво относится к мнимой высоте трансценденции. Выше, чем ее высокость и высшая высота, — это сама простая высь. Она освояется из дали, в качестве каковой пребывает просвет раз-личия.

К помысленному принадлежит высь высокого.
94 Вот почему мыслители непреодолимы в своем помысленном. Однако помысленное всегда богаче, чем выговоренное <в> высказывании. В противном случае оно не было бы помысленным.

Внутри сферы историографического сознания мыслители добиваются всегда только ложного истолкования помысленного ими. Вот почему и не бывает правильного толкования.

Эсхатология Бытия есть сосредоточение Последнего различия (der Letze des Unterschieds) в употребу. Она <эсхатология> есть отсвоение в освоении-событии: разворот (Entwindung) Бытия в событие: ~~Бытие~~. Разворот: анастрофа, эсхатологически это ана-логия Бытия. Помысленная из Бытия, ибо по-

знанная из истины Бытия, т. е. из забвения бытия, эсхатология не доходит до последних вещей, но она сама есть вещь отлучения в различии. До анастрофы освояется-сбывается катастрофа. См. выше <S.> 83.

Кто есть Парменид? Парменид. Кто есть Кант? Кант. Кто есть Ницше? Ницше. Каждый <человек> есть Он Сам. Каждый сам есть тот же самый. Каждый определяет свое «есть». Это относится к Бытию (Dieses ist des Seyns). Бытие есть ~~Бытие~~. Бытие есть во внезапностях употребы. Употреба осваивает высваивание смертного в отсвоение раз-личия: внезапность употребы есть разворот всей истории (Geschichte). Историография (Historie) потерпела фиаско.

Всякая внезапность осваивает ширь мира. 95

Внезапность махинации сама по себе многообразна: порождение; из-готовление; собирание-сосредоточение; установление; изготовление ποίησις (ἔργον, σύνολον)[21]; созидание creatio; действование actio; при-ведение в движение (техника). См. <S.> 96.

Внезапность поворота забвения.

Внезапность захода простоты в употребу различия.

Внезапность одино-чества загадки: различительно, освояюще-употребляющее сосредоточение в сбереженность ярости милости. Это заход Того же самого.

Внезапности суть эпохи употребы.

Между завершением махинации, вечного возвращения одного и того же и внезапностью прихода Того же самого освояется внезапность поворота:

---

21. Делание, приготовление (дело, работа, произведение; целостное бытие) (*греч.*). — *Прим. пер.*

катастрофически-анастрофическое Бытия: эсхатология ~~Бытия~~.

Молчание забвения. Как мы узнаем об этом? Мы неопытны, а потому неиспытанны, а значит, неискусны в слушании. Откуда берется у нас слух к молчанию подлинного забвения, которое осваивается-сбывается из тиши употребы.

Мышление — быть может, это приказывание (Befehlen)? Услышанный приказ непрошеного (Unbefohlenen), тиши употребы? Приказ к существу смертного приносит дар: игру загадки.

96 По-рождение (das Her-vor-bringen) на подъеме (принесение вместе с собиранием (Lese) — Λόγος). Φύσις как Ἕν остается еще сохраннее в <преданное> забвению событие, чем созидание и действование. В нем полная сущность присутствия. Вместе с тем в нем еще сдержанно <присутствует> воля. Однако воля к воле и событие отделены <друг от друга> внезапностью поворота.

Ранние мыслители осмысляют Φύσις, а это значит: они осмысляют Λόγος и Ἕν — и Νοῦς.

В буквальном смысле, они — физики. — Но Φύσις не «природа» в отличие от истории, от искусства и от богов, Φύσις — это при-сутствие и εἶναι. Физики осмысляют εἶναι <различных> ὄντα. Они мыслят о бытии сущего, но не выходят за пределы сущего, так что бытие делается сущим и наиболее сущим. От сущего они двигаются вслед за — μετά — бытием, — <а потому> они уже мета-физики. Они пребывают в уже преданной забвению дифференции: двойственности ὄν (которая впоследствии представляется грамматически как значение глагола и существительного).

Благодаря Сократу-Платону в рамках скрытой дифференции эта μετά превращается в «по ту сто-

рону» и «вверх» в νοητόν[22] в противоположность αἰσθητά[23]. Теперь метафизика становится трансцендентной — пока через Канта трансцендентность 97
не входит в имманентность воли к воле и дифференция полностью гасится вместе с трансцендентностью и имманентностью. Однако все это еще бытийствует в воле к воле — но забывается.

У Платона и Аристотеля, подлинных основателей подлинной метафизики, μετά также еще не явно выражен. Но в ὄν ᾗ ὄν бытийствует забытая дифференция εἶναι и ὄντα, хотя в результате этого забвения различность (das Differente) не могла быть в достаточной мере взаимно снята и само снятие не могло быть соразмерно осмыслено. Однако раннее <понимание> μετά мы, конечно, не вправе осмыслять в первую очередь исходя из последующего движения; мыслители движутся только «после», «вослед» бытию сущего, ведь это «вослед» прояснилось в «дифференции» как направление. Но это прояснение-просвет (Lichtung) и направление остаются забытыми вместе с самой дифференцией. «Вослед» как μετά в смысле «по ту сторону» в отношении к основанию и причине разделяет это забвение. В соответствии с ним еще и сегодня не мыслят «дифференцию», когда речь заходит о «бытии».

Еще менее мы способны в достаточной мере осмыслить метафизику Ницше. Поздний период метафизики (как резкость махинации) столь же трудно осмыслить, как и ранний. То, что расположено в промежутке, полагают необходимым для осмысления, если его представлять исходя из содержащейся там метафизической фундамен-

---

22. Умопостигаемое, духовное (*греч.*). — *Прим. пер.*
23. Чувственные, постигаемые чувствами (вещи) (*греч.*). — *Прим. пер.*

тальной позиции, — например, античную метафи-
98 зику исходя из средневековой схоластики, или Платона исходя из Канта, или всю античность в свете гегелевской диалектики самосознания как абсолюта. Все эти вспомогательные подходы терпят неудачу перед метафизикой Ницше. Отсюда находят выход <в том,> чтобы всерьез рассматривать эту философию вообще не как философию, т. е. метафизику в целостности сущностного исполнения метафизики. В частности, там, где познают, по крайней мере, учение о воли к власти как метафизику, ложно понимают именно учение о возвращении как подлинно метафизическое. Там же, где его принимают во внимание, не находят для него подходящего места, если только не отваживаются, исходя из «Бытия и времени», весьма смутно толковать возвращение как нечто «относящееся ко времени», — и смешивают его с античными учениями о вечном становлении, что в своей метафизической нужде делал даже сам Ницше, когда характеризовал себя как сторонника Гераклита. См. выше, <S.> 31.

Но *сущность метафизики* как истины сущего как такового есть *махинация ~~Бытия~~*. Завершение метафизики есть подтверждение присутствия как воли к воле методом вечного возвращения одного и того же. (См. <S.> 107.)

Так наступил бы момент хотя бы научиться осмыслять то, что мыслил Ницше. Но осмыслять помысленное чуть ли не труднее, чем осмыслять подлежащее-осмыслению.

99 Или же и то и другое взаимосвязаны в памятующем мышлении? Но как быть с философией Ницше? Люди ее поносят и считают, что она преодолена с уничтожением национал-социализма. Или же они говорят, что мышление Ницше не так уже и пло-

хо; эти разговоры, внешне объективные, суть самое плохое и связаны с тем методом истолкования, который Ницше применяет к Кьеркегору, представляя этот метод как исключение — исключение из какого правила? Что, если мышление Ницше решительнее следует этому правилу, чем когда-либо метафизика до него? и это в кругу представлений XIX столетия, чья бесплодность в мышлении была известна Ницше. Гегелевская «Феноменология духа» (1807) и работа Шеллинга о свободе (1809)[24] принадлежат еще XVIII веку.

Когда мы задумаемся о несказанном в помысленном последней метафизики? Когда осмыслим эпохально-экстатически-алететическую сущность «времени» в вечном возвращении одного и того же, вместо того чтобы понимать это учение онтически? Когда осмыслим сущность воления в воле к власти и когда — скрытую сущность в существе сверхчеловека? Не собираются ли, несмотря на то что бытие начинает открываться в сущности, пройти мимо всего того, что уже обдумал Ницше?

Еще никогда страх перед мышлением не был более жалким, чем в период, похваляющийся тем, что вновь обрел чутье к метафизическому. (Целью моих лекций по метафизике Ницше[25] 1936–1940 гг. 100

24. Имеется в виду работа «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах». — *Прим. пер.*

25. [Martin Heidegger: Nietzsche: Der Wille zur Macht als Kunst. GA 43. Hrsg. von Bernd Heimbüchel. Frankfurt am Main 1985; Ders.: Nietzsches metaphysische Grundstellung im abendländischen Denken. Die ewige Wiederkehr des Gleichen. GA 44. Hrsg. von Marion Heinz. Frankfurt am Main 1986; Ders.: Nietzsches Lehre vom Willen zur Macht als Erkenntnis. GA 47. Hrsg. von Eberhard Hanser. Frankfurt am Main, 1989; Ders.: Nietzsche: Der europäische Nihilismus. GA 48. Hrsg. von Petra Jae-

было только дать возможность признать господство сущности метафизики в мышлении Ницше и тем самым постичь, что и как здесь происходит завершение метафизики; это могло осуществляться, в соответствии с методом всех моих лекций, только на основе существующего круга представлений, однако так, что собственно, а значит, скрыто говорилось исходя из мышления истины бытия. Написанная в 1936 г. работа «К философии» («Beiträge»)[26] содержит суть этого мышления. Лекции о Ницше не являются ни оправданием национал-социализма, ни нападками на христианство. Они представляют собой определенное мышление, исключительно ради самого мышления, а значит, того, что надлежит осмыслять.)

Махинация Бытия раскрывается как трансценденция в сущем. Трансцендентность к бытию (esse) сущего (ens commune), а также к бытию (esse) сущего сущих (ens entium)[27] больше не является сама по себе осмысленной структурой, в которую организуется махинация в рамках дифференции сущего и бытия, причем таким образом, что дифференция пребывает в забвении. Сама дифференция уже представлена с точки зрения трансценденции, которая только осуществляет различенное (das differre). Вначале («О существе основания») дифференция даже оставляется еще в рамках трансценденции

---

ger. Frankfurt am Main, 1986.] — Хайдеггер М. Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении: Вечное возвращение равного // Хайдеггер М. Лекции о метафизике / пер. С. Жигалкина. М.: Языки славянских культур, 2010. — *Прим. пер.*

26. Хайдеггер М. К философии (О событии). — *Прим. пер.*
27. ens commune — сущее общее (всеобщее), сущее вообще; ens entium — сущее сущих (*лат.*). — *Прим. пер.*

и делается попытка понять первую исходя из второй «трансцендентально»-экстатически. Однако 101
по сути <все> наоборот — дифференция есть (эпохально-экстатически-алететическое) измерение для всякой трансценденции (см. доклад об истине, 1930 г.). Но сущность измерения остается, она хотя и мыслится исходя из истины бытия, однако именно эта истина бытия еще недостаточно ясно познается как само раз-личие, хотя предполагается <, что пребывает> в «Бытии».

Правда, в «Бытии и времени» (см. лекцию 1927 г.[28]) с помощью «дифференции» познано решающее измерение; но оно еще не разрешает <проблему> мышления таким образом, что мышление от-решается в раз-личие, чтобы мыслить исходя из него. «Дифференция» дает только лишь трансцендентальную характеристику различия. Она сама препятствует мышлению различия, ибо связывает его с трансценденцией, которая все охватывает, даже тогда, когда она сразу познается исходя из Ἀλήθεια и экстасиса. Такое познавание тем самым даже укрепляет мнение, что с этим не платоновским, и не-теологическим, и не сознательно-теоретическим определением трансценденции осмысляется ее сущность, и на этом пути выявляется возможность определения сущности дифференции.

Мое мышление с 1927 г. — это единственная в своем роде борьба за различие; <целая> цепь попыток сказывать различие без учета трансценденции и дифференции, т. е. сказывать то, что все неизбеж-

---

28. [Martin Heidegger: Die Grundprobleme der Phänomenologie. GA 24. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main, 1975, S. 321–469.] — Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. А. Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.

нее приписывается мне как несказанное со времени основополагающего опыта забвения бытия.

102 *Полемика* (*Auseinandersetzung*) *с метафизикой Ницше*: а это означает: включение последней в обвальность (Jähe) махинации бытия как завершение <метафизики>, что равносильно утверждению ее устойчивости. Лишь так мышление Ницше и наше мышление *раз*водится (*aus*-einander) и тем самым *с*-водится (*zu*-einander) к позиции осуществляющихся путем поворота, по сути различных опытов и методов. Разговор с Ницше возможен лишь тогда, когда он, во-первых, ведется о Бытии и <, во-вторых,> когда Ницше одновременно сам говорит из полной принадлежности ко всей сущностной истории метафизики. <Все> вводящее в заблуждение и фатальное в сфере актуального, то, что для него было только криком души и вынужденной обороной, все психологическое и все полемическое, всякую репрезентацию нужно отбросить, хотя это случайное (dieses Zufällige) как раз неизбежно вы-пало ему (das ihm Zu-gefallene): бремя и спешка того, что было изгнано из опыта, восходящего к прошлому, в будущее как в пустыню.

Мы должны осмыслить в метафизике Ницше будущее поверх настоящего и всего, что оно выдвигает на передний план, но опять-таки будущее не как то, что должно только последовать за тем настоящим и нашим сегодняшним, но как то, что уже пришло из бывшего, так что мы подвергаемся опасности промчаться в извращенном стремлении вперед как раз мимо будущности Бытия. Необходи-
103 ма долгая подготовка и высокая школа мышления, пока мы не сможем отважиться на полемику с Ницше. Но настало время — самый пик.

Знаем ли мы пик времени? Было время — и оно еще не прошло, — когда <книга> Ницше «Так го-

ворил Заратустра» считалась чтением для подростков и выпускников школ, а возможно, еще и для неудачливых атеистов. Но разве сам Ницше не снабдил книгу подзаголовком: «Книга для всех и ни для кого»? Вероятно, и сегодня еще невозможно четко отделить (не развести) настраивающее (stimmende), звучное, шумное, кричащее, крикливое от определяющего (подлинно помысленного) и определенного им. Справиться с интерпретацией можно было бы только на основе указанной полемики. Но эта книга не является и простым полу-поэтическим, полу-философским преддверием к подлинной философии. Это *та самая* книга, в которой завершение метафизики обретает язык, *свой* язык. Почему книга высокого фатума (обращения <со стороны> Бытия) не должна быть к тому же *фатальной* в особом смысле, если судьба самого Бытия высвободилась в предельность фатального? Мы лишь тогда будем способны познать и признать помысленное в мышлении Ницше в качестве помысленного, когда мы сами станем мыслящими. Станем ли мы ими? Ясно одно: недавно утвержденные лакеи планетарно распространяющейся посредственности будут громоздить одно препятствие на другое.

104 Мышление есть мышление. «Есть» означает здесь: есть в бытийствовании (im Wesen); «бытийствование» (Wesen) значит: способ, каким Бытие есть. Мышление не есть что-то иное. Мышление есть в своеобразном смысле; ведь оно — это то, что происходит (ent-springt) из сущности ~~Бытия~~, <из> события употребы и внутри него в употребу, охраняя ее и помогая (für ihn ein-springt). Событие отсвояет мышление для высвоения в сказывание употребы. Отсвоение, в качестве какового бытий-

ствует употреба, от-решает мышление в раз-личие. Мы же скажем: мышление есть действие в ~~Бытии~~, и тогда мышление не сводится к практическому. «Есть» значит теперь: есть вследствие своей сущности; «действование» есть охраняющее о-своение употребы. На основе этого действия в далеком будущем определится лишь практика поведения. (См. выше, <S.> 89.)

Мышление есть приказывание; оно таково в сущности, при условии, что мы понимаем приказывание не исходя из производного и <лежащего на> переднем плане и при этом подразумеваем лишь команду или осуществление воли. Первоначально приказывать означает доверять, *укрывать* (bergen), передавать в укрытие (in die Bergung übergeben): при-казывать, велеть (an-befehlen). Мышление <отдает> распоряжение ~~Бытию~~. Мышление как сказывание употребы укрывает ~~Бытие~~ под защиту различия. Но это при-казывание есть, если оно есть, лишь поскольку человеческое существо высвоено
105 в ~~Бытие~~ — доверено в употребу; лишь доверенное способно здесь вверять; лишь послушное вслушивание в тишь употребы способно, прилежно выслушав, повиноваться. Лишь это послушание из высвоения есть не какая-то голая слепая покорность сломленного, лишь это изначальное повиновение есть сам по себе приказ уже как повинующееся сказывания: сокрытие (Bergen). Но, будучи этим сокрытием, мышление предшествует всякому человеческому существу, т. е. его обитанию и выстраиванию. В таком качестве приказывающее предшествование простирается вперед и назад в даль раз-личия; будучи этим простиранием вперед (Vor-langen), оно простирается уже в постижение опасности употребы и требует (verlangt) от всякого человеческого действия, чтобы оно пребывало в при-казанном (im Be-fohlenen).

Это высвоенное укрывающее требование, которое остается чуждым всякому требованию и принуждению, коль скоро подобное не соответствует употребе, бытийствует как безмолвный приказ в двояком смысле: он, охраняя, укрывает и, укрывая, требует, а тем самым, требуя, остается в неприметном преимуществе, которое не ведает ни господского, ни рабского. В приказывающей сущности мышления заключается то, что прежде было названо наброском и с самого начала мыслилось из истины бытия. (Однако до тех пор, пока сущность человека необдуманно представляют как представляюще-волящую субъективность, сущность наброска ложно истолковывается как выдвижение проектов, исходящих из произвола «я», который это «я», неизвестно как, из себя выплевывает; неизвестно куда, неизвестно, каким образом, 106
другое «я» должно получать знание об этом и считаться с этим. Приказывающая сущность мышления, которая постижима только исходя из Бытия, поскольку оно проясняется как событие употребы, дает нам сначала возможность обдумать то, что стало доступным представляющему мышлению как предшествующее восприятие сущести сущего (des πρότερον φύσει der φύσις der ὄντα[29]; априори). Предшествующее (das Vorherige) — это то, что бытийствует в присутствующем перед ним: присутствие (Anwesen), в которое входит в раскрывающей его области всякий раз лишь это и то присутствующее. Пред-шествие (Vor-Herige) и *пред*-ставление (*Vor*-stellen).

То, что бытие осталось незамеченным (ungewahrt), а тем самым забытым, означает: бытие еще не скрыто: непрошено (unbefohlen). Однако невостребованное, которое не должно касаться человека

29. Предшествующее по природе сущее (*греч.*). См.: Хайдеггер М. Европейский нигилизм. С. 156–157. — *Прим. пер.*

и даже, как кажется, не должно быть достижимым, не имеет отношения к человеку, в особенности тогда, когда он заранее уже ожидает всего, что его касается и затрагивает из сущего, будь то даже из высшего сущего. Но бытие, непрошеное, все же достигло человека, причем в его существе, поскольку оно есть существо, которое, относясь к себе, относится к сущему и в нем пребывает, само себя сохраняя как сущее и, что есть то же самое, себя утрачивая. Бытие (Seyn), непрошеное, хотя и востребовало человека в его существе, но еще не к его <существу>, как на-
107 стойчивого в Бытии. Это освоялся, когда человек приказывает тому, что непрошено, когда он осваяет в событии, т. е., собственно говоря, мыслит. А когда мы мыслим? Мыслили ли мы уже, когда задавали этот вопрос? Является ли он уже и ответом? Является ли это уже обещанием, вслушивающимся в то, что непрошено? Является ли это обещание уже жестом (Gebärde), который сохраняет Бытие и тем самым несет бремя (Bürde) непрошеного?

Метафизика есть истина сущего как такового. Истина есть ясность истинного (die Heytere der Wahr), укрывающая сущее как таковое в несокрытость. Истина укрывает бытие сущего. Укрывающее есть само Бытие (бытийствующее (das Wesende) дифференции сущего и бытия).

В этой истине заключается сущность метафизики. Поэтому метафизика изначально не является видом и дисциплиной философского познания, но есть сущностное судьбы самого Бытия, а именно обвальности (Jähe) махинации ~~Бытия~~ как события употребы. Поэтому в вопросе, что такое метафизика, спрашивается не только о состоянии того или иного раздела философии или ее самой, не только о способе познания, но о самом бытии. Это следует понять.

Мы, исходя из представления о сущем, должны сначала обратить внимание на то, что вовсе не есть сущее и <что> все же есть. Обратить на это внимание — 108
значит собственно познать это, исходить из него. То, что вовсе не есть сущее, — это ничто, а именно ничто сущего. Но это отсутствие (Abwesen) сущего есть все же не только отрицание сущего. Отсутствие есть; хотя и не есть сущее. Ничто сущего есть. Разумеется. Вот почему справедливо возражают, что здесь о ничто говорится «есть» (daß hier von Nichts das ist gesagt werden). Но несправедливо делают вывод, слишком поспешно отрекаются от мышления, только делая вывод, вместо того чтобы в первую очередь задуматься о том, как могло бы обстоять дело с этим «есть», сказанным о ничто. Если ничто есть ничто сущего и тем не менее есть, тогда ничто есть ничто бытия. Ничто принадлежит бытию. Бытие есть то, что, вероятно, существенно сущностнее (wesentlich wesenthafter), чем то или иное сущее. Ничто принадлежит бытию. Бытие есть. Ничто бытия есть ничтожащее (das Nichtende), в каковом качестве бытийствует само бытие. Как бытийствует бытие? Что есть истина сущего как такового? Какое отношение имеет истинное (Wahr), проясняющее сокрытие сущего как такового, к ничтожащему (mit dem Nichten) и, наоборот, как определяется это исходя из сущности сохранения? Ничтожащее в Бытии есть различие. Раз-личие бытийствует в событии употребы. Употреба есть спор <, ведущийся> яростью милости. Спор тиши есть игра загадки.

Прелюдия игры есть внезапность поворота, та пре- 109
людия, которая внезапно обрывается в поворот: завершение махинации.

В повороте осваивается заход игры.

А что с постлюдией игры?

Строго в сказывании употребы, но в строгости свободнее (locker).

Допустим, науки имеют техническую сущность, тогда в результате этого они не объявляются техническими, а, скорее, перемещаются в более глубокую тайну техники.

Пишет ли сказывание мышления свое помысленное для читателей? Или же послезапись первоначально является вписыванием (Inschrift) ~~Бытия~~? в каковом качестве оно вписывается в подлинное забвение употребы? Тогда вписывание само бытийствовало бы как отсвоение в раз-личие. Это вписывание не имело бы ничего общего с простым изображением, с обозначением и названием самим по себе. Оно осталось бы совершенно употребленным к отлучению в употребе. Оно было бы самим сохраняющим отсвоением, а не просто знаком Бытия и даже не тайным обозначением, но звуком разговора тиши спора, сберегающим соответствием: вписывание как текст глубинности употребы. Но кто же читатели этой записи? Это те, кто, сбывшись (ereignet) в оберегание, сплотился в охраняющее сосредоточение настороже перед опасностью.

110 Читатель — это пастырь. Читатель читает, обладая слухом внимательно слушающего, который в тиши прислушивается, вслушиваясь в призыв (Anspruch). Но когда заговаривает тишь? Когда она приходит к утишающему звучанию? Когда это обращение (Ansprechen) есть вместе с тем на-чинающееся требование, которое побуждает того, к кому обращаются, — сущность человека как смертного, — к употребе и высвояет <для> оберегания? Почему тишь так использует сказывание, что оно, просто отвечая при-

зыву, сказывая соответственно, дает слово речению тиши, <помогает> ей обрести свой язык?

Призыв (в различных смыслах) есть сущность тиши; поскольку тишь, отсвояя, утишает в спор, она звучит и обращается <к>. В отсвоении она освояет оберегание. <S.> 112 внизу.

Речение не является призывом задним числом, но в призыве бытийствует речение языка.

Призыв тиши и язык как вписывание (Inschrift) разговора в употребе. Разговор собирает ее <употребу> из призыва благодаря соответствию послезаписи (Nachschrift) в некую сущность языка.

Сказывание употребы есть вписывание разговора. См. ниже[30] «Бытие и время», <S.> 116; выше <S.> 26.

Скрытая сущность призыва есть обращение употребы в том смысле, что призыв как таковой звучит (er- 111
klingt) из себя как тишь: стихает (erstillt). А утишение утишает (stillt), сберегая, в глубинность загадки. Загадка отсвояюще-отлучающе в утишении освояет именно оберегание в использование (Gebrauch); обращается к последнему по поводу его отлучающей употребы в бедности охранения. Отлучающая ширь утишающей употребы одновременно освояет открытый временной промежуток мирствования.

Подлинная сущность призыва употребы состоит в обращении (Ansprechen), поскольку оно означает звучание (Er-tönen), звук — но не требование; ибо подлинный призыв не требует вообще, а потому также <и> впоследствии. Но обращение как утишение в себе есть освояюще-высвояющее стремление; обращение дотягивает существо человека до употребы; так оно дотягивает человека в оберегание;

---

30. В оригинале — «выше». — *Прим. пер.*

тем самым от человека уже сущностно требуется (ver-langt) оберегание. Он высвоен в существо пастыря. Призыв вовсе не является противолежащим (Gegenüber) и отнюдь не «долженствованием», существующим само по себе. —

Представление о так понимаемом призыве проистекает из опыта не-возможности и не-достаточности по отношению к тому, в чем действие (Tun) еще собственно не высвоено.

[Вот почему использованное в более ранних заметках слово «обращение» (Zuspruch) (Бытия) несообразно и вводит в заблуждение, ибо подает Бытие как нечто само по себе противостоящее человеку. В результате маскируется раз-личительно-отлучающая сущность (das unter-schiedlich-ab-
112 schiedliche Wesen), освояющее употребы.] Вместе с тем словом «призыв», в смысле звучания (Ertönen) тиши как тиши именуется сущностная внезапность в употребе: то, что последняя когда-либо внезапно освояется, — что для представления о продолжительном существовании (Bestehen) остается несообразным.

Внезапность употребы и ее характер призыва — это То же самое (das Selbe). Внезапность подразумевает (nennt) наряду с этим сущностно непредвиденное игры, в качестве какового скрывается загадка.

Сбывающее-освояющее, высвояющее в оберегание устремления, достигающего человеческого существа, обращается изначальнее и тем самым более отлучающе, чем на это было бы способно простое требование (Fordern), выступающее в противоположности (Gegenüber). Исключение характера требования и долженствования в призыве употребы не означает, что здесь царит произвольность (Beliebigkeit) и произвол (Willkür), но, напротив, говорит, что устремленность с самого начала более

сущностна и обязующа, более строга, чем любое предъявление претензии того или иного долженствования (jedes Geltendmachen eines Sollens).

К тому, кто мыслит, то и дело обращается тишь употребы как глубокий основной тон сокровеннейшей струны в событии, ибо сам этот тон простирается как отсвоение в Последнее различия. Из этого обращения тона тиши к нам приходит призыв — все слышать отсюда, а не подчиняясь прежде всего требованиям публичной шумихи.

Почти два десятилетия тому назад я говорил в лекции «Что такое метафизика?», что «человек», пребывающий в Dasein, является «наместником Ничто»[31]. Чего только с тех пор не делали из этой фразы сверхумники? Сейчас в «Письме о гуманизме» говорится о человеке, что он «пастырь бытия»[32]. Заметили ли они, что обе фразы говорят то же самое? Задумались ли они над тем, что вторую фразу они никогда не смогут осмыслить, пока осмысленно не отнесутся всерьез к первой? См. выше, <S.> 66. 113

Свидетельствует ли это о том, что мое мышление осталось таким же (das gleiche), что и два десятилетия назад? Никоим образом; но тем же (das Selbe) — для этого было и до сих пор необходимо мыслить по-разному, разнообразно, проходить через мно-

---

31. [Heidegger: Was ist Metaphysik? In: Ders.: Wegmarken. GA 9. A.a.O., S. 118.] — В переводе В. В. Бибихина: «Выдвинутость нашего бытия в ничто на почве потаённого ужаса делает человека заместителем Ничто». — Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие. С. 24. — *Прим. пер.*
32. [Martin Heidegger: Brief über den Humanismus. In: Ders.: Wegmarken. GA 9. A.a.O., S. 342.] — Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие. С. 208. В переводе В. В. Бибихина: «Человек пастух бытия». — *Прим. пер.*

гие изменения. Было бы ужасно представить, будто я сам полагал, что все, что нужно сейчас сказать, уже содержится в «Бытии и времени».

Также могло бы возникнуть ошибочное мнение, будто мы уже преодолели метафизику, тогда как эпоха метафизики Ницше как раз делает свои первые шаги. Пустая, рассчитывающая вперед диалектика истории могла бы врать, будто сейчас за преодоленной метафизикой последует бытийно-историческое мышление. Но между завершением, а значит, устойчивостью (Beständigung) метафизики и мышлением, исходящим из истины ~~Бытия~~, господствует одновременность *прохождения мимо* друг друга.

114 Повседневность — это созвучие основного тона тиши употребы и шума мировой общественности. Имея это созвучие на слуху, мы должны всегда заново пытаться настраивать на него нашу деятельность и наши упущения.

Матерь муз — Мнемозина. Что, если мышление было бы сущностной сферой поэзии и благодарения? Мыслить — высочайший праздник человека, без того, чтобы вся поэзия и благодарение протекали в мути и узости (im Trüben und Verengten).

Вместо того чтобы обновлять Гёте и предлагать [в качестве] предельной мудрости, самое время позаботиться о том, чтобы мы со всем этим обновлением не остались устарелыми по сравнению с мышлением Ницше, о сущностной истине которого смутно догадываются лишь немногие.

Мы можем мыслить только в <рамках> перспектив Земли и сохранения ее сущности в целом. Считаю

весьма запоздалым то, что сейчас в Англии напоминают о Европе, забывая при этом, что из Америки и России, если речь идет о подлинных силах и формах деятельности, нам наносит ответный удар лишь европейское, которое, однако, мыслит уже планетарно и, не считаясь ни с чем, обустраивается в этом смысле.

Воздействие мышления состоит не в том, что о нем 115
знают или не знают, что о нем говорят и ложно истолковывают. Это воздействие опирается на охват помысленного мышлением, в соответствии с которым оно пронизывает ~~Бытие~~. Помысленное, таким образом, больше не обойти, поскольку все человеческое пребывание протекает внутри него, знают ли об этом человеческая деятельность и представление, хотели бы знать об этом или нет. Воздействие (Wirkung) мышления — это отнюдь не действие (ein Wirken), но из ~~Бытия~~ бытийствующее охвата сказывающего решения ~~Бытия~~.

Подобно тому, как actus, actualitas *пере*водит присутствующее из ἐνέργεια (пребывание в процессе создания) в действие, так и subjectum переводит присутствующее из ὑποκείμενον (уже имеющегося) в под-чиненное и установленное (in das Unter-geworfene und Gesetzte). Позднее energeia (в смысле actualitas) превратится через Лейбница у Гердера в «действующую силу»[33]. Греческий язык похоронен. Если даже energeia извращают в аристотелевское понятие ἐνέργεια и ἐντελέχεια, к похоронам добавляется путаница. Если же Гумбольдт говорит,

33. [Johann Gottfried Herder: Verstand und Erfahrung. Eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft. Erster Theil. Johann friedrich Hartknoch: Leipzig, 1799, S. 142.]

что язык есть не ergon[34], а energeia[35], то он мыслит в латинском духе, в смысле Гердера.

История слова? Конечно; но что такое слово? В этом переводе Бытие переводится из одной безыстинности в другую. Δόξα и λόγος, восприятие, принятие и собирание — это об одном <и том же>.

116 Преодолевать или даже предотвращать ложные толкования мышления — не только напрасный труд, но и ложное понимание общественного, нуждающегося в ложном толковании того, что с ним случается, чтобы коснеть в посредственности, благодаря которой оно живет. Это одна сторона дела. Другая <такова>: не поддаваться ложным толкованиям, однако то тут, то там указывать на них, обозначая область, в рамках которой полемика с мышлением идет своим путем и по крайней мере может ошибаться.

Но еще недостаточно постигнуть в мышлении, что отлучающее мышление как сказывание употребы относится к ~~Бытию~~ самого Бытия. Достаточно это лишь в том случае, если подобное мышление существует. Оно есть, если сказывание употребы сказывается в язык события.

Сказывание не высказывает <и> не сказывает другим <людям> высказанное как сообщение.

Сказывание сказывает сказанное им в язык. Из сокровенной сущности языка говорит тишь

---

34. Продукт деятельности, произведение, вещь (ἔργον). — *Прим. пер.*
35. «Язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia)». — Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 70. — *Прим. пер.*

употребы. Сказывание как вписывание разговора (<S.> 120) сплачивает событие соответствия в отсвоение. Сказывание мышления не должно пониматься каждым. Достаточно, если оно скрыто в язык и само способно скрывать язык.

117 Странно, что живущие ныне, когда они слышат слово «бытие» или сами его используют, полагают, что имеется в виду их собственное бытие, их человеческое бытие, как пребывающее само по себе — их «экзистенция», то, что они проходят сквозь <нее> и остаются. Странным это все же не является, так как без их ведома бытие уже давно развилось как субъективность субъекта, а субъект легко и охотно представляется из <его> ego. Поскольку о бытии так говорят, мыслящему <человеку> не стоит удивляться, если в такие времена почти безнадежно, чтобы мышление бытия поняли пусть в самых грубых чертах; особенно если он задумается, что человек, его существо, принадлежит самому Бытию, но в сокровенном смысле, — что эта принадлежность, освояясь, выстраивается (baut) в мышлении.

Мышление это от-чаяние-раз-двоение в двоякую (мирствующую) двойственность (отрешенность — бережность) употребы. Если бы мышление не собирало отлучающе (последнее) (Letze) в мирствующее Последнее употребы, не обитало бы в близи, в каковом качестве пребывает двоякая двойственность события, то едва ли оно было бы способно на то, на что оно, быть может, способно, — сказывать преддверие Последнего, предпоследнее. Отчаяние мышления кличет и прячет свое несказанное в сказывание. Отчаянно в простоту события.

118 Мыслить мы научаемся лишь в разговоре мышления с мыслящими. Но до тех пор, пока мы мужественно не беремся <за дело>, заранее признавая за этими мыслящими больше, чем их сказанное, они не будут говорить с нами. Несказанное их говорения мы сами должны подарить им, как будто это наше сказанное, тогда как оно остается лишь призывом подлежащего-осмыслению. Лишь когда мы мыслим великодушно, мы научаемся мыслить. Если же мы научаемся <этому>, то мы отучаемся от порыва воспринимать великодушие как наше <собственное>.

Чтобы научиться мышлению, молодежь слишком молода, а старшие слишком стары. Последние закоснели, первые — неопытны. Кто может научиться мышлению? Лишь те, кто уже является мыслящим и способен стать тем, что они суть. Существенное в этом становлении — не продвижение вперед и развитие, а удерживание (Aushalten) при одной мысли, которая предназначалась достигшему того, чтобы стать мыслящим. Все остальное — ложное понимание, возникающее по образцу обучения в науках. Пока мышление пребывает в окружении этих наук и их производства, оно живет в дурной атмосфере и растрачивает больше сил, чем бы хотело.

119 Учитель мышления всецело отличается от наставника в области знания. Вправе ли мы в дополнение ко всей прочей сумятице еще и отдавать молодежь на произвол этой путаницы?

Попытка обучать мышлению в рамках наук и их учебного производства равносильна намерению подышать в безвоздушном пространстве.

Следует ожидать, что они в один прекрасный день с помощью отлучающего мышления Бытия все-та-

ки лучше постигнут «диалектику» в метафизике и тогда с помощью этого более совершенного понимания истолкуют упомянутое мышление Бытия как в основе своей диалектическое. «В основе» — это значит: в том, в чем хотят любой ценой успокоиться как в своем. С помощью этого более совершенного понимания люди достигнут тогда вершины нивелирования. <Тем самым> показывают, что вульгарность представления, отравляющая всякое мышление, происходит из духа, а вовсе не из якобы бездуховного настроя тех, которых как простых <людей> считают необразованными. В результате следует ожидать, что сказывание мышления, в том случае, если в нем <сказывании> что-то есть, в свое время также устоит.

Тот, кто способен обучать мышлению, не только испытывает влияние мыслителей, но и пропитан их мышлением. Что знают ревнители, приписывающие мне <разного рода> влияния, о том, 120
что требуется для того, чтобы выдержать подобную пропитку?

Эсхатология Бытия. — В том, что подразумевается под словом «эсхатология», это название имеет лишь ту связь с теологией, что оно известно из нее как новое словечко и, если угодно, заимствовано. То, что данное слово обозначает в заголовке, чуждо не только теологии, но и всякого рода метафизике и философии. Имя «эсхатология» следует четко осмыслять исходя из ~~Бытия~~ как события употребы, в чем забвение различия бытийствует событийно. Пока удается мыслить слово «эсхатология» таким образом, мышление также мыслит о ~~Бытии~~. См. <S.> 94.

Феноменологию духа позволительно рассматривать как целую эпоху эсхатологии Бытия. Возможно, в свое время нужно будет так думать.

И наоборот, из осмысляемой таким образом феноменологии духа можно развить указание, которое привело бы эсхатологию Бытия в область подлежащего-осмыслению. Все же нам нужно остерегаться представления, для которого эсхатология Бытия слишком легко стала бы лишь более объемлющей областью, в которую следовало бы включить феноменологию духа. Эсхатология Бытия именует совершенно иное измерение сущности истины Бытия.

121 Сверхчеловек есть еще всецело человек. Так, он — последний человек в смысле живого существа, которое приспособилось к представляющему производству сущего.

Осмысляя эсхатологию Бытия, мы мыслим подготовку другой сущности человека: того, что он — смертный. Расхожее представление о смертности не простирается даже в направлении сущности, являющейся отличительной <чертой> смертного.

А что, если бог философов все еще божественнее Бога Авраама, не терпевшего рядом с собой никого равного себе, чей Сын Иисус отправил в ад всех, кто его не любил, чтобы они там горели? Что это за Бог, который отрицает божественность, не имея в себе ни капли великодушия <, свойственного> чистой радости о равных ему и их неисчерпаемом богатстве? (Примечание к Паскалю.)[36]

«Лучше в сарае, чем в светелке», — сказала крестьянка, когда ей пришлось везти на тачке с пастбища козу, сломавшую там ногу.

---

36. «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не Бог философов и ученых». — Паскаль Б. Мысли (фрагмент 913) // Паскаль Б. Мысли / пер. Ю. Гинзбург. С. 327. — *Прим. пер.*

Там, где мышление дается тебе легко, подозревай заблуждение; то, что дается тебе с трудом, запомни как помощь в оберегании.

Сущность искусства и поэзии вообще стала сегодня более сомнительной, причем именно из-за того, что нынче люди повсюду в среднем развиваются с изрядной ловкостью и вкусом, <привлекая> все виды и формы искусства, и могут их подделывать в рамках художественного ремесла. Стихотворений-подражаний Рильке сегодня масса. Фатальное в этом то, что они не плохи. Эти явления всегда больше ужасают меня, чем грубое разложение. Сегодня создается множество работ из области современной христианской философии, <причем> неплохого уровня; и тем не менее все это пустопорожнее, где нет никакого продвижения вперед. 122

Возникает впечатление, что сейчас философия истории Шпенглера, шаткая и примитивная в своих основаниях, которую мы уже три десятка лет тому назад оставили за плечами, находит в мире последователей. Это не позволяет слишком надеяться на готовность вступить в полемику с тем или иным сущностным мышлением. Об этом явственно говорит тот метод, с помощью которого надеются справиться с Ницше.

Гегелевская «Феноменология духа» (1807) — предпоследняя фаза в эсхатологии ~~Бытия~~; последняя — «Так говорил Заратустра» Ницше (1883/4).

Оставьте меня в покое — этим я требую только одного: не отрывайте меня от дела вашей ложной благожелательностью. 123

Как часто я десятилетиями пытался осмыслить просвет самосокрытия и, мысля так, постичь сущность забвения как бытийствования самого Бытия, а говоря — сохранить? Просвет: безжалостная яркость; сама ясность самосокрытия: яркость вокруг окончательности тайны.

Что есть истина? Она есть ясность по поводу былого (War-Heyt). Она — ясность былого <самого́> ~~Бытия~~ (Sie ist die Heytere der War des ~~Seyns~~). Она — за-бывание охраны события в употребе.

Постигать это в мышлении есть сумма философии, преодоление философии в мышление. Благодаря этому мы способны истинно осмыслить это, вправе говорить лишь немногое. Уже небольшая брошюра «О сущности истины» (1943) на своих 28 страницах говорит слишком много.

Прежде всего следует представить: истина (Wahrheit) есть бытийствующее (das Wesende) сохранения сущего как сущего, т. е. присутствующего в его присутствии. Истина есть раскрытие. Оно является вначале как несокрытость; оно в ней явилось (erschienen) и вместе с тем увяло (verschienen): предано забвению.

124 Я был выброшен из своей профессии и одновременно еще раз ввергнут в собственную колею.

Опубликование важных мыслей в эпоху, которая отличается диктатурой публичного мнения, имеет свой особый смысл. Оно не стремится сообщать, но именно из-за всеобщего ложного понимания и торопливого непонимания остается тем более защищенным. В противном случае посреди без-

умных возможностей уничтожения был бы подвергнут крайней опасности сохраненный из всего только в единственном списке труд мышления. Он едва ли мог бы пережить долгий срок, пока слово этого мышления когда-нибудь будет услышано. Но в публичной подготовке существует наиболее широкая внешняя возможность сохранить тот или иной текст, чтобы дать толчок мышлению.

Сказывание мышления отзывается в ~~Бытие~~, оно ничего не сказывает о Бытии и ничего не высказывает в публичное. Сказывание — не сообщение, дающее знание. Сказывание есть сохранение, которое о-свояется по-своему. Мышление как сказывание ~~Бытия~~ есть само по себе слушание тиши. Слушание — это наше «видение», в смысле сохраняющего присутствия при… «Видение» как <уже>-увидение («Sehen» als Gesehenhaben); услышанное: событийное. (См. <S.> 128 вверху.)

В Λόγος как собирание в присутствие восходящего 125
несокрытого впервые является и скрывает себя сущность *воли* как *бытия*; при условии, что мы познаем, в какой мере бытийствует воля в самособирании в повелении присутствию.

Слово «событие» все еще обладает призвуком, будто оно именует нечто выступающее вперед, если даже не выброс в необычное и возбуждающее <в> общественном. Но это слово именует другое. По-видимому, оно обозначает внезапность, но внезапность сбывания отсвоения в тишь. Само событие уже нельзя подвести под более высокий вид движения (Be-wegung). Оно есть сама движесть (das Wegen), движесть употребы.

Вместе с тем мышление есть всегда, — ибо освоенное в событии как раз-личии, востребованное из судьбы Бытия и из сущего, — прохождение мимо.

Только мышление, чье про-хождение (Vor-gang), (про-цесс) в Бытии из Бытия дается с усилием, обеспечено присущей ему строгостью, которая существует до и вне всякой научности наук.

Но если философия устроится в своей логике, т. е. в том, что является ее упадком, она задохнется в собственной пустоте.

126 О ничтожном понимании сущности философии, которая сама по себе онто-теологична, постоянно свидетельствует восхваление философов, собственно, за то, что они громогласно говорят о «трансценденции» и уверяют: Бог есть. Но сущности мышления, скорее, соответствует молчать об этом, даже рискуя прослыть атеистом.

Время от времени люди задаются вопросом, куда же является Ἀλήθεια, несокрытость присутствующего, и где она пребывает. Вопрошая так, воспринимают ее как некое сущее, которое стремится и должно обрести место, поскольку оно, как кажется, не имеет пристанища. Не обращают внимания на то, что сама несокрытость как бытийствующее присутствия осваяет это при-станище. Можно и не обнаружить это, поскольку истина Бытия еще не постигнута и это постижение еще не принято как мышление. Но истина Бытия есть событие раз-личия. Раз-личие есть при-станище сущего.

Создается впечатление, будто то, что никогда не действовало, никогда и не существовало, и все же есть единственно бывшее.

Смертельной является не пресловутая атомная бом- 127
ба как особый <вид> механизма уничтожения. То, что уже давно угрожало новоевропейскому человеку смертью, а именно смертью его существа, есть абсолютность воления в смысле самоосуществления.

Не останутся ли усилия <в отношении> исторического, судьбы бытия в нем, всего лишь повторным ударом историографии?

Существует только резкость (Jähe) различия.

Крепость того или иного добра столь же явственно относится к мышлению, как строгость его тиши.

Если мы употреблены употребой, то, значит, мы уже отреклись от образования и переживаний. Историография пришла в упадок.

Быть и казаться: полагают, что человек летает, если он пользуется самолетом. Это движение есть продолжительное, обеспечиваемое силой мотора пребывание в воздухе, в каковом пребывании человек по возможности сидит, причем в удобном кресле. Это и называется «летанием».

А трезвость мышления есть и некое настроение. Она 128
определяется из голоса тиши употребы. К трезвости как настроению относится услышанность тиши. (См. <S.> 124 внизу.)

Из-за того, что многие взгляды, не имеющие <под собой> почвы и кругозора, а также неспособные дать нечто подобное, приписываются различным личностям, еще не <завязывается> разговор, — скорее, напротив, — возникает еще худшее — банальная болтовня: видимость разговоров.

Знаковое письмо нуждается лишь в сущем бытия.
А тот, кто преклоняется перед этим письмом, отнят у Бытия,
которое само есть первозапись (Urschrift) его <Бытия> употребы,
разрыв различия,
руна [?] его спора.

Лишь когда сохраняется целительное (das Heile), может явиться святое (Heiliges). Что есть целительное? Каково убережение? Где есть не-целительное? Кто вносит это «не-»?

По миру гуляет много боли. Но кажется, что ее непомерность бессильно изменить безумство ее нынешнего шествия.

129 Мы опаснее опасности,
когда имеем опыт
сохранения ее милости.

Величие того или иного мыслителя состоит в том, что он способен вернуться в «некогда» бывшего и дает слово этому бывшему как самому «некогда» прихода. Напротив, мелочь (das Kleine) занимается историографическим представлением прошлого философии, чтобы вычислить из нее новую и придать ей значимость по сравнению с прежней.

Масштабом для различения между великим и малым является принадлежность к бывшему в отличие от лишь искусственного (gemachte) представления о прошедшем.

Начало неизбежно начинается с забвения бытия. Забвение есть дело Бытия. Оно <забвение> само

есть на-чало посредством отказа от сохранения: освояюще забыть себя как передачу (Überlass) в безыстинность. Забвение хотя и есть нужда (Not) (?), но не зло и не недостаток.

Возврат к основанию также есть еще метафизика, предельная, а потому наиболее достойная вопрошания попытка ее судьбинного преодоления.

Различие (*дифференция*) *в Ἀλήθεια*. — Ἀλήθεια именует присутствующее в его несокрытости; в этом качестве скрыто бытийствует само присутствие. Но Ἀλήθεια раскрывает (entbirgt) *присутствующее* в пользу Φύσις и Λόγος. И то и другое благоприятствуют уже дарованному первенству (Vorrang) присутствующего — ὄντα, πολλά[37]. Если исходить отсюда в сторону присутствия, последнее является в (собирающе-проясняюще-[сохраняющем]) Едином для воспринимающего предъявления и сохранения. Ἀλήθεια отнимает сокрытость у присутствующего. 130

Но Ἀλήθεια также именует саму не-сокрытость. Ἀλήθεια позволяет сокрытости и сохранению (Bergung) существовать в присутствии; несохраненное: забывается. Забвение как неподлинное и подлинное остается забытым. Всё есть — при отпадении забвения.

«Не-» («Ἀ-») двусмысленно; оно означает, что сокрытость изъята у присутствующего; устранена; уже больше не ‹существует›: сокрытое. Оно означает (для иного мышления), что сокрытость еще не постигается как таковая; что Λήθη в ней, в сокрытости и сохранении, забыта; что Λήθη также не может быть представлена, как прежде, исхо-

37. Сущие, многие (*греч.*). — *Прим. пер.*

дя из несокрытости. Λήθη как забвение отсылает в сохранение Бытия — в поворот события. См.: Заметки III.

131 Бывшее некогда (Das Einstige) (некогда рани и поздни как то же самое обеих) есть единственное: однажды Единое Единения целительного.

На основе этого Единящего Единого (сущность которого следует осмыслять лишь исходя из забвения различия как события употребы) бытийствует однозначность (Eindeutigkeit) языка. Его единство значного (des Deutigen) является сущностным господствующим превышением (Mehr) языка как разговора различия. Исток этого единства — в событии употребы. В противоположность этому логически-технический идеал однозначности хотя и неизбежно находится в области рассчитывающего опредмечивания и его систематики, но становится заблуждением, делаясь масштабом мышления.

Употреба, которая без потребности, свободная от всякой пользы, принимает к себе (an sich) в сбывание-освоение, осуществляя полноту своей загадки.

Каким образом из употребы, исполняя ее саму, сияет *воля*, самособирание (Sichzusammennehmen) изготовления?

Как употреба лишается сплоченности, все же скрыто являющейся простором, который, освояя в сущность, возвышает ~~Бытие~~?

Как самособирание уклоняется и только отпускается в восходе порождения к собиранию и к Единому в виде изготовленного как такового.

Скажи это и неси его, невыговоренное, в забвение. 132

Мышление и поэтическое творчество. — Мышление более поэтично, чем всякое поэтическое творчество и пение, но *как* мышление. Мышление время от времени остается скрытой сущностью поэтического творчества, если это означает: приносить (erbringen) сущее в его явление из бытия, к которому обращаются. Ибо перед этим должно править различие бытия и сущего, — хотя и невыговоренно и все же сказанно в сказывании Бытия. Но это и есть мышление. В нем бытийствует язык. Поэтическое творчество как пение уже нуждается в подготовленной стихии языка.

Целительное есть невредимое (Unversehrte) [но вместе с тем (<благодаря значению> «поврежденное» ("sehrt"): боль) и непереносимое (Unverschmerzte)]. Бытийствующее целительного есть ~~Бытие~~ как освояюще-единящая употреба. Забвение различия.

В целительном может сохраняться ~~Бытие~~, хотя ~~Бытие~~ никогда не станет мыслимым исходя из целительного. См. <S.> 139.

Святое есть то, что уже нуждается в целительном как элементе своей сущности, причем так, что в святом целительное предстает то так, то так и является судьбинным. Святое может стать сферой божественного. Но божественное есть возможная область божества, в котором является тот или иной Бог.

Различие как подлинная дифференция святого и ~~Бытия~~.

Недостаточно, если музейное, чье бессилие и мни- 133
мость наполовину признают, парализуют поспешными восторгами по поводу самого современного

модерна. Это только историографическое движение вперед; не в будущее как приход бывшего некогда (des Einstigen), а в историографически продленную современность. Этот вид историографии является еще более техническим и более слепым, чем те виды прошлого.

Техника. — До тех пор пока мы не сдвинем сущность техники в судьбу Бытия и не осмыслим последнюю исходя из ее истины и не постигнем подобное мышление как основную черту своего существа, мы не поднимемся в ту область, где осуществимы преодоления.

Основной чертой (Grundzug) нашего существа, коль скоро оно исходя из употребы принадлежит к событию, может быть только тяга (Zug) в без-дну. Эта без-дна, где отсутствует всякое основывание, есть различие. Тяга — это сквозной ветер тиши употребы.

Странно то, что величайшие потрясения и неимоверное количество страданий и горя не порождают ничего существенного; они только усиливают бегство в простое соучастие и пребывание среди прочего. Но и эта странность не поражает. Люди с духовными запросами (die Geistigen), считающие себя таковыми, бродят в области историографии и нахва-
134 тывают идеалы. Или же люди кидаются в морализирование, удовлетворяясь мелкой жаждой мести.

Но и самые тяжелые, а потому самые благоприятные условия ничему не способствуют, если источники больше не бьют ключом. Неужели всему конец? Или же, что совершенно иное, мы стоим перед непознанной гибелью?

Бытие-в-мире (*In-der-Welt-sein*). — Если провести историографическое сравнение того, что названо

<этими словами>, то это выглядит так, будто здесь имеется в виду лишь расширенная модификация субъект-объектного отношения и соответствующее трансцендентальное отношение к предметности, примененное и к предметам окружающего мира. Действительно, бытие-в-мире вводится также исходя из этого привычного поля зрения; но это вовсе не оправдывает возвращение всего в это поле зрения и пренебрежение тем, что бытие-в-мире мыслится в связи с Da-sein, а Da-sein в его алететически-экстатической сущности — из отношения к смыслу, т. е. к истине бытия.

Мир — это не название для простого расширения предметности, так чтобы сама последняя представала как модификация мира. Таким образом мир мыслится сущностно, так что в нем, поскольку он *мирствует*, осваивается-сбывается изначальное единство Бытия и Dasein. Мир <это название для> скрытой сущности различия. Мир следует осмыслять не трансцендентально, а исходя из употребы. Трансцендентальное есть прикрытие и забве- 135
ние дифференции, причем в форме сущести сущего в смысле субъективности.

Правда, даже в связи с первыми указаниями на бытие-в-мире речь идет о *трансцендентальном*, причем не только попутно. Однако это трансцендентальное не есть онтологическое предметности, но мыслится исходя из бытия как из transcendens — и тем самым исходя из дифференции. Разумеется, все целое остается еще в <рамках> языка и в круге представлений метафизики, хотя и не субъективности. ὄν как ἐόν ἔοντα[38].

Возможно указание на мир еще как на «*феномен*» в рамках трансцендентального и онтологиче-

---

38. Сущее как сущее сущих (*греч.*). — *Прим. пер.*

ского. Но в равной мере это указание коварно (verfänglich), поскольку то, что надлежит осмыслить, запутывается (sich verfangen) в метафизике, в безыстинности различия. И наконец, еще возможно указание на дифференцию. См. Заключение лекции л<етнего> с<еместра> 1927 г. Так что бытийствующее мира, его мирствование никак нельзя осмыслять как событийную сущность ~~Бытия~~.

Но то, что следует осмыслить, это мир исходя из употребы как события различия. Никакой феномен не нужно здесь толковать или даже только описывать. Мир нужно привести к языку разговора различия.

Достойное осмысления есть то, что мы в мышлении ценим благодаря мышлению. Ценить: освобождать в достоинство сущности. В этом оценивании не устанавливается никакая ценность, но подлежа-
136 щее-осмыслению позволяет мышлению стать достойным вопрошания как сказывание употребы.

Из того, что достойно осмысления, проистекает достойное вопрошания.

Предметность: то, что всякое сущее становится предметом и существует только как таковой. В ней является и скрывается судьба Бытия. Поэтому она <предметность> — не противоположность миру и не разновидность его, но приходит из сущности мира путем отказа от мира. Она как объективность соотносится с субъективностью. В целом она бытийствует в субъективности как загораживание (Verstellung) уже осуществленной безыстинности.

Вместе с субъективностью предметность как видимость мира относится к ужасному кругу воли к воле. Внутри этого круга предметность даже рас-

творяется в полную предсказуемость, которой соответствуют разве что пустые символы.

Недостаточно представлять предметность как некую разновидность бытия внутримирового сущего; еще менее бытие-в-мире есть модификация трансцендентального представления природы в направленности на вещи обихода.

В предметности правит мир как безыстинно отказывающийся (als die wahrlos sich verweigernde).

Мир бытийствует как сплотка промежутка (Inzwischen) Бытия и Da-sein.

Мир есть средостение промежутка (Zwischen) различия.

Как только бытие определилось как сущесть, а та — как предметность, считается решенным, что пред- 137
метность есть представленность и как таковая заключается в представляющем «сущем», которое само существует лишь в представлении себя самого. В соответствии с этим решением бытие считается известным и в любой момент безусловно доступным обоснованию. Это позволяет устанавливать бытие за пределами всего того, что достойно вопрошания.

Как не требуется вопрошать об истине бытия, так и истина бытия вообще не является чем-то достойным осмысления. Бытие благодаря предметности как бы полностью замуровано в забвение. Поскольку представление и полагание как переживание встречает еще иное, что противостоит этой предметности, то в рамках забвения бытия не остается возможности хотя бы только вопрошать о бытии, бытийствующем иначе. Бытие исчерпывается предметностью. Но поскольку, — что было бы только последовательным, — не могут решиться на то, чтобы противопоставить этой предметности противостоящее как небытие и ничто, сохраняют это как *не*предметное. С помощью логики, разработан-

ной для предметного, надеются удовлетворить непредметному через надлежащие удерживания и постоянные оговорки и перечеркивания. Эту возню бездумности, погрязшую в забвении бытия, принимают за философию и придают всему целому в высшей степени моральный облик. Обеспечили себе преимущество, позволяющее болтать обо всем на одинаковом уровне одной и той же методики и одновременно превозносить до небес науку.

138 *Мир и тотальность*. — То, что мир определяется тотальностью как целостностью сущего (как такового?), указывает на сущностное отношение целостности к бытию. Это сущностное отношение сохраняется и там, где целостность представляется как идея, а идея подчинена разуму как способности <устанавливать> принципы (als dem Vermögen der Prinzipien). Целостность определяется исходя из единства. Но единство испокон веку есть сущность бытия. Бытие есть Ἕν, а именно Ἕν как Λόγος, собирание. Последнее есть раскрывающе-проясняющее — позволяет открываться (läßt aufgehen), есть Φύσις. Ἕν, таким образом единящее Единое (Ἕν τὰ πάντα[39]), вовсе не есть Первое, а последнее и предельное имя для бытия и сущего, — здесь мирствует изначально всюду еще присутствующее (das Anwesen-hafte), — но чем больше значимости обретает представление и ἰδεῖν[40], и διανοεῖν[41], тем скорее единство приводится в отношение к синтезу и Διαίρεσις[42] и подготавливается позднейший поворот (Umschwung) ἰδέα к perceptio и cogitatio.

---

39. Всё едино (*греч.*). — *Прим. пер.*
40. Видеть (*греч.*). — *Прим. пер.*
41. Думать, размышлять (*греч.*). — *Прим. пер.*
42. Различение, различие (*греч.*, так в оригинале). — *Прим. пер.*

Поскольку бытие есть Ἕν, то в целом есть «сущее», сущесть: целостность. Правда, целостность может трактоваться как идея, а она — как идея разума: но последний сам вместе с первой <идеей> принадлежит к субъективности и к ὄν qua εἶδος. Последний (εἶδος) есть при-сутствующе-собирающе Единящее проясняющего (позволяющего открываться) позволения видеть видимость видимого.

Ἕν есть Λόγος — Φύσις, а потому <его> вновь нужно осмыслять исходя из воли (разума).

Понятия мира — все они еще не схватывают сущность мира — они относятся к единству сущего внутри онто-теологической сущности метафизики. И тогда «мир» как целостность сущего двойственным образом берет на себя <роль> посредника между онтологическим и теологическим. 139

Онтологическое понятие мира: Ἕν τὰ πάντα. Однако ὄν! κόσμος.

Демиургическое понятие мира: τὰ πάντα, и τὸ θεῖον[43], и ὁ θεός[44].

И то и другое повернуто в трансцендентально-Трансцендентное: мир как идея разума — космологична в более узком и более широком смыслах.

Мировоззрение и образ-мира.

Везде: 1. Мир как отнесенный (als bezogen) к сущести (бытие);
2. Мир как отнесенный к сущести (сущее в целом).

Мир, скрытым образом относящийся (angehend) к бытию (как таковому) и сущему в целом (как та-

43. Всё и божественное, божество (*греч.*). — *Прим. пер.*
44. Бог (*греч.*). — *Прим. пер.*

ковому) и тем самым к дифференции. Но именно это остается всецело сокрытым. «Мир» — прикровенный знак мирствующей, но не постигаемой дифференции как промежуток между бытием и сущим. Как все это объединено в монаде и все же не объединено.

Но мыслить мир следует только исходя из Бытийно-исторической сущности события употребы, и исходя из постигнутого так мира следует мыслить целительное как *событийно* единящее. См. выше, <S.> 132.

К этой раз-личительной сущности целительного относится разрыв как *боль*. Целительное есть припас загадки (der Vor-rat des Ratsals), которая прикрывает как употреба разрыв в сбережение.

Сокрытие: собирание в прикрыто-прикрывающее сохранение.

140 Боль (которая вредит <или> не вредит) (der sehrt, ver-sehrt, un-versehrt) — есть скрытый в целительном разрыв. Но этот разрыв <существует> *до* всякого *негативного* и всего так мыслимого «не-». Целительное — это не только снятая (aufgehobene) боль, но событийно бытийствующая боль. Только исходя из этой боли следует осмыслять ярость; но как? Целительное есть сохранение раз-личия. В нем, бытийствуя, боль существует *таким образом* без противоположности как событие. Поскольку боль как разрыв раз-личия вообще существует без противоположности, то она также обычно (sonst) там, где представляется на основе привычного, не может быть подведена к той или иной противоположности, например к «желанию» (Lust). Ницше, который мыслил исходя из воли к власти, видел здесь яснее, чем всякая психология:

«Желание как ощутимое нарастание чувства власти. / Желание и боль суть нечто различное, а не противоположности»[45].

«Быть» и «видеть» (Sehen) — εἶναι и Ϝιδ — присутствовать и увидеть (Gesehenhaben). εἶναι и «смотреть» (Schauen) — Проясненное Показывание-себя (Gelichtetes Sichzeigen).

Все эти отношения еще скрыты от нас и остаются такими, пока мы не мыслим ни «бытие» в его истине, ни «видение» как увидение экстатически-событийно. Является недостаточным и постоянно остается на поверхности, если мы относим «видение» к зрению (Gesichtssinn) и «глазу». Даже если мы будем трактовать это как дально-видение (Fern-Sinn), следует сначала сказать, что́ здесь обозначается как даль и близь и в какой области они бытийствуют. οἶδα, Ϝιδ, ὁράω, θεορία, ἰδεῖν, εἶδος — все эти понятия должны мыслиться исходя из видения как увидения. Но увидение (Ϝιδ — знание) это не за- 141
вершение видения, то, при чем оно прекращается, — но увидение, имение-перед-глазами (Im-Blick-haben): «иметь» взор как молнию-вспышку. «Иметь» следует здесь понимать исходя из при-нятия присутствующего *как такового*, — при-нятие берется в сохранение (Behalten) (всё ‹есть› собирание — λέγειν).

Увидение: принятие присутствующего в его присутствие. Разумеется. Но почему «видение»? Потому что так путь от — проясненного — прояснен для и проясняюще: присутствующее, — но последнее заложено не в устройстве глаза, — а в челове-

45. [Friedrich Nietzsche: Unveröffentlichtes aus der Umwerthungszeit (1882/1883–1888). Werke. Bd. XIII. C. G. Naumann: Leipzig, 1903, S. 273 f.]

ческом видении, — то, что здесь оптическое уже бытийствует в экстатическом. Как в слышании? *Наше* слышание тиши? В видении некое отстоящее-проясненное-проясняющее присутствие к … и у … присутствующего как такового. Вот почему позднее может и должна сразу же включиться в idea и perception презентация презентности и Repraesentatio.

Что освоялся в vidi — *я увидел*? Видение как бы отбирается (куда?), а «имение» (das «Haben») (зрения») идет впереди (куда?).

Гегелевская феноменология духа позволяет сущему — ὑποκείμενον — как subjectum represaentatio[46] войти в абсолютность субъективности и в ней собрать целое явления являющего. Таким образом, здесь также царит презентность и открытость и показывание себя и сама суть — и даже осознанно как абсолютно познанное.

142 Создается впечатление, будто Ἀλήθεια раскрывается здесь чисто и завершенно, и все же это не так; более того, все вложено в idea и вверено субъективности. Таким образом, возникает последняя великая видимость, будто Греческая судьба бытия есть предварительная ступень, не-посредственное как абстрактное и будто это лишь сейчас становится истиной (донесенной <до нас> как достоверность). Так возникает большая опасность, что бездонные, Бытийно-исторические внезапности закроются по отношению к началу и что посредством внешних и словесных соответствий люди будут пытаться с помощью гегелевской метафизики присвоить и Бытийно-историческое мышление. Однако в результате этого подлинное достойное осмысле-

---

46. Субъект репрезентации (*лат.*). — *Прим. пер.*

ния полностью заслоняется (verbaut): поворот забвения бытия в забвение (прояснение в целительное) раз-личия.

Феноменологию духа можно осмыслять Бытийно-исторически только исходя из эсхатологии ~~Бытия~~.

С неторных троп мы попадаем, хотя всякий раз через мостик, назад на *проселочную дорогу* (*Feldweg*). Она есть тропа и ход в простор, который осваивается в употребе. Простор простирает раз-личие сбережения и бережности (Sparnis und Schonung). Простирание есть мирствование событийного мира. Хождение по проселку есть хождение в близь. — Но близь бытийствует как мир. Ἀγχιβασίη[47] знает близь только как присутствие у … А разговор того заголовка[48] мыслит исходя из мира.

Но «*Проселочную дорогу*» следует сберечь для «Четырех тетрадей». 143

Я больше не мог бы говорить, обращаясь к массам и в рамках отжившей институции.

Мы должны любым способом косвенно поощрять довольство посредственных людей.

Гибнуть на выси призыва.

---

47. Близость (*греч.*). — *Прим. пер.*
48. Вероятно, имеется в виду следующая работа: Хайдеггер М. Из разговора на проселочной дороге о мышлении. К вопросу об отрешенности / пер. А. С. Солодовниковой // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. С. 112–133. (Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 77: Feldweg-Gespräche (1944/1945). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1995.). — *Прим. пер.*

Дух, оплодотворяющий нас, ищет сегодня иных, быть может неприметных способов своего пребывания.

Остается нужда истолковывать помысленное мыслителями.
Еще нужнее такое сказывание мышления, которое когда-нибудь само потребует истолкования.

Всякой попыткой сделать себя понятным мышление затемняет для себя собственную ясность, каковой некоторые хотели бы достичь.

Возможно, в свое время все подлинно помысленное, обретшее язык как метафизика, вернется (schwingt zurück) в событие употребы.

144 Почему для нас высказывание становится лишним, если помысленное ясно осмысляется? Потому что тогда мы оказываемся в сказывании невыговоренного и уже высказались. Привести это сказанное к языку — самое трудное.

Того, кто мыслит так ясно, ничто не может затуманить?

Ложно помыслено всё уже вплоть до непомысленного.

Никого не волнует, что сейчас Земля дрогнула.

Своенравие без труда ложно истолковывает вещь.

Сумятица закипает, лишь
когда приближается дальняя тишь.

Более опасными, чем техническое уничтожение, являются попытки организовать неприметное и заботу о нем и провозгласить простое в качестве принципа.

Как нам защититься от этой последней опасности?

Также и она связана с господством историографии.

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

Ἀλήθεια 22, 53, 60, 126, *130*
Δόξα 65, 75, 115
ἐνέργεια 115
Λόγος 125
анастрофа 94
бедность 2, 76
безыстинность *115*
бережность 83
Бог 43 слл., 62, 79, 121
боль 139 сл.
борозда a, 19
бывшее 126
величие 129
вера 64
вещь 34, *56*
взгляд 16, *20*, 23
внезапность, обвальность, резкость (Jähe) 95; (Jähnis) *112*
возврат (*Rückgang*) *129*
возврат, отход <назад> (Zurück) 2, 15, 21, 57, 68, *89*
воля 79, *131*
вписывание 110, 116
время 92

греки 65
дифференция *96 сл.*, 100
Европа 59, 114
Единственное 131
забвение *95*, 101, 123, *129*
забвение бытия 58, 60, 95, 101, *106*, 117
закат-гибель 59
закон 73
«Западная Европа» 71, 92
запись (см. послезапись) *26 слл.*; (см. вписывание) 54, 128
игра 95, 109
истина 123
историография *135*
история 74 слл., 81, 94
история бытия 81, *115*
логика 125
математика 83
махинация 95 сл.
мера 92
местность; местность-встречание (Gegend) 25, 31
[место 9, 14, 25 сл., 67][49]
метафизика *79*, 96, 98, 106 сл., 113, 126
мир 19, 39, 60, *134*, 138 сл.
могущество 61, 63
молчание 54
монадология 13
музей 133
мука 89
мыслитель 17, 75, 93, 129
мышление 1 сл., *77*, 80, 84 слл., 95 внизу, *104 сл.*, 114, *115 сл.*, 124 сл., 127, 132, 135
настойчивость 89

49. [Написано не рукой Хайдеггера.]

наука 67, 90 сл.
некогда 57
невыговоренное 81, 87, 89
Ницше 93, *97 слл.*, *102 сл.*, 114
Ничто *60*
одиночество 75
опасность 15 сл., 20, 23, *48*, 81
опубликование 124
опыт *87*
ответ 31
от-сверк молнии 80
отчаяние 85 слл., 117
памятование *55*, 75
пастырь 66, 72, 75, *82 сл.*, 86 сл., 88, 109/10, *111*, 113
поворот (34), 61, *63*, 74, 76, 79
после*запись* 14, 26 слл., 54, 69, 72, 109
поэтическое творчество 132
предметность *136*
преодоление 50
приказывание[50] *104 слл.*
прикровение 139
природа 68
присутствие и «видение» 140
обращение 110, 112, 118
проселочная дорога, проселок 142
простое 82
разговор 23, 128
ранг 67, 69
родительный падеж 24
рука 30

50. В оригинале указателя ошибочно приведено слово Bestehen со ссылкой на 104 ff. На указанной странице слово Bestehen отсутствует. Вероятно, имеется в виду слово Befehlen (приказывание). — *Прим. пер.*

[свобода 3[51]]
сказывание [7 сл.][52], 116, 124
смерть (3), *23*, 47, 67, 87
событие 13, 36, 70, 94, *95*, *112*, 120, 125
«сплотка» 36, *48*, 53, 73
‹стоящее› напротив, собеседник, противолежащее (Gegenüber) 23, 25, 30/31, 34/35
сфера 78
теология 49, 62 слл.
техника 46 сл., 90 сл., *133*
тишь [30][53], 40, 81
трансценденция *100*
трезвость 128
употреба (Brauch) *81 сл.*, *110 сл.*, 131
феноменология (духа) 13, 141 сл.
целительное 128, 132, *139*
человек (32), 62, 74, 83, *121*, 133
читатель 109/10
эсхатология 13
язык 42, 63, 87, 110, *115 сл.*

---

51. [Написано не рукой Хайдеггера.]
52. [Написано не рукой Хайдеггера.]
53. [Написано не рукой Хайдеггера.]

28 ○ 68 ○ 89 ○ 91, 93 141 слл.
70
72

Заметки V

1948

Высокий лоб человека, который мыслит, подобен Востоку, растревоженному утренней зарей[1].

Мелвилл

1. [Herman Melville: Moby-Dick. Übersetzt von Thesi Mutzenbecher unter Mitwirkung von Ernst Schnabel. Claassen & Goverts: Hamburg 1946, S. 311.] — Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит / пер. И. М. Бернштейн. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1962. С. 501. — *Прим. пер.*

Игра тиши
и
эхо раковины-оболочки (Schale)

Заход близи
и
выход традиции

Спасайте путь к спасительному: мышление. (<S.> 94.) 1

Кто сегодня знает об этом, кто пусть только хотел бы об этом знать, что мышление *есть* лишь тогда, когда в нем освояется-сбывается ~~Бытие~~; но что это неизбежно должно остаться неслыханным, не-услышанным в напоре сущего и в области (im Gemache) наиболее сущего? Какая критика столь дальнозорка, что могла бы пойти навстречу подобному взывающему к ней мышлению?

Лишь такое мышление, которое столь дельно (sachlich), что в свое время, благодаря самому себе и ничему другому, становится преодолимым, есть сущностное мышление.

Пока мы только ищем противодействий, чтобы одолеть силы, высвобожденные волей к воле, мы все еще занимаемся расчетами.

Лишь тот, кто выковывает инструмент, чтобы с его помощью когда-нибудь преодолеть свое собственное мышление, знает, что такое мышление; то есть, зная, определяет μέτρον[2] ~~Бытия~~. 2

Все прочее отпадает обратно в область господства предпринимательства.

---

2. Мера (*греч.*). — *Прим. пер.*

Решение: Мыслим ли мы исходя из ~~Бытия~~ или мыслим о ныне сущем. Здесь мышление есть представление о и рассчитывание с учетом силы и целей. Там мышление есть разговор языка мира.

Мирующее (weltische) мышление больше не может мыслить *о* мышлении; но оно поэтому не дает мышлению уклоняться в произвол. Ведь оно укореняет свое преуспевание в своем основании; этим основанием является само мирствование из прибежища освоения-сбывания. (<S.> 25 слл.), <S.> 109.

3 Тот, кто мыслит, должен дать своему помысленному выстаиваться зачастую годами, как старому вину. Между тем помысленное остается тут как овевающее нас дуновение притаившейся бури. Помысленное? Здесь не подразумевается: принятое в мышление как во «внутренний» психический процесс; это означает: в памятовании грядущего (Ankünftiges) выпускать в его бывшее: сберегать отсвоение раз-личия.

Помысленное мышления, однако, вовсе не является объектом, как будто оно рас-сматривается и принимается в некую существующую саму по себе сферу познания.

Но помысленное (~~Бытие~~) столь же мало есть не-предметное.

Оно есть то, о чем помнит памятование; *по*мнит мышление, поскольку оно принадлежит сущности ~~Бытия~~, помня о нем: не представляя Его. Помнить (Gedenken): сохранять сохранение в сбережении; соответствовать ему, т. е. событию различия: вещи. (<S.> 91.)

Непредметное зависает в опредмечивании.

«Кто еще мыслит помысленное?» Кто еще думает так, что в мышлении освоялся и готовится то, что следует осмыслить. (<S.> 66.) 4

В помысленном мыслится Бытие, а в нем *сущность* человека и в ней *мышление* и в нем ~~Бытие~~.

Внезапность поворота Того же самого в событии различия.

Помысленное: сохранение бытия сущего исходя из забвения различия как событие мира, в который особляется мышление как сущностный вид (Weise) простора.

Это Помысленное мышление (dieses Gedachte Denken) есть господствующая мысль (Gedanke).

Помысленное оплодотворяет то, что осталось неосмысленным. (Мир осмысляет забытое решение (Austrag).

Мировая ночь забвения-~~Бытия~~ обладает своей собственной яркостью (Helle). То, что мы обнаруживаем светильники и узнаем тропы путешествия; что мы становимся знающими, которые разбираются в топологии местности ~~Бытия~~.

Вероятно, кое-кто уже перевел буквально понятия греческого мышления, и ничего не произошло, ни в его собственном мышлении, ни в мышлении других. 5

Скверные замедлители мышления сейчас — это трансценденциозники.

Шум, поднятый в связи с экзистенцфилософией и экзистенциализмом, создает благоприятную возможность оставаться неслышными и хорошо скры-

тыми. Быть принятым за других — это сейчас надежнейшая защита; особенно когда утихнет шум по поводу устойчивого мнения. Вот почему нехорошо выступать против этой путаницы.

Но «Письмо о гуманизме» уже довершает остальное: оно распространяет новые ложные толкования, которые становятся еще упорнее, поскольку якобы ссылаются на всезнающее понимание.

Ошибочное мнение: будто работающий человек является действующим, действующий — созидающим, созидающий — значительным.

6 *Искусство*. — Создается впечатление, что еще понадобится много времени, пока сегодняшний человек созреет до понимания, уже давно обдуманного, что искусство подошло к концу. Современное искусство, роман и живопись отличаются тем, что, подобно последней бурной страсти, отрицают этот конец и невольно даже еще его используют.

Действительно *великое* находит свой конец и остается при нем.

А сегодня? остаются лишь при том, чтобы постоянно продлевать едва осознанный конец; <всё> остается при о-кончании-околевании (beim Ver-Enden)?, которое вовсе не заблуждается относительно себя самого, ибо все разрастается до гигантских размеров — гигантизм карликов.

Кто честен? Тот, кто себе <ничего> не внушает и себя не убеждает.

Пребывая только в укрытом (im Geborgten), мы никогда не находимся в безопасности (geborgen).

Предоставь людям <оставаться> в их стихии и пребывай в своей.

В результате жесткой интерпретации неизбежно создается видимость, будто текст можно ввести в колею однозначности, будто намерение толкователя только в этом и состоит. 7

В интерпретации всегда кроется нечто насильственное. Если при этом наличествует нечто от того насилия, которое претерпевает Царство Небесное[3], пусть себе. Но границу между тем и этим насилием нащупать трудно.

Истинное в истолковании проявляется только тогда, когда мы отвергаем слишком ярко освещенное, но и тогда еще воспринимаем оставшееся лишь как намек.

Предшествующее многолетнее исследование Аристотеля помогло мне в 1913–15 гг. достичь первого сомыслия с Мейстером Экхартом, который принадлежит небольшому семейству первых <по значимости> мыслителей.

Нарастающие восхваления по адресу Якоба [sic][4] Буркхардта призваны сейчас лишь прикрыть то, что этот осторожный человек прошел мимо величайшего мыслителя, увильнул от него. 8

Смехоподобно, когда нынче выискивают пессимистические высказывания Якоба Буркхардта,

---

3. Аллюзия на евангельский стих: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). — *Прим. пер.*

4. В оригинале Jakob, правильно — Jacob. — *Прим. пер.*

чтобы подтвердить его провидческий дух, тогда как Ницше промыслил и — выстрадал — всё дальше и основательнее его, тогда как жизнь базельца и швейцарца <Буркхардта> протекала весьма уютно.

Весь мир устремляется к Якобу Буркхардту и восхищается им <за то>, что он предвидел эпоху технической цивилизации и ужасающих упростителей. Не замечают, что тем самым восхищаются как раз только техническим в его историческом мышлении, предварительным расчетом; что себя самих эти люди причисляют к ужасающим упростителям, которых все же стоит искать не только среди эсэсовских и партийных функционеров, но и — среди журналистов мировой прессы и ее литераторов.

9 *Молчание.* — Те, кто шумнее всего господствует в мировой прессе и заставляет ее поднимать крик, кто занимает все ключевые посты на радио во всех странах и беспрерывно передает свою болтовню, — обеспечивают себе благодаря своим людям одновременно необходимые книги и речи о молчании.

Господин Пиккар [sic] пишет о мире молчания[5].

Господин Эренберг[6] произносит речь о молчании.

Хоть бы все они немного помолчали!

---

5. [Max Picard: Die Welt des Schweigens. Eugen Rentsch Verlag: Erlenbach—Zürich, 1948.]
6. [Предположительно Хайдеггер имеет в виду теолога Ханса Эренберга (Hans Ehrenberg, 1883–1958). Он был одним из основателей Исповедующей церкви. Будучи евреем по происхождению, он эмигрировал в 1939 г. в Англию и вернулся в Германию в 1947 г. «Речь о молчании» обнаружить не удалось.]

Дополнение к технике имеется внутри нее: это литератор; в том числе тот самый, кто пишет о технике, и даже низший сорт, кто еще зарабатывает себе <на хлеб> газетными статьями «по поводу».

Изобретательство удушает чутье: <надо> идти по следу сущности.

Каждый находит только то, что ищет.

Находчивые люди не способны к поиску.

Изобретательство — эрзац исканий. Находчивость и техника.

Традиция. — Почему традицию, <состоящую в том,> что судьба свершает-освояет открытую ширь своего посыла, все еще закапывают и откапывают? Из-за бессудьбинного отсутствия памяти машины или из-за историографического надувательства (Mache) со стороны журналистов и литераторов? Или как результат обоих, в их скрытой взаимосвязи? 10

Несчастье ли, когда при этом тонет и покрывается мхом куча исторического хлама?

Счастье ли, что пространство еще неизведанного простого незримо оставляет за собой <какие-то возможности> (sich ausspart)?

Мы находимся в центре этого процесса. Возможно, уже достаточно было бы знать, где мы находимся.

Культура, как и задаваемое ею культурное сознание, также относится к историографии, т. е. к субъектности (Subjektität). Она, культура, основывается в сущности техники как самоорганизующей махинации безыстинности.

Современные системы тотальной диктатуры проистекают из иудео-христианского монотеизма.

11 Все еще мало тех, кто заметил, а тем более продумал, что между наукой, чей основной метод есть расщепление (расщепление атома), и разрушением целых крупных городов есть существенная взаимосвязь, причем *независимо от* всех политических позиций и мировоззрений.

Каким образом с помощью науки, чей метод — расщепление, которая обретает свой предмет лишь через расщепление, когда-либо можно будет узреть всю ее сущностную область?

Какое представление о сущности *мира* должен иметь тот, кто понимает науки как способ ориентации в мире и видит сущность наук в *принуждающем*? (По поводу этого принуждающего см.: Ницше, Веселая наука V, афоризм 348[7].)

Внутреннее (das Innerliche) это еще не глубинное (das Innige). Вероятно, нет пути к глубинному через внутреннее.

Психология моральности никогда не есть мышление ~~Бытия~~.

12 *Анаксимандр*. — Заметил ли кто-нибудь всю значимость моих разъяснений изречения[8] <Анаксимандра>? То, что в них одновременно кроется полемика с метафизикой ценностей Ницше и с его

---

7. [Friedrich Nietzsche: Die fröhliche Wissenschaft. Werke. Bd. V. Kröner Verlag: Stuttgart, 1921, S. 283 f.] — Ницше Ф. Веселая наука. Пятая книга / пер. К. А. Свасьяна // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 669–670. — *Прим. пер.*
8. [Heidegger: Der Spruch des Anaximander. In: Ders.: Holzwege. GA 5. A.a.O., S. 321–373.] — Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. С. 28–68. — *Прим. пер.*

попыткой истолковать также и это изречение «морально» и найти в нем подтверждение того, что метафизика с ранних пор умаляет «Dasein», т. е. сущее как таковое, на манер Шопенгауэра? Dasein как наказание — см.: «Так говорил Заратустра II. Об избавлении»[9].

Вера. — Если мы понимаем веру как одобрение ~~Бытия~~, как одобряющее согласие с … ~~Бытием~~ и если одобрение и согласие бытийствует из настраивания, в качестве которого сбывается-осваивается голос тиши самого ~~Бытия~~, тогда одобряющее единогласие есть сохранение обнаруженного ~~Бытия~~ (die zustimmende Einstimmung die Wahrnis des gewahrten ~~Seyns~~); тогда мышление есть начальная «вера». Но мышление есть мышление. Всякое обозначение его исходя из «веры», в том числе упомянутой выше, есть ложный подход. Вера как держание-за что-то … бытийствует уже в освоении того, за что она держится, «за» место-пребывание, т. е. Бытие.

Ландшафт. — *Ницше* нужен был Энгадин, эта середина между Финляндией и Италией; ему нужна была бухта Рапалло с мысом Портофино. 13

Рильке нужен был Египет, Дуино, Испания и, наконец, Валлис.

Все это есть еще нужда и необходимость метафизики, есть бунтарское желание продуктивного, есть еще <романтическая> гениальность и нацеленность на творчество — есть еще разрывание и отнимание

9. [Friedrich Nietzsche: Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Werke. Bd. VI. C. G. Naumann: Leipzig 1904, S. 203–209.] — Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Часть вторая / пер. Ю. М. Антоновского // Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 99–103. — *Прим. пер.*

(Zerren und Fortriß), <характерное для> субъектности (Subjektität) — есть, несмотря на всю ландшафтную природу: историография и историзм — желаемый, искомый; вот почему в этом образе <таится> самое коварное.

Всякая вера и всякое сомнение бытийствуют в памятовании. Мания сомнения и легковерие питаются из безыстинности Бытия, в которой затемняется просвет Dasein.

Памятование, мыслящее исходя из метафизики, еще вынуждено говорить о Бытии бытия сущего как о бытийствующем дифференции. Это похоже на пустое повторение, ведущее в бесконечность. Но ~~Бытие~~ — это не только граница, но *сохранение* его сущности (v)[10].

14 Сущностная взаимосвязь между техникой и литераторством. — Литератор подготавливает общественность для всего технического (махинационного). Литературное как скрытый идеал наук и их публичного влияния. Литератор в <своих> речах и писаниях далеко превосходит всех, кто в каком-то деле был открывателем, завоевателем и вопрошателем того, что достойно вопрошания. Он уверенно чувствует себя в обличии рассказчика. Он создает видимость нахождения, ловко комбинируя найденное. Профессора снедаемы тщеславным желанием стать литераторами.

Благодаря литераторству и журналистике писание и публикация сделались привычным занятием.

---

10. Так в оригинале. — *Прим. пер.*

Публичное осуждение колеблется между чрезмерно высокой оценкой и недооцениванием, за которым по пятам следует быстрое поглощение в пустом забывании.

Прохождение мимо — без ненависти и мести, но и 15
без услужливо создаваемой видимости благородной озабоченности — неизбежно пробуждает у общественности впечатление неверности, пренебрежения, неблагодарности, грубости, отвратительного, аморального. Кто хоть немного догадывается о том, что в прохождении мимо, — при котором отбрасывается все односторонне отчетливое, ‹как› и все грубое в умных и ни к чему не приводящих обсуждениях, — что в прохождении мимо сбивается ритм сердца, которое страдает, но не сострадает. Насколько туп, груб и жаден до удобств этот упор (Pochen) на моральные притязания. Но кто из знающих хотел бы считать, что он поэтому якобы «лучше».

Чем больше сжимается «мир», тем легче все становится доступным и явным; все становится близким, но без близи. Она остается окончательно забытой в этом сжатии.

Если коммунизму в *Китае* суждено прийти к власти, можно предположить, что лишь на этом пути Китай станет «свободным» в отношении техники. Что лежит в ‹основе› этого процесса?

Мучительно ‹видеть›, как писатели защищают 16
и восхваляют не науки, а мусическое и праздность (Musische und die Muße), но при этом в основу своего дела кладут деятельность наук, которых, однако, не упоминают.

Некоторые <люди>, поклоняясь философии, как трехлетний ребенок поклоняется луне, полагают, что это поклонение и есть мышление. (К <S.> 25 слл.)

Демоническое — не дьявольское; дьявольское не доросло до демонического. Дьявол есть только противник единого, т. е. мстительного Бога.

Лишь позднее мы узнаём, на что способны; до этого мы в лучшем случае знаем, чего хотим.

Тому, кто устроен грубо, примитивно и плоско, легко «быть», т. е. *таким* казаться в обычной <жизни>. Тот, кто *есть* исходя из многообразия Того же самого, никогда не может быть тем, кто он есть, в отдельные моменты обычной жизни. Он неизбежно будет казаться неискренним. И все же он честнее в отношении Бытия.

17 Доказал ли себя сведущим в вещах (der Sachkundige) тот, кто в мышлении высказал принцип «к самим вещам»[11]? Нет. Он может еще жестоко ошибаться в деле (Sache) мышления и при подобном просчете действовать наиболее жестко против своего собственного принципа, — будучи не в состоянии пожертвовать ни принципом, ни вещью (Sache). Дело мышления могло бы потребовать, чтобы этот принцип изменился по существу.

«То, что себя (что?) показывает исходя из себя самого» — это не только иная формулировка принципа описания, соразмерного вещам. В указан-

11. [Edmund Husserl: Logische Untersuchungen. Zweiter Teil — Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie des Erkenntnis. Max Niemeyer Verlag: Halle an der Saale, 1901, S. 7: «Мы хотим вернуться к „самим вещам“».]

ном обороте уже содержится поворот мышления в Ἀλήθεια как существенную черту самого бытия в смысле присутствия. Обо всем этом Гуссерль не только ничего не знает; он противится этому. Перечитайте «Послесловие»[12] 72-летнего ‹философа› к «Идеям» и поймете, что здесь утверждается то же, о чем говорится в статье в «Логосе» (1910)[13]. Несмотря на это, «Логические исследования» были толчком (Anstoß), а не осуществлением и не способностью осмыслить опыт Ἀλήθεια исходя из опыта забвения бытия.

С помощью голого принципа такого рода (К самим вещам!) еще не станешь сведущим в вещах. 18

Настоящий учитель не изрекает постулаты и правила. Он дает возможность учиться. Учеба нацелена на то, чтобы познавать, возвращать и предвосхищать то, что она прежде всего предполагала и скоро осознала.

Возможность учиться высвобождает приход вещи; вводит в странствие среди вещей.

В свое время, между 1890 и 1900 гг., Гуссерль благодаря своим «Логическим исследованиям» сделался учителем, пусть даже фундамент этих исследований и развивался еще всецело в традиционном поле учения о сознании. Рискнув здесь, в противовес всякому пустому и случайному аргументированию и историографическим утверждениям,

---

12. [Edmund Husserl: Nachwort zu meinen Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. In: Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 11. Band. Max Niemeyer Verlag: Halle an der Saale, 1930, S. 549–570.]
13. [Edmund Husserl: Philosophie als strenge Wissenschaft. In: Logos. Bd. 1 (1910/11), S. 289–341.] — Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. 1911. № 1. С. 1–56. — *Прим. пер.*

просто сделать шаг в ви́дение (Sehen), Гуссерль заслужил свое место в истории. Именно это его простые последователи и пропагандисты и не хотят видеть. Фальшивые восторги по поводу его позднейшей философии делают его посмешищем, поневоле объявляя его халтурщиком. А ‹ведь› всякий учащийся молчит о ‹своем› учителе.

19 Мыслящий разговор мыслителей возможен лишь таким образом, что они говорят друг с другом исходя из своего невыговоренного. Мысля, они предмыслят в этих рамках; историографически настроенный дилетант полагает, что это означает: «понять» другого «лучше, чем он сам себя понял», — как будто это «лучше» могло бы покоиться на чем-нибудь другом, чем на единственно хорошем, которое любой мыслитель уже обдумал, но где он лишь хранил свое невыговоренное, без рефлексии и оглядки ‹на других›, а потому подлинно. Указанное мнимое «лучшее понимание» развивается только в одновременном осмыслении Того же самого. Высокая способность — познавать в Том же самом единственное богатство и осмыслять То же самое. Но как мало тех, кто знаком с горными кряжами Того же самого с его без-донными расщелинами.

Кто способен вступить в разговор с *мышлением* Ницше? До сих пор они его только ложно толковали и стягивали в низины, в которые это Мышление само должно было затянуть его, несмотря на всё его презрение к презрению; ибо его мышление осталось привязанным к «воле».

20 Что касается «Письма о гуманизме», то, пожалуй, было ошибочным (das Verkehrte), что оно в виде рукописи оказалось втянутым в Париже в ‹сферу› публичности и там было искажено и заболтано

в беспомощном обсуждении, так что из-за этого мне пришлось отдать его в публичную печать[14]. Так оно создает видимость того, будто все связано с защитой некоей позиции, с поспешными усилиями быть окончательно понятым сегодняшним <поколением>, чтобы затем оказаться положенным под сукно, туда, где хранится лишь устаревшее, освобождая место для новейшего.

Тот, кто так домогается понимания, сам основательнейшим образом озаботился редкостным шансом встать как понятый в ряды погубленных современной общественностью. Но, возможно, не так уж бессмысленно при случае посодействовать этому.

Одно дело — стать понятным общему мнению; другое — прояснять <суть> дела, чтобы сделать ее еще более достойной вопрошания, а самому *вызвать подозрения*. Помочь этому могут, даже должны, беседы с глазу на глаз и критика.

21 Немецкий народ разрушен в политическом, военном, хозяйственном отношениях, а также что касается лучших народных сил, как в результате преступного безумия Гитлера, так и в результате наконец-то «осуществленной» воли к уничтожению со стороны заграницы. Не надо заблуждаться. Как ни глупо сейчас принимать в расчет историю только начиная с 1945 года и стенать по поводу угнетения и несправедливости, столь же глупо вместо этого начинать лишь с 1933 года. Возможно, так считать и воспринимать историю лишь исто-

14. [Martin Heidegger: Lettre sur l'humanisme. Trad. par Roger Munier. Éditions Montaigne: Paris, 1957. Поскольку «Письмо» было опубликовано в Париже с таким опозданием, замечание Хайдеггера может только означать, что Жан Бофре передал «Письмо» друзьям и знакомым.]

риографически вообще ошибочно, хотя весь европейский мир Нового времени, считая таким образом, поступает так в отношении немцев. Но немцы все еще не замечают, что́ происходит и что эти расчеты еще не означают конца счета. Все еще остается задача: духовно и исторически *уничтожить немцев*. Не надо заблуждаться. Древний дух мести шагает по Земле. История духа этой мести не будет написана, этому воспрепятствует сама месть; эта история не попадет даже в общественное сознание; публичность сама уже есть месть.

22 *Бытие и время*. — Как должен был неопытный автор начать на этом пути высказывать свое помысленное? Как иначе, нежели остаться загнанным в угол нуждой и при этом попытаться с помощью мелодий своего времени как-то сыграть именно это время и будущее этого времени, что настроено на совершенно иной тон? Ближайшим, ибо удобнейшим, является то, что этот тон не расслышат и никому даже не придет в голову, что он звучит.

Связано ли будущее человечества с конечным конфликтом Америки и России? По какому поводу он разыгрывается и в каких масштабах? Не будет ли это последним шагом <на пути> к конечному опустошению?

Что такое мировое государство без «мира» (Welt)? А что такое «это» человечество?

Не осмысливаем ли мы всё, несмотря на все масштабы, слишком убого и плоско? Насколько неосмысленными остаются здесь именно мир и человек?

23 Вещи мышления растут медленно, как дубы. Если удастся, они простоят и еще дольше. Всегда придут

немногие, которые терпеливо разберутся в этом. (См. <S.> 25 слл.)

Критерион[15]. — Будешь ли ты принадлежать к мертвым, которые постоянно и по-разному стоят на пути живых в их мышлении?

Что посредством текстов <добиваются> влияния; что об этом опять-таки фабрикуются тексты и так возникает литература, — это, конечно, есть воздействие. Но всё это не имеет никакого отношения ко входу помысленного в ~~Бытие~~.

Люди, пишущие много книг, только доказывают этим, что им нечего сказать.

Если кому-то необходимо что-то сказать, он никогда не сможет этого доказать; ибо в этом случае — он ничего не скажет.

Тот, кого обокрали, вправе предположить, что в его попытках все же кое-что имеется.

Одобрение еще скучнее, чем отвержение; ибо первое еще менее плодотворно, чем второе. И то и другое равно далеки от критики. 24

4 января 1786 г. Иоганн Георг Гаманн пишет Фридриху Генриху Якоби: «Нельзя вести спор со всяким дураком, желающим схлестнуться с нами по поводу полу- или четверть-истины»[16].

---

15. В оригинале Kriterion (по-гречески «место суда, суд»). — *Прим. пер.*
16. [Johann Georg Hamann's Briefwechsel mit Friedrich Heinrich Jacobi. Hrsg. von Friedrich Roth. In: Friedrich Heinrich Jacobi: Werke. Vierter Band. Dritte Abtheilung. Gerhard Fleischer: Leipzig, 1819, S. 152.]

И все-таки отвержение и одобрение, порицание и похвала со временем создают зеркальное отражение нас самих, к которому мы легко и слишком охотно возвращаемся, чтобы признать самих себя побежденными в этом. Здесь таится центр силы публичного. Эта сила создает нам иллюзию действительного.

Саморазрушением было бы, пожалуй, вне этой общественности, которая все забалтывает и как правило — в рамках своего понимания — фальсифицирует, лишает корней, высказать помысленное и бросить это сказывание; особенно после того, как предыдущие опыты моего мышления годами столь безмерно искажались.

Что делать? Молчать? Но это означает: кое-что говорить.

25 *Письма старому мыслителю*. См. <S.> 135 слл.

Всякий мыслитель стар; молодой мыслитель подобен слепому камню.

Как одиночество помогает только сильным, так и лишь старость приносит мыслителю эпоху его мышления.

Письма, которые ничего ему не скажут, но которые позволят ему многое предположить; ему, т. е. помысленному им.

Они могли бы придать мужества немногим, находящимся в пути, если бы он дал им их почитать. В таком случае он был бы вынужден там и сям довериться их силе, заключающейся в осмысленном чтении.

В своем помысленном встречать отсутствующего. Как во встрече отсутствует все предметное.

Возраст и место смертности.

Возраст? не что иное, как просто большое число лет.

Но: первый заход в скрытое предваряющее начало; первый, который остается первым и единственным, а потому и последним. 26

Человек мыслит себя в памятование (ins Gedenken)…

В предположении <, содержащемся> в письмах <,> признается нечто дальнее, близится в даль и в ней сохраняется (gewahrt):

Чистое внутреннее соответствие в событии, в результате чего сберегается загадка соответствующего, но познается как сбереженное.

Светлое блаженство этой тихой боли —

В письмах обсуждаются некоторые вопросы, которые, по всей видимости, остались и ведут начало еще из метафизики: каузальность, свобода.

Мыслит не рассудок, а человек, исходя из своей — ибо в своей — «сущности» (Wesen). Человек бытийствует (west) в Da-sein. (См. выше, <S.> 3 сл.)

Некоторую опасность для мышления постоянно и по-новому создает вот что: то, что оно помещает себя над собой и заботится о своих предпосылках, представляя их как наибольшую строгость мышления и как его принципы и правила. Возможно, поиск абсолютной самодостоверности — величайшее ослепление мышления научным знанием. Всякая очевидность мешает усмотрению истины. (См. <S.> 2.) 27

Мышление говорит только с мыслящими. Вот почему <их> мало. С каждым оно говорит по-разному.

Мышление уединяется в одиночество мира.

Мышлению не требуется воздействовать, если оно *есть* мышление.

Мы не вправе рассматривать ни то, что мышление освояет (как мнимое воздействие), ни то, в чем оно освояется (его мнимый исток).

Мыслитель всегда приходит к мышлению не благодаря какому-либо мыслителю, но только исходя из Бытия.

28 Является ли мышление познанием? Если познание устанавливает предметное-противостоящее и данное (das Gegen- und Zu-ständliche) для представления и эти установления как таковые используются в представлении, то мышление не есть познание.

Мышление есть мышление, оно само и так принадлежит Тому же самому (das Selbe) различия, господствующего в языке.

Мышление есть слушание (Hören); оно слушает тишь мира. В слушании господствует широчайшее принадлежание (Gehören) и чистейшее сохранение удержания мира (das reinste Behalten des Vorhaltes der Welt).

Являешься ли ты слушающим и только им?

Или упорствуешь в том, чтобы извлекать звуки на своей лире?

Тот, кто мыслит сущностно и *есть* в мышлении, не стремится ничего сообщать публике; ибо он познает на каждом шагу своего мышления, что оно, освобождая мир, принадлежит ~~Бытию~~, каковое принадлежание настроено (gestimmt) исходя из тиши

события и в ней остается и к ней предопределено (zu ihr bestimmt). Событие различия содержит в себе празднество тиши. На его языке говорит мир. От этого языка зависит, как он властвует в человеческом говорении.

Мышление не способно ни на что, помимо слушающего говорения сказывания различия.

Высокая *критика* есть настоящая справедливость; 29
она открывает просторы между начальными <опытами>, создавая тем самым наиболее дальнюю дистанцию как поручительство подлинной близи.

Когда имеется критика мышления?

А не просто обозначение границы для способности разума?

Для сущностного мышления существуют не современники, а только потомки.

Пашня и дуб.

Мышление ничего не открывает и не дает никаких результатов и методов. Оно познает только свое помысленное как бытийствующее ~~Бытия~~. Это постижение — вступление мышления (Dies Erfahren ist die Einfahrt) в мирствование мира.

Должны явиться мыслящие, которым хватит мужества упразднить ради мышления философию, а также пользующуюся признанием заурядную структуру (Gebilde), которая утверждается под этим 30
названием.

Кое-чему в мышлении можно научить и научиться. Тот, кто все это знает, все же менее всего уверен в том, что он когда-либо будет способен достичь чего-нибудь в мышлении; в этом он на-

столько не уверен, что даже полагает, будто овладение ремеслом есть уже само мышление. Вот почему труд по овладению навыками ремесла является иллюзией. Он ни к чему не приводит. Тем, кто выучился, он даже не придает мужества утверждать себя перед болтовней поверхностных <людей>. Но, возможно, это в порядке <вещей>: заурядное и неправильное — это почва и удобрение для непривычного, которое вместе с тем относится и к неприметному. Но заурядное всегда позволяет создать видимость авторитетного благодаря себе подобным.

Пресловутый упадок устного и письменного слова устраняется только тем, что его не замечают; не благодаря дальнейшим разговорам или формальной заботе о языке. Говорение и высказывание нуждается в первую очередь в том, что должно быть высказано, т. е. в помысленном. См. <S.> 32.

31 Каждый мыслитель, возможно, ведет свою родословную от давно ушедшего рода, который некогда расцветал в тени Бытия.

На иное и в сущности более богатое способны мыслители в отношении Бывшего Мышления (истории) как всякого историографического изложения истории. Даже если они специально не имеют в виду традицию, все же в результате их собственного мышления, просто потому, что оно *есть*, закладывается в Бывшее новое семя для новых восходов-всходов. При этом может оставаться даже незримым то, что и как перепахивалась пашня Бывшего и посеяно зерно; ибо это не произошло, или <произошло> только для видимости, через непосредственное историческое воспоминание и раз-

бор. Поэтому решающими являются не интерпретации текстов ранних мыслителей, но помысленное, откуда говорит интерпретация. Здесь господствуют отношения, которые никогда не могут осмысляться с помощью представления о взаимосвязях воздействия.

Но там, где вследствие техники историографическое всезнайство охватывает всесильное конкретное (allgewaltig Jegliches), мышление, постигающее это исторически, зачастую с наибольшим трудом избегает мнимого содействия историографии. Отказаться от подлинного разговора с мыслителями прошлого необходимо именно *потому, что* в разговоре с ними историографию можно было бы научить разнообразным новшествам, и потому, что желание обрести покой в таком разговоре могло быть воспринято как прибежище от настаивания на том оставленном, которое, однако, не упорствует в мнении, будто оно поэтому и является теперь наипервейшим началом. 32

Всеобщее безмыслие и способность все предоставлять в спешке и быстро, т. е. универсальное опошление, уже препятствует возникновению хотя бы только <смутной> идеи о том, что такое помысленное. Последнее приводит к экономному обращению со словом и побуждает уделять внимание редкостям (das Seltene) в том или ином высказывании. (См. <S.> 30 внизу.)

Книги о «молчании» — это болтовня о болтовне.

Мируя (weltlich) мыслить в ἕν единственность Единого как сущностную полноту события, а не пустоту наиболее всеобщего синтеза, не Первое высшей причины, не «систему». 33

Еще более таинственным, чем пути мышления, которые мышление видит время от времени и местами, является способ, каким помысленное протекает в Бытии и, Бытийствуя, становится подобным исторической местности истины Бытия, в коей местности человек выстраивает себе свою сущность, как у себя дома. Это протекание состоит не в воздействиях мышления, ведь их невозможно усмотреть в успехах той или иной философии.

Немногие еще догадываются о мирствующе-просветляющей первозданной силе языка; о том, что она становится собственностью исходя из события. Невыразимая близь сущности языка. Сказывание мышления подготавливает ее. Основательность, изначальный расцвет языка покоится не на новых словах и словосочетаниях, но на сплотках помысленного, которые заявляют о себе лишь в сказанном.

34 Мышление — не для публики;
не для образованных среди ее рабов,
не для личности человека,
не для культуры,
не для наук,
не для философии,
не для мыслящих;
мышление исчезает в *своем* помысленном.

Последнее *есть* ради ~~Бытия~~.

Когда мы исследуем философию историографически, в качестве путеводной нити вполне может хватить некоего представления о философии. Нет необходимости мыслить нам самим.

Бывшее мышление развивается только в помысленном, когда мы мыслим, не представляя его исто-

риографически, без исторической полемики с ним. Даже такая полемика, в качестве интерпретации, еще не гарантирует, что мы мыслим.

Судьбинное отношение к истории мышления «имеет» только мыслитель, ибо он лишь один *есть* это отношение. Он не нуждается для этого в историографии и в историческом изложении.

Даже если он никогда не заботится об историографии и изложении, он *есть* это отношение, в том случае, если он мыслит. Так лишь он пробуждает бывшее в его развитие. Принимается ли это историографически к сведению или нет, не существенно. 35

Мыслитель преобразует помысленное. Историограф философии изменяет <лишь> историю философии.

Историограф искусства изменяет историю искусства. Но только художник преобразует искусство.

Мыслящий, который историографически только излагает историю философии и проявляет себя лишь в подобном изложении, напоминает художника, который выступал бы только в роли историографа искусства.

Но глубочайшее и наиболее блестящее изложение истории искусства остается всегда только репродуктивным в области представления. Оно никогда сущностно не достигает возможности соответствовать искусству в художественном отношении. В том числе и тогда, когда литературное в историографическом изложении содержит в себе нечто художественное. Последнее соответствует тогда лишь нехудожественному в обывательском историографическом отчете.

Сказывание мышления находится в отчаянном положении, так что оно, став сообщенным и извест- 36

ным, только выглядит как книга и потому также не принимается ни за что другое, кроме как за книгу. Как будто задача мышления — фабрикация книги. Что в помысленном является освоенным, для кого оно становится своим и как?

Прежде всего и еще надолго мыслящий и его мышление есть только предмет пересудов и литературы; затем он исчезает из <поля зрения> публики, пока кто-нибудь не вспомнит о чем-то важном, связанном с ним. Однажды его помысленное возрождается как состояние чьего-то мышления, полагающего, что оно есть исключительно исходя из собственного, каковое оно и есть. Мышление тогда находится на пути домой в ~~Бытие~~; оно приходит из своего Бывшего (aus seinem Ge-Wesen).

Более существенным является то, что в мышлении нам свойственно отсутствие божества (бережливость), чем то, что оно <мышление> отсутствует у собственного в событии (am Eignen des Ereignisses).

Мышление есть хождение в нехоженно-неизбежное; бесполезно, зато избыточно.

37 Мыслящий, как кажется, никогда не мыслит просто; при условии, что мыслить просто означает представлять нечто как то, что оно есть; ибо мыслящий мыслит бытие, которое «есть». Или же это помысленное остается сохраненным как подлинное бывшее (Ge-wesende), а потому простое? Оно выглядит как подвергнутое рефлексии для этого и об этом и дополненное, а значит, *не* простое, лишь с точки зрения представленного. Только мыслящий мыслит просто. Но мы еще не возвратились в простое, которое не совпадает с произвольно

принятым непосредственным. Простое есть бывшее Того же самого. Путь к нему есть возвращение. Но возвращаться назад может только то, что уже было в Бывшем.

Сущностных мыслителей, через которых Бытию подготавливалась истина или — уклонялась <от него>, можно пересчитать по пальцам одной руки. Кто хотел бы быть мыслящим так, чтобы иметь право узнать, чтó есть мышление — и его помысленное? Тем самым, как кажется, лишь бездумные необдуманно говорили и говорят о мышлении. Вместе с этими пересудами историография сдается философии.

Уступчивость — на это способны немногие мыс- 38
лящие в разговоре с мыслителями. Это означает: идти им навстречу, чтобы двигаться вместе с ними, т. е. выходя далеко за пределы нашего, и допускать, что то, что при этом отбирается, выглядит так, будто замыслено упомянутыми мыслителями. Эта уступчивость, однако, имеет для расчетов тот недостаток, что теперь мыслителям слишком много позволяется, а от них — много требуется. Но дело заключается не в распределении заслуг, а в *у*-казании на то, чтó следует осмыслить как таковое, т. е. во входе в ~~Бытие~~. Возможно, на такую уступчивость и царящее в ней великодушие способен только гений — *гений*, который, однако, забыл бы о себе как таковом ради генезиса ~~Бытия~~ в событии.

Если бы из моих рассуждений об истории мышления (в ходе 30-летней преподавательской деятельности) не научились ничему другому, кроме как уважению к тому, что происходило в истории мышления, этого было бы достаточно. При этом

можно было бы обратить внимание на то, что это уважение покоится на принадлежности к сущности бытия и — только на этом. Но кто зайдет так далеко на встречном пути?

39 *Мышление*. Сказывание мира ради единственного достоинства Бытия. Великолепие события, достойное осмысления памятование.

Всякое мышление, на чью долю выпало помысленное, есть путь. Но путь есть движение и тропа одновременно; он есть осуществление тропы. Тропа есть обиталище на просторе. Движение есть выстраивание обитания; строительство дома (Т[17]) ~~Бытия~~.

Мышление есть прицеливание: прицеливание в бесцельное. Здесь требуется предельная внимательность, чтобы не промахнуться и не сбиться с пути. Прицеливание: zilen, telen[18] означает: возделывать поле — зачинать, рождать; производить; приводить к данному состоянию; поэтому τέλος[19] определяется через πέρας[20]. Мышление нацелено на не-помысленное.

Осмысление, мышление; поэтическое творчество; благодарение; думание.

Осмысляй мир. ←
Твори вещь в стихах.
Благодари за совет.
Думай об игре. ←

17. [Вероятно, означает темпоральность.]
18. zilen (*древневерхненемецкий*), telen (*поздний средненижненемецкий*). — *Прим. пер.*
19. Цель, конец, окончание, результат, решение (*греч.*). — *Прим. пер.*
20. Конец, край (*греч.*). — *Прим. пер.*

Осмыслять То же самое означает в применении 40
к мыслителям и их отношениям между собой: отдариваться в ответ на дар помысленного.

Настает время, когда мышление настолько погрузится в свое собственное, что ему уже будет неведом вопрос «почему?». Этот вопрос относится к представлению, которое рассчитывает на сущее и равняется на него, поскольку оно, не ведая того, не принадлежит к Бытию.

Памятующее (см. <S.> 46) мышление *не* есть ὑπόθεσις, предполагание; так что «мышление» появляется исходя из ἰδέα и остается в этом определении вплоть до Ницше. Разум значим как предваряющее-восприятие, всегда <рассматриваемое> исходя из сущего в направлении ἀρχή как αἴτιον всегда на основе τέχνη. По поводу памятования см. особенно «Четыре тетради», <S.> 54.

Памятование (An-denken) есть сказывание событийного при-бытия (An-Kunft) — есть сказывание мира; есть выстраивание оберегания — есть шаг-назад в отсвоение раз-личия. Всякое представляющее-производящее мышление мыслит в направлении ὕλη[21], поскольку <исходит> из ἰδέα.

Является ли упреком, когда, прослеживая путь аль- 41
пиниста, устанавливают, что он постоянно доходит до какого-то другого места? Нет. Но это упрек наблюдателям, если они полагают, что тропа альпиниста (*и* падающего) якобы не *то же самое*; если они, наблюдатели, полагают, будто они как зрители, у которых все же имеются сообщения об альпи-

21. Материя (*греч.*). — *Прим. пер.*

нисте и даже его собственные высказывания, знали все гораздо лучше и основательнее. Но эти знающие ничего не знают о знании, которое имеет вид блуждания и во всяком блуждании все-таки остается на пути, на том, который оно *ищет*. И то, что ищущий мог быть начинающим (An-gefangener), захваченным (be-fangen) в то, что его использовало.

—

Могли бы вы увидеть звук? Могли бы вы услышать цвет? Столь же мало вы могли бы представить или вычислить тишь мира. Тишь утишает событие в мир — и есть его средостение.

Мышление — это оберегание тиши.

42 Ступени вопроса об истине, увиденные исходя из привычного представления:

1. Истина как характер высказывания. Правильность.
2. Истина как характер сущего. Несокрытость.
3. Истина как определение бытия сущего. (Смысл бытия.)
4. Несокрытость бытия: откуда и куда и в чем? (<S.> 46.)
5. Несокрытость, бытийствующая как бытие; бытие есть Откуда — Куда и В-чем сущности раскрывающего-сокрытия.
6. Это бытийствующее истины бытия есть само бытие как бытийствующее сохранение (die wesende Wahrnis).
7. Само бытие как ~~Бытие~~ бытийствует как сохранение в событии различия.

Но от <пункта> 1 к <пункту> 7 нет постоянного возвращения. С <пункта> 3 происходят существенные повороты, и лишь начиная от <пункта> 7 все приходит к <пункту> (1) в другие отношения.

Метафизика: с ней логика, т. е. философия, до сих пор не переходит за пределы <пунктов> 1 и 2; даже не знает собственно, кроме отзвука в рань, несокрытость. Замешательство из-за трансценденции. <S.> 116.

Событие

Кант употребляет это слово в женском роде[22].

Событие<-феминитив> (*Die Ereignis*).

См. «Критика чистого разума[23], A 450, B 478.

В связи с *каузальностью*! и свободой[24].

Красота есть истина, принявшаяся за дело (das Sich-ins-Werk-Setzen der Wahrheit) — истина здесь <понимается> как сохранение Бытия. 43

Но приняться-за-дело есть искусство.

Искусство и красота это то же самое.

Красота, осмысляемая исходя из Бытия, а искусство? исходя из Da-sein как сущности человека, которая, однако, выпущена в τέχνη.

Но бытийствующее, единое, есть «произведение».

«Произведение» как ἔργον исходя из ποίησις — φύσις — Ἀλήθεια.

«Произведение» как вещь, осмысляемая исходя из события и мира.

Посредством эстетики как метафизики все изменяется.

---

22. Слово «событие» (das Ereignis) в немецком языке среднего рода. Феминитив образуется с помощью артикля die (die Ereignis). — *Прим. пер.*
23. [Immanuel Kant: Kritik der reinen Vernunft. Nach der ersten und zweiten Original-Ausgabe neu herausgegeben von Raymund Schmidt. Felix Meiner Verlag: Leipzig 1926.]
24. [Краткая запись сделана на листке, вложенном в этом месте.]

ἔργον как ὄν; присутствующее: в платоновском смысле в своем виде выставляющее себя, являющееся — εἶδος; σχῆμα.

ζῷον; ζωή — *то, что, сплачиваясь, возникает из себя самого.*

Красоту следует мыслить вместе с истиной событийно по-мирски и как медиум и стихию ~~Бытия~~; но сами «медиум» и «стихия» — исходя из раз-личия забвения.

44 εἶδος как ἰδέα двусмыслен: бытийствуя из οὐσία как присутствия — восход и выход (Auf- и Hervorgang): несокрытость; бытийствуя одновременно как μορφή — относясь к ποίησις, которое все же также через φύσις соотносится с ἀλήθεια. Но когда τὸ καλόν принадлежит к ὄν qua ἰδέα, то имеется в виду не столько μορφή и «форма» как медиум несокрытости, которая, раскрывая, пронизывает всякое из-ведение (про-изведение и порождение).

Истина есть сохранение-истинностность (Wahrnis) мира.

Сохранение-истинствование (Wahren) освобождает — бережет; за ним следует только охранение; следовать: оставаться в колее указания.

Освоение сохранения покоится в обиталище. (См.: «Четыре тетради».) *Обиталище* (Hort) и *пастырь* (Hirt), но не пастырь и — стадо (Herde).

Охранение есть то, что только сохраняет единственность Единого в сущности его единствования, одиночество ~~Бытия~~ в мирующую сущность этого одиночества, приводя к языку простор и в нем сбережение (Sparnis): к языку, т. е. в разговор первовести (Urkunde) мира. Обиталище четверения; его соответствие.

Коль скоро красота как μέτρον движется (wandelt) 45
в ὄν с ὄν через ἰδέα и ἐνέργεια (εἶδος как μορφή), красота как то, что нравится, смыкается (zusammenrücken) с искусством как человечески-творческим созиданием, а имя для этого тождества — эстетическое.

Εἶναι становится представленностью: предметность чувства есть то-что-нравится (das Ge-fallige). Но противолежащее (das Gegenständige) есть одновременно изготовленное представления и изображения-изложения и тем самым попадает под власть искусства.

В какой мере искусство естественно для человека?

Ἀλήθεια. — Несокрытость; когда она указывается как бытийствующая местность (die Gegend) всего присутствия, то для нее сразу же ищут субстрат и вопрошают: несокрыто «для» кого?, как будто бы простор просвета должен бы уже быть размещен (untergebracht). Ищущий кажется себе чрезвычайно глубокомысленным и считает себя вопрошающим и исследующим, тогда как в игру прежде всего включают только уже господствующий технический способ представления, требующий материала и почвы, в которую каждое (jegliches) погрузили и обработа- 46
ли. Никак не удается (man findet nicht dahin) отойти от сущности самой Ἀλήθεια в Λήθη как таковую и в Ἀ- <не->. — Но эта неудача (Nichtfinden) не случайна. Она не является и недостатком; это знак господства ἰδέα — εἶδος — ὕλη. Нет пути в сущность Ἀλήθεια, если <только> она сама уже не изменила тропу и шаг (Pfad und Gang) и не повела мышление; тогда оно постигает освоение Da и Da-sein; простор как мир.

В какой мере и как поручается за себя сама несокрытость.

Поручительство мы не должны искать в образе достоверности, в которой распространяется самодостоверность «я мыслю».

Сущность мышления нельзя определить ни исходя из рассудка, ни исходя из разума — и вообще не из какого-либо поведения или способности.

Памятование <мышление о>; об ἀνά: дойти до события, дойти до того, что приходит к нашему существу. <S.> 65.

47 *Страх*. — Экзистенцфилософия силится пробудить коммуникацию (Communikation). Она возникает из страха за саму себя. Так было уже во времена Сократа. Не случайно его так высоко ценил Кьеркегор. Но страх как основной настрой в мышлении бытия — это не страх за самость и за «я», но настраиваемая из самого Бытия освояющаяся сущность истины бытия.

Это мышление крайне далеко от всякого сократизма. Помысленный в нем страх затрагивает не эгоистическую боязнь за собственную персону. — Почему демократия пользуется такой любовью в политическом христианстве? Потому что демократическое защищает пошлое (das Flache) и поощряет <его> и потому что христианство со своей пошлостью (Flachheit) внутри демократического опошления (Verflachung) лучше всего может побеждать и закрепощать как нечто более высокое в духовном отношении. Многие и поспешные обращения от одной пошлости в другую. И эти господа еще говорят и пишут против непонятой философии страха. Все это именуется духовно-историческим.

48 Сейчас под всяческими предлогами, лишь отчасти весьма оправданными, хотят воспитать немцев

<в духе> демократии. Подразумеваемая цель такова: достичь тотального опошления, чтобы лишить немцев воздуха и почвы, в которой еще могло бы развиваться выросшее (Gewachsenes). То, что выглядит, разумеется, как необходимый корректив, является уничтожающим квиетивом его темного и колеблющегося существа. Подобные воспитательные мероприятия в эпоху технической организации Тотального господства публичности имеют совершенно иной смысл и иной размах, чем во времена Гёте.

Но этот самый смысл включен сейчас в машинерию демократизации на международных конференциях в качестве инструмента для демократического воспитания. В последние годы часто и ожесточенно спорили о том, что около 1933 г. преступную сущность Гитлера многие «интеллектуалы» распознали не сразу. Трудно понять, не сталкивались ли те, кто причисляет себя к провидцам, с чем-то совершенно иным, что шло вразрез только с их тщеславием и жаждой господства. Столь же трудно выяснить, не видели ли те, кто был *за* Гитлера, как раз нечто иное и более дальнее и более важное, а не оставались в плену того, что было на поверхности. Возможно, некоторые из *этих* <последних> были в подлинном смысле уже тогда и раньше, чем пришедшие позже, — *против* Гитлера. Однако подобные рассуждения воспринимаются не как ошибочные, но лишь как указание на то, что сейчас интеллектуалы подавно и в целом капитулируют перед демократией и политическим христианством и слишком усердно стремятся только *к тому* и поощряют то, что *люди* (man) хотят <сделать> с ними. — Налицо форменная беготня по международным конгрессам. Но господство общественного мнения настолько диктаторское, что всякое

49

рассуждение подобного рода просто объявляется «нацистским» и тем самым лишается влияния (unwirksam).

Подлинное взаимопонимание народов, которое должно стать целью, нуждается в мышлении как базисе, — в мышлении, способном увидеть и оберегать судьбу *сущности* человека в Бытии.

50 Демократия есть анархия; ибо у нее отсутствует ἀρχή в бытии господства начального, которое отворяет доступную ширь и вводит в нее.

Самое несерьезное подозрение нацелено на то, чтобы отвагу гордости принизить до высокомерия.

Кто умеет почитать щедрость гордого и его силу?

В эпоху воли к воле обнаруживают рефлексию как таковую и организуют ее как стихию всего бытия: предметность вещей и данность человека определяются ею. На ней основана виртуозность во всех формах любого способа созидания и представления; умение выступать перед публикой и писать для нее есть общее достояние масс.

Между рефлексией воли к воле и духом мести имеется существенная связь. Дух *как* месть?

51 Уинстон Черчилль не только в течение нескольких месяцев в ряде публичных высказываний одобрительно отзывался о Сталине, но годами вместе с ним весьма эффективно осуществлял реальные вещи. Сегодня он самый ревностный проповедник объединенной Европы. Кому придет в голову ежедневно вменять этому человеку предшествующие действия как политическую ошибку и даже выво-

дить из этого еще и некую «вину», за которую следует наказать. При этом нужно все же признать, что Уинстон Черчилль в рамках своей карьеры был опытным политиком и не мог основывать свои суждения и действия на голой пропаганде и каких-то сведениях.

Не хотелось бы сравнивать себя с Уинстоном Черчиллем. Но я также не вымаливаю снисхождения за мою деятельность в период десятимесячного пребывания на посту ректора в 1933/34 г. Поскольку сегодня еще раздаются полные лжи и оскорблений крики, призывающие к мести, я только предлагаю задуматься над тем, не является ли политическая деятельность предлогом, чтобы умалить мое значение как мыслителя в кругах общественности? Это старинный и многократно проверенный выход 52
для посредственности, жаждущей мщения. Ее комплот будет шириться и усиливаться. Границы станут отчетливее. Кое-кто из немногих должен знать, на какой он стороне.

Гуссерль. — С тех пор как с 1930/31 г. Гуссерль в докладах[25], скорее напоминавших воззвания (Берлин и Франкфурт), публично выступил *против* меня, отвергая мою работу как нефилософию (см. послесловие к его «Идеям» (1930/31)), наши пути разошлись. Я никогда ничего не предпринимал против Гуссерля. Это ложь, будто я изгнал его из университета и запретил пользоваться библиотекой. С 1928 г. Гуссерль по собственному желанию вышел в отставку и с тех пор не читал лекции и не проводил се-

25. [Edmund Husserl: Phänomenologie und Anthropologie. In: Aufsätze und Vorträge (1922–1937). Hua <Husserliana> XXVII. Hrsg. von Thomas Nenon und Hans Rainer Sepp. Kluwer Academie Publischers: Dordrecht et al. 1989, S. 164–181.]

минары; он никогда не пользовался университетской библиотекой, если не считать отдельные случаи в 1920 г. и позднее. Что там было изгонять? Его работы никогда не удалялись из семинарской библиотеки, как это было предписано в отношении <работ> еврейских авторов; так же как никогда не приобреталась какая-либо национал-социалистическая книга, например Розенберга[26] и ему подобных, или — как было предписано, а также исполнялось в остальных семинарах, — не вывешивался «Портрет фюрера». Говорю об этом не в <свою> защиту, а в качестве констатации, к чему также можно добавить, что между 1933 и <19>44 гг. я точно так же, как и раньше, с той же объективностью указывал на значение феноменологии Гуссерля и на необходимость изучения «Логических исследований». Ни в лекциях, ни на семинарских занятиях не прозвучало ни слова критики, что было бы возможным и оправданным и не было бы преступлением.

53

Я разошелся с Гуссерлем; это было болезненной необходимостью. Любую другую мою позицию истолковали бы как вежливый жест. Но тому, кто твердит о гнусном предательстве, неведомо, что его устами говорит месть, как неизвестно и о том, что происходило прежде: что мой собственный путь мышления трактовался как измена, что прибегали к пропаганде, когда иначе невозможно было воспрепятствовать мне на моем пути. Сейчас осуществляется глубокая фальсификация истории.

54

И все же мне кажется, что мои опыты после «Бытия и времени» являются достойнейшим подтверждением того, чем я обязан Гуссерлю, — чему я у него научился, свидетельствуя в пользу его

---

26. [Alfred Rosenberg: Der Mythos des XX. Jahrhunderts. Hoheneichen-Verlag: München, 1930.]

пути тем, что я *не* остался его последователем, каким я никогда и не был. Но как раз это противоречило заведенным нормам (Hausordnung), задолго до того, как зашла речь о национал-социализме и преследовании евреев. Поскольку еще в 1948 г. поношения и оскорбления в полном разгаре <и> никто не удосуживается вынести объективное суждение на основании знания материала или даже углубиться в мои работы, чтобы привести в качестве свидетельств моего мышления обычно часто используемые лекции, замечу еще раз, что всё это <я указываю> не для публики, не для защиты, но лишь как констатацию. См. *Учитель*.

По поводу терминологии. — В годы работы над «Бытием и временем» я пользовался названием «онтология» при осмыслении *сущности* бытия сущего; не в качестве определения сущего в его бытии; это определение дается в онтологии метафизики, которая, осмысляемая на основе понятия «онтология», всюду является *онтикой*; онтика ὄν ᾗ ὄν[27]; причем первое слово ὄν — имя существительное, а второе — глагол. В онтологии, напротив: ὄν (глагол) εἶναι ᾗ εἶναι!!

Не-обходимый *Ницше*. Мышление пребывает 55
в опасности из-за маскировки, замалчивания, дешевых опровержений и — из-за плоского восхищения и подражания, чтобы обойти это не-обходимое.

Я искренне признаю значение Якоба Буркхардта; но — его историческое мышление ни в каком отношении не доросло до сегодняшней катастрофы, и напротив, Ницше мыслил гораздо дальше за ее

27. Сущего как сущего (*греч.*). — *Прим. пер.*

пределы; если сказать яснее, в мысли выстрадал за ее пределы; далеко за пределы и все же не в даль сущностной близи, в которой принимаются первые решения. <S.> 141.

Анализов ситуации и диагнозов у нас предостаточно. Речи об эпохе цивилизации превращаются в болтовню. А где же исцеление (Therapie)?

Но как мы собираемся лечить, не зная, что такое целительное (das Heile) и где спасение (das Heil)? Без такого знания даже этот диагноз осуждается как вводящий в заблуждение.

Но как нам узнать о целительном, если мы даже не спрашиваем о нем? Как мы можем спрашивать, если вопрошание под запретом, а мышление отвергается? <S.> 123.

56 Когда-нибудь Америка должна будет задуматься, связываться ли ей всерьез с мышлением, которое осуществил Ницше, и принять ли это мышление как серьезность судьбы Бытия.

Без Бытийно-исторического западно-европейского нужно выстоять в мировой ночи до утра, независимо от того, как будет организовано хранение и использование атомной энергии.

Сущностный опыт забвения бытия пришел рано и внезапно. Путь развития постигнутого долог и запутан. Надо было установить познанную *достойность* вопрошания бытия, т. е. дать ей просто проявиться. После этого опыта <постижения> я знал Всё, что мне надо было знать на моем пути, — и все же ничего не знал. Нужно было и нужно будет в будущем сначала достичь того, что следует осмыслить. Из пришедшей в голову мысли другие делают книгу; здесь же надо было использовать

(verwenden) всё для пути, тропы, движения — и растратить (verschwenden); в результате хождение переходит в движение.

Записанные разговоры — это уже затрепанная форма 57
высказывания. Каждый третий записывает разговор о чем бы то ни было. Там, где это говорение сделалось настолько привычным, становится трудно высказать хорошо продуманный разговор. Столь трудно, что лишь немногие из-за распространенной привычки еще способны различать, что здесь хорошо, а что плохо, и в какой мере. К тому, что хорошо, пожалуй, может относиться то, что сказанное — хорошо продумано. Ибо хорошо продуманное есть уже хорошо сказанное.

Учитель; писатель; крестьянин. (<S.> 63.)

Учитель — тот, кто дает возможность
учиться: мышлению
учиться: набираться опыта.
идти: движение и тропа.
Движение в близь; учиться: познавать опасность.

Писатель — тот, кто вносит помысленное в запись (Inschrift) языка.

Крестьянин: тот, кто обитает в подлежащем-осмыслению.

Он подготавливает подходящую почву; наделяет ее отборными семенами.

Писатель упорядочивает сказывание, создавая за- 58
пись. Настоящий писатель пишет только один текст; остальное и немногое может служить только этому одному. Писатель в этом смысле — не ав-

тор; последний делает себе имя посредством обширной авторской ‹деятельности› (Verfasserschaft). Поскольку его порода живет за счет такой деятельности (не только в экономическом отношении, но и по сути), он живет благодаря страсти писать как можно больше. Авторы — это такой тип писателей, которые пишут слишком много. Они — писатели, не являющиеся таковыми.

Подлинным результатом самостоятельно написанного текста всегда является то, что человек не понял сам себя. Кто же отважится сделать себя понятным для других? Итак? — *писать*, ведь это являет на свет еще-не-понятое; но не публиковать.

Филолог (обычного типа) понимает в языке столько, сколько инженер-электрик в природе. Профессор исповедует свое тщеславие.

59 *Техника*. — Самое действительное в сегодняшней действительности это утопии, ‹связанные с› техникой. Техника стоит на первом месте. Действительной в своей сущности она является тогда, когда больше не видны и не слышны аппараты, — а это бывает в том случае, если производство *энергии* (Kraft) удалось в предельно возможной форме, а аппаратура еще питается энергией. Сегодня пишут о технике; подрастающее поколение непосредственно врастает в нее. Старшие видят только стоящее на первом плане. Техника есть вид истины сущего, а потому не схватывается ни анализом культуры, ни какой-либо особой рефлексией, не говоря уже о сущностном преодолении. Мы еще не готовы к осмыслению сущности энергии. Нам не удастся применить некое умозрение исходя из техники.

Послушный, т. е. бедный, обделенный волением в воле к волению.

Бедный: равнодушный к постижению мира.

Помысленное — то, что мышление позволяет мысленно перенестись назад в непомысленное. 60

Можно ли вымысливать о мышлении в мышление? Дословное выражение этого вопроса уже делает его сомнительным. Но если мышление по сути есть рефлексия, то оно не может и не должно ускользнуть <от себя>. Но *есть* ли мышление по сути рефлексия? Это относится к представляющему мышлению, которое соотносит свое помысленное с собой. А как обстоит дело с памятованием? Оно направлено на ~~Бытие~~ и восходит в нем и в таком движении подобно дереву, которое, развиваясь к свету, посылает свои корни в землю, но так, что дерево отпускается в нее. Основательное помысленное должно соответствующим образом вырастать из мышления.

Чем осмысленнее помысленное, тем оно уже сказаннее (um so gesagter). Мышление не нуждается в искусстве художественного слова (Sprachkunst). <S.> 3, 91, 112.

Личный Бог — это Бог для личностей; слегка абсолютный, весьма относительный Бог. А если личность вовсе не составляет сущности человека? Чего только нет в личностях? Чего вы требуете, с вашим беспомощным бегством к «ты», которое так жестоко выдает вашу яйность? Личности маловато для Бога. 61

Мышление никогда не говорит, <обращаясь> к Богу, но оно сказывает божественность богов.

Мы мыслим ~~Бытие~~ лишь в том случае, если ~~Бытие~~ одарило нас своим сохранением (Wahrnis).

Одиночество мыслящего есть мир (Welt).

Опытный <человек> легко отличает мастера художественного слова (Sprachartist) от способного сказать. Последний высказывает помысленное. Ему хватает одной фразы, из которой первому достанет содержания для множества книг.

Романы, в том числе лучшие, <написанные на> всех мировых языках, ныне опираются на привычное кино- психотехническое представление о мире.

62 Мыслители, уже включающие принцип, в соответствии с которым они мыслят, в свое помысленное, никогда не бывают изначальными мыслителями. Кроме того, они находятся в плену иллюзий; ибо этот принцип, согласно которому они осуществляют указанное включение, не поддается их мышлению; но он дарит мышлению гарантию, что оно имеет корни, не будучи укореняющим мышлением.

Пускание корней говорит об основательности (Gediegenheit).

Представляющее мышление слишком обстоятельно заботится о всходах посева, который оно никогда не смогло произвести.

Prinzipium — это, если продумать сущностнее, ἀρχή.

Исток, главенствующий — [в событии].

Но ἀρχή для ἐόν[28] —

---

28. Эпическая форма причастия ὤν «сущее». — *Прим. пер.*

Из сущности события различия можно распознать лишь principium coincidentiae oppositorum в его метафизической ограниченности и — избавить его от ограниченности в сущность мирствующего раз-личия.

Памятующее мышление нельзя излагать как философию. Оно не дает возможности наметить себя через философию, в той мере, в какой можно было бы попытаться истолковать помысленное предшествующих мыслителей. 63

Памятующее мышление не замещает философию.

Мышление возделывает мировую пашню.

Мышление есть камень преткновения для веры в Иисуса Христа.

Мышление равнодушно к наукам.

Мышление прокладывает борозды мира.

Мышление не изображает высокие устремления и не притворяется обладающим великими способностями.

Мышление выстраивает язык.

Пашня: земля под небом для посева основательного — зерно мира.

Найти пашню и бросать в борозды семенное зерно; или сперва проложить борозду?

Борозда: свежевспаханная целина.

Лишь из борозды <возникает> пашня.

Путь: движение по тропе борозд мира.

Борозда: свежевспаханная земля — подготовка пашни. 64

Мышление настолько далеко от берегов сущего, что для него возврат уже невозможен.

Мышление есть обдумывание, есть памятование; это вслушивание в тишь различия.

Вот почему мышление никогда не бывает особым актом представления; оно есть предъявление (Vorhalt) сущности человека в смысле его высвоенной принадлежности к миру. Кто послушен в ~~Бытии~~, только тот и мыслит.

Мышление: откуда возникло мнение, будто сущность мышления заключается в абстрагировании, а оно — дело разума? А как представляется это <абстрагирование>? Все управляется определенным истолкованием Ἕν? Ἕν как γένος и genus[29].

65 Памятование: относиться к чему-либо специально — входить в это отношение, которое нас касается и нас охватывает.

Не просто представление и соотнесение представленного как такового с «собой» как представляющим.

Памятуя «себя» — в сущности — вступать в ~~Бытие~~. См. <S.> 46 внизу.

Памятование в сущности событийно; памятование принадлежит к ~~Бытию~~.

Сбывающее-осваивающее правит в «памяти», поскольку она раскрывается как *образующая* сущность (das bildende Wesen) живого существа.

Благородство мышления <состоит в том>: что только для него ~~Бытие~~ может стать искомым.

Мышление начинается с ~~Бытия~~, потому что в ~~Бытии~~ сама мысль, мыслимость (Gedachtheit) ~~Бытия~~, об-

---

29. Род, происхождение (*греч.* и *лат.*). — *Прим. пер.*

условлена, т. е. принята (ver-abschiedet) в различие Vg.[30] (in den Unterschied der *Vg.*).

Я давно наткнулся на две книги, по которым смог 66
сам учиться в школьном смысле слова.

Одна из них, прочитанная в гимназические годы, была <работа> Франца Брентано «О многообразном значении сущего согласно Аристотелю»; другая (в третьем теологическом семестре по личной рекомендации профессора догматики Карла Брайга): Лотце, «Метафизика»[31], 1841; это ранняя и первая разработка, которая находится в русле спекулятивной традиции Гегеля и Шеллинга и еще не учитывает позитивизма так, как в более позднем большом исследовании.

В 1916 г. я задумал новое издание этой работы. Генрих Риккерт отсоветовал мне тогда это делать; он считал, что она несовременна[32]. Это так; но в течение многих лет мне нравились обе книги, да еще и сегодня я охотно их читаю. Они были для меня первыми проводниками к трудам великих мыслителей; путь к ним мне еще никто не указывал. Лишь позднее я заметил, что учителя, Риккерт и Гуссерль, каждый по-своему испытали воздействие Лотце и что Брентано также находился под его «влиянием». Благодаря этим книгам я сам научился читать Мейстера Экхарта.

Мыслить: считать событие Тем же самым в нем са- 67
мом: пребывать в мирствовании.

---

30. Здесь и далее — так в оригинале. — *Прим. пер.*
31. [Hermann Lotze: Metaphysik. Weidmann'sche Buchhandlung: Leipzig 1841.]
32. [См.: Martin Heidegger / Heinrich Rickert: Briefe 1912 bis 1933 und andere Dokumente. Hrsg. Von Alfred Denker. Vittorio Klostermann Verlag: Frankfurt am Main 2002, S. 34 ff.]

Неправильное употребление (Mißbrauch) помысленного — это тоже употребление (Brauch). Оно обозначает употребительное привычного. От неправильного употребления защищает опять-таки лишь мышление <, нацеленное на> достойное осмысления. Неправильное употребление еще меньше можно предотвратить, чем неправильное развитие (Mißwuchs) растений на полях.

«неправильное» (miß-) — минуя друг друга —

Мыслить означает сейчас: ограждать эпоху безыстинности от помысленного; это означает: не отказываться от мышления, а вносить его в свое собственное и, учитывая эпоху, отваживаться на непонятное, не заботясь о понятности. <S.> 134.

От одной эпохи Бытия к другой претензии к мышлению различаются; различны также масштабы сообщения; различны измерения (Dimensionen) решения.

Учиться, но не быть учеником (Schüler).

68 Какое единство присуще единящему <, которое свойственно> простому? Единство сбывания-освоения: мирующая (weltische) зеркальная игра. В какой мере только простое есть великое? Здесь <я> называю великим ширь собирающей игры мира.

Как мы используем великое, чтобы быть ему под стать? Только постигая его бес-полезную сущность. Как это происходит? Так, что мы ввязываем себя в отрешенность мира (см.: «Четыре тетради», <S.> 52).

Как легко удалось уговорить представляющее мышление <сделать> шаг назад. Насколько тяжело просто сделать шаг? (<S.> 86.)

Для этого мы должны оставить привычное, чтобы достичь об-житого, освоенного для обитания: опыт поворота забвения.

Постичь, что есть; значит, постигать, осмыслять исходя из высшего призыва. <S. 89>.

Что есть? — ~~Бытие~~.

Призыв? — событие тиши.

Учиться: учиться Учиться: постигать опасность непостигнутого.

Когда на бурой почве пашни блещет на солнце ле- 69
мех плуга —

Редко писать, но никогда не забывать.

Старая болтовня в новых словах. Новое помысленное в старом языке.

Мышление постигает пути. Оно приходит в движение, благодаря которому попадает на тропы.

Твое мышление — и ты сам вместе с ним — пусть будет как камень, который, исчезая в озере, оставляет круги от своего падения, каковые, не требуя дополнительных усилий, расширяются все дальше и тише. Чем внезапнее и глубже выпадает камень в игру тиши, тем дальше движутся круги неисчерпаемого сказывания; чем дальше, тем спокойнее; чем спокойнее, тем утишеннее.

Сказывай помысленное, никогда не говори о мышлении.

Но если ты сказываешь его, ты все еще говоришь.

Выдумай же (erdenk') для себя мышление.

Чем шире круг, тем более открыты его границы, 70
чем глубиннее центр, тем отделеннее (geschiedener) мир <впадает> в мирскость (in die Weltnis).

Мышление сказывает предварительное для неизбежного.
Неизбежное есть близь как мирствование мира.
Предварительное мира есть различие.

Но различие бытийствует в забвении.
Неизбежное есть забвение различия.
Неизбежно на пути в простор.
Недоступно для всякого представления.
Неизбежно невыговоренно. (H.) (Ug)[33].

Вы хотите упорядочить сущее, не найдя бытие; как вы хотите его найти, если вы не ищете его в его сохранении и не постигаете, что это сохранение бытийствует как Бытие?

71 Как далеко мы заходим в неизбежное? То, что наше движение в обитании Dasein никогда не в состоянии обойти, есть то, что́ это движение проходит насквозь, ибо Da-sein это хранит. Это есть близь, которая далит и близит от- и присутствие; исток и приход [бывшее — будущее и настоящее]. Близь как мирскость (Weltnis) мира.

Она принуждает в мягкости освоения-сбывания четверение различия к Тому же самому забвения.

Взятие лишь редко бывает приятием.

Возможно, нет более неверного выражения, чем это: праздность — начало всех пороков.

Хождение в праздности, без спешки про-изводства, есть начало допущения, позволяющего отпустить в ее <праздности> путешествие мирствование мира.

Так освоялся ~~Бытие~~.

---

33. Так в оригинале. — *Прим. пер.*

Наука. — Вероятно, черт знает больше, чем все исследователи; и все же черт есть черт.

Вспомните, что ~~Бытие~~ есть. («Проселок»[34], <S.> 46) 72
[~~Бытие~~: забвение различия в повороте.]
Сказывание <того,> «что…». (Die Sage des «Daß…»)
[Это «что» («Daß») — единственное «что» («Was») («сущность») Бытия.]
То, что оно <сказывание> есть… (Daß sie sey)

Сказывай различие. [Мысли…]
[«Что» («Daß») поворота в «что» («Daß») сказывания.]

Населяйте мир.

<Если> это сбудется, этого достаточно.

Сказывание утекает прямо в слух.

Слушая, мы воспринимаем звук тиши.

Воспринимая, мы вносим ее в невыговоренное.

Невыговоренное близится в отзвуке сказывания.
Близясь, оно возвращается в свою сущность.
Нет звука без разрыва звучания.

До сегодняшнего дня мне еще не повстречался тот, 73
кто истолковал бы мои опыты в позитивно-уважи-

---

34. [Heidegger: Vier Hefte I — Der Feldweg. Vier Hefte II — Durch Ereignis von Ding und Welt. GA 99. Еще не издано.] Том 99, содержащий «Четыре тетради I и II», вышел в свет под редакцией П. Травны в 2019 г. — *Прим. пер.*

тельной манере. Напротив, много язвительной болтовни, пустой лести, а больше всего скрытого грабежа при одновременно шумном отвержении. Все это в совокупности и называется литературным влиянием.

Чтобы мыслить, нужно, пожалуй, не быть профессиональным философом.

Правила для пишущих. — Если это необходимость, вынуждавшая тебя принять вызов, иначе ты заел бы себя, то высказывание было нужным. У всего остального нет никаких прав, пусть это и прекрасно отвечает чужим и собственным желаниям.

Чем определяются чувства, если не органами чувств (Werkzeugen)? Что есть зрение без глаза, слух без уха?

Акустика ничего не знает о слухе. Чувства без органов чувств — это не чувства; но *чутье к чему-то*…

74 *Круг*: сперва мы должны ~~Быть~~ высвоены (vereignet seyn) в истину ~~Бытия~~, чтобы осмыслить ее сказывание. Лишь в мышлении как сказывании различия мы способны ~~Быть~~ высвоены. Круг бытийствует в кольце (Ring), в качестве которого событие, мирствуя, закольцовывается (er-ringt) из невыговоренного в событие. Событие раскольцовывается (entringt) к миру. Круг есть только видимость зеркальной игры.

Сейчас хотят любой ценой обеспечить человеку безопасность. В качестве человека принимают то, что привыкли знать. Не интересуются достойностью вопрошания своего существа; и таким образом избавляются еще и от размышления о том, от-

вечает ли обеспечение безопасности и успокоение человеческому существу. От размышления бегут как от чумы.

От философии сейчас все громче требуют, чтобы она помогала; помогала в чем и для чего? Разве недостаточно того, что она пробуждает размышление? Но люди не желают размышлять. Чему же удивляться, если от философии не получают помощи?

Беспомощные претензии к философии указывают лишь на то, что людям уже давно стала чужда ее сущность. Зато тем ревностнее говорят и судят о ней. Борются с призраком, который прежде сами сотворили себе изощренным неведением. 75

Существенно не только и не в первую очередь то, что человек, как считают, принадлежит ~~Бытию~~, но то, что ~~Бытие~~, как полагают, освоялся в человеческое существо, а оно *заодно* — в мир, а мир различает и забывает в невыговоренное, исполняет сущность ~~Бытия~~.

Круг, на который они наталкиваются, поскольку обожествили прямолинейность сомнительной логики, — это не круг мышления, а кольцо ~~Бытия~~. Но что если мышление ~~Бытия~~ стоит в центре вырванного кольца? Стоит тут, заброшенное в размах кольца сбывания-освоения? ~~Бытие~~ обдумывает нас (bedenkt uns) своим сохранением (Wahrnis). Так обдуманные, мы осмысляем ~~Бытие~~ исходя из ~~Бытия~~ и: мы ~~есть~~ (sind).

Критика, собственно, устанавливает мерки. Она не вычитывает их просто из произведений. Она навязывает их им. Она дает в руки посох и подпорку, чтобы задать уровень меры. Критика мо- 76

жет то идти впереди произведения, то следовать за ним, то одновременно высвобождать вместе с ним его собственное пространство. Подлинная критика по своей сути никогда не бывает негативной, ибо она в сущности выявляет перво-причину вещи (die Ur-Sache der Sache), не впадая в голую рефлексию.

В смутные времена критика может быть более творческой, чем расторопно выпущенная масса мнимых произведений. Нет нужды критиковать каждую книгу; но полезно, если *некая* книга, заслуживающая критики, порождает критику, которая не только задает мерки, но и сама *есть* мера.

Как относиться к эпохе, в которой отсутствует критика? которая не знает и не может знать, что такое критика? которая тогда и в первую очередь, пожалуй, совершенно не переносит критику.

77 Считается, что критика <состоит в том, чтобы> критиковать, т. е., подделываясь под критику, вести себя восторженно и необузданно, высказывать противоречивые <суждения> и отмечать отрицательные <моменты>.

Должна наступить эпоха сильной критики; иным путем человек уже не выберется на простор. Эта критика должна сперва ознакомить с измерениями (Dimensionen) Бытия и тем самым подорвать фальшивую непосредственность, постоянно полагающую, будто одноколейность закосневшего представления уже и есть простота в отношении к делу (Sache).

Сущностная мера не ограничивает, но лишает дело границ в его дельности (Sachheit).

Сущностная критика касается не достижений и намерений, а масштабов и притязаний. Она измеря-

ет их по одобрению Бытия (am Zuspruch des Seyns). Даже само это одобрение попадает <под огонь> критики, поскольку в самом Бытии, не через требования человека, освояется-сбывается выявление возможности его самого в отношении его сбывания (Ereignung). Событие (Ereignis) в высоком смысле само по себе критично.

С чем связан недостаток критики, отсутствие всякого знания о сущности и масштабе критики? Способность к критике подавляется. Этому способствует все больше распространяющееся заблуждение, создающее видимость своей силы благодаря быстрому и ловкому умению, с которым зажигательные моменты и пустота постоянно соревнуются <друг с другом> в писательском деле. 78

Поскольку Бытие предано забвению, так полно и искаженно (getäuscht), как еще никогда в истории, поскольку лишь сущее и проживаемое сущее является значимым, но все же, хотя и тайно, обращается к Бытию и вынуждает его сокровенный призыв, человек следует этому в том, что повторяет сущее, а в повторении (Repetition), крайне пошлом, быстром, полном, сущее стремится достичь вершины в изображении бытия. Сюрреализм есть только реализм реального <, только> повторно. Роман становится фильмом, фильм дополняется в радиопередаче, которую никто не слушает, <подобно тому>, как в фильме уже-увиденное хотят «видеть» еще раз и в этом повторе находят подтверждение. Повторение и повторяемость — это действительное. Повторение столь отлично по сути от событийного повторения-возобновления (Wieder-Holung), что даже не может выступать как его крайняя противоположность. 79

Машина — это на первом плане явление своего рода повторения. Пистолет-пулемет: редкий знак безыстинного отношения к смерти. Повторение и обеспечение состояния постоянного постоянства (Bestandsicherung der beständigen Beständigung) (*вечное возвращение одного и того же*).

Произведение искусства. — Истина, которая осуществляется как искусство, поскольку искусство (как и техника) относится к переходу-через (in den Überstieg), есть в произведении явленная мирскость сбывания (das im Werk gewahrte Weltische des Ereignens). *То, что* истина сбылась, это ἔστιν[35] есть истинное, сущностное произведения; не его действительность в смысле предметного присутствия созданного. Прежде всего: истина понимается здесь не как правильность представления и изображения сущего. —

Вместе с событийной сущностью перехода-через, сущность искусства также остается неизбежно сокрытой.

80 *Время*. — В работе «Бытие и время» привычное, издавна осмыслявшееся исходя из οὐσία, а значит, метафизическое понятие «времени», последовательность ‹моментов› «теперь» (Jetztfolge), осмысляется в его сущностном истоке из экстатической сущности Da-sein. Это Da-sein как бытийствующий просвет «бытия» в смысле присутствия бытийствует в сохранение Бытия. «Время», о котором говорится в заголовке работы «Бытие и время», как сущностный исток того, что обычно называют «временем», есть в подлинном смысле до-временное (das Vor-Zeitige),

35. Есть (*греч.*). — *Прим. пер.*

т. е., в языке метафизики, — сверх-временное (Über-Zeitige): бытийствующее как «вечность», которую представляют как nunc stans[36] *также* еще исходя из обычного «времени», из «теперь» и из постоянного присутствия, из неосмысленного «бытия». Постигнут ли некоторые всё это действительно и познают ли когда-нибудь, сколь глупа и поверхностна болтовня и пошлость, а это значит, поскольку речь идет о «временности», будет ли все отдано на произвол случайному и необязательному и преходящему, а тем самым — «ничто». Поймут ли когда-нибудь адвокаты «вечного», что они даже еще не продвинулись в измерение (Dimension) своего представления?

Ничто. — Те, кто все еще и то и дело ревностно выступает против Ничто, только выдают, сколь полно они пали жертвой ничтожествующего Ничто (dem nichtigen Nichts) сплошного нигилизма и остались его приспешниками. Что вообще смыслят эти слепые ревнители о том Ничто, о котором задумывались немногие первые мыслители и в котором остается все сущностное ~~Бытия~~. Но те, кого никогда не овевала эта тишь, никогда ее не постигнут. 81

Яростно поносили не только мои работы, но и хорошие работы моих учеников, посвященные греческой философии, Плотину, Мейстеру Экхарту, Лейбницу, Канту, Гегелю, Ницше, обвиняли в односторонности, после чего энергично и всесторонне использовали, а потом предавали замалчиванию.

Чем больше философия клонится к своему концу, тем больше приближается к своему началу. Достичь

---

36. Вечное настоящее. — *Прим. пер.*

его, однако, мышлению удается лишь проходя через без-дну (Ab-Grund), ведь оно не основывает само себя, но только сворачивает в освоенный поворот.

82 Создается впечатление, будто мое мышление всеми мыслимыми способами компрометируется «философствованием» Ясперса и сочинительством Сартра. Но в конце концов хочется спросить: компрометируется перед кем? Перед общественностью, — которая уже в силу своей профессии вынесла приговор мышлению.

Лишь в *сущности* экстатического времени мы по сути являемся *вне*временными и не нуждаемся в сверх-временности.

Но сущность времени — в ее четвертом измерении. Четвертое из четверицы мира и ее тиши. См.: «Четыре тетради», <S.> 31.

Сначала наше мышление ~~Бытия~~ должно быть забыто, чтобы быть воспомненным в помысленное памятования.

Что будет, если кто-нибудь сделает из недопонятого Ницше некую «экзистенцфилософию» и затем с помощью этой философии выдвинет интерпретацию Ницше? Законченная сумятица под видом догматической моральности.

83 Все отчетливее обнаруживается, что сегодняшнему поколению не хватает сил для мышления. Оно не доросло до его сущностной опасности, столь же не оснащено оно для ремесла. Люди становятся добычей либо сенсаций экзистентного, либо диалектики, или же сочетают и то, и другое, имитируя глубокомыслие и трагические устремления.

Они жульнически проходят мимо подлинной нужды мышления; нет, даже не так; остаются вне своей сущностной сферы, ибо она вовсе не охватывается словом «нужда».

Лучше всего мы поможем сегодняшнему поколению, если избавим его от мышления.

Мышление также подвержено искушениям, коль скоро оно меряет себя общественной полезностью и доступностью науки или уподобляет себя религии и ее роли. И то и другое ошибочно. Но путь назад труден, и в силу самой его сущностной незаметности его не видят и по нему не следуют.

Конец философии, т. е. завершение метафизики в безусловном забвении бытия (нигилизм), есть безыстинность бытия. В ней кроется начало памятующего мышления. 84

Но мышление не начинается с одной фразы. Его начало также не заключается в зачинании того или иного предприятия. Начало означает: мышление, уловленное в свою сущность, сосредоточенное <в ней>, освояется в нее. Эта сущность есть сохранение ~~Бытия~~ (т. е. различия). Это сохранение принадлежит к событию различия. Событие обладает внезапностью — освоение-сбывание в повороте забвения. Событийным образом начало есть внезапность эпохи ~~Бытия~~.

Начало мышления — этот оборот называется genitivus obiectivus[37], если мы здесь могли бы говорить об объекте. Мышление — это начатое-схваченное (das angefangene) в начале; будучи начатым-схва-

37. Родительный падеж дополнения (*лат.*). — *Прим. пер.*

ченным, оно мыслит в на-чале (im An-fang); оно есть действие; но это действие есть позволение — оно позволяет событию сбываться — это позволе-
85 ние есть настойчивость в событии — сказывающее сохранение мира. Говорение — не высказывание о предметном или непредметном. Говорение, будучи сказыванием (Das Sagen ist als Sage), есть разговор ~~Бытия~~. «*Что*» (*Daß*) есть сказывание — это все. Это «что»: что есть Бытие, — то, что освояется-сбывается поворот, есть сущность ~~Бытия~~. «Сущность» есть: событийное мирствование.

Метафизика с самого начала перепрыгнула (и все еще перепрыгивает) ближайшее всего достойного осмысления — Бытие в его сущности. Отменить это перепрыгивание — есть преодоление метафизики. <S.> 97 вверху.

Передача языка <в сферу> сочинительства (Schriftstellerei).

Роль сочинительства в эпоху техники.

Сочинительство и сценарий фильма.

Сочинительство и радио.

Разрушение языка как медиума зрения и слуха.

Последний акт опустошения.

Роман <в процессе> перехода к составлению отчета.

86 Отчет — это не описание положения дел, а направление общественного мнения в нужное русло.

Представляющее мышление поддерживает в движении махинацию забвения различия. Это движение создает привычность метафизического отношения к сущему как противолежащему. Это

противолежащее открывает природу в ее движущих силах. См. <S.> 68.

Шаг назад из представления уходит, однако, не в антитетическое; сверх того, он только подготавливает место для освоения-сбывания как первое обиталище во внезапности поворота и входит в подлинное забвение, в качестве какового сбывается-осваивается отсвоение мира.

Вот почему здесь также значимо представление противолежащего не как закрепление текущей жизни, которое можно было бы прекратить (auflösen), чтобы достичь жизни в переживании; эта экзистентная, связанная с философией жизни тенденция повсюду остается подвластной ложно истолкованному (в соответствии с представлением) (vorstellungsmäßig) представляющему мышлению и несведущей в ~~Бытии~~.

Представляющее мышление не является неистинным; памятующее не является истинным. Каждое из них толкует судьбу ~~Бытия~~ по-разному. Поэтому они говорят о «той же самой вещи (Sache)», поэтому памятующее мышление должно сначала собственно привести дело (Sache) метафизики в ее дельность (Sachheit). К ней относится среди прочего и каузальность. 87

То, что́ *нас* поражает и приводит в смущение (befremdet und bewirrt), *мы* не вправе запутывать и отчуждать от нас (entfremden und verwirren).

Каким образом сомнение когда-либо должно стать путем для мышления, т. е. движением по тропе ~~Бытия~~ в ~~Бытии~~, если сомнение как раздвоение в представлении уже не расслышало настрой голоса тиши.

Настраивание — это событийная сущность тиши (<S.> 101), <а> не каузальное освоение-сбывание чувственных состояний. Настраивание есть сбывание-освоение в простор, определение человеческого существа в обитание; прежде всего в мышление как мышление. Как может то, что утратило настрой, вообще считаться путем мышления и началом «философии»?

88 Возможно, сомнение состоит в том, что в нем и через него представление и, скрытым образом, мышление отделяется от настроя — как от мирской (weltisch) игры ~~Бытия~~; сомнение Декарта как раз и показывает, что попытка сомневаться во всем возвращается в представление противолежащего, присутствующего, без осознания сущности мышления. А вместо этого создается видимость, будто как раз сейчас с помощью самосознания обретено измерение (Dimension) мышления; достигнуто же измерение представления, которое воспринимается и устанавливается как perceptio ego, как присутствующее в нем и как таковое.

«Настроения» во множественном числе и на выбор — нет, они суть лишь взволнованности (Erregtheiten) и капризы; состояния субъекта. Настрой есть каждый раз и внезапно лишь один-единственный — он раскрывается медленно, течет как поток; мы поздно распознаем его, даже если он рано испытан. Всевозможные психологические названия — это просто ошибки понимания.

89 *Этот* настрой (памятующего) мышления есть простота — она раскрывает мир в середину веретена тиши — из различия забвения. Этот настрой изначально предшествует радости и печали. — Он пре-

одолел страх и удивление — изумление: *бытие* сущего; испуг: сущее <, пребывающее> в ничто.

Мы постигаем простоту из опасности многообразия. Это <постижение>, а также рассеивание в нем покоятся в четверении мира (in der Vierung der Welt). <S.> 68.

Единое простоты есть то же самое мира: сердцевина тиши зеркальной игры; едино-звучие в четверице (im Geviert).

Данная опасность есть безыстинность, т. е. забвение различия.

Ясна и покойна простота. В повороте забвения она есть первородство удивления и испуга.

Удивительно: *бытие* сущего

o

Страшно: сущее и далее «ничто»

— o —

И то и другое удаляется от различия.

Простота: раскрыта в То же самое различия.

Сложена в четверице мира. <S.> 113.

Историографы выпалывают ростки прошлого; в него причастные истории (творческие и мыслящие <люди>) бросают семена нового посева. Если бы историограф когда-либо мог разбираться в истории, он должен был бы уже отказаться от себя и от своего занятия. Поскольку историография удаляет ростки прошлого, она приводит будущее к отмиранию; это означает: историография разрушает чувство грядущего. Грядущее она допускает, лишь пересчитав его на некое объясненное прошлое как следствие этого прошлого. Филологические науки — это изводы историографии и еще основательнее занимаются своим делом. 90

Историография дарит нам такое знание: то, что человек ничему не научается через историю. Но есть ли эта история, которую нам предлагает историография, <настоящая> история? На основании чего учится человек, если он вообще <чему-нибудь> научается?

Беда психологии, которая является популярной и общей формой субъективизма, <состоит в том, что> она требует еще меньше размышлений и создает видимость исключительного превосходства последнего резерва.

91 «Подлинно» — «неподлинно»: с выхода в свет «Бытия и времени» — это не просто абы как принятое, необдуманное различение. — Оно покоится в «сущности» собственного как освоения.

Подлинно мыслить: говорить из события в событие. *Так* мыслить: проникать в непомысленное — и *это* сказывание есть само по себе подлинное, вымалчивающее себя молчание; это сказывание устояло перед опасностью все делать явным; но и перед опасностью неоправданно медлить.

Честен молчаливый. Но кто молчалив? Сказывающий.

Помысленное: они полагают — это просто представленное и называют это абстрактным. Что знают они о том освояемом в языке ~~Бытии~~? (См. <S.> 3 и 65.)

°

В сказывании мира на кону стоит не сообщение, но слышащее слушание (das gehörende Hören) —

отвечающее вы-малчивание тиши раз-личия — (см. <S.> 99).

92 Когда эпоха, запутавшаяся в количественном, начинает себя реформировать, она додумывается до того, чтобы возвести минимальное в принцип и полагать, что постигла в нем сущностное; например, заменяют бесконечное чтение книг <, набитых> пустой ученостью, ограничением до выбранного небольшого числа — справочников, компендиумов и учебников. Но все это есть лишь минимум того максимума, следовательно, то же самое; а точнее: стремление к минимальному во всяком знании и умении и вопрошании есть предельное превосхождение максимального. Тотальность количественного достигается только таким путем. Безграничности сейчас даже еще легче, и у нее есть еще то преимущество, что она может создавать впечатление, будто это минимальное есть простое. Кроме того, минималисты вправе рассчитывать на скорейший и величайший успех. Метафизика минимального и его мораль есть атомная физика.

Минимализм достигает максимума безыстинности ~~Бытия~~.

93 Наитончайшее слушание — это давно уже не слушание звуков, но вслушивание-принадлежание (das Gehören) тиши мира. Это вслушивание-принадлежание невозможно высказать. Оно, однако, может ~~быть~~ неким сказыванием, которое одновременно пребывает в своем языке: игрой тиши и эхом раковины-оболочки (Schall der Schale) (оболочка слов и слово тиши).

Беда в языке.

Слушание (Das Gehörige) как подлинное мышление; простодушное.

Иные уже поняли, что второй стих труднее, чем первый (Шеллинг; Ницше).

°

Мир в сказывании
или ? <S.> 109
высказывание знаний.

°

Лишь сказывание при-годно в событии.
Но сказывание разделяет беду языка.
А беда бытийствует <исходя> из мира.

°

Сказывание бытийствует по-мирски; вырывается в отрешенность. (<S.> 96, 101).

94 Спаси беду языка, не защищайся от нее, ибо подобное есть помеха. <S.> 1.

Сциентистское и дидактическое стремление в высказываниях разрушает язык не менее, чем литературное — язык сказывания различия. (<S.> 98).

Понятие как представление о чем-то вообще, как представление представления и как самоизложение этого представления — происходит из ὁρισμός[38] определенного εἶδος и становится conceptus perceptio.

Понятие нигде не достигает элемента строгости мышления, которое есть сказывание забвения различия.

Эта строгость не полагается как идеал достоверности и удостоверения, доказывания и изложения. Строгость бытийствует в собственной четверозначности (Vierdeutigkeit) разговора мира. (Памятующее) мышление есть сказывание различия.

---

38. Ограничение; определение (*греч.*). — *Прим. пер.*

Высшей строгости памятующего мышления невозможно выучиться; однако еще менее возможно ей подражать.

Она еще более уникальна и редка, чем немногочисленные шаги редких мыслителей метафизики. <S.> 99 сл.

В памятующем мышлении достигается несовместимость лишь с <поэтическим> творчеством. Но несовместимое есть для себя ближайшее.

95 К помысленному мыслителей прошлого мы обращаемся лишь тогда, когда разрабатываем дефициентным[39] способом (in defizienter Weise) странное в этом помысленном; де-фициентный — это значит, что мы предмыслим этому помысленному в некогда бывшее (ins Einstige) и вредим тому так помысленному, подражая ему и не принимая его (aus ihm her und von ihm absehen); не для того, чтобы доказывать недостатки давнего, но чтобы выявить в нем скрытое, отложенное как странное и уже непонятное всей развивающейся метафизике.

«Еще-не» этой дефициенции — которая является Бытийно-исторической — говорит о богатстве, об отнятом.

Скорее, вопреки этому, Наше Помысленное, на основе которого разрабатывается дефициентное указанное выше <странное>, недостаточно — и постоянно осуждается обыденностью метафизического представления.

«Дефициентный» — это плохое выражение и слабое крайнее средство. Всюду речь идет об отказе от того, что задумано в необходимом броске вперед

---

39. Дефициентный — несовершенный, неполный, недостаточный. — *Прим. пер.*

(Vorprellen) в подлежащее-осмыслению; этот бросок вперед проявляется в таковом качестве в горизонте метафизики; *собственно, это и произошло* (*eigenlich ist es ereignet*).

96 Четверозначность языка бытийствует в четверении мирского разговора. Из этой скрытой четверозначности питается многосмысленность, поначалу и обычно случайная и, по видимости, беспредельная.

«Четыре» четверения мира есть квадратура вырывающегося кольца как местоположения различия.

Как только мы хотим объяснить слово исходя из его звучания и опираясь на его значение, мы уже устанавливаем себя в представленном выговоренного. Отсюда мы больше никогда не попадем в измерение сохранения ~~Бытия~~, <— это> столь же невероятно, как <то, что> горизонталь трансцендентального когда-либо приведет нас к миру.

Сократ: «Заговори, чтобы я тебя увидел»[40]; здесь скрыто подразумевается (лицо, зрение, вид/ εἶδος) и λέγειν (говори — читай, собирай), εἶδος как οὐσία; ὄν и λέγειν.

ἀλήθεια и νοεῖν.

97 Сказывание различия <как> у себя дома в беде языка.

---

40. [Platonis Opera. A.a.O., Charmides. Tomus III, 154 e. Эта цитата представляет собой парафраз. В такой форме она встречается только у Лихтенберга, Гаманна, Кьеркегора и Шопенгауэра.] — См.: Платон. Хармид / пер. С. Я. Шейнман-Топштейн // Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 341–371. — *Прим. пер.*

Возможно, тот или другой однажды заметит предвидимое и оставшееся позади в мышлении, которое по-прежнему пригодно для преодоления забвения Бытия. <S.> 85.

Онтология — и отвергаемая, и практикуемая — есть последняя форма забвения бытия; ибо вопрос о бытии сущего как вопрос о сущем в его бытии уже забыл дифференцию, поскольку это вопрошание растворяется в ней как непостижимый для нее элемент.

Что все выговоренное также и обычно есть лишь звук оболочки слов и тем самым доступно каждому, не значит, что в выговоренном не может одновременно таиться игра тиши. Эту игру, однако, нельзя передать как то, выговоренное; оно никогда не указывает на путь к ней; всякий раз из самой тиши через нее для нас должна начаться игра; и тогда звук (Schall) сделается отзвуком (Hall) Того же самого в его заходе. <S.> 113.

Мои работы хотя и подвергаются разграблению, 98
но <при этом> их не продумывают.

Самым непонятым во всей понимающей эпохе остается мышление.

Самым ложнопонятым была бы попытка мышления сделать себя понятным.

Быть не только непонятым, но и непонятным — вот жребий мышления.

Мышлению не нужно сначала делать себя непонятным; оно *есть* непонятное, поскольку мыслит.

Главнейшая опасность для мышления — старание быть понятным.

Мышление остается непонятным, поскольку оно как сказывание различия сказывает сказываемое (das Sagbare sagt).

Только сказывание охраняет невыговоренное.

Невыговоренное есть: язык обиталища тиши.

Ее беда есть сердцевина мира.

Только в том случае мы сможем стряхнуть сциентистское, дидактическое и литературное с мышления, если оно прежде будет вызволено из отхода Бытия (wenn dieses zuvor angezogen ist aus dem Entzug des Seyns). <S.> 94, 115.

99 Понимают всё, не обдумывают ничего.

Понимают даже непостижимое. Для этого есть теория зашифрованного текста. Остаются недумающими в отношении мышления и называют это логикой.

Что каждый день повседневнее, чем то, что есть?

В какой мере мы, воспринимая слова, способны услышать слово? Или даже простое восприятие еще питается звуком услышанного?

Слышание правит на основе зеркальной игры.

Стремление остаться незамеченным может быть манией по-особому бросаться в глаза. Таким коварным является еще простодушие.

Сказывание различия (мышление) ведет разговор тиши.

Разговор со-ответствует; от-свояется: тиши; зеркальной игре—

Мышление выговаривает это со-ответствие; так оно сохраняет меру разговора мира; так оно соразмерно. 100

Это соразмерное со-ответствие есть строгость мышления; его устрожающее; строго: привлекая из отсвоения. *Устрожать*: привлекать, *свежо-свободно* (frisch) *объединять* в Единое — То же самое четверицы мира; *свежо* — то есть *свободно* (frey); надлежащим образом — в четверицу четверозначности разговора.

Строгость сначала измеряет (ermißt) меру игры тиши.

Отрицаемое в забывании (im Vergessen) —
Объединяемое к измерению (zum Ermessen).

Отрицаемое: выпущенный из сохранения различия, человек метафизики отпущен в представление сущего в его бытие. Но он остается так еще сокрыто подходящим для различия, чтобы достичь меры своего существа, которое, мируя, принадлежит простору события.

Лишь в памятующем мышлении мы в состоянии обеспечить признание *сущности* метафизики. Таким образом она заново оплодотворяется в сущности (Wesen) ее прошедшего (Ge-Wesen).

Сказывание различия мыслит всюду заходяще. 101
(<S.> 93).

Заход сбывает-освояет близь.

Заход есть вид отсвояющего сбывания-освоения.

Событие никогда не заходит в утишение мира.

Сказывание заходяще соответствует разговору отрешенности вещи. <S.> 107, 109.

Заход в простоту различия.

На заход настраивает вещь мировая тишь. (<S.> 87.)

Простота-односложность раскрывает четверицу мира.

Мирствуя, вещь овещевает вещи. («Четыре тетради», <S.> 52).

Сбываться: заход забвения раз-личия к миру.

Строгость сказывания состоит в том, что отсвоение мирствования притягивает его <сказывание> в слушание-принадлежание в четверицу: строгое: втянутое в заход соответствия.

102 Ядро (Kern) ~~Бытия~~ пусть будет (sey) зерном (Korn) мышления.

Выросшее из этого зерна мышление крайне далеко от желания быть о-кончательным.

Гораздо скорее оно останется пред-варительным, причем отставая на шаг в сторону захода мира к тиши его загадки.

Чем же, собственно, является это памятование, оно само не способно сказать. Оно довольствуется этой неспособностью, ибо для него достаточно его прихоти (Mögen).

Мышление вступает на кромку лесной лужайки мира осенним вечером. Достигнутое являет себя лишь весной и своим, которые достаточно ранние для сохраненного.

Всякое понимание, исходящее из прежнего мышления, неразумно (törig) и самонадеянно.

Размышление о прежде помысленном не имеет историографического смысла. Оно отдаляет в странность непомысленной судьбы ~~Бытия~~; оно никогда не превращает прошлое только в знание.

Мы недостаточно учитываем, что с мышлением 103
в непривычном смысле неизбежно, а потому постоянно связана опасность ложного понимания. Стремление избежать ее <путем> замалчивания столь же ошибочно, как и попытка выступить против нее. Так что с давних пор остается только непреходящее <правило>: иди <своим> путем, думая о своей тропе и движении. Вот и растет опасность. На это она и нацелена. Но опасность была бы ничтожной, если бы не угрожала тому, чего она, однако, никогда не достигнет, поскольку сама сбывается-осваивается исходя из неугрожающей сущности обиталища мира.

Мышление представляет то, что следует осмыслить, своим издавна привычным способом. То, что следует осмыслить, есть различие. Представление воспринимает его как нечто сущее (онтически), или как бытие (онтологически), или как лишь представленное отношение между обоими, что всегда остается первым признаком (Anschein) различия (дифференция согласно фундаментальной онтологии); (лекция 1927 г. и <работа> «О существе основания»).

Но даже если различие памятующе осмысляется и сказывается как событие, представление воспринимает <его?> как выговоренное предметно [sic].

История и историография (*Geschichte und Historie*). — Назван- 104
ное можно различить в соответствии со значениями слов. Историография подразумевает знание, свидетельство очевидца (ein Gesehenhaben) и пред-

ставление — в первую очередь все доступное разысканию, в особенности то, что происходит с человеком, с его деятельностью и влиянием, формированием и созиданием, и прежде всего последнее, если оно доступно разысканию, т. е. уже прошло. Историография — представление прошедшего как такового.

История обычно подразумевает происходящее (Geschehen), а именно упомянутые выше случаи, причем так, что мы сами считаем (wissen) себя принадлежащими этому происходящему. К происходящему относится знание о себе (Historie), так как историография представляет прошедшее как наше прошедшее, каким-то образом имеющее или не имеющее отношение к нам. Не бывает истории без историографии, а историографии без истории. Но данная раздельная взаимопринадлежность касается все же только переднеплановости переднего плана, который проявляется в том, что историография мыслится исходя из представления, а история — исходя из происходящего. В соответствии с этим люди знают лишь историю, которая становится представленной только исходя из историографии, и лишь представление, направленное на происходящее.

105 Историография есть представленная история; история — историографическое представление. Вот так все и предстает везде, поскольку происходящее с *сущим* как присутствующим, созданным, предметным, а также истина остаются определенными из познания как представления.

История как судьба (Geschick) в смысле сбывания-освоения еще выводится из мира (von Welt entzieht sich noch), а вместе с этим выведением также и истина как сохранение ~~Бытия~~.

Историография в судьбе безыстинности возвышается из истины сущего — в смысле Бытийно-исто-

рически постигаемой техники — до основной формы изготавливаемого опредмечивания. История остается изготовленным, установленным в расчетно-сравнивающем представлении прошлым, из какового вырабатывается и представляется настоящее (das Gegenwärtige), которое все будущее делает представленным лишь в качестве еще-не-настоящего этой истории.

Историография организует отсутствие истории как судьбу ~~Бытия~~ и закрепляет и прикрывает <это> отсутствие посредством неограниченной представляемости всего. Нынешняя эпоха осуществляет уполномочивание историографии в целом (im Großen), действуя с помощью средств машинной техники.

Историография загораживает путь к истории 106
как к судьбе ~~Бытия~~. К нему <Бытию> как к событию мира во внезапности захода нет пути через историографию; вообще нет пути, который стремилось бы проложить человеческое делание (Machen). История как внезапность мирового шествия (Reigen) может зайти лишь мирствуя, но заход мирствует в повороте забвения различия. Внезапность поворота глубоко сокрыта — постижимой становится она тогда и только тогда, когда свершится заход мира (Welteinkehr) и человеческое существо будет призвано в этот заход — заход мира есть поворот забвения различия из отказа в тишь собственности. Человек вообще не способен осуществить поворот, но последний также не сбывается без высвоения своей сущности в простор мира. Для этого, для подготовки этого высвоения, человек способен кое-что <сделать>, что заранее касается поворота, а в нем — забвения. Памятующе он способен на это, не ведая, в какой мере и насколько. Это мышление есть сказывание различия; мысля в <направлении> пово-

рота, это сказывание мыслит судьбинно и тем са-
107 мым осмысляет бывшее отказа как безыстинность, и так осмысляет помысленное. Здесь памятование оказывается в опасности выступать лишь в качестве одного историографического истолкования помимо прочих и при этом неизбежно выглядеть как произвольное. Но памятование — не истолкование и не произвол. Оно освобождает бывшее и обеспечивает ему лишь его странность (Befremdliches). Оно заботится о недоступном близи мира — превращает в загадку (verratsalt) всякий приход.

Как им достичь мышления, если они никогда не встречали мыслящих <людей>. Они никогда их не встретят, потому что они не ищут мыслящих, но лишь историографически представляют себе мыслителей и их представленное.

Как же повстречать, если не идти навстречу? Как же пойти навстречу, если не выслушивать? А как выслушивать, если не высваивать? Мне уже не попадаются <такие люди>, по которым можно было бы почувствовать, что они встречались, идя навстречу, с каким-либо мыслителем. Копаются разве что в философии.

Уже существующая беспочвенность усиливается посредством историографии; сейчас разбавляют гуманитарные исследования экзистенцфилософией и с нетерпением ожидают следующих новинок (das nächste Neueste).

108 Неизбежное — это то, мимо чего не проходит мышление; что поэтому отбрасывает существующее до сих пор мышление к себе назад. Неизбежное — это различие. Прежнее мышление остается при различенном, не обдумывая его как таковое,

ошибочно полагая, что оно в представлении сущего уже осмыслило бытие, а с бытием и всё.

Но если мышление издавна останавливается перед неизбежным, не постигая его, то первым делом нужно пройти через неизбежное, чтобы постичь Его само как истину.

Лишь когда мышление пройдет через неизбежное, оно будет двигаться по своему неначатому первоначальному пути.

В прохождении мышление постигает, что неизбежное — не «проход» к другому. В прохождении оно расширяется в ширь мира и таким образом из него и его обиталища движется в зеркальную игру в сбывании четверицы: различие есть отсвоение в отрешенность вещи.

<И тогда> H. (das Ug.)[41] уже больше не неизбежное (das Unumgängliche), а невыговоренное (das Ungesprochene).

Обиталище тиши. Обиталище: Укрывающее Сохраняющее мирствования. Загадка (Ratsal). 109

Мышление есть сказывание мира (<S.> 93). Мышление есть язык.

«Есть»: сбывает-освояет мирствующее слово. Мышление не выговаривает сущее и бытие; не обращается к действиям. Мышление соответствует сбыванию-освоению отрешенности вещи. <S.> 101.

(<S.> *112.*)

Сказывают мирствование из обиталища тиши.

Из мира лишь к миру смертные.

Самонадеянность их отпадает.

Так только сказывая, подготавливают обитание.

Обитание есть сберегание мира.

---

41. Так в оригинале. — *Прим. пер.*

В соответствии сказывание становится побуждением к слушанию. Иное слушание есть уже вслушивание-принадлежание к отсвоению. <S.> 113.

110 Не должно ли сказывание, поскольку оно, по-видимому, исходит только от человека, обладать *наиболее собственностной* пригодностью (die eigentümlichste Eignung) к мирствованию как длительности (Weile) его внезапности? Ибо оно, конечно, проистекает (entstammt), если оно происходит (stammt), из сущности человека; а она есть ~~Бытие~~ как событие.

Редко когда кто-либо постигал странствие мышления.

Мало кто чувствует и выдерживает странность того, что трансценденция (как онтическая, онтологическая, фундаментально-онтологическая) различными путями всюду доводит философию до того, что она, как кажется, обретает свои границы иррационального, непредметного, несказанного и тем самым восхваляет свое в высшей степени достижимое, или также, — что остается тем же самым, хотя не одним и тем же, — в диалектике полностью овладевает мыслимым, — тогда как наряду с этим мышление с ранних пор проходило мимо сказываемого (<т. е.> мимо различия), а потому не могло решить, какое отношение к сказываемому всецело ему соответствует. <S.> 113.

111 Обиталище тиши есть загадка Того же самого <для> мира и вещи. См.: «Четыре тетради» I, <S.> 60.

То же самое (Das Selbe): взаимосвязанность — совместная принадлежность друг к другу (Zusammengehören) в событии различия. А принадлежность

(Gehörige): <проистекает> из отрешенности вещи. А совместное (Zusammen): <проистекает> из единения отсвоения в зеркальную игру.

∘

То же самое загадки таит раз-личие — различие отказывается в забытом допуске дифференции присутствующего и присутствия. От дифференции и дифферентного нет пути в различие, — оно настолько <обладает> собственной сущностью, что в нем бытийствует всякая собственность (вещь) и всякое собственностное в мире.

То же самое никоим образом не есть идентичное <в> дифференции. Это идентичное остается пустым определением, которое не сделало даже знака-намека в каком-либо направлении, позволившем подумать о раз-личии.

Гегель мыслит «Систему науки».

Шеллинг мыслит «Систему свободы».

Сущность языка следует осмыслять только из мирствования мира, если мирствование не откажет в сказывании, которое сказывает о языке. 112

Мыслить, скорее, <означает>: замечать, что отказано в подобном сказывании. (Мир см. IV в «Четырех тетрадях».)

Не то чтобы язык и его сущность оставались несказываемыми; отказ относится как раз к сказываемому. Только если сказываемое остается не сказанным, Мирствующий отказ принимается во внимание мышлением.

Некогда сказываемая (sagbar) сущность языка должна оставаться несказанной (ungesagt).

Если мышление как сказывание мира дойдет до этого, ~~Бытие~~ <будет> сохранено.

Сущность языка становится сказываемой из мирствования мира; его тишь отказывает в сказывании.

Если смертные принадлежат к тиши зеркальной игры мира, <это> есть обитание.

С этого обитания начинается эпоха загадки.

113 Отречение-отсказывание (Entsagen) от сказываемого (<от> сущности языка) есть полное соответствие; соответствовать допущенному разговору мировой игры. (<S.> 110.)

Издавна несведущий в собственном
человек не знает
вовсе блеска
скромности.

Сквозь внезапность поворота ведет тропинка (Steg).

Простота захода события к миру. <S.> 89.

Различие есть при-бежище ~~Бытия~~.

Обычное словоупотребление повсюду отскакивает от представлений общепонятного; это столкновение (Anprall) воспринимается как мера. Люди не постигают сбывающийся конец мира языка. Все необычное предстает как искусственный произвол. <S.> 97.

114 Падая вниз, жаворонок воспевает
свою землю.

—

Памятующее мышление превозмогло преодоление (Überwinden). Преодоление относится к той <области>, где минование (Übergehen) определяется по типу перехода через (Überstieg). Преодоле-

ние везде <понимается как> превышение (Hinausgehen über), — причем так, что оно все же заимствует из того, что преодолевает, вид его целей и способ их установления. Таким образом, преодолевание является постоянным укреплением трансценденции. Со времен Платона преодоление приспосабливается к различным формам диалектики. В какой мере взаимосвязаны диалектика и техника? Они создают объединимость всего разрозненного в безусловную повсеместно гарантированную изготавливаемость. Техника устраняет потребность в учебе и способность к ней, а сущность учебы состоит в том, что она опирается на постигающее признание методов. Новоевропейский человек утрачивает <способность к> обучению. Что на его место ставит техника?

Сциентистское, дидактическое, литературное — вот 115
три коварных врага мышления; ибо они всякий раз заманивают его несоответствующую стихию (Element), которая, однако, господствует в обществе и отдает властные приказы и желает понятного.

Сциентистское: все *делать* научно, не подвергая сомнению науку; ибо она на деле доказывает свою правоту своими успехами и авторитетом.

Дидактическое: все *делать* доступным для преподавания на уровне по сути недумающих, которые не имеют никакого отношения к делу.

Литературное: все препоручать произведениям в форме романа, отчета, оперативной информации, ударного продвижения и гнаться за требованиями времени; <все> *делать* приятным.

Повсеместно желание действовать на службе махинации, сущность которой остается в тени, — пред-

знаменование выпущенной <на волю> трансценденции техники.

Техника как махинация безыстинности становится метафизикой метафизики. См.: Заметки VI[42], <S.> 8.

116 *Трансценденция* — это слово мы должны осмыслять в соответствии с его значением, а последнее — исходя из сказывания. В соответствии со значением оно обозначает переход через (Überstieg). Если исходить из сути дела, оно, однако, отсылает к непомысленной дифференции между сущим и бытием. Она проявляется в фигуре трансценденции и одновременно сокрыта в ней. Стремление обозначать словом «трансценденция» «трансцендентное» в смысле верховной причины является легкомыслием в речи и одновременно путаницей в мышлении.

Но и в том случае, если «трансценденция» есть более точное название для перехода бытия через сущее, даже тогда, когда это перехождение определяется исходя из ὄν ᾗ ὄν или из субъективности представляющего сознания, даже тогда, когда трансценденция как несокрытость бытия («О существе основания») мыслится исходя из экзистенциального Da-sein, и всецело тогда, когда переход идет от сущего к высшему сущему (как «бытию»), — тогда это название просто именует что-то сущностно непомысленное: дифференцию и ее сущностный исток. Где и как бытийствует переход? Откуда <берется> минование (Über-gehen) и превышение (Hinausgehen über) — к...?

---

42. [Martin Heidegger. Anmerkungen VI–IX. Предполагаемый редактор Петер Травны.] Том 98, содержащий «Заметки VI–IX», вышел в свет под редакцией П. Травны в 2018 г. — *Прим. пер.*

117 Приходит ли это только из восприятия присутствующего как такового? Если так, то все же из самого присутствия, ибо оно обеспечивает возможность восприятия его *как присутствующего*. Присутствие и восприятие, оба бытийствуют в том же самом (однако даже еще сокрытом) <истины> Ἀλήθεια; сокрытой является различающая Событийная сущность.

Пере-хождение (Über-steigen) осуществляется в восприятии, но это осуществление и его способ освоятся вместе с самим воспринимаемым в событии.

Вот почему *для* представления это неизбежно выглядит так, будто этот переход бытийствует в человеческом представлении и только в нем; во всяком случае в νοῦς и ψυχή — это τὰ ὄντα ||| πως πάντα[43].

На заре всей греческой <античности> человеческое существо, определенное исходя из ~~Бытия~~, осталось неопределенным — в результате забвения; в христианстве и в Новое время все было перенесено на абсолютное делание (Machen) всего, хотя и здесь сущность самого Бытия остается забытой.

Привычное предоставить ему <самому>; о-бычное 118
проживать.

°

Гораздо раньше призвано мышление, которое соответствует — без историографии — бывшему прежнего забвения раз-личия, в будущем готовому сбережению традиции, обращенной в сбывание. <S.> 142.

Каким образом у нас еще бытует молчание? Мы редко попадаем в его близь, ведь у нас едва ли когда-то есть что сказать существенного, непреходящего (Erhaltendes). Лишь благодаря тому, что следует ска-

43. Сущие как все (*греч.*). — *Прим. пер.*

зать, крепнет молчание. Но подобное внезапно высвояется у нас тиши освоения-сбывания (Solches aber hat uns jäh der Stille des Ereignens vereignet).

То, что следует сказать, задает меру молчания; оно есть соблюдение меры, и в этом сила овладевает самой собой и только так она сама есть. (<S.> 134).

В какой мере мышление способно пробудить склонность к учению и внедрить ее в поведение?

119 Мысль, посеянная в мышлении, это неприметное зерно, которое быстрее всего прорастает в сердце, создавая ему опору.

Мысль: помысленное, которое позволяет нам мыслить и так включаться в сохранение мира.

Но если мы не постигаем предварительное (das Vorläufige) в мышлении и даже преддверие (das Vorhöfliche) сущности мира и ее памятования, мы можем тысячекратно представлять помысленное, все же не проникая в мышление. <S.> 131.

Бытие и время: осмыслять истину бытия сущего,

что означает: осмыслять дифференцию бытия и сущего;

что означает: осмыслять дифференцию исходя из различия;

что означает: предварительно осмыслять в различие;

что означает: осмыслять только мир.

Мир есть достойное осмысления на одном этом пути.

Долго скрывался мир в близи, а нынче он есть она сама. —

Подобно тому, как цветы на лугу дружно соседствуют друг с другом, принадлежат своей земле и своему солнцу и нигде не препятствуют его

многообразному сиянию, — столь же цветущими (gediegen) являются важные мысли, ту или иную из которых осмысляет каждый мыслитель.

120 История, а не только историография, относится еще к эпохе перехода, махинации, безыстинности. Иное в отношении истории можно постичь только событийно во внезапности поворота. Иное (даже не больше, чем иное *в отношении* (*zu*) → истории) <нужно> осмыслять исходя всецело из собственностной сущности; поэтому история даже не может быть Единым в отношении к этому иному.

Думать об истине ~~Бытия~~ означает именно отказаться от нее, стремиться создать себе представления о бытии.

С периода работы над «Бытием и временем», когда я говорю «бытие» и называю его достойным осмысления, я постоянно мыслю ~~Бытие~~, — но это мышление идет к достойному осмысления; это не расчеты с заранее установленными числами.

<Слово> «Бытие» говорит одновременно еще на манер метафизики (бытие сущего, бытие вообще, сущее в целом, высшее сущее). Но осмысляется истина бытия сущего; в этом таится осмысление дифференции. (См.: Лекция л<етнего> с<еместра> <19>27.)

121 Насколько мы должны отдалиться от себя, чтобы измерить сущность того, что коренится в нашем существе и все же не связано с человеческим обликом (und doch nicht menschengestaltig ist)?

Как нам попасть в эту отдаленность, в которой нам откроется близь?

Истину ~~Бытия~~ как раз-личия осмыслять мируя; только так.

В перспективе «Бытия и времени» рассматривается дифференция как таковая; как достойное вопрошания. Но вопрос адресуется прежде всего еще и к условию горизонтально-бытийственного осуществления дифференции. Дифференция все еще остается тем, что надо объяснить. Однако вскоре проявляется с растущей отчетливостью то, что само различие есть объясняющее, обеспечивающее ясность и истину бытия. Это переворачивание мышления основывается на опыте поворота забвения различия. Но уже формальная дифференция бытия и сущего осталась бы лишь дифференцией ничего не говорящих, расплывающихся в приблизительности слов, если бы вместе с «бытием» уже не осмыслялась истина бытия (прежде всего как темпоральность). Дифференция еще сохраняет видимость формальной дистинкции.

122 Но существенным становится то: 1. что дифференция не проистекает из дистинкции, а бытийствует в самом различии и как таковое. 2. что само различие есть само бытие в смысле ~~Бытия~~ как события поворота забвения. Лишь когда эти отношения однозначно постигаются в их многообразии, возникает ручательство в том, что позднейшее мышление будет способно в памятовании раз-личия задуматься о нем, не вставляя его когда-либо снова в систему представлений об этом.

Как мы осуществляем это постижение? Чем предварительней упражняемся мы в памятовании и довольствуемся тем, что лишь указываем на памятуемое и продолжаем размышлять в этом русле, тем шире мы хватаемся за удаленные цели и приспосабливаемся к ним, вместо того чтобы отойти от них и оставить всякое поглядывание на образцы,

чтобы воспринять отпечаток лишь из того, что достойно осмысления.

Незаметно сеять семена на неведомой пашне. Все еще ростки остаются странными и не дают урожая. Даже сеять слишком рано. Остается только вспахивать и боронить.

Ницше. — Мы еще далеки от того, чтобы постичь, 123
осмысляя исходя из судьбы Бытия, помысленное им. Сюда относится то, что мы способны осмыслять, что́ в этом помысленном остается забытым из Бытийно-исторической взаимосвязи. Ницше уже не вопрошает, на чем основывается сущностная взаимосвязь вечного возвращения одного и того же и сверхчеловека. То, что оба таят в себе бытие сущего в смысле воли к власти, лишь еще более затемняет эту взаимосвязь. То, что Ницше понимает эту взаимосвязь как два поддерживающих друг друга учения, только показывает, как он движется в рамках этого и как он пытается справиться с тем, что надо осмыслить; однако ничего не говорит о том, в какой мере постоянство постоянства (Beständigkeit der Beständigkeit) воли к воле как сущность Бытия в себе требует отношения к человеческому существу и к сущности Бытия; в какой мере это требование относится к сущности ~~Бытия~~. Обо всем этом Ницше не может вопрошать, поскольку он мыслит еще метафизически, причем даже в грубейшей форме (по примеру Шопенгауэра). Завершение метафизики, и именно оно, происходит внезапно и потому является сплошь метафизическим, <а значит,> вовсе <нельзя сказать>, что метафизика уже наполовину не метафизика и тем самым уже переход, как могли бы полагать исходя из каузальных представлений о развитии <, принятых в> историографии. Внезапность поворота <, связанно- 124

го с> забвением ~~Бытия~~, ускользает от нас, когда мы на основе историографических представлений или диалектически оказываемся перед своего рода переходом метафизики в нечто более изначальное.

И вот убеждают себя, будто уже вышли из философии Ницше, тогда как мы даже не подошли к ней и пребываем в преддверии ее сущности. Через эту метафизику не перепрыгнешь Бытийно-исторически. Опасность сейчас заключается в том, что мы, не способные к памятованию, *не* можем постигнуть вечное возвращение одного и того же и сверхчеловека в сущности воли к власти исходя из истины такого Бытия, проходя через этот опыт, выдержать его и таким образом судьбинно подготовить приход внезапности поворота. Вместо этого люди поспешно принимаются за опровержения и преодоления, оказываясь далеко позади того, что мыслил Ницше, и торопясь пройти мимо него. В этом проявляется ослепление, угрожающее эпохе. Все, христианство и Международные союзы способствуют тому, чтобы усугубить и, в конце концов, закрепить это ослепление. Вот почему, напуская туман для прикрытия своей непонятливости, держатся за фасад ницшевского мышления, за то, что составляет зеркальный контраст к эпохе грюндерства уходящего XIX столетия; за то, что сознательно (wissentlich) выкрикивалось Ницше и обругивалось им. Люди не догадываются о бремени страданий, в котором выстрадано горе; еще менее догадываются о благородстве убеждений этого мышления, которому местами еще недоставало ремесла великой традиции и часто <приходилось> довольствоваться второразрядными <поделками>.

125

Наконец, нет необходимости, чтобы об этом коечто узнали. Достаточно было бы, если бы люди воздерживались от дерзких опровержений и — восхищений, — предоставляя другим заниматься сутью

помысленного. Но все <подобные> соображения сумбурны. Слишком долго при этом раздергивали Ницше на все лады. Возможно, они должны имитировать для себя его преодоление. Тогда публика скорее отвернется от него, хотя она во многих неузнаваемых деталях достаточно энергично кормится <его наследием>.

Злейшие враги — это назойливые почитатели. Цинично их благожелательство —

126 Насколько пахари задают меру? Как им удается, прокладывая борозды, сохранять дистанцию от тех, кто господствует, и вместе с тем одаривать их?

Среди философов редки мыслители; это те, кто вздрагивает при содроганиях судьбы Бытия, для утишения какового беспокойства осваивается тишь (welche Unruhe zu stillen, Stille sich ereignet) (<S.> 142.)

Мыслитель осмысляет вещи более бытийно (seiender), поскольку он осмысляет их исходя из простого, куда никогда не возвращаются представления о них. Простое есть мирствование четверицы раз-личия.

Что чаще стоит перед глазами всех, чем дифференция сущего и бытия? И все же она не видит никого, кто освоился бы в раз-личие (sodaß er in den Unter-Schied ereignet wäre) — благодаря ее взгляду.

Доведи все до конца, начни с него.

Пусть *внезапности* будет положен конец, в кругу четверицы; не разрыв и отсутствие.

127 Планирование и расчеты в отношении будущего, даже стремление подготовиться — это только

развернутая вперед историография. А что она? Сама же она — обращенное в прошлое рассчитывание. Так повсюду в пространстве временности действует изготовление, причем таким образом, что оно допускает лишь такое время (просчитанное число); вот почему время уже рано выступает как «до» и «после» в череде моментов «теперь».

Метафизика. — Памятующее мышление не знакомо с посредничеством метафизики; она не отвергается <и> не отменяется. Она остается разделенной в промежутке резкости-внезапности поворота, но так, что ее бывшее первоначально оплодотворено и развивается более изначально; таким образом резкость становится резче, а несовместимое — разделеннее; памятование о *сущности* метафизики становится более сущностным.

Мыслители совершают худшие ошибки в толковании, полагая, что тем, что кто-нибудь скажет, сказано все; сказанное будто бы является единственно могущим быть высказанным. Редко люди замечают, что сказанное это лишь нечто предварительное, чтобы собственно сказываемое осталось невысказанным. Возможно, это, скорее, относится только к памятующему мышлению.
128
°

Достаточно ли поступательно <развивающейся> организации органического в смысле рассчитывающего установления всего сущего в безусловную осуществимость противопоставлять лишь иное <в виде> дионисийского? Не лучше ли перед лицом такого неудовлетворительного различения сначала обрести почву и воздух для свободно Развившегося (das frey Gediegene) роста ~~Бытия~~?

Свободно развившееся во всяком существе — для него должны быть значимы размышление и приготовления. Лишь подобное могло бы когда-нибудь учесть необходимость восстать в качестве структуры (Gefüge) против махинации. <S.> 143.

Свободно развившееся: Оно расцвело (gediehen) на просторе мира как этот мир; оно вросло в свою освоенную структуру; оно успешно расцветает (gedeihlich) в зерне мышления. См.: Заметки II, <S.> 19.

Развившееся (Gediegen) и вещь (Ding). Вещь мира (Weltding).

Чем сущностней мышление, тем меньше оно может 129
знать, какое судьбинное предопределение и развитие ему уготовано. По всей видимости, ошибочно именно то, чего оно желает само и для себя.

Отвращением люди свидетельствуют теперь о собственном страхе перед моим мышлением, силясь не обращать на него внимание.

°

Это мышление исчерпывается в единственной неустанной попытке указать на то, что дифференция сущего и бытия осталась неосмысленной, что все же человеческое существо блуждает вокруг сущности этого непомысленного. Но эту дифференцию не следует осмыслять как отношение между данным заранее.

В потоках потока пребывает глубокий и надежный источник.

Ни один автор не может предугадать влияние 130
своей деятельности. Но каждый обязан знать о себе

в горизонте своего самосознания, — что подходит ему, а что нет.

Некоторые сегодняшние <деятели> полагают, будто нужду людей можно очень быстро устранить. <Понятие> «трансценденции» наполняют новыми мифологическими содержаниями. Но сама трансценденция и ее сущность есть крайняя нужда, поскольку ее как нужду обходят стороной и замазывают заимствованными и устаревшими красителями. Подобные поспешные мнения относятся со всех точек зрения к области господствующей техники; вот только технику, по всей видимости, преодолеет это выдуманное, предложенное как средство и путь бегства в литературно обновленную мифологию. Если уж на то пошло, подобный выход <из положения> а-техничен (atechnisch); о чем свидетельствует уже обратная связь с технической <областью> в самом этом слове. То, что сбывалось-освоялось за три тысячелетия как судьба Бытия, нельзя остановить
131 или даже опрокинуть и усовершенствовать за годы и десятилетия; ведь при таких попытках в игру повсюду вмешивается метафизическая недобросовестность, которая отвергает достойность вопрошания сущности бытия. Первым делом следует постичь, в чем состоит нужда, и взять на себя единственную жертву, которая одновременно включает вытерпливание неспособности произвести изменение и готовность для поворота в судьбе бытия выстроить далеко-далеко (weit hinaus) неприметное обиталище на почти не вспаханном поле.

Жертва бессильного приготовления чего-то предварительного в судьбе ~~Бытия~~ — не говоря много и часто о жертве. Самое неприметное, самое предварительное приготовление — это мышление.

(*Жертва*) *предвыстраивания — предвыстраивание* (Vorbauen). — Строить обиталище сущности *мира* в смысле события различия; «пред-» — в смысле близости близи — преддверие мира; «пред-» и поэтому одновременно *предваряя* (zum voraus); но не как план, а как неприметное измерение (Dimension) поворота. <S.> 142. См.: «Четыре тетради», <S.> 54.

Если кто-либо занимает должность профессора философии, он рискует прослыть философом. Поэтому-то он и заботится о том, чтобы его мышление (если он вообще когда-либо думал) было зарегистрировано исключительно [как] духовный продукт. Общественные службы информации и пропаганды — не что иное, как такая регистрация производства и его рынка. Но в этой игре она вытягивает[44] свои особые регистры, чтобы править (regieren) без помех. 132

Представляющее мышление, которое постигает и схватывает непостигнутое и повсюду движется лишь в схватывании и охватывании, содержит в себе притязание на законотворчество; оно представляет и устанавливает представленное (setzt das Vorgesetzte). В представляющем мышлении приставка «пред-» (vor-) означает в возвратном значении: *пред собой*, самому себе, <себе как> субъекту.

Памятующее мышление не предлагает законов, но сберегает простор мира в событие. В сбережении покоится все его предвыстраивание.

Рассчитывать на то, что (и когда) попытки предвыстроенного мышления исторически воспримутся как толчок, мы больше не вправе. Это был бы исто-

44. Как в церковном или концертном органе. — *Прим. пер.*

133 ризм, направленный вперед. Молчание по поводу принесения в жертву было бы нарушено, еще меньше мы вправе говорить об этом. Остается предположить, что кризис, который когда-либо разразится в издательском деле и в книжной индустрии, не остановится, однако, на том, чтобы были осмыслены решения и отказы в отношении авторства. Производственный аппарат общественности нацелен на своего рода жертвование, ему нужны корм и прибыль.

Философия порождает науки и поощряет их. Мышление лишает их корней. Им уже больше не нужны корни, ведь они живут на основе зависимости в рамках технического производства мира как объекта. Всякая попытка создать связь наук с духом неразумна, ибо сам дух лишился своей сущности.

Мышление лишает науки корней, поскольку оно мыслит, т. е. вступает в различие. Мышлению нечего больше делать с науками.

134 Плохо не то, что публика препятствует влиянию помысленного, а то, что она навязывает мышлению роль философии.

Эпоха, которая стала историографической, т. е., технически планируя, рассчитывает саму себя и втягивает все в эту воронку, должна регистрировать всякое размышление лишь как одну из многих форм интеллектуальности. Мы должны признать, что в рамках этой эпохи и ее только начинающейся долгоустойчивости всякое мышление обязано придерживать свой смысл при себе, а каждое его высказывание остается ошибочным.

Поскольку другая мировая эпоха не следует за нынешней, но, как любая эпоха, возникает из вне-

запности судьбы ~~Бытия~~, существует предвыстраивание другого. К подобному мышлению относится, однако, то, что с трудом и медленно становится постигаемым, — утишенное из ~~Бытия~~ молчание в еще непознанном одиночестве. (<S.> 118.) Одиночество Ницше было только прелюдией; оно еще кричало и шумело; а потому не было услышанным. Лишь одинокое воспринимает одинокое. <S.> 67.

Преподавать философию, 135
дать <возможность> изучать ремесло мышления,
мышление —
это три совершенно разные вещи.

Мышление, подобно всякой сущностной деятельности человека, располагает своим ремеслом, даруя ему всякий раз новые мерки и силы для сохранения. На основе простого ремесла мы никогда не доберемся до мышления; последнее постоянно налагает свой отпечаток на свое ремесло. Вот почему только мышление дает возможность научиться в том числе и ремеслу, т. е. своему собственному.

Полностью различны — и только внешне связаны со школьным языком — мышление и преподавание в дисциплине философии. Это преподавание обходится без мышления и без ремесла. Свою технику это преподавание вносит в науку из наиболее общих форм производства. Пожалуй, в чем-то мышление, причем неприметно, может присутствовать в обучении. Там, где это происходит, преподавание утратило безобидность. В горизонте наук, которым 136
по природе мышление чуждо, создается впечатление, будто в преподавании философии действует своего рода магия. Подобное преподавание немедленно воспринимается врагами мышления и прирожденными недоумками (Gedankenlose) как опасное для общества.

Враги мышления бывают разного пошиба и принадлежат зачастую к совершенно разным лагерям. Врагами мышления являются верующие христиане, если таковые в самом деле существуют; они непременно и по праву — враги мышления, которые любят своего врага как, по их мнению, пропащего. Враги мышления во враждебном, а потому зловредном и потому махинационном, а значит, обычном смысле — это те верующие, которые считают себя верующими, <приверженцами> любой истины и плетут свою паутину через церковное руководство вплоть до самых наивных слоев и распределяют своих функционеров. Врагами мышления являются исследователи, которые в технике своей работы не терпят никаких трений и считают свое знание <плодом> духа.

137 Врагами мышления являются политические власти предержащие, которые нуждаются в одурманивании масс и в дешевом притворстве. Врагами мышления являются иррационалисты, которые из-за своей поспешности и боевитости видят предлог и тем самым препятствие в любом размышлении и достойности вопрошания, которая должна сделаться достойностью осмысления.

Все враги едины в своей враждебности; они маскируют или исповедуют ее в самых различных формах. В целом они обеспечивают варварству «нового мира» удобнейших пособников и не колеблются сотрудничать с ними в их общем деле.

Но самыми опасными врагами мышления являются те, кто овладевает формальной и формалистической изощренностью мышления и движется в своем сущностном образе и выносит на рынок результаты своих занятий с помощью вышеназванных врагов. Это называется культурной функцией философии. Она тем временем организуется в международных масштабах при помощи подходящих личностей.

Мышлению всегда приходилось нелегко. Но нынешняя диктатура публичности со своим инструментарием действует настолько разрушительно, что любой мыслитель непременно разрушается при этом, пусть даже этого и не видно. Подобное разрушение, однако, — нечто иное, чем крах, что остается только названием для капитуляции перед мышлением, предпосланной всякой философии. 138

Университеты и то, что еще действует под таким названием, обходятся без философии. Лучше всего было бы вообще исключить ее из учебного процесса.

Может быть, тогда скорее появилась бы возможность, что когда-либо где-нибудь снова пробудится мышление, сохраненное в большей чистоте.

Однако науки тогда еще более утвердились бы в их нынешней форме. Их польза для общения (Geselligkeit) и человечности могла бы возрасти.

Но омрачение мира и помрачение мышления прекрасно сходятся благодаря их публичному характеру.

Мышление остается в <никому> не ведомой неприметности.

Мышлению также не хватает мастерской для обучения ремеслу. Существующие формы подготовки по предмету «философия» менее всего подходят для этого; сообразно своей природе и своей среде они не допускают мышления. 139

Возможно, надо вообще оставить открытым <вопрос> о целесообразности в наши дни попытки создания подобной мастерской. В мире абсолютной техники всякое место деятельности немедленно попадает в уже существующую сферу расчетливого использования. Мастерская мышления не знает ни учеников, ни подмастерьев; их мастер — прирожденный ученик. Способность обучаться, умение

выслушивать — его высшее отличие. Естественная живая форма подобной мастерской еще далека от нас. Мы вынуждены прилагать <все> силы, чтобы всюду оберегать мышление от машинного хода научной деятельности и, однако, рассматривать это оберегание как хотя и неизбежное, но несущественное условие <для> мышления.

Мышление произрастает на собственном поле.

140 Кто мог бы долго обходиться без пробуждающей и поддерживающей энергии единомышленников (Mitwissende)? Причем в такое время, когда вся великая традиция не только в своем теперешнем состоянии, но и в своем существе находится под угрозой. Человек на этой планете в такие времена, видимо, уже не вправе знать историю. Он вынужден странствовать по пустыне неисторической эпохи. Странствуя в эту неизбежную эпоху, немногие и неприметные принесут с собой простые сущностные основы сохраняющихся творений поэзии и благодарности, образования и мышления и дадут возможность выдвигать <их> как незабываемые загадки для другой эпохи.

Поскольку технический мир пребывает в начале развития своего господства, мы не вправе надеяться на то, что сможем путем дешевых уловок с чем-то справиться. Остается лишь далеко и в странствии по пустыне предмысливать и при этом находить масштабы для того, что стремилось бы выделиться как непреходящая загадка, которая во всех отношениях с самого начала воодушевляет в осуществлен-
141 ном произведении человеческое существо.

Не молот и серп, а *плуг* перед серпом. Ницше был еще вынужден философствовать молотом и пытаться вдалбливать вечное возвращение одного и того же

как бытие сущего и укреплять человека, чтобы тот смог это вынести и обрести в этом свои мерила.

Из поворота забвения Бытия, однако, сбывается-осваивается неизбежное — сначала вспахать поле мира и предоставить его готовым для посева солнцу и дождю и птицам небесным.

Главное предназначение мышления: основательно высказать различие в событии мира — посреди техники, которая лишь в грядущую эпоху станет абсолютно безмерной и которая достигает своего центра, когда делается абсолютной психотехникой, а тем самым душевные состояния и обстоятельства, т. е. психически представляемый человек, оказываются помещенными в <область> изготавливаемого (in das Herstellbare).

Главный на-строй: в замалчиваемой жертве предвыстраивания обиталищ поворота из голоса игры тиши. («Четыре тетради», <S.> 43) и (<S.> 54), см. выше, <S.> 126, 118. 142

Если туман памятования не окутает прежде помысленную *сущность* метафизики, ее не сорвать с петель. Но это необходимо, если судьба человека должна через технику выйти на простор обиталища — спустя несколько столетий. Тот, кто не в состоянии заглянуть так далеко, т. е. постичь близь ~~Бытия~~ из такой дали, не должен связываться с мышлением. Подобное заглядывание не теряется в некоей утопии, оно у себя дома в топологии ~~Бытия~~. Памятование не делает расчеты с помощью планирования для пустого будущего, оно сберегает будущее близи как непознанного мира. Числа историографической хронологии, два или три или больше столетий, не затрагивают внезапности поворота, который, однако,

не позволяет причислять себя — как современность — к привычному летосчислению или даже к вечности. Когда будет осмыслена *сущность* (v.)[45] метафизики?

143 Подготавливать свободно выросшее, сбывшееся-освоенное мируя, в предвозделывании пашни поворота. (<S.> 128.)
Между тем труд земледельца, сельского хозяина, попадает в тиски промышленной техники и выполняет свои дела быстро в максимально короткие сроки (дни и часы) с максимальной прибылью с помощью все более быстрых машин.

Между тем на проселочной дороге пролегают следы тракторов. Это опустошение в его области невозможно остановить его средствами.

Строительство (Bauen) — <следует> осмыслять всякий раз по-новому — это обитание (Wohnen). Но *обитание* — это настойчивость в мирствовании мира. Обитабельное (das Wohnliche) ускользает; Сделанное новое заменяет все и превращает саму замену в единственную желаемую цель. — Таким путем изготовление со своей махинацией охватывает вновь сколоченные области <для> завоевания.

Предвыстраивание: авангард обитания, внезапно отделенный от планирования. И все же проселок прокладывает в заросшей почве свой след через ниву.

144 Предвыстраивание (см. Заметки VI, <S.> 9):

на манер *сказывания* обитания дать возможность бытийствовать.

обитание: на-селять мир.

---

45. Так в оригинале. — *Прим. пер.*

предобитание: обитать (erwohnen), возделывая-вспахивая, на пашне поворота забвения. Пред = для…, хранить мир для загадки.

Обитание как сказывание различия.

Пред-выстраивание: «*предыдущее*» загадки вокруг:

не априори — | близь;

не планируя; а | *прежде* — подготавливать четверозначный знак (Winken) миру.

Охранение в близь *перед этим* — перед припадком забвения различия; охранять ~~Бытие~~.

Сказывание различия есть мышление ~~Бытия~~. Это мышление есть памятование: принадлежание прибытию близи тиши.

Принадлежание способом предвыстраивания.

Предвыстраивание же покоится в основательности мирствования.

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

Ἀλήθεια 42, *75*, 95
Америка 56
Анаксимандр 12
безыстинность (Verwahrlosung) 106, 134
близь 70, *71*, 107
Бог 36, 61
Буркхардт 7, 8, 55
Бытие (Seyn) 13
«Бытие и время» 22, 119, 120
вера 12 сл.
воля 50, 59
время 80, 82, 127
Гегель 111
Гуссерль 18, 52

Декарт 88
дело, вещь (Sache) 17
диалектика 114
дифференция 97, 103, 111, 120 сл., 126
жертва 131
забвение 97
заблуждение (Irre) 41
загадка (Ratsal) 109, 111, 113
Западная Европа (Abendland) 56
заход (Einkehr) 101
интерпретация 7
искусство 6, 45, 79
истина *49 слл.*
историография (Historie) 90, 104, 127
история (Geschichte) 104, 120
каузальность 87
качество 92
Китай 15
кольцо 69 сл.
красота 43 слл.
крестьянин 57, 63, 143
критика 24, 29, 76 слл.
круг 74 сл.
культура 10
ландшафт 13
литератор 14, 94, 115
ложное толкование 103
махинация 115
месть 21, 50
метафизика 100, 127
минимализм *92*
мировая ночь 4, 56
молчание 91, 118
мыслитель 19, 94, 126
мышление *особенно 40*, 46, 65, 83, 102, 107, *130/31*, *132*, 134

настроение, настрой 87 слл.
наука (11), 71, 98, 115, 133
находить, нахождение 9
начало 84
немцы 21
невыговоренное (Ungesprochene) 10, 108
Ницше 55 сл., 82, 123 сл., 141
ничто 81
нужда 130 сл.
обиталище (Hort) 44, 109
обитание (Wohnen) 103, 109, 142
онтология 54
опасность 89
опыт 57, 66
органы чувств 73
памятование (An-denken) 46, 65
пастух 44
Письмо [о гуманизме] 5, 20
повторение (Repetition) 78 сл.
повторение-возобновление (Wiederholung) 79
понятие 94, 99
предвыстраивание (Vorbauen) *131, 133*, 142/43 сл. (см. 119)
представление (68), 86, 104
преодоление 114
принцип 62
простое 68
простота 89, 99, 113
путь 39
разговор 57
рань 95
роман 61, 70
сказывание (Sage) 91, 98
«собственно» «Eigentlich» *91*
основательный (Gediegen) 128
сомнение 87 сл.

страх Angst 47
техника 9, 59, 78, 104 слл., 115 сл., 142
тишь 41, 118, 142
То же самое (Selbe) *111*
то, «что» (das «Daß») 72, 85
традиция 10, 140
трансценденция 42, 110, 114 слл.
учеба 57, 67/8, *114*
«феноменология» 17
философия 90
человек 100
шаг назад 68
язык 30, 32, *33*, 61, 93, 96, 98, *112*

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

В томе 97 полного собрания сочинений Мартина Хайдеггера публикуются «Заметки I–V», пять из «Черных тетрадей» (их название принадлежит самому автору). Написанные в период 1942–1948 гг., они открывают издание второй серии (после «Размышлений II–XV») «Черных тетрадей», которая будет продолжена в томе 98 публикацией «Заметок VI–IX».

Предваряя «Заметки IV», Хайдеггер цитирует Лейбница: «Qui me non nisi editis novit, non me novit»[1]. Цитата подсказывает значение всех «Черных тетрадей» в целом. Это уникальная рукопись, рожденная за пределами публичной сферы. В отличие от неопубликованных трактатов, таких как «К философии (О событии)», «Черные тетради» предоставили Хайдеггеру возможность обрисовать свое мышление без оглядки на формальные препятствия. И чтобы познакомиться с этим мышлением по-настоящему, представляется необходимым учитывать неопубликованные материалы, в том числе и «Черные тетради».

---

1. Martin Heidegger: Anmerkungen IV, Titelblatt. In: Ders.: Anmerkungen I–V. GA 97. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2015. — Перевод: «...кто знает обо мне только то, что было опубликовано, меня не знает». Цит. по: Нарский И. С. Основное гносеологическое сочинение Лейбница и его полемика с Локком // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 45. G. W. Leibniz. Brief an Placcius vom 2. März, 1696.

Наряду с опубликованными сочинениями 1920-х гг., лекциями, конспектами семинаров, статьями, докладами и бытийно-историческими трактатами мы, таким образом, знакомимся в «Черных тетрадях» Хайдеггера с дальнейшим развитием его стиля высказывания. Вопрос о том, как взаимосвязаны все эти разнообразные способы языкового выражения, относится, возможно, к важнейшим задачам мышления, стремящегося постичь мышление Хайдеггера в целом.

«Черным тетрадям» свойственна форма, по своему типу и характеру редкая не только для Хайдеггера, но и вообще для философии XX века. Их, скорее всего, можно сравнить с «дневником мыслей»[2]. Но если это название вытесняет охватываемые им работы в основном на периферию творческого наследия, значение «Черных тетрадей» в связи с «первоначальным мышлением»[3] Хайдеггера еще предстоит рассмотреть.

По сообщению Германа Хайдеггера, прежнего распорядителя наследия, и Фридриха-Вильгельма фон Херрманна, приват-ассистента философа в период 1972–1976 гг., «Черные тетради» приблизительно в середине 1970-х гг. были переданы в Немецкий литературный архив в Марбахе. Говоря о помещении рукописи в музей, Хайдеггер пожелал, чтобы она была опубликована в самом конце собрания сочинений. Вплоть до этого времени она должна была находиться «как бы под двой-

---

2. Denktagebuch — так Ханна Арендт назвала свой дневник, куда записывала пришедшие в голову мысли. — *Прим. пер.*
3. Martin Heidegger: Anmerkungen I, 96. In: Ders.: Anmerkungen I–V. GA 97. A.a.O. Отсылка к страницам относится к оригинальной пагинации рукописей, которая указана на полях в томах собрания сочинения.

ным секретом» (сообщение фон Херрманна). Никто не имел права просматривать или читать ее. Распорядитель наследия принял решение, нарушающее это требование автора, чтобы из-за замедления выхода в свет еще не опубликованных томов Собрания не пострадало все предприятие по представлению мышления Мартина Хайдеггера в подобающей форме.

Возникает вопрос, почему Хайдеггер хотел, чтобы «Черные тетради» вышли в виде последних томов собрания сочинений. Ответ может быть, вероятно, соотнесен с уже известным издательским требованием, согласно которому после повторного опубликования уже известных работ должны были выйти в свет лекции, а за ними сочинения, касающиеся истории бытия. Дело в том, что лекции, в которых сознательно обходится то, что содержится в работах по истории бытия, подготавливают к тому, о чем в этих последних говорится на языке, не предназначенном для публичного выступления. В «Черных тетрадях» развивается то, что в крайне сжатом виде присутствовало в сочинениях, касающихся истории бытия. В структуре собрания сочинений «Черные тетради», таким образом, максимально отдалены от работ, опубликованных самим Хайдеггером. Упомянутая цитата из Лейбница показывает, в каком отношении друг к другу находятся эти группы текстов.

До нас дошли тридцать четыре «Черные тетради»: четырнадцать тетрадей под заголовком «Размышления», девять с названием «Заметки», две озаглавленные «Четыре тетради», две «Vigilae» (Стражи), одна под названием «Notturno» (Ночное), две под заголовком «Намеки», четыре тетради, поименованные «Предварительное». Кроме того, обнаружены две тетради с названиями «Megiston»

(Величайшее) и «Базовые слова». Относятся ли они к «Черным тетрадям» и в какой мере, еще предстоит выяснить. В томах 94–102 собрания сочинений в ближайшие годы будут напечатаны эти тридцать четыре, названные вначале, рукописи.

Работа над тетрадями продолжалась более сорока лет. В первой имеющейся тетради «Намеки x Размышления (II) и Указания» на первой странице стоит дата «Октябрь 1931». В «Предварительном III» встречается отсылка к «Le Thor 1969», что должно означать, что тетрадь «Предварительное IV» создавалась в начале 1970-х гг. Отсутствует тетрадь — «Намеки x Размышления (I)», которая, по-видимому, писалась около 1930 г. Где она находится, неизвестно.

* * *

В начале «Заметок IX» (из «Черных тетрадей»), которые будут опубликованы в томе 98 собрания сочинений, говорится: «Заметки — они отмечали, т. е. почувствовали дифференцию в бытии Бытия, в присутствии присутствующего. Затронутые ею, идя по ее следам, они выявляют в дифференции ее событийную сущность»[4]. Поскольку эти «Заметки» написаны в 1950 г. и их отделяет от более ранних «Заметок» не слишком большой временной интервал, можно употреблять название «Заметки» по отношению к ним всем.

«Заметки I» были начаты, по-видимому, летом 1942 г. Хайдеггер упоминает открытку своего сына

4. Martin Heidegger: Anmerkungen IX, a. In: Ders. Anmerkungen VI–IX. Предполагаемый издатель Петер Травны. — Указанный том вышел в свет в 2018 г. — *Прим. пер.*

Йорга, посланную «полевой почтой»[5] и дошедшую до Хайдеггера, когда он завершил работу над статьей о гимне «Воспоминание» к сборнику, посвященному 100-летию со дня смерти Гёльдерлина. «Заметки V» завершаются в 1948 г. Так, том 97 содержит, к примеру, мысли Хайдеггера по поводу «безоговорочной капитуляции» вермахта, по поводу лишения его в ходе денацификации разрешения на преподавательскую деятельность, а также относительно публикации «Письма о гуманизме».

Если записанные в 1941 г. «Размышления XV» оканчивались постоянными отсылками к политическим событиям, то «Заметки I», как кажется, задают сначала иной тон. Писатель Адальберт Штифтер[6] упоминается все чаще, однажды даже ставится рядом с Гёльдерлином. Последний же больше, чем прежде, выступает на передний план. Нередко текст Хайдеггера приобретает стиль выражения, напоминающий манеру речи и тон Гёльдерлина.

Эта отрешенность, однако, внезапно прерывается мыслью, которая пришла в голову Хайдеггеру, очевидно, в начале 1940-х гг. Вопрос о том, как преодолеть господство «махинации» в пользу «другого начала», натолкнулся на возможность ее «самоуничтожения»[7]. В этой связи «планетарная война»[8] последовательно истолковывалась теперь в бытийно-историческом ключе. В системе уничтожения, <действовавшей в этой войне,> — к этой системе

---

5. Martin Heidegger: Anmerkungen I, 25. In: Ders.: Anmerkungen I–V. GA 97. A.a.O.
6. Ebd., 9, 37, 40, 47, 54, 55, 57.
7. Ebd., 26, 30, 95, etc.
8. Martin Heidegger: Überlegungen XV, 15. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2014.

Хайдеггер, видимо, относил и уничтожение евреев, — война реализовала не что иное, как «самоуничтожение» «махинации».

Также снова всплывают упоминания исторических событий. Хотя 8 мая 1945 года прямо не называется, все же оккупация <страны> резко осуждается. «Сейчас беспрерывно говорят только об американцах и французах, об англичанах и русских и о том, как нам живется под властью их воспитательной работы. Никто не думает о том, как обстоят дела у немцев, в своем ли они еще уме…»[9] Реагируя на лишение разрешения на преподавательскую деятельность, Хайдеггер связывает то, что затронуло его лично, вообще с «изменой мышлению»[10].

Высказывания по поводу непосредственно послевоенного периода приобретают теперь явно полемический характер. Организованное Карлом Ясперсом и Дольфом Штернбергером и другими издание ежемесячного журнала «Перемена» аттестуется как «вялый, неопрятный и безысторичный хлам»[11]. Хайдеггер говорит о «пустой болтовне господина Штернбергера», который в 1931 г. под руководством Пауля Тиллиха защитил докторскую диссертацию, посвященную одной из тем философии Хайдеггера.

После военного поражения, а также после публикаций о массовых убийствах европейских евреев Хайдеггер придерживается бытийно-исторического толкования «немцев». «Мировой позор», который угрожает немецкому народу, «позор перед сокрытым миром судьбы, а не перед „миром“ как журналистской организацией публичности черни, состо-

---

9. Martin Heidegger: Anmerkungen I, 76. In: Ders.: Anmerkungen I–V. GA 97. A.a.O.
10. Ebd., 127.
11. Ebd., 134.

ит вовсе не в „вине“, которую ему <народу> вменяют, а в неспособности погибнуть в судьбинной позиции (Haltung), презирая „мир“ модерна»[12].

Спорные высказывания о еврействе, уже встречавшиеся в «Размышлениях», находят продолжение прежде всего в «Заметках I». Так, «<понятие> анти-христианин» — Хайдеггер думает о разрушительных силах Второй мировой войны, причем он, как кажется, включает сюда и массовые убийства, совершенные национал-социалистами, — «подобно любому слову с „анти-“, должно происходить из того же сущностного основания, что и то, против чего оно является „анти-“, — то есть „христианин“». Последнее понятие «родилось в среде иудаизма, <который> в период христианского Запада, т. е. метафизики, стал принципом разрушения. Разрушительное <состоит> в перевертывании завершения метафизики — т. е. метафизики Гегеля — Марксом. Дух и культура становятся надстройкой „жизни“ — т. е. хозяйства, т. е. организации — т. е. биологического — т. е. „народа“»[13].

Когда же «сущностно „еврейское“ в метафизическом смысле» борется против еврейского, достигается «высшая точка самоуничтожения в истории». Коль скоро «еврейское» повсюду полностью завладело господством, то и «борьба с „еврейским“, и прежде всего она, приводит к подчинению ему (Botmäßigkeit zu ihm)»[14]. Мысль последовательна: лишь когда «еврейское», которое не может быть не чем иным, как самой «махинацией», делается

12. Martin Heidegger: Anmerkungen II, 57. In: Ders.: Anmerkungen I–V. GA 97. A.a.O.
13. Martin Heidegger: Anmerkungen I, 29. In: Ders.: Anmerkungen I–V. GA 97. A.a.O.
14. Ebd., 30.

тотальным, его «самоуничтожение» сможет привести к преодолению.

В другом месте говорится, что «великие пророки были евреями, это факт, тайна которого еще не осмыслена»[15]. «„Пророчество“ — техника защиты судьбоносного в истории. Оно — „инструмент воли к власти“». В «примечании для ослов» Хайдеггер указывает на то, что «к «антисемитизму» это замечание не имеет никакого отношения», а сам антисемитизм он называет «глупым» и «порочным».

Если в «Размышлениях» 1930-х гг. Хайдеггер зачастую резко нападал на христианство, то теперь он обращает внимание на собственное «анти-христианство»[16]. «Но было бы необходимо, чтобы однажды кто-нибудь хоть раз задумался над моим анти-христианством». Создается впечатление, что найдено завершение трактовки иудаизма и христианства. «Современные системы тотальной диктатуры проистекают из иудео-христианского монотеизма»[17], — говорится в 1948 г. в «Заметках V».

* * *

Что касается «Заметок», публикуемых в томах 97 и 98 собрания сочинений, то речь идет о девяти из тридцати четырех или тридцати шести черных клеенчатых тетрадей. Их формат несколько необычен, он напоминает формат DIN D5. Оригиналы хранятся в архиве Хайдеггера в Немецком литературном архиве в Марбахе-на-Неккаре. Издатель

15. Martin Heidegger: Anmerkungen II, 77. In: Ders.: Anmerkungen I–V. GA 97. A.a.O.
16. Ebd., 138.
17. Martin Heidegger: Anmerkungen V, 10. In: Ders.: Anmerkungen I–V. GA 97. A.a.O.

имел в своем распоряжении переплетенные в синий холст копии с указанным на корешках названием.

Том 97 собрания сочинений Мартина Хайдеггера включает следующие тексты:

Заметки I, 154 страницы с приложением;

Заметки II, 156 страниц;

Заметки III, 142 страницы;

Заметки IV, 144 страницы;

Заметки V, 144 страницы с приложением.

Дополняют тексты указатели ключевых слов, которые Хайдеггер приложил к «Черным тетрадям». Лишь в «Размышлениях XV» подобный указатель отсутствует. Возможно, что между написанием этих «Размышлений» и «Заметок I» возник небольшой перерыв.

«Заметки I», которые еще год назад считались утраченными, обнаружены благодаря дополнительным разысканиям нового распорядителя наследия — Арнульфа Хайдеггера. Их обладателем был Сильвио Вьетта, который получил их от своей матери Доротеи. В настоящее время и эта «Черная тетрадь» находится в собрании Немецкого литературного архива в Марбахе.

Рукописи были отредактированы <автором>. Описки в них практически отсутствуют. Таким образом, «Черные тетради» не носят характера записных книжек. Подготовительные материалы не сохранились.

«Заметки II, IV и V» перепечатаны на машинке оберштудиенратом Детлевом Хайдеггером. Копия «Заметок III» относится к более позднему времени. Она снабжена обложкой, на которой рукой Хайдеггера написано: «Засекретить вместе с черными тетрадями 6 т<омов>». Эта копия, скорее всего, изготовлена Доротеей Вьетта. Все <машинописные> копии содержат сделанные от руки исправления,

а также слова на греческом языке, которые невозможно было напечатать на машинке. Копии «Заметок I», очевидно, не существует. Д-р Герман Хайдеггер осуществил сверку всех доступных ему копий.

Я еще раз транскрибировал все тексты на основе рукописей, постоянно сверяясь с имеющимися копиями. После этого я провел сверку копий. В заключение корректуру гранок и верстки держал я, а также моя сотрудница и студентка Катрин Лагати.

«Заметки I–IX» состоят из коротких и довольно длинных текстовых пассажей, следующих друг за другом без нумерации.

Буквы (a, b, c), которыми Хайдеггер обозначает кое-где первые страницы, а также номера страниц «Черных тетрадей», печатаются на полях страницы. Вопросительными знаками в квадратных скобках [?] помечены ненадежные варианты чтения. Все цифры-указатели в тексте Хайдеггера являются номерами страниц. Используемый Хайдеггером значок □ означает «рукопись».

В большей мере, чем в других томах собрания сочинений, некоторые высказывания Хайдеггера снабжены пояснениями. Это, в первую очередь, касается тех суждений, которые относятся к историческим событиям. Благодаря примечаниям читатель может установить, в какое время философ написал те или иные «Заметки». Краткими пояснениями (в квадратных скобках) снабжены также упоминания о некоторых персонажах и учреждениях, возможно, уже не известных читателям более молодого поколения. Очевидно, что здесь — в издании «последней (прижизненной) редакции» (Ausgabe «letzter Hand») — полнота обеспечена быть не может.

В некоторых местах, но весьма осторожно, я приводил своеобразное правописание Хайдеггера и характерное для него построение фраз в со-

ответствие с нормами. Вместе с тем я сознательно сохранил отдельные особенности. Также не были унифицированы известные используемые Хайдеггером приемы дефисного написания слов, и за немногими исключениями эти слова переданы в том виде, в каком они встречаются в рукописи.

* * *

Я признателен д-ру Герману Хайдеггеру и его преемнику адвокату Арнульфу Хайдеггеру за доверие, оказанное мне, и поручение издания «Черных тетрадей». Ютте Хайдеггер я выражаю благодарность за сверку настоящего тома и чтение корректуры верстки. Оберштудиенрата Детлева Хайдеггера я благодарю за изготовление первой машинописной копии. Хотелось бы выразить мою признательность Арнульфу Хайдеггеру и Витторио Э. Клостерманну за обсуждения вопросов настоящего издания. Благодарю также профессора д-ра Даниэля Гёске за прояснение цитаты из романа Мелвилла «Моби Дик». Моя благодарность профессору д-ру Бернду Мартину, сообщившему о местопребывании после войны личного дела Хайдеггера в университете имени Альберта и Людвига во Фрайбурге. Анастасию Урбан, сотрудницу издательства Витторио Клостерманна, я благодарю за постоянное доброжелательное и дружелюбное сотрудничество. Д-ру Ульриху фон Бюлову из Немецкого литературного архива в Марбахе-на-Неккаре я выражаю благодарность за помощь в организации доступа к рукописям. Выражаю признательность Катрин Лагати за внимательную корректорскую работу.

Дюссельдорф, 8 января 2015 г.
Петер Травны

Научное издание

Мартин Хайдеггер

ЗАМЕТКИ I–V

(Черные тетради 1942–1948)

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Корректор Ольга Черкасова
Дизайн обложки Валерий Коршунов
Верстка Ярослав Агеев

Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 27.07.2022.
Тираж 700 экз. Формат 84×108/32
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

Институт экономической политики
имени Егора Тимуровича Гайдара —

крупнейший российский научно-исследовательский и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся к исходному наименованию и ему было присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Задачей издательства является публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук, трудов классиков и современников.